

ПЮРБЕЕВ Г.Ц.

**ГРАММАТИКА
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА**

СИНТАКСИС

ПЮРБЕЕВ Григорий Церенович, главный научный сотрудник Института языкознания Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Республики Калмыкия – признанный в нашей стране и за рубежом специалист в области монгольской филологии. Автор более 150 научных работ, в том числе 8 монографий. Научные интересы Пюрбеева Г.Ц. связаны с изучением

проблем фразеологии, синтаксиса, терминологии, ономастики, языка письменных памятников и фольклорных произведений, лексикологии, лексикографии, лингвокультурологии.

Пюрбеев Г.Ц. – соредактор тома «Монгольские, тунгусо-маньчжурские, корейский и японские языки» в серии «Языки мира» (1997 г.), ответственный редактор трудов Б.Х. Тодаевой «Словарь языка ойратов Синьцзяна», «Джангар». Героический эпос ойрат-монголов» в 3-х томах, соавтор и ответственный редактор фундаментального лексикографического издания «Большой академический монгольско-русский словарь» в 4-х томах (2000-2002 гг.) и мн. др.

За заслуги в развитии отечественной науки, вклад в укрепление российско-монгольских отношений награжден орденами и медалями Российской Федерации и Монголии.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
КАЛМЫЦКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
КАЛМЫЦКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ПЮРБЕЕВ Г.Ц.

**ГРАММАТИКА
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА**

СИНТАКСИС

Элиста
2010

Научное издание
печатается по решению Ученого совета
Учреждения Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН

Ответственный редактор:

доктор филологических наук, профессор Т.А. Бертагаев

Редакционная коллегия:

И.К. Илишкин, Б.Д. Муниев, П.Ц. Биткеев, М.У. Монраев (1-е изд.)
Н.Г. Очирова, Г.М. Борликов, Э.У. Омакаева, В.Н. Мушаев,
Е.В. Бембеев (2-е пер. изд.)

Пюрбеев Г.Ц.

П 985 Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. – 2-е изд.,
перераб. – Элиста: КИГИ РАН, 2010. – 299 с.

Монография посвящена системному описанию синтаксического строя современного калмыцкого литературного языка. По многим вопросам в книге представлена оригинальная точка зрения автора, применены новые подходы к решению спорных вопросов синтаксиса на материале калмыцкого языка.

Книга адресована специалистам в области монгольского и калмыцкого языкознания, преподавателям, студентам, а также широкому кругу читателей.

ISBN 978-5-94587-429-9

© Учреждение Российской
академии наук
Калмыцкий институт
гуманитарных исследований
РАН, 2010

ОТ РЕДАКТОРА

Синтаксис в исследовании автора настоящего труда впервые в калмыковедении разработан на современном научном уровне и наиболее полном виде. Привлечение новейшего материала позволило автору вникнуть не только в сущность синтаксических процессов, происходящих в калмыцком языке, но и раскрыть те новые явления, которые утвердились на его нынешнем этапе функционирования. Данное описание представляет в известной мере исследовательский поиск, отражающий достижения монголистики в области синтаксиса. Материал, на котором базируется исследование, взят из произведений художественной и общественно-политической литературы. Привлекаются также фольклорные тексты, примеры из национального героического эпоса «Джангар» и периодической печати.

Первая часть Грамматики посвящена изучению синтаксиса простого предложения: особенностям его структуры и состава, классификации, анализу главных и второстепенных членов, способам их выражения и т.д.

Основы изучения сложных предложений монгольских языков заложил в половине XIX в. Алексей Бобровников, который выделил в своей «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» особый раздел о сочетании предложений. Однако к предложениям он относил все причастные и депричастные обороты независимо от особенностей их строения и состава. На одном уровне с ними рассматривались и подлинные предложения с формами глагола *гэхэ* (калм. *гix*) «произносить, говорить, сказывать». А. Бобровников наметил четыре типа «второстепенных предложений»: определительный, членный, составительный и вводный с участием глагола *гэхэ*. Его положения были оригинальными и во многих отношениях отражали истинную природу синтаксиса монгольских языков. К сожалению, последующее поколение монголистов (Н.Н. Поппе, Г.Д. Санжеев, Д.А. Алексеев, У.У. Очиров) сосредоточили свое основное внимание на так называемых развернутых членах предложения с субъектным именем, оставив в стороне огромный пласт предложений со строевыми служебными словами. Специфика синтаксических связей в такого рода сложных предложениях, их структурные типы впервые были описаны в «Грамматике бурятского языка» (М., 1962).

Следует отметить, что в разработку синтаксиса современного калмыцкого языка большой вклад внес У.У. Очиров, который в общих и основных чертах осветил строй простого и сложного предложений. Во всяком случае он положил начало специальным и более глубоким исследованиям по калмыцкому синтаксису на основе известных положений В. Котвича, А. Бобровникова и Г.Д. Санжеева. Однако приходится констатировать, что синтаксис калмыцкого сложного предложения еще не изучен в деталях. Учитывая это обстоятельство, автор данной монографии стремился максимально полнее осветить синтаксические явления в области калмыцкого предложения вообще и сложного в частности. В работе существенным образом уточняются условия употребления и значения союзных средств связи, выясняется полифункциональность речевого глагола *гix* и дается подробное изложение разнообразных видов сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, а также сложных конструкций бессоюзного и смешанного типа.

Т.А. Бертагаев

Из истории изучения калмыцкого синтаксиса

Уже в первых грамматиках [Попов 1847; Бобровников 1849] строй калмыцкого языка получил довольно полное освещение, особенно в отношении таких разделов, как фонетика и морфология. Что же касается синтаксиса, то основные вопросы данного раздела в упомянутых трудах не нашли должного отражения. Первостепенную задачу синтаксиса авторы видели в том, как «показанные в этимологии (или морфологии - Г.П.) элементы слагаются для составления речи» [Бобровников 1849: 223]. В соответствии с указанным пониманием главной задачи синтаксиса они стремились к изложению общих и частных законов расположения слов в калмыцком и вообще в монгольских языках, а также к указанию случаев отступления от них.

Наряду с учением о «словосочинении» (или сочетаниях слов) раздел «Синтаксис» в грамматиках А.В. Попова и А.А. Бобровникова включает и учение о предложении и его членах.

Синтаксис предложения более обстоятельно описан А. Бобровниковым, в чем можно убедиться даже из простого перечисления тех вопросов, которые им рассмотрены: о членах предложения, его составе, сочетаниях предложений и др.

Согласно синтаксическим взглядам А. Бобровникова, в зависимости от формы и положения глагола следует различать четыре типа второстепенных предложений (или что то же самое – причастных оборотов), которые могут быть определительными, членными, составительными и вводными, и которые различным образом сочетаются с основным предложением.

Как в грамматике А. Попова, так и в грамматике А. Бобровникова большое внимание уделяется синтаксису падежей, в частности характеристике их значения и употребления. Так как первые грамматические описания калмыцкого языка целиком были построены на материале литературно-письменного языка, то, естественно, в них вскрываются в той или иной мере черты книжного стиля. Например, наличие соответствующих показателей при подлежащем (*хэмэху, бол, болхула, ину*) и сказуемом (*аху, бұхуй, ажгиху*), не характерных для разговорного языка. В целом же рассматриваемые труды еще не утратили своего значения и продолжают служить источниками лингвистических сведений и необходимым подспорьем при практическом усвоении старокалмыцкого письма.

В работах последующего периода проблема синтаксиса затрагивалась в трудах В.Л. Котвича [Котвич 1929]. Не ограничиваясь общими замечаниями о построении калмыцкой речи, он сделал ряд конкретных наблюдений в области сочетания слов и предложений. Это относится в первую очередь к таким важнейшим синтаксическим явлениям, как характер и формы выражения сказуемого в сложном предложении, порядок расположения его частей, особенности отдельных предложений.

Однако подход В. Котвича к сложным предложениям страдает известной негативностью: например, он полностью отрицает существование в калмыцком языке союзов и вообще соединительных слов, утверждает что «полных придаточных предложений, подобных существующим в русском языке, калмыцкий не знает». Кроме этого, оставаясь верным взглядам своих предшественников, он отнес причастные и деепричастные конструкции к типу придаточных предложений.

Реальные условия для изучения круга синтаксических вопросов в калмыцком языкознании появились лишь к сороковым годам XX века, когда в предшествующие два десятилетия после Октябрьской революции были решены такие первоочередные задачи языкового строительства в республике, как замена старого заяпандитского алфавита новым, усовершенствование графики и орфографии родного языка, создание учебников и программно-методических пособий для калмыцкой школы, подготовка ученых-языковедов из среды самих носителей языка.

Учебные грамматики и пособия по калмыцкому языку, составленные в 30-40-е годы Б.Б. Бадмаевым, Б.К. Пашковым, Д.А. Павловым, У.У. Очировым и др., сыграли немаловажную роль в дальнейшем изучении калмыцкого языка, подготовке и издании первого серьезного труда по строю данного языка [Санжеев 1940].

В книге, кроме фонетического и морфологического очерка, дано описание важнейших явлений из области синтаксиса. При освещении калмыцкого синтаксиса автор исходил из тех же положений и предпосылок, которые легли в основу построения его «Синтаксиса монгольских языков» [Санжеев 1934]. В рассматриваемой работе прежде всего обращает внимание ограничение объема синтаксиса сферой предложения и анализом его членов. По мнению Г.Д. Санжеева, «предметом синтаксиса, строго говоря, должно быть только полное предложение». Поэтому о синтаксисе словосочетания нет никакого упоминания.

Калмыцкие предложения делятся им на два разряда: слитные и сочиненные. К первым он относит многосказуемые предложения с

одним подлежащим. Напр., *Нег арслн көгширад, аң баржс меңдг арһнь тасрад нүкндән орад, худлар гелтсн болад кевтв.* «Один лев, состарившись, потерял способность ловить зверей и, забравшись в свою нору, притворился больным». Здесь он останавливается на некоторых особенностях оформления сказуемых деепричастиями. Сочиненное предложение трактуется как предложение, в котором каждое из сказуемых имеет свое особое подлежащее. Ср.: *Бийнь бичкн, дунь ик.* «Сам мал, а голос громкий». *Доржс умив, түүнэ хөөн Долан бичв.* «Дорджи начал читать, а Долан за ним – писать».

В сочиненных предложениях, где сказуемое первой части выражено разделительным (реже соединительным) деепричастием, а сказуемое второй части – изъявительной формой, имеет место, по наблюдениям автора, паратаксическое, неоформленное подчинение, улавливаемое лишь логически. Напр., *Хавр болад, цасн хээлнэ.* «Весна наступает и снег тает».

После краткого описания двух указанных типов предложения и общих замечаний о составе и минимуме предложения (сказуемое в лично-предикативной форме) Г.Д. Санжеев переходит к подробному освещению главных и второстепенных членов предложения: сказуемого, подлежащего, дополнения и определения. Как видим, среди второстепенных членов не значится обстоятельство. Все многочисленные типы обстоятельств автором расцениваются как различные виды дополнений. Однако в области простого предложения проблема принципов определения границ между отдельными типами дополнения, с одной стороны, и обстоятельства – с другой, продолжает и в настоящее время оставаться наиболее спорной и трудной для всех монголистов.

С точки зрения синтаксического анализа калмыцкого предложения в упомянутой «Грамматике...» Г.Д. Санжеева наибольший интерес представляет раздел о «развернутых членах», под которыми имеются в виду причастия и деепричастия с их «надстройкой», т.е. с относящимися к ним словами. Высказывания Г.Д. Санжеева о «развернутых членах предложения» базируются на идее А. Бобровникова об основных и второстепенных предложениях и непосредственно исходят из синтаксических функций, выполняемых причастным и деепричастным оборотами. В заключение раздела «О развернутых членах предложения» Г.Д. Санжеев приходит к выводу, что «в калмыцком языке наличие причастных и деепричастных оборотов устраняет необходимость в различного рода придаточных предложениях, каковые в этом языке... отсутствуют». На-

ряду с этим Г.Д. Санжеев признал существование придаточных предложений в виде оборотов с относительными местоимениями, сказуемыми которых оказываются изъявительные формы. Например: *Хама баанач, тендан ба*. «Где живешь, там и живи»; *Кен икар кэдлна, тер икар олна*. «Кто много работает, тот много и получает». Но подобного рода примеры он считает крайне редкими и в большинстве случаев вызванными влиянием русского языка. Между тем материалы по сложно-подчиненному предложению, имеющиеся в «Грамматике калмыцкого языка» У.У. Очирова, уже опровергают мнение Г.Д. Санжеева об отсутствии или крайне редком употреблении придаточных предложений в калмыцком языке [Очиров 1964: 193-221]. Во-вторых, при разработке синтаксиса калмыцкого предложения Г.Д. Санжеев оперировал очень скудным материалом, что, естественно, отразилось и на выводах. При изложении синтаксиса исследователь обошел молчанием ряд важных вопросов. Например, не проанализированы способы связи слов в калмыцком языке, синтаксические функции глагола *гix* «говорить, сказать, называть», а также вводные обороты и вставные предложения. Выше уже говорилось, что о синтаксисе словосочетания в данной работе никаких сведений нет.

К числу работ, в которых рассматриваются отдельные вопросы калмыцкого синтаксиса, нужно отнести диссертацию Б.Х. Тодаевой «Семантика и синтаксические функции падежей в монголо-ойратских наречиях» [Тодаева 1946]. Обращая внимание на обилие падежных форм в калмыцком языке, исследователь тщательно вскрывает выражаемые ими значения и смысловые оттенки, прослеживает их синтаксические функции и расположение словосочетаний в предложении. Кроме того, в работе содержится подробное описание роли и значений послелогов в калмыцком языке [Тодаева 1960: 163-191; 1962: 143-149].

Одному из актуальных вопросов синтаксиса калмыцкого языка посвящена диссертационная работа Д.А. Сусевой «Глагольные словосочетания в современном калмыцком языке».

В ней автор делает попытку раскрыть специфические особенности структуры глагольных словосочетаний, изучить соотношение лексических и грамматических значений компонентов данных словосочетаний и показать, какие области исследования калмыцкого синтаксиса открываются в связи с изучением данной категории.

Выделение словосочетания в качестве особой синтаксической категории способствует изучению связей слов во всей их сложности и

тем самым помогает вскрыть сдвиги, происходящие в структуре, семантике и функциях словосочетаний в ходе исторического развития языка в целом. Поэтому процессы, наблюдаемые в словосочетаниях, отражаются со временем и на структуре предложений. В результате постепенных фонетико-морфологических изменений словосочетания нередко переходят в качественно другие образования: сложные слова, аналитические формы и фразеологизмы. Таким образом, покидая область синтаксиса, словосочетания перемещаются в морфологию и лексику и соответственно этому в предложении играют роль одного члена предложения.

Опубликованные Д.А. Сусевой статьи и сообщения [Сусева 1962, 1964] по теме ее диссертации положили начало активному изучению всех видов словосочетаний калмыцкого языка. Например, именные словосочетания рассмотрены У.У. Очировым, аналитические конструкции и аналитические формы вида, грамматически являющиеся эквивалентами слов, а по построению – сочетаниями знаменательного и служебного слова, послужили объектом исследования кандидатской диссертации М.Д. Онджановой; описанию фразеологических словосочетаний (преимущественно глагольного типа) посвящены статьи Г.Ц. Пюрбеева [Очиров 1964; Онджанова 1967, 1969; Пюрбеев 1969, 1970].

Первым опытом более полного освещения синтаксиса современного калмыцкого языка является «Грамматика калмыцкого языка» У.У. Очирова, построенная на значительном и оригинальном текстовом материале родного языка. Однако данная работа, являясь учебным пособием для вуза, естественно, не может претендовать на исчерпывающее научное описание. Составитель пособия рассматривает главным образом проблемы простого предложения: особенности его структуры, характер грамматической связи слов, члены предложения и т.д. [Очиров 1964].

Анализируя наиболее типичные явления в синтаксисе современного калмыцкого языка, автор сумел в общих чертах проследить те изменения, которые произошли в этой области за последние десятилетия.

Раздел «Сложное предложение» занимает небольшое место: ему отводится лишь пятая часть работы. Основные типы сочинительных и подчинительных предложений рассмотрены весьма схематично.

Определяя грамматические признаки придаточных предложений (наличие подлежащего и относительно самостоятельного сказуемого, особая интонация сообщения, модальность), У.У. Очиров приходит к

существенно важному выводу: в современном калмыцком языке намечаются почти все виды придаточных предложений, которые известны в русском языке; в качестве главных связующих средств в сложноподчиненных предложениях выступают служебно-вспомогательные слова (послелоги-союзы, относительные местоимения, различные формы глагола *гix* и др.) [Очиров 1962].

Отдельные наблюдения и замечания по синтаксису калмыцкого языка можно найти в ряде обобщающих статей. См., например [Тодаева 1968:48-49; Илишкин 1972: 57-63; Номинханов 1964: 142].

ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Основные признаки предложения

Предложение – это единица речи, грамматически оформленная по нормам того или иного языка и выполняющая функцию коммуникации. Являясь самостоятельной единицей сообщения, предложение противопоставлено слову и словосочетанию, хотя формальное совпадение их может иметь место. Предложение отличается от слова и словосочетания прежде всего по своей функциональной природе: оно призвано выражать акт мысли и волеизъявления говорящего, а слово и словосочетание лишь обозначают и называют какое-либо понятие. Поэтому предложение является коммуникативной единицей, а слово и словосочетание – номинативными.

В отличие от слова и словосочетания предложению свойственны только ему присущие признаки и категории. В первую очередь – это интонация законченности, категории модальности, времени и лица, объединяющиеся в более общее понятие – грамматическую категорию предикативности. Какова же сущность этих категорий и какими средствами они выражаются в калмыцком языке?

Под категорией модальности прежде всего имеется в виду отношение содержания высказывания к объективной действительности. Сообщаемое может представляться реальным и осознаваться как факт настоящего, прошлого или будущего и нереальным (желательным, предполагаемым, допустимым). Модальность, реализующая значение реальности / нереальности сообщаемого, называется объективной. Она не включает отношения говорящего лица к тому, что отражается предложением. Если же говорящий пропускает то или иное высказывание через призму собственного восприятия, то модальность будет носить субъективный характер. Ср., например, объективно-модальную конструкцию *Хур оржана*. «Дождь идет» и субъективно-модальную *Хур оржах кевта*. «Дождь, кажется, идет».

Значение модальности (объективной и субъективной) передается в калмыцком языке различными средствами: модальными словами и частицами, формами наклонения, интонацией.

Лексически модальность в калмыцком языке выражается главным образом словами со значением намерения, желания, долженствования, вероятности, возможности и т.д. Таковы лексемы *саната* (*кех саната*

«намерен делать»), *йоста* (*ирх йоста* «должен прийти»), *кергтэ* (*умиш кергтэ* «надо читать»), *кевтэ* (*баэх кевтэ* «очевидно, имеется»), *билтэ* (*чини билтэ* «вероятно твой») и др.

При помощи самых разнообразных частиц выражаются частные значения модальности, их всевозможные оттенки: предположение, сомнение, утверждение, отрицание, вопрос и т.п. Примеры: *Хотна улс хурсн биз...* (Доржин Б., Ч.х., 211) «Хотонцы (люди хотона), может быть, собрались». *Эрвң куукн өрүн гегэнэс даву сээхн санжэ* (Доржин Б., М.о., 141) «Девушка по имени Эрбен, оказывается, красивее даже утренней зари». *Көөрк цаадк көвүнчн нарнд шатх бишв* (Эрнжэнэ К., Н.х., 33) «Разве не будет бедный мальчик обжигаться под палящим солнцем». *Я, эдндчнь сэ кеһэд тус уга юмнл* (Доржин Б., Ч.х., 63) «А, для них делать добро бесполезно». *Тер хургт нанд үг өгсн угалм* (Бадмин А., Э.б., 39) «Ведь мне на том собрании не дали слова». *Бата бийнь сэн болву?* (Эрнжэнэ К., Н.х., 45) «Выздоровел ли Бата?».

Модальные частицы, употребляясь при именных и причастных формах, усиливают их сказуемостную (предикативную) функцию. Поэтому они играют важную роль в грамматическом оформлении предложения.

Как было указано выше, модальность может быть выражена и средствами интонации. Именно интонационные различия предложений (побуждение, восклицание, вопрос) лежат в основе их деления на модальные типы.

Необходимо особо отметить, что интонация, будучи формой выражения категории модальности, а значит и предикативности, вообще выступает как ведущий фактор предложения. Только благодаря интонации отдельные слова и словосочетания становятся предложением. Ср., например, словосочетание *одта сө* «звездная ночь», а также слово *тагчг* «тишина, тихо» и соответствующие односоставные назывные предложения *Одта сө. Тагчг.* «Звездная ночь. Тишина». Они обладают интонацией повествования, что и позволяет выделить их как предложения. «Независимо от того, распространенное предложение или нераспространенное, полное или неполное, многословное или однословное, критерием выделения предложения, — замечает Т.А. Бертагаев, — является интонация законченности или сообщения» [Бертагаев 1964: 28].

В число других постоянных признаков предложения, как было уже указано, входит и категория времени. Временное значение предложения в калмыцком языке выражается системой форм изъявительного,

повелительно-желательного наклонений, а также формами причастий и деепричастий и глаголами-связками. Следует отметить, что временное значение предложения как синтаксическая категория значительно шире, чем собственно морфологическая категория времени, присущая формам глагола-сказуемого. Так, например, в предложении *Куукд дегтр умишжана* «Дети читают книгу» имеется в наличии и морфологическая категория времени, выраженная формой настоящего времени изъявительного наклонения, и синтаксическая категория времени, характеризующая данное предложение в целом. А в предложениях *Зун. Халун өдр.* «Лето. Жаркий день» есть только «синтаксическое значение времени — создаваемое ситуацией и контекстом речи» [Виноградов 1955: 406].

Из сказанного можно заключить, что основными признаками предложения являются интонационная завершенность, значение модальности и синтаксического времени, которые в комплексе образуют категорию предикативности, устанавливающую отнесенность содержания предложения к действительности. Таким образом, общим грамматическим значением предложения выступает предикативность [Шведова 1967: 9].

Классификация предложений

Будучи предикативной единицей, предложение характеризуется многообразием типов. Конкретнее типы предложений выделяются на основе различных классификационных признаков. Такими признаками являются: характер отношения сообщаемого к действительности (т.е. модальность), цель сообщения или высказывания, состав предложения, полнота или неполнота его структуры, наличие или отсутствие второстепенных членов и количество самостоятельных частей.

В соответствии с данными признаками в калмыцком языке выделяются следующие типы предложений: утвердительные, отрицательные; повествовательные, побудительные, вопросительные и восклицательные; односоставные и двусоставные; полные и неполные, распространенные и нераспространенные, простые и сложные.

Утвердительные и отрицательные предложения

Выделение данных типов предложений связано с модальностью утверждения или отрицания, или, иначе говоря, с характером отноше-

ния содержания предложения к объективной реальности. Предложение называется утвердительным, если связь между предметом мысли (подлежащим) и тем, что о нем говорится (сказуемым), мыслится как объективно существующая. Например, в предложении *Салькн өдрин дуусн аздлв* (Х.п.а., 153). «Ветер бесновался весь день» утверждается наличие связи между предметом мысли *салькн* «ветер» и действием *аздлв* «бесновался» как реальный факт. Если же эта связь отрицается как не существующая в реальности, то предложение будет отрицательным. Так, в предложении *Мана тег аңгар байн биш* «Наша степь не богата зверями» констатируется отсутствие связи между предметом речи *тег* «степь» и тем, что о нем высказывается – *байн биш* «не богата». Иными словами, отрицается наличие данного признака.

Интонация утвердительного предложения характеризуется обычно логическим выделением сказуемого, которое часто сопровождается специальными частицами подтверждения *-л, -ла, -лэ, -мн* и словом *мөн*: *Догшин Шар Мерген үлдэж* (Х.ф., 48). «Свирепый Шар Мерген остался». *Жирһн көдлдг Найнтанкн жилин өвсэн авлала* (Х.т., 105). «Радостно работающие Найнтанкины заготовили сено на год». *Долда болсн зүркнь дотран бульглад одвла* (Х.ф., 133). «Сердце его, с комочек, забилося в груди». *Дурн гисн кезэд чигн хар сананас даву бөк мөн* (Доржин Б., М.о., 145). «Любовь ведь всегда сильнее зла». *Серкөн Баату ишишлц нааран иржэнэлм...* (Доржин Б., Ч.х., 186). «Ведь сюда специально приезжает Серкиев Бату».

Сказуемое утвердительного предложения, если оно выражено одной из форм изъявительного наклонения, может принимать частицу безусловного подтверждения *- ус, - үс*: *Эн машинэ эзн кем болжсахмб?* - *Би болнус* (Доржин Б., М.о., 49). - Кто является хозяином этой машины? – Конечно, я. *Бидн өцклдүр хамдан ирлус*. «Мы же вчера вместе прибыли». *Хамг олн эрдмин хаалһс өмнтн замрлус* (Баснга Б., Б.о., 541). «Ведь открылись перед вами (молодежью) дороги всех знаний и наук».

Утвердительные предложения могут легко преобразоваться в отрицательные с помощью частиц *эс, биш, -ш, уга (-го)*, а также посредством запретительной частицы *бичэ (бичкэ)*. Ср. предложения: *Эндр киитн*. «Сегодня холодно». - *Эндр киитн биш*. «Сегодня не холодно». *Бичкдүд нааджана*. «Малыши играют». - *Бичкдүд нааджахи*. «Малыши не играют». *Аав ирв*. «Отец пришел». - *Аав ирэд уга (Аав эс ирж)*. «Отец не пришел (не приходил) еще». *Дегтр хулдэж авхм* «Будем покупать книги». - *Дегтр хулдэж авхм биш*. «Не будем покупать книги».

Из приведенных примеров видно, что при преобразовании утвердительных предложений в отрицательные структурный тип их не видоизменяется: они остаются либо односоставными (первое предложение), либо двусоставными (все остальные). В калмыцком языке, как и в русском, отрицательными не могут быть только номинативные, или назывные предложения. *Дэдрхн балһсн. 1942 жилин октябрин 15* (Доржин Б., М.о., 119). «Город Астрахань. 15 октября 1942 года».

Необходимо отметить, что отрицание распространяется на все предложения лишь в том случае, если оно идет от сказуемого. Например: *Тиигхд хальмгуд нуудг авьясан хаяд уга билэ* (Эрнжэнэ К., Ы.х., 605). «Тогда калмыки еще не оставили привычку кочевать».

Известный русский синтаксист А.М. Пешковский подчеркивал, что «именно только отрицание, стоящее при сказуемом, делает все высказывание отрицательным, отрицание же, стоящее при другом каком-либо члене, не колеблет общего утвердительного смысла высказывания» [Пешковский 1956: 387]. Так, в предложении *Терчн эс медсар бэәһэд бэәнэ*. «Он ведет себя так, будто ничего не знает» отрицание *эс* относится к обстоятельству, выраженному продолжительным деепричастием *медсар*, а не к предложению в целом. Еще пример: *Бийәнчн, манигчн зовал уга келхнчн* (Бадмин А., У.э., 94) «Скажи-ка, не мучая себя, ни нас». Отрицательный смысл предложения может усиливаться благодаря местоименным словам в сочетании с частицей *чигн, - чн*: *Аав ээжүн ач-тус кезэ чигн мартгдиго*. «Никогда не забудется родительское внимание и забота». *Эн ик чолуг көндэх арһ кенд чигн уга*. «Никому не дано сдвинуть этот тяжелый камень».

Однако предложение с отрицанием при сказуемом не всегда может иметь отрицательный смысл. Он отсутствует, например, в предложении с двумя отрицаниями при сказуемом [Пюрбеев 1976]. *Бидн эвэн эс олхм биш* (Баснга Б., Б.о., 245). «Будто мы не поладим».

Отрицательный смысл предложения теряется и в случаях, когда с помощью частицы отрицания передается обобщительное значение, а также значение предположения. Например: *Баһ дүүвр цагтан кен эс дурлдг билэ?* «Кто в молодости не любил?». Выше уже отмечалось, что наличие частиц отрицания не всегда говорит об отрицательном смысле предложения. Иногда в предложении может отсутствовать формальный признак негативности, но содержание его в скрытом виде включает отрицание. Такое явление наблюдается чаще всего в сфере разговорной речи, насыщенной модально-экспрессивными оттенками. Например:

Чи ма хойр бичэч болдгнь бээхнь бээжл. «Будет уж нам с тобой быть писателями». В данном предложении в иронической манере выражается отрицательное утверждение: «писателями нам не быть». Ср. еще: *Ода яахв. Тэвсн хув.* «Что теперь поделаешь. Судьба».

Повествовательные, вопросительные и побудительные предложения

В основу деления предложений на указанные типы положено их различие по цели высказывания. Целевая установка повествовательного предложения заключается в простой констатации какого-либо явления, факта, события реального мира.

Интонация повествовательного предложения, как утвердительного, так и отрицательного, отличается спокойной тональностью, понижающейся незаметно в конце. Предложения данного типа несут на себе печать объективности сообщаемого. *Кезэнэ бээж. Эмгн өвгн хойр нег көвүтэ бээж. Гер мал уга, угатя бээж. Цагнь болад эмгн өвгн хойр өңгрэж одв. Арвн нурвта көвүн өнчрэд үлдв* (Х.т., 159). «Давно это было. Жили старик и старуха. Был у них один сын. Жили они бедно: не имели ни юрты, ни скота. Пришло время, и старик со старухой умерли. Тринадцатилетний мальчик остался сиротой».

В силу нейтральности интонации повествовательное предложение очень часто используется при изложении событий и картин, требующих объективного отношения со стороны говорящего или пишущего.

В отличие от повествовательных, вопросительное предложение имеет своей целью выяснить то, что интересует говорящего, что ему неизвестно или непонятно. Вопросительные предложения в калмыцком языке имеют разные средства оформления. В первую очередь они характеризуются наличием вопросительной интонации, например: - *Мана хөөч гидгтн энв?* (Эрнжэнэ К., Н.х., 94). «Так он и есть наш пастьх?». *Иигэж засх чамд ю келэв?* (Баснга Б., Б.о., 139). «Что я сделал тебе, чтобы так наказывать?». *Бакдг яхла?* (Доржин Б., Ч.х., 9). «Куда девался Бакдык?».

Вопросительные предложения имеют при себе специальные частицы вопроса, а также вопросительные местоимения и наречия. Примеры: *Нэ, авн, альд йовбт?* (Доржин Б., Ч.х., 12). «Ну, дядя, где вы были?». *Мал-гернь ямаран?* (Там же, 13). «Какое у него хозяйство?». *Эднчн яһжэхмби?* (Баснга Б., Б.о., 420). «Что они делают?». *Ээж керлдж*

бээхий? (Там же, 475). «Не ругается мама?». *Альков, кен түрүлж келхар бээнэ?* (Эрнжэнэ К., Н.х., 171). «А ну-ка, кто хочет говорить первым?». *Сурһульдан оратад йовхла сэний?* (Там же, стр. 342). «Разве хорошо опаздывать на занятия?».

Среди вопросительных предложений имеются собственно вопросительные, вопросительно-побудительные и риторические. Собственно вопросительные предложения всегда содержат вопрос, на который требуется дать ответ: - *Залуһинчнь нернь кемб? Ода альд бээнэ?* (Бадмин А., У.э., 93). «Как звать твоего мужа? Где он сейчас?». - *Юн шууган болжэхмби?* (Там же, стр. 227) «Что за шум?». В некоторых вопросительных предложениях совмещается побудительная интонация. В таких случаях говорящий как бы побуждает собеседника посредством энергичного вопроса к тому или иному действию. Например: *Малан услурт орулх эс билүт?* «Разве не следует гнать скот на водопой?». *Та нанта хамдан суух бишивт?* «Разве вы не со мной должны сесть?». *Юнгад дегтр эс умшинач?* «Почему не читаешь книгу?». *Тагчг суухла яһна?* «Разве нельзя посидеть молча?».

Вопросительные предложения по характеру могут быть риторическими, т.е. не требующими ответа, поскольку он подразумевается в самом вопросе. Вопросительно-риторические предложения часты не только в разговорной речи, но и в языке художественных произведений. Примеры: *Наадк цаадкинэ эс меджэх Закар ямаран дала ачта хэру өгч чадх билэ* (Доржин Б., Ч.х., 13). «Разве сможет дать дельный ответ Закар, который не знает все тонкости дела». *Нохата болхла, сэн болх биший* «Ведь хорошо же, если иметь собаку».

Подобные предложения являются вопросительными, но они выражают риторический вопрос, различно эмоционально и экспрессивно окрашенный, который, как правило, не требует ответа [Шеввернина 1974: 323].

Вопросительно-риторические предложения, входя в состав сложных предложений, оформляются специальными риторическими союзами.

В некоторых вопросительно-риторических предложениях вопрос может быть ослабленным. Это характерно, например, для предложений, в которых сказуемое выражено причастием будущего времени со связкой *билэ*. Причем в их составе хотя и отсутствует грамматически выраженное отрицание, но все предложение имеет негативный (отрицательный) смысл. Например: *Бичэ ууль. Кен чамаг көндэх билэ.* «Не

плачь. Кто тебя будет трогать». В этом предложении скрыто обратное утверждение: «Никто тебя не тронет».

Побудительные предложения преследуют цель выражения волеизъявления говорящего лица. По характеру и формам реализации они могут быть самыми разнообразными. Побудительные предложения в зависимости от интонации передают либо простое побуждение к действию, либо приказание (категорическое, некатегорическое), либо просьбу и пожелание совершить то или иное действие. Например: *Залус, шамдх билэ. Ора болжэ йовна.* «Мужчины, надо бы поторопиться. Становится поздно». *Шатрч хан келжэна: «Көвүн, нег шатр тэвлитхэ»* (Х.т., 23). «Хан-шахматист говорит: «Мальчик, сыграем-ка разок в шахматы». *Э-эй, Кемя. Серлч. Бос гинэв...* (Доржин Б., Ч.х., 16). «Эй, Кемя. Приснись. Вставай... - говорю». *Манд юмн керго, өклэ шар ямана арсан өгтн* (Х.т., 49). «Нам ничего не нужно. Если дадите, то шкуру желтой козы». *Өрүндэн эртэр шулун хэрү көндржэ үз...* (Доржин Б., Ч.х., 23). «Постарайся утром пораньше не мешкая тронуться в обратный путь...».

Побудительные предложения могут выражать угрозу, предостережение, призыв и приглашение к совместному действию: *Зогсжэатн зуг, кишго нохас* (Баснга Б., Б.о., 361). «Ну, погодите, собаки». *Таимг авад тоосинь харх билэ* (Там же, стр. 340). «Взять бы плеть и выбить пыль (т.е. побить)». *Чамаг йир... чамас эс авдмн болхнь* (Доржин Б., Ч.х., 35). «Ну погоди, у меня... задам тебе трепку». *Дэкч нүдндм үзгдвэзч.* «Только покажись еще на мои глаза». *Болһажэ йовтн. Унжэ одвзат.* «Идите осторожнее. Как бы вы не упали». *Угта зээсгүдэн даржэ Улана йосан батлий* (Х.а., 128). «Уничтожим знатных зайсангов и укрепим власть Красных». *Туган өргцхэй, дегү дуулицхай.* «Поднимем знамя и запоем разом».

В побудительном предложении некоторые из указанных значений (просьба, приглашение, некатегорический приказ и т.д.) могут совмещаться и выступать в сложном переплетении. Выделение того или иного значения целиком определяется интонацией.

Помимо интонации побудительные предложения оформляются при помощи такого морфологического средства, как формы глаголов повелительно-желательного склонения. При этом побудительное значение нередко усиливается частицами, которые употребляются в составе побудительного предложения. Например: *Йир, чи болһажэ* «Смотри, будь осторожен». *Альков өглч нааран* «А ну-ка дай сюда». *Зуг арһулджэатн...* «Ну, погодите...». *Нэ болх.* «Ну хватит».

Однако побудительное предложение со значением намерения и желания может оформляться посредством глагола-сказуемого, выраженного формой совместного залога: *Бидн тана нааднд орлүхвдн.* «Мы будем участвовать в вашей игре».

Побудительные предложения со значением желания выступают со сказуемым в форме будущего причастия с притяжательной частицей 3-го лица - *нь*: *Биилэд авхнь.* «Сплясать бы». *Амрад суухнь.* «Посидеть бы и отдохнуть». Таким образом, признаком побудительного предложения не всегда являются глаголы повелительно-желательного склонения.

В разговорной речи, где большую роль играет ситуация, они как формы выражения могут вообще опускаться, эллиптироваться. Ср., например, такие побудительные предложения, как: *Шулуһар!* «Быстрее!» – *Шулуһар йов.* «Быстрее иди». *Нааран* «Сюда!» – *Нааран ир* «Иди сюда». *Ус!* «Воды» – *Ус өгтн!* «Дайте воды». *Суулһ!* *Суулһ!* *Шулүдтн!* (Баснга Б., Б.о., 452). «Ведро! Ведро! Поскорее» – *Суулһ шулуһар өгтн!* «Дайте поскорее ведро!».

Восклицательные предложения

Если предыдущие три типа предложений (повествовательные, вопросительные и побудительные) различаются по цели высказывания, то восклицательные предложения выделяются по другому признаку – по особой эмоциональности. Интонация восклицательных предложений передает эмоциональное состояние говорящего: радость, восторг, удивление, огорчение, досаду, гнев и т.д. Например: *Йо, дэрк, дэрк, Чүүчэ, нойон болна гидгчн эн!* (Баснга Б., Б.о., 244). «О, пресвятая богородица. Вот и стал ты, Чючя, нойоном!». *О... Теңр, һазр, Кемя минь, Кемя минь!* (Там же, стр. 178). «О, небо и земля, Кемя моя, Кемя моя». *Ай һацата юмби!* «Ах, какая досада!». *Хээрн мал, хээрн мал... Мууха муульв!* «Как жаль скотину... Какая напасть!». *Халэ, халэ... Яһжэхмб энчн!* «Гляди, гляди! Что он делает!». - *Кишго ноха! ... Алчкнав!* (Баснга Б., Б.о., 222). «Паршивый пес!.. Убью!».

Эмоциональная окрашенность восклицательных предложений подчеркивается употреблением различных междометных частиц и местоименных слов: *О, олн бурхд минь!* «О, боги мои!». *Ай-ай! Болһатн...* «Ай, ай! Осторожнее!». *Йоста коммунист гидг эн!* «Вот это настоящий коммунист!». *Яхв ода!* «А что поделать теперь!». *Ямаран гинэт!* «Ска-

жите, каков!». *Пө! яһсн хурдн мөрмб!* «Ух, какая быстрая лошадь!».
-*Уй, өглөг яахмн билэ!* (Эрнжэнэ К., Н.х., 45). «- Ой, как же не дать!».

Эмоциональный характер могут иметь повествовательные, вопросительные и побудительные предложения. В таких случаях интонация предложения является сложной: повествовательно-восклицательной, вопросительно-восклицательной и побудительно-восклицательной. Приведем соответствующие примеры: *Кургэнэ цаһан шишртэ кер маңнадж йовна!!!* (Эрнжэнэ К., Н.х., 52). «Белоногий гнедко зятя идет первым!!!». *Ода иигэд алад бээснтн энв?!* (Баснга Б., Б.о., 255). «Вот так и будете убивать меня?!». *Навц-Шарап, намас иигэж өшэһэн авхар билчи?!* (Там же, 256). «Габан-Шарап, так ты хотел разделаться со мной?!». *Альков, Босха, бишлэд оркч!* «А ну, Босха, спляши-ка!».

Распространенные и нераспространенные предложения

Предложение, которое построено только на базе главных членов – подлежащего и сказуемого – называется нераспространенным: *Зурми ишкрнэ.* «Суслик свистит». *Адун идишлэж йовна.* «Табун пасется». *Салькляжана.* «Ветренно». *Бакдг Манжэ хойр аашна.* «Идут Бакдык и Манджи». *Тег. Өрүн...* «Степь. Утро...»

Если в предложении, кроме главных членов, имеются второстепенные члены, то такое предложение называется распространенным. Например: *Хазг куутрин захд негхн хальмг гер-бул, сохрсн бичкн хойр терзтэ, маштг герт бээлэ.* (Бадмин А., У.э., 22). «На краю казачьего хутора в низеньком домике с двумя маленькими подслеповатыми окошками жила одна-единственная калмыцкая семья». *Доржэ байна герин нег хора* (Баснга Б., Б.о., 435). «Одна из комнат в доме богача Дорджи». *Һаза йоста кевэр дуларчана.* «На улице по-настоящему становится тепло».

Распространяться могут не только главные члены предложения (подлежащее и сказуемое), но и сами второстепенные члены, имея при себе поясняющее слово или оборот.

Любое минимальное в своем объеме предложение за счет распространения по линии главных и второстепенных членов может количественно увеличиваться и осложняться. Например: *Эмтин захин скамейк деер, һаңгин көвкр уулнэ зүстэ, бор шеемг костюмта, чиндр цаһан килг деер намч эртэ хар галстук боосн, нарна толяс нүдэн хальчлсн өвр шитэ хар козлдурта залу газет хэлэжэ сууна* (Балакан А., Булг, 7).

«На самой крайней скамейке сидит, читая газету мужчина в темных очках с роговой оправой, в пепельно-серого цвета шерстяном костюме и белоснежной рубашке, на которой повязан цветастый черный галстук». Данное предложение простое, осложненное, его структура следующая. При подлежащем *залу «мужчина»* имеются зависимые второстепенные члены: дополнения *козлдурта «в очках»*, *костюмта «в костюме»* и причастие-определение *боосн «повязавший»*. Указанные второстепенные члены в свою очередь сопровождаются поясняющими их словами – определениями и дополнениями. Сказуемое *сууна «сидит»* в рассматриваемом предложении менее осложнено: при нем два обстоятельственных члена – *скамейк деер «на скамейке»* и *хэлэжэ «смотря»*, которые в своем подчинении имеют соответственно определение *эмтин захин «самая крайняя»* и дополнение *газет «газету»*.

Калмыцкое простое предложение обнаруживает склонность к обрастанию различными оборотами – причастными и деепричастными, которые порой бывают очень громоздкими. А это ведет к общему осложнению предложения.

Полные и неполные предложения

Разграничение полных и неполных предложений связано с наличием или отсутствием того или иного члена. Если структура первых характеризуется максимальной полнотой, формальным присутствием всех его членов, то структура неполных предложений отмечена своеобразным «пробелом» - пропуском одного или нескольких членов. Однако от этого предложение не становится менее понятным. Особенность употребления неполных предложений состоит в том, что они всегда ориентированы на конкретную ситуацию общения, на контекст. Между полными и неполными предложениями существует определенная соотносительная связь: во-первых, само выделение неполных предложений обязано сопоставлению их с полными; во-вторых, они в известной мере взаимосвязаны в стилистическом плане. Неполные предложения в структурном отношении не создают особого типа. Они, как и полные предложения, относятся либо к односоставным, либо к двусоставным предложениям.

По характеру отсутствующего члена неполные предложения распадаются на предложения с отсутствующим подлежащим и предложения с опущенными второстепенными членами (дополнением, определением).

ем и обстоятельством). Сказуемое, как правило, подвергается пропуску в диалогической речи и пословично-поговорочных речениях, т.е. оно также может быть не названным.

Являясь порождением живой разговорной речи, неполные предложения широко используются в языке художественной литературы.

В последние годы стал появляться в отдельных стилях калмыцкого языка не характерный для него раньше новый тип неполного предложения с эллиптированным сказуемым. В газетном языке, например, находят уже широкое применение неполные предложения, построенные без участия глагола. Приведем несколько примеров из газеты «Хальмг үнн»: *Тавн жилэ зураг - болзгаснь урд!* «Пятилетку-досрочно!», *Гер болһнд - газет.* «Газету - в каждый дом». *Алдр өөнд - күч-көлснэ белгүд.* «Славной годовщине – трудовые подарки». *Искусствин зөөриг – олимптнд.* «Сокровища искусства – народу». *Цуг көрцгэн – даалһермуд куцэлһнд.* «Все резервы – на выполнение обязательств» и т.д. Несомненно, что все подобные построения, встречающиеся на страницах газеты «Хальмг үнн» в виде заголовков – результат активного влияния русского языка, в частности со стороны его газетного стиля. Возникновение таких конструкций неполного предложения диктуется необходимостью выразить мысль в лаконичной и эффектной форме, что и входит в задачу газетного языка.

Предложения с опущенными главными членами

Тот или иной опущенный член неполного предложения может быть восстановлен из общего контекста речи, который начинается с полного предложения. Возьмем, например, два следующих предложения: *Көвүн аратан һанзһлжэ авад, гер талан һарад йовб.* *Зууран йовад гэрэс, туула бэржэ авад хэру ирв* (Х.т., 50). «Парень приторочил лису к седлу и поехал в сторону дома. По пути (он) добыл сайгака и зайца и приехал домой». Во втором предложении опущено подлежащее, т.к. оно легко подразумевается из контекста предыдущего предложения. И в первом и во втором предложениях субъект действия является общим – *көвүн* «парень».

Приведем еще примеры неполных предложений с отсутствующим подлежащим:

Харцһу болхла – баав таниг күрэд ир гилэ. *Тенд гертэн кевтнэ.* *Мел цусн... Күүнд бичкэ медгд гилэ* (Баснга Б., Б.о., 495). «Мама ска-

зала, чтобы вы, папа, пришли к ней как только стемнеет. (Она) лежит в своей юрте... Вся в крови... Просила, чтобы никто не заметил тебя». В трех последних предложениях подлежащее формально не представлено: оно не нуждается в повторении. Необходимо отметить, что в таких случаях отсутствие «недостающего» члена является стилистической нормой.

Подлежащее неполного предложения может быть опущено и тогда, когда оно подсказывается каким-либо членом предшествующего предложения. Например: *Эн бичкдүдиг хэлэлт.* *Халун киитн гилго кезэ чигн киилг угаһар йовцхана.* «Посмотрите на этих ребяташек. Не обращая внимания ни на жару, ни на холод, (они) всегда ходят без рубашек».

На пропуск подлежащего может указывать и субъект причастного или деепричастного оборота: *Сергейин зүркнь алхар цоксн адл өрчән цокжэ, кинь давхцад, гүүжэ одад теврад үмсхэр седв.* *Болв омгтаһар уралан хойр ишкчкэд, уудан татад, бийән һартан бэрэд зогсв* (Балакан А., Булг, 50). «Сердце Сергея забилося, словно в груди стучал молот, дыхание участилось, и (он) хотел подбежав к ней, обнять и поцеловать. Но сделав вперед два бодрых шага, (он) сдерживаясь, взял себя в руки и остановился».

Пропуск подлежащего весьма характерен для пословиц и поговорок, стремящихся к предельному лаконизму и обобщению. Например, в пословице *Тэмрин сээг давтжэ меддг, мөрнэ сээг довтлжэ меддг* (Х.ү., 79) подразумевается подлежащее *күн* «человек». «(Человек) узнает качество железа при ковке, а достоинство коня – при скачке».

Для пословиц и поговорок свойственно опущение любых членов, включая и сказуемое: *Келтэнь – уралан, келн угань – хооран* (Х.ү., 58). «Кто речистый – вперед, а кто нет – назад». Здесь подразумевается пропуск *һарг* «пусть проходит». В пословице *Эвдрх бул дотрасн* (Х.ү., 94). «Семья, которой суждено разрушиться, разваливается изнутри». *Эмгн үкхэрн, күүкд уульхарн* (Котв., Заг, 70). «Старуха смертью (страшает), ребенок – плачем». Данное предложение двусоставное с опущенным сказуемым, которое подразумевается контекстом. *Нохаһас – ишинжэнь* (Котв., Заг., 90). «Цепь (лучше), чем сама собака». В этом предложении не названо наречное сказуемое *деер* «лучше», которое подсказывается общим смыслом предложения. В односоставном обобщенно-личном предложении: *Көвүн – үүрэрнь, күүкиг – үүлэрнь* (Х.ү., 58). «Парня по друзьям судят, девушку – по рукоделью» опущено причастное сказуемое *меддг* «узнают; судят».

Наиболее употребительными являются неполные предложения, сказуемые которых выражены формами повелительно-желательного наклонения и которые сами предопределяют подлежащее. Например: *Залу нерэн нуталго заасинь кинжэ дас* (Х.п.а., 140). «Не посрами свое мужское имя и усердно учи, что зададут тебе». *Эндр асхни бийднь невчкн нэр кемш болад хуурулчий* (Баснга Б., Б.о., 217). «Сегодня же вечером устроим небольшую пирушку и покончим (со свадьбой)». *Бичэ альвл. Эгдчнь келхв.* «Не балуйся. Скажу матери». *Зэңгэсн кели бээтн. Соңсжай.* «Рассказывайте из своих новостей. Послушаем». *Колхозд орло чигн бэг. Делкэн революц түүгэр дутхми уга* (Доржин Б., Ч.х.). «Пусть и не вступает в колхоз. Мирвая революция обойдется и без него».

Предложения с подобного рода пропуском подлежащего с точки зрения стилистической не нуждаются в его восстановлении, и содержание их мало зависит от контекста. Поэтому некоторые исследователи считают, что предложения со сказуемым в форме повелительно-желательного наклонения являются полными [Бертагаев 1964: 62].

Предложения с опущенными второстепенными членами

Наряду с неполными предложениями, у которых отсутствует один из главных членов (подлежащее или сказуемое) в калмыцком языке активно употребляются и неполные предложения с неназванными второстепенными членами. Опущение их особенно показательно в тех случаях, когда неполное предложение имеет при себе причастный или деепричастный оборот, или когда неполное предложение само является частью сложного предложения (сочинительного или подчинительного). Предложение с отсутствующим дополнением: *Мана Манжэрд көзр мори хойр бээхлэ, нань юмн кергтэ биш* (Доржин Б., Ч.х., 43). «Были бы у нашего Манджи конь и карты, больше ему ничего не надо». Здесь предложение *Нань юмн кергтэ биш* неполное: в нем не названо косвенное дополнение *түүнд* «ему», которое становится ясным из деепричастного оборота. *Мазн ухалжсагд: «Нег цагт нанла хартк чидлэн сөрх күнжэл эн. Алчхла яах?»* (Х.т., 132). Мазан думает: «Это и есть человек, который однажды испытает силу своих рук со мной. А что если убьёт?». В предложении *Алчхла яах?* опущено прямое дополнение *намаг* «меня» – оно подсказывается из предшествующего предложения.

Предложение с отсутствующим определением: *Иалзна Бамб, өмнэн*

делгэтэ бээсн цаасдиг нежэдэр семрад сууна, эргүлжэ хэлэхэд, зарминь шамин герлд өөрдлжэ умичаһад, хэрү цааснурн өкәһэд, зарм мөрмүдинь карандашарн дораһарнь татжэ темдглад көдлжэһэнэ (Доржин Б., Ч.х., 136). «Галзанов Бамба сидит, перебирая разложенные перед ним бумаги, то смотрит, перевертывая их, то, поднося некоторые из них к свету, читает, затем снова, наклоняясь к бумагам и подчеркивая отдельные строчки, работает». В данном предложении, осложненном несколькими однородными деепричастными оборотами-обстоятельствами, при дополнении *цааснурн* «к бумагам» опущено по стилистическим нормам определительное причастное сочетание *өмнэн делгэтэ бээсн*, которое названо в составе первого оборота.

Предложение с опущенным обстоятельством: *Би маңдур Симаг дахад нээрт очанав. Цаста Эрднь хойр бас йовжсана* (Эрнжэнэ К., Н.х., 382). «Я завтра с Симой иду на вечер. Цаста и Эрдни тоже идут». Во втором предложении не названы обстоятельства *маңдур* и *нээрт*, которые имеются в первом предложении. *Ода нег баахн зуур нээрлжэһад чи завср ке, би эн күүкдлэ күүнднэв* (Там же, стр. 262). «Еще немного повеселимся, и ты объяви перерыв, я поговорю с этими девушками». Во второй части этого бессоюзного сложного предложения опущен деепричастный оборот-обстоятельство *ода нег баахн зуур нээрлжэһад*, который упомянут в первой части. Таким образом, не названными (или опущенными) могут быть не только одиночные члены предложения, но и такие, которые выражены целыми оборотами.

Неполные предложения и диалогическая речь

Неполные предложения в своем функционировании особенно показательны для диалогической речи, которая представляет собой единство чередующихся реплик - вопросов и ответов на них. Структурная неполнота диалогической речи восполняется за счет ситуации, жестов и мимики. Диалог, как правило, начинается более или менее полной репликой, в сравнении с ней последующая реплика может быть минимальной. Например: - *Та Москваһас юуһар ирлэт?* – *Поездар. Кезэ тегэд хэрү йовхмт?* – *Шидрэс.* «Вы из Москвы чем прибыли? – Поездом. И когда же возвращаетесь? – На днях». *Закрия. Янкураг таньдг болжсаховт, Кару. Таньна.* (Баснга Б., Б.о., 191) «Закрия. Вы, Кару, должно быть, знаете Янкуру. Знаю».

Как видно из примеров, реплика-ответ в составе диалогического

сцепления не обладает самостоятельностью: существование ее обусловлено первым звеном, т.е. вопросом.

Вторые, ответные реплики могут быть по характеру своего построения разными: непосредственным ответом на один из членов предложения-вопроса, ответом на один из двух вопросов, ответом-переспросом и встречным вопросом. Например: - *Доржин Кеэмэд үг оруулсны кемб?* - *Бадм.* «Кто же сватал Дорджиеву Кему? - Бадма». *Дорж. Аюша минь, би серүн бээнүй, аль унтжэ кевтнүй? Намса. Серүн, серүн.* (Баснга Б., Б.о., 137). «Дорджи. Аюша, я сплю или не сплю? Намса. Не спишь, не спишь». *Худл келжэхиийчи?* - *Янад худл келхм билэв?* «А не врешь ли. Отчего же мне врать-то?». *Арнта болхла зулжэ үх юмн болва?* - *Альдаран зулнач?* «При возможности, может быть, сбежим? - А куда сбежишь-то?»

В предложениях-ответах может иметь место пропуск любого члена, поскольку он упоминается в предложении-вопросе. Примеры предложений-ответов с опущенными (или неназванными) членами:

1) подлежащим: *Закрия. Нэ хургтн юн болва? Босха. Колхоз бурдах болжэ шиидцхэв* (Баснга Б., Б.о., 212). «Закрия. Ну, что же решило собрание? Босха. Собрание постановило организовать колхоз». *Эн Богзгахн яхла?* - *Өцкүлдүр үвлэң талан Бурат орад нүүржэ одла.* (Эрнжэнэ К., Н.х., 124). «А куда девались эти Богзыковы? Вчера откочевали к своей зимовке на Бурате»;

2) дополнением: - *Санжэ, цэ уунад нар.* - *Уга, эврэн уутн.* (Там же, 415). Санджи, попей чаю. - Нет, пейте сами». *Бадм-Хаалн.* - *Петр хааг үзлт? Кречетников. Уга... үзсн уга билэв* (Баснга Б., Б.о.,). «Бадма-Халга. Вы видели царя Петра? - Нет... не видел».

3) обстоятельством: - *Эн герт кенахн бээнэ?* - *Ивана Мацг гидг эмгн бээнэ* (Доржин Б., М.о., 111). «В этом доме кто живет? - старушка Иванова Мацак». *Кен бээхм тендчн?* - *Одак бэрэд авч ирсн Борлг Хөөч хойриг манжгах Харли бээнэ* (Доржин Б., Ч.х., 152). «- Кто у тебя там? - Харли, который караулит тех самых арестованных - Борлока и Хейчи».

4) сказуемым: *Петр III. Пиитрэс? О... һазадын кел меддг болвач?.. Шванвич. Парнцс немш хойр* (Баснга Б., Б.о., 363). «Петр III. Из Питера? Ого.. Не как иноземные языки знаешь?... - Шванвич. Французский и немецкий».

Определение опускается обычно вместе с определяемым словом - дополнением или подлежащим, например: - *Тиим сээхн күүк үзэд угав*

би. - *Би бас үзэд угав.* - «Такую красивую девушку я еще не видел. - Я тоже не видел.» Здесь в ответной реплике не названо дополнение *күүк* «девушку» с определениями *тиим сээхн* «такую красивую».

Реплицированные предложения, входящие на правах компонентов в состав диалогического единства, целиком и полностью определяются процессом речевого общения, его характером. Особенности построения диалога, возможности организации и функционирования соответствующих членов такого сцепления изучаются в синтаксисе диалогической речи.

Слова - предложения

Слова - предложения оформляются как в виде отдельных слов, так и в виде сочетаний их с разными частицами. В роли слов-предложений могут выступать и неразложимые единства, например, фразеологические сочетания. Слова-предложения ограничены в своем употреблении областью разговорного языка и диалогической речи. Они выполняют функции утверждения или отрицания, вопроса или междометно-эмоциональной оценки.

В калмыцком языке слова-предложения выражаются следующими частями речи:

1) прилагательными в значении обстоятельственно-наречного слова: *зөв* «верно, правильно», *чик* «верно, правильно», *буру* «неверно», *сэн* «хорошо», *му* «плохо», *хажьһр* «неверно, ошибочно»;

2) наречиями: *үнэр* «вправду, действительно», *худлар* «неправда», *мон* «точно, именно», *маһд уга* «несомненно, бесспорно», *альдас?* «откуда?»;

3) местоимениями: *тиим* «так, да»;

4) частицами отрицания: *уга* «нет», *бици* «не, нет»;

5) междометиями: *нэ* «ладно», *э* «да», *хэ* «вряд ли, едва ли», *пөө* «ух, ой», *а* «а» и т.д.

В соответствии с указанными выше функциями выделяются:

1) предложения, утверждающие или отрицающие реплику собеседника. Примеры:

- *Сурһуль сурх дурнчн күрнү?*

- *Заахлатн сурнав...*

- *Нэ, сэн* (Доржин Б., М.о., 38).

- *Хочешь ли учиться?*

– Буду учиться, если будете обучать...

– Ну, хорошо.

– *Школд мел шин иржэх көвүмби?*

– Э-э.

– *Икэр альвлну?*

– *Уга.* (Там же, 40).

– Мальчик впервые приходит в школу?

– Да.

– Очень балуется?

– Нет.

– *Уян батнь сэн, үгин шль сэн гижэ наадад келсн болхий.*

– *Тшим* (Баснга Б., Б. о., 202).

– Ведь неспроста же сказано: – У слова ясность хороша, у шва прочность хороша».

– Именно так.

– *Таниг садн кун гинэд өөлхэн хээжэхши.*

– *Чик* (Там же, 205).

– Вас как родственника никто не собирается обижать.

– Верно.

– *Не, күүкдчи ямаран бээнэ?*

– *Му биш.*

– Ну, как твои дети живут?

– Неплохо.

2) предложения, выражающие вопрос, сомнение или удивление по поводу сказанного собеседником. Например: *Бочкарев.* – *Дээрхнэ гүүвр таниг, Чүүчэ, нойн кежэ батлэж. Чүүчэ.* – *Үнэрий?* (Баснга Б., Б. о., 224). *«Бочкарев.* – Астраханский губернатор вас, Чуче, утвердил в звании нойона. *Чуче.* – Правда?». *Замьян.* – *Алта нархар седжэңэ гицхэнэ. Кречетников.* – *Намий?* (Там же, 376). *«Замьян.* – Говорят, что собираются откочевать на Алтай. *Кречетников.* – *Даже? Шунһриг.* – *Большевикуд ирхлэрн бийсэн дахжэ эс нархн улсиг цугтнь хачкдг чигн гинэлм. Кудинов.* – *Хэ йир...* (Там же, 411). *«Шунгурцук.* – Говорят, что большевики, когда приходят, расстреливают всех, кто не следует за ними». *Кудинов.* – *Едва ли...».*

3) предложения, выражающие эмоциональные реакции самого говорящего: *Ю, тэтэ* – *гинэд эмгн ааһта цээһэн цальгзулад оркв* (Эрнжэнэ К., Ы. х., 285). «Ой, тьфу – вскрикнула старуха и расплескала свой чай». *Мууха юмб. Утаһас сурад дөрвн билет авхмн бээжэ* (Там же,

388). «Какая досада. Надо было спросить у Уты, и взять четыре билета», *Ю дэрк, дэрк. Ямаран ик килиц.* «О, пресвятая богородица. Какой великий грех». *Яһжэ йир?* – *болад Жала өвгн ормаһад одв* (Доржин Б., М. о., 22). «Что случилось, – удивился дед Джала». *А, меднэв, меднэв. Бичэ кел.* «А знаю, знаю. Не говори». *Уй, энчи юн билэ?* «Ой, что это такое?».

4) предложения-междометия, выражающие различные побуждения: *Альков, дэкэд умилч.* «А ну - ка, еще прочитай», *Айжса. Иржэ өглич.* «Погоди же. Приди только», *Болх тегэд.* «Ну, будет. Довольно». *Уралан! Уралан!* – *хээкрсн э соңсгдна.* «Слышатся крики: «Вперед! Вперед!», *Хэдрис! Хэдрис!* – *гинэд берэд, күүкд гиичирт омг өгнэ.* «Возгласами «Хэдрис! Хэдрис!» – девушки и молодые женщины подбадривают танцоров».

В роли междометных побудительных слов-предложений выступают некоторые глаголы повелительно-желательного наклонения, лишившиеся своего самостоятельного значения. Например: *Авчатн. Ю келжэхм энтин.* «Вот те на. Что он говорит». *Авад од! Авад од!* «Давай! Давай! (возглас одобрения при танце).

Нередко в функции междометных слов-предложений употребляются фразеологические сочетания, которые «неразложимы на составные части и грамматически не оформлены, но оснащены яркими интонационными средствами и не зависимы от соседних предложений» [Бертагаев 1964: 60]. Например: *Хай, наадн уга. Концерт оч хэлэхм.* «Ой, кроме шуток. Пойдем посмотреть концерт». *Долан уулд бэг. Дэкжэ чамаг дахдг болхнь.* «Чтобы я еще пошел с тобой еще (букв. Пусть при семи горах останется)». *Инжр.* – *Аавд дурго билт? Болвсн.* – *Я, нохадьг* (Баснга Б., Б. о., 188). *«Инджир.* – Вы же не любили папу? *Боловсан.* – А ну его... (букв. пусть собака ест)».

Словами-предложениями выражаются приветствие, благодарность и другие формы вежливого обращения: *Менд! Менд!* «Здравствуй! Здравствуй!», *Ханжсанав!* «Спасибо! Благодарю!».

Остальные слова-предложения используются в качестве междометий при понукании животных: а) лошадей: *но, чу, тпру;* б) волов: *цоб-цобээ;* в) верблюдов: *цог-цог;* г) при окрике и прогоне животных: г) коров – *хаж (хач);* д) овец и коз – *хай, чаг, чагра.*

Ввиду того, что слова-предложения выражаются не только одним словом, но и сочетанием слова с частицами и цельным идиоматическим сочетанием, их в синтаксических исследованиях монголистов именуют одночленными предложениями.

Односоставные и двусоставные предложения

Общая характеристика

Главным принципом противопоставления односоставных и двусоставных предложений является наличие одного или двух грамматических центров и соответственно – второстепенных членов, относящихся к их составу. Предложение, состоящее из одного главного члена или из главного члена и его состава, называется односоставным. Если в предложении налицо два главных члена (подлежащее и сказуемое), или оба главных члена и их состав, то оно называется двусоставным. Из данного определения следует, что как односоставные, так и двусоставные могут быть нераспространенными и распространенными. Например, в предложении *Оли – бөк* (З.ү.). «Народ – сила» (букв. «силач») два грамматических центра; подлежащее *оли* и сказуемое *бөк*, при которых нет пояснительных членов. Следовательно, перед вами двусоставное нераспространенное предложение. Предложение *Зураһар темдгдсн зурһан миңһ һару гектарас дөрвн миңһн дундур зябь ода хаһлгдчкв* (Х.ү.). «Из намеченных планом шести с лишним тысяч гектаров зяби сейчас уже вспахано четыре с половиной тысячи» имеет два грамматических центра – сказуемое *хаһлгдчкв* «вспахано», у которого есть группа второстепенных членов-пояснителей и подлежащее, выраженное количественно-определятельным сочетанием *дөрвн миңһн дундур гектар зябь* «четыре с половиной тысячи гектаров зяби».

В калмыцком языке наблюдаются такие предложения, которые в зависимости от интонации могут быть либо односоставными, либо двусоставными. Так, например, предложение *Энтн увлин ахрхн өдр* «Это зимний короткий день» можно расценить и как двусоставное и как односоставное. Оно будет двусоставным, если указательное местоимение с личной частицей *энтн* выделяется логическим ударением и за ней следует пауза: *Энтн – увлин ахрхн өдр*. Только в таком случае оно будет выполнять функцию подлежащего. Если же местоимение *энтн* логически не будет выделено и за ней не последует пауза, то это предложение можно квалифицировать как односоставное распространенное назывное. Таким образом, иногда возникают трудности при разграничении односоставных и двусоставных предложений.

По своей структуре односоставные предложения бывают разнотипными, а двусоставные – однотипными. В калмыцком языке выде-

ляются следующие типы односоставных предложений: безличные, обобщенно-личные (они охватывают и группу неопределенно-личных предложений), и определенно-личные и назывные.

Безличные предложения

Односоставное предложение, главный член которого (сказуемое) обозначает действие или состояние, совершающееся в отвлечении от самого лица, называется безличным. Например: *Ора болж йовна*. «Становится поздно». *Зөвэр киити, бичкн тийм сиигсн шуурһта* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 94). «Довольно холодно, метет небольшая редкая пороша». Последний пример представляет сложное предложение, состоящее из двух простых безличных предложений, отражающих своим содержанием явления природы.

В безличном предложении не может быть подлежащего и в нем нет даже грамматической формы со значением лица. Однако указание на субъект действия в безличном предложении может иметь место. Так, предложение *Нохана нөр күрлго бээв*. «Ногане не спалось» являясь безличным, содержит указание на субъект в форме родительного падежа *Нохана*. Грамматически оформленного подлежащего в нем нет, и оно не допустимо со стороны самого глагола-сказуемого. Безличные предложения могут быть глагольными и именными. Ср.: *Һаза харһу*. «На улице темно». *Келхд амр, күцэхд хату*. «Сказать легко, выполнить трудно». *Оли бурхдт нерэдж барц барх кергтэ* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 106). «Теперь надо делать жертвоприношения, посвященные многочисленным богам».

Некоторые безличные предложения допускают употребление соответственных с ними личных (двусоставных) предложений. Ср., например, такие конструкции: *Эндр хурта*. «Сегодня дождливо» – *Эндр хур орад бээнэ*. «Сегодня дождь продолжает идти». *Салькжэсана*. «Ветрено» – *Салькн көдлжээнэ*. «Ветер дует». Однако подобного рода предложения незаменимы друг другом, так как значения, передаваемые ими, несколько различны. Если первые просто констатируют факт, то вторые заключают еще и значение результативности. Кроме того, они неодинаковы и стилистически.

Семантика безличных предложений бывает разной, и она полностью зависит от сказуемого – глагола или имени, которое может обозначать: а) различные природные явления; б) состояние субъекта; в)

долженствование или необходимость совершения действия; г) наличие и недостаток чего-либо (признака, процесса, явления).

Безличные предложения в калмыцком языке весьма продуктивны: они распространены во всех жанрах. По типу сказуемого выделяются безличные предложения с простым сказуемым и безличные предложения с составным сказуемым.

I. Безличные предложения с простыми сказуемыми, которые выражаются:

1) Прилагательным с обстоятельственно-наречным значением: *Һартан юмта күүкд таалхд сэн* (Котв., Заг., 70). «Хорошо забавлять ребенка, если у него есть что-то в руках». *Иигэд келхлэ, нам одаһин сурһульчирт итхнһ берк* (Доржин Б., М.о., 58). «Если вот так рассказать, даже нынешним школьникам трудно будет поверить». *Гүрсн дее-сиг таслхд хату, һурвн нээжиг диилхд хату*. «Трудно порвать свитую веревку, трудно одолеть трех друзей». Еще один пример:

Эн өргн теегэр

Өмэргэн йовхд сээхн.

Эңкр нутгарн дууһан

Өргэд дуулхд сээхн (Х.а., 185).

«По этой широкой степи
Шагать вперед прекрасно.

В любимом родном краю

Вдохновенно запеть прекрасно».

2) Именами в форме совместного падежа на *-та, -тэ*, которые передают определенное состояние (психическое или физическое): *– Не, залус. Би ода таднд ю келхүв? Күчр ичртэ, келхд зовлцта* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 98). «Ну, мужчины. Что мне сказать вам? Очень стыдно, говорить мучительно». *Эн хаалһар йовхд гэмийгтэ*. «По этой дороге идти опасно». *Санхд йир таалта*. «Очень приятно вспомнить».

3) Формой глагола со сложным суффиксом *-лһта, -лһтэ* со значением долженствования, необходимости¹: *Өрүндэн Бату тал одлһта. Тер ямаран селвг өгнэ, түүндһ багтлһта* (Доржин Б., Ч.х., 218). «Утром надо будет пойти к Бату. Какой он даст совет, с тем и соглашусь. Ср. еще: *Көдлмиһтэн йовлһта*. «Надобно бы идти на работу».

4) Формой изъявительного наклонения на *-жс*: *Кезэнэ бээжс* «Давно было». *Һолмуд тоолад Ижсл мартжс* (Х.ү.). «Считая реки, забыл Волгу».

¹ Между прочим, эту отглагольную форму калмыковеды до сих пор обходят вниманием. Она не отмечена ни в одной из «Грамматик калмыцкого языка».

5) Формой изъявительного наклонения на *-на*, образованной от глагола со значением восприятия или проявления признака (*сангдна, тоолгдна, медгдна*): *Нанһ чигн һазрмудар тер цагт тиим кевэр эмтн бээдгнһ биһ биһар бээсн болх гижс сангдна* (Доржин Б., М.о., 59). «Думается, что в то время так люди жили и в других местах, причем не в малом числе». *Нанд терчн төвшүн заңта күн гижс медгднэ*. «Мне кажется, что он человек спокойного нрава». В этих сложноподчиненных предложениях с союзом *гижс* придаточные являются полными двусоставными, а главные – безличными, состоящими из слов *Нанд... сангдна* «думается, вспоминается» – в первом предложении и *терчн төвшүн заңта күн ...* «он человек спокойного нрава» – во втором.

6) Формами местоименного глагола *яхс* со значением размышления, возможности или невозможности чего-либо: *Аһад йовдг зүркичн яхс, арвн долата насичн яхс* (Эрнжэнэ К., Келврумд., 113). «Что подделаешь с сердцем спешащим, что подделаешь с твоими семнадцатью годами». *Мууһан талын күүнд медулад яхс* (Доржин Б., Ч.х., 74). «К чему показывать свои недостатки постороннему человеку». *Тер цагин түрүг яхс* (Х.а., 195). «А что говорить о трудностях того времени». *Ода тегэд яһий?* «Что же сейчас делать?». *Яһна гидг энв?* «Что же это такое?». *Яһдг болна?* «Что же будет?». *Яһжс медхс?* «Как знать?».

7) Формой будущего причастия: *Һалас һарад түүмрт орх* (Х.ү.). «Вырвавшись из огня попасть в пламя пожара». *Ус үзэд уга бээжс һосан тгэлх* (Х.ү.). «Не видя воды снимать сапоги».

II. Безличные предложения с составным сказуемым, которое может состоять:

1) Из причастия будущего времени и модальных слов *кергтэ, зөвтэ, йоста*: *Малан эрт көндэжс һарһжсах кергтэ* (Х.т., 17). «Скот надо бы пораньше выгонять пастись». *Тертн мел чик, санх, ухалх кергтэ* (Доржин Б., Ч.х., 74). «Это совершенно верно, следует подумать». *Сарпинск районд ут туршарн 82 миңһн 130 гектар тэрг хурах зөвтэ* (Х.ү.). «В Сарпинском районе должны убрать в общей сложности 82 тысячи 130 гектаров зерновых». *Күч-көлснэ һарһциһ өөдлүлһнэс иштэ эн эжилин эргүд за- (н) арвн миңһн шаху арслц ору авх йоста* (Х.ү.). «На основе повышения производительности труда в течение этого года завод должен получить почти десять тысяч рублей дохода».

2) Из причастия будущего времени и глагола-связки *биһэ*: *Эртэр биһэ* «Надо бы поехать (выйти) пораньше». *Эн сонһн заңг аавдан биһүлх биһэ*. «Эту интересную весть надобно бы сообщить отцу».

3) из формы разделительного причастия на *-ад*, *-эд* и модального слова *кeрг* в сочетании с отрицанием *уга*: *Нанд келэд кeрг уга*. «Мне не надо говорить». *Энд бээһэд кeрг уга*. «Здесь незачем находиться», или «Нечего здесь делать».

4) Из формы прошедшего причастия на *-сн* и вспомогательного глагола *болх*: *Кедү даарх, көрх, халх тоотиг үзсн болх* (Балакан А., Булг., 28). «Сколько пришлось мерзнуть и переносить жару». *Өмн бийэрни бүүргсн эмтн үсн, өрм, чигәһәр һардг деерэс Алта алг уул гижэ кемэгсн болдг* (Х.а.). «Ее прозвали Алтай – пестрой горой потому, что живущие на ее южном склоне имеют в достатке молоко, сметану и кумыс, а живущие на северном склоне имеют в достатке айрак, творожную массу и кумыс».

5) Из формы многократного причастия на *-дг* и предикативной частицы *юмб* (*юм буй* «что есть»): *Ууһата худг оңһасн үргдг юмб?* (Х.т., 106). «Что же пугаться колодца и колоды, из которой всегда пил?».

6) Из формы прошедшего причастия на *-сн* и наречного слова *деер*: *Му нертә жәһрһәр, сән нертә үксн деер* (Х.т., 61). «Чем жить с недоброй славой, лучше умереть с добрым именем».

7) Из формы причастия будущего времени в дательном падеже и модально-служебных слов *күчр*, *кецү*, *берк*: *Келхд күчр*. «Сказать трудно». *Сансан күцәхд кецү*. «Исполнить задуманное нелегко».

8) Из формы будущего причастия с препозитивной частицей *эс* и глагола-связки *билэ*: ... *Эндән хоорндан келхд, теегт мал бәрх көдә эс күртх билү?* (Доржин Б., Ч.х., 193). «Между нами говоря, разве в степи не найдется места для выпаса скота?».

9) Из формы соединительного деепричастия и вспомогательного глагола *болх* со значением возможности или невозможности и запрета при наличии отрицания: *Тана умижәсн дегтр хәләж болхий?* «Можно ли будет посмотреть книгу, которую вы читаете?». *Икәр царцсн болад һазаран һарч болшго болв*. «По причине сильной простуды нельзя было выходить на улицу». *Суһа шитә маляг бәрж болхи, сул саарлиг сурһж болхи* (Котв., Заг., 46). «Плетку с рукоятью из жидовинника не удержать, Серого, что на свободе, не обучить (Змея и волк)». *Аавин девл алхж эс болж, ээжсн девл эвкж эс болж* (Котв., Заг.). «Шубу батюшки не переступить, шубу матушки не свернуть (Земля и небо)». *Дакад нам тиим оһн толһа мал бас цааснд зааж бичж болшго...* (Доржин Б., Ч.х., 75). «Да к тому же в бумаге (справке) нельзя указать такое большое количество скота».

10) Из формы разделительного деепричастия и вспомогательного глаголов *одх*, *ирх*, *бәәх*. Безличные предложения с таким составным сказуемым обозначают состояние окружающей природы или состояние субъекта: *Эндән бүрүлин бәәдл һарад харһутрад одв* (Эрнжәнә К., Келврмүд., 105). «Кругом стало сумрачно и темно». *Намаг заратрулад бәәнә*. «Меня знобит». *Хавр болад, дуларад ирв*. «Пришла весна, и стало теплеть».

11) Из формы настояще-будущего времени на *-на* и присказуемой модальной частицы *гидг*. Составное сказуемое имеет значение оценки, а безличное предложение в целом является аффективным, т.е. передающим эмоциональное чувство субъекта: *Увлин найнд иим хол һазрас дала болсн мал авад цувлһнд һарна гидг!* (Доржин Б., Ч.х., 240). «Каково же во время зимней стужи перегонять большое количество скота из такого далека!». *Нег үлү тер кемлә, өрүнднь кору бәәһэд, өвснә бүр бүркгдәд, цәһэд одхла көл нуцкар өрлә хуцмуд хәрүлж һарһна гидг!* (Доржин Б., М.о., 35). «Каково же в такую рань, когда по утрам выпадает иней и покрывает серебром стебли трав, босиком гнать баранов на пастбище!».

Данная модель безличного предложения имеет широкое употребление и в разговорной речи, и в художественной литературе.

12) Составное сказуемое безличного предложения может быть выражено неразложимым фразеологическим сочетанием: *Ноһан даарсн чигн медхи, бас нөөрнь күрхи* (Эрнжәнә К., Келврмүд, 87). «Ноһан даже не ощущает того, что она замерзла, сон тоже не идет к ней».

В связи с данным примером необходимо заметить, что безличные предложения, сказуемые которых выражены устойчивыми сочетаниями идиоматического характера типа *дурн күрх*, *нер күрх*, *чидл күрх*, *хорха күрх* (*көдлх*) и др. некогда были двусоставными. С развитием абстрактного мышления подобные конструкции стали восприниматься как безличные: постепенно субъект в них перестал осознаваться как реальный производитель действия. В результате такого отвлечения произошел синтаксический сдвиг от двусоставности к односоставности рассматриваемых конструкций [Бертагаев 1949; Пюрбеев 1972].

Обобщенно-личные предложения

Односоставные предложения, главный член которых (сказуемое) выражен формами глагола, обозначающими действие, относящиеся к любому лицу, называются обобщенно-личными.

В отличие от безличных предложений, в которых действующее лицо вообще отсутствует, в обобщенно-личных предложениях лицо, совершающее действие, имеется, но оно мыслится неопределенно.

Значение обобщения и неопределенности находит выражение в грамматических формах первого, второго и третьего лица. В калмыцком языке распространены четыре разновидности обобщенно-личных предложений.

I. Обобщенно-личные предложения, сказуемое которых выражается:

1) Глаголом второго лица повелительного наклонения в форме на *-жа, -жэ, (-жэ, -бэ)*: *Хотын сэгһинь иджэ, хувцна сэгһинь өмсэжэ* (Х.т., 8). «Кушай самое лучшее, одевай самое добротное».

2) Глаголом второго лица повелительно-желательного наклонения единственного и множественного числа: *Эмтнэ гер дотркнь орад халалтн. Ю эс бээнэ!* (Доржин Б., М.о. 59). «Войдите в их дома и посмотрите. Чего только нет! *Харлад, меда бээхинь үзич энүг* (Доржин Б., Ч.х.). «Гляди-ка на него: уже подозревает и догадывается!»

3) Глаголом второго лица повелительного наклонения в форме основы (с отрицанием или без): *Баймб гижэ бичкэ дээрлк, угатяв гижэ бичэ ууль* (Х.ү., 36). «Не кичись, что богат, не плачь, что беден». *Аавин бийд кү тань, агтин бийд һазр тань* (Котв., Заг., 71). «При жизни отца познай людей, пока есть конь поезди и познай землю».

4) Глаголом второго лица повелительно-пригласительного наклонения в форме на *-тн*. Сказуемое в таких случаях предполагает второе лицо неопределенного множества: *Социалистическ дөрлдэ улм өргнэр делгүлти!* (Х.ү.). «Еще шире развертывайте социалистическое соревнование!». *Көк һалзним тохтн*. «Седлайте моего Чалого».

II. Обобщенно-личные предложения, сказуемое которых выражается:

1) Глаголом первого лица повелительно-пригласительного наклонения со значением обоих чисел (единственного и множественного): *Не, мөнд йовад, мөнд иртн! Эврэ һазртан эрк биш дилвртэ харһий* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 112). «Ну, будьте здоровы и благополучно возвращайтесь! Встретимся на родной земле и обязательно с победой!».

2) Глаголом первого лица желательного наклонения также со значением обоих чисел, устанавливаемых контекстом. Сказуемое выступает без сопровождений лично-предикативных частиц, но может принимать частицы модально-логического порядка: *Ода нам нүүхэсн урд Мөңкэ*

Иван хойрла яһжэ харһса (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 143). «Как бы теперь, до того как откочевать, встретиться с Монкой и Иваном». *Баахн зуур амрслч* (Эрнжэнэ К., Келвмүд., 105). «Отдохну-ка немного».

III. Обобщенно-личные предложения, сказуемые которых употребляются в форме третьего лица. Лицо, совершающее действие представляется в них неопределенным и в отношении числа. Такие предложения тесно примыкают к односоставным безличным. Сказуемое подобного рода предложений может выражаться:

1) Формой настоящего времени: *Үлгүрмүд гүн утхта болдг учрар күүнд уха орулжэ келхин кергт үлгүрлжэ келнэ* (Х.т., 4). «Поскольку пословицы и поговорки заключают глубокий смысл, то их употребляют в назидательных целях». *«Жаңһриг» хальмг улсин ик зөөр гижэ тоолна*. «Джангар» считают величайшим сокровищем калмыцкого народа». *Төрэд уга күүкдт төмр өлгэ кенэ* (Котв., Заг., 70). «Еще не родился, а уже делают железную люльку».

2) Формой прошедшего времени на *-жэ*: *Уулыг утцар көтлэжэ* (Котв., Заг., 30). «Гору ведут за нить (верблюды с бурунтуком)». *Чиндһн чишкжэ, чикинь мошкжэ* (Котв., Заг., 47). «Кролик запищал: уши ему закрутили (домбра)». *Нүһс хаһад нуурт тусжэ* (Х.ү., 111). «Стрелял в утку, попал в озеро». *Кенэв гинэд эвдэжэ, байжһнав гинэд угаржэ* (Х.ү., 108). «Хотел сделать – сломал, хотел разбогатеть – разорился».

3) Формой прошедшего времени на *-ла, -лэ*
Зуг удл уга

Зунын эклцэр Адамиг

Деед йосна закаһар

Дээнэ халхар дуудулла (Көглтин Д., Буцлт, 23).

«Но в скором времени, в начале лета, по закону верховной власти вызвали Адама по части военной».

4) Формой прошедшего времени на *-лус, -лүс* с модально-утвердительным значением: *Эртинэ сэн өдрлэ, Жирһл ман хойриг на-артн гижэ дуудлус* (Эрнжэнэ К., Келвмүд., 119). «Тогда, в воскресный день, нас с Джиргал приглашали ведь».

5) Формой настоящего времени на *-жана, -жэнэ*, которая по своему происхождению является аналитической, состоящей из деепричастия на *-жэ* (соединительное) и вспомогательного глагола *бээнэ*: *Алдр Октябриг авсн даалһван сэн кевар күцэжэнэ* (Х.ү.). «Обстоятельства, взятые к Великому Октябрю, успешно выполняются». *Тэрэ хуражэна* (Х.ү.). «Убирают урожай». *Медрлэн өөдлүлжэнэ* (Х.ү.). «Повышают знания».

6) Формой многократного причастия (с отрицанием и без): *Миңһ хаһад мерг сурдг* (Х.ү., 58). «Стреляя тысячу раз становятся меткими». *Инәсиг сурдг, уульсиг сурһдг* (Х.ү.). «Спрашивают у того, кто смеется, наставляют того, кто плачет». *Авсар байжәдгө, өгсәр угардгө* (Х.ү., 12). «Оттого, что взял, не разбогатеешь, оттого, что дал, не обеднеешь».

7) Сказуемое обобщенно-личного предложения может быть составным, включающим вспомогательный глагол *болх* в форме причастия на *-дг* и в форме будущего причастия (с отрицанием и без отрицания): *Ууля, ууля йовжә күн болдг, мәәлә, мәәлә йовжә мал болдг* (Х.ү.). «Плача, плача человеком становится, бляя, бляя скотиной становится». *Худл келжә уха-та болх уга, хулха келжә байн болх уга* (Х.ү., 11) «Оттого, что лжешь – не поумнеешь, оттого, что воруеть – не станешь богатым».

В калмыцком языке, помимо перечисленных выше трех групп обобщенно-личных предложений, являющихся наиболее типичными, встречается еще одна группа, совершенно особая по характеру своего обобщающего значения. Главный член таких предложений выражается либо глаголом прошедшего времени с частицей второго лица *-ч*, либо глаголом настоящего времени также в сочетании с указанной частицей. Например: *Сельсоветин ахлач бәәх цагт һаран тәвчкәд, тиизән дарчкад суудг биләч* (Доржин Б., Ч.х, 214). «Когда был председателем, то, бывало, поставишь свою подпись, приложишь печать и сидишь». *Тегәд радио дуулуккад, шигәд соңсад кевтхлә, цаг чигн хурдар давна, сергмәтә чигн болна, соньн зәңг чигн соңснач. Орчлгд юн болжәхнә меднәч* (Доржин Б., М.о., 50). «И вот когда лежишь, включив радио, то и время летит быстро и веселее как-то. Слушаешь интересные новости. Знаешь, что происходит в мире».

Особенностью этих предложений является то, что сказуемое в них хотя и обозначает действие конкретного лица (самого говорящего), но употребляется со значением обобщения. Предложения данного типа используются преимущественно в художественных произведениях с определенной стилистической целью. Это необходимо в тех случаях, когда говорящий как бы в качестве постороннего наблюдателя рассуждает о своих действиях, поступках или переживаниях, обращаясь к себе, как к собеседнику.

Обобщенно-личные предложения указанной разновидности находят применение и в разговорной речи, главным образом в виде устоявшихся оборотов. Например: *Ода ю кенәч! Ода яһнач!* «А что теперь поделаешь! А что поделать!». По сфере употребления близки к разго-

ворному языку и конструкции обобщенно-личных предложений с редуцированным сказуемым типа: *Йовнач, йовнач – төрүц әмд юмн үзгдхи.* «Идешь, идешь – ничего живого не видно». *Келнәч, келнәч – келсиг медхи.* «Говоришь, говоришь – не понимает». Подобные предложения характеризуются расширенным значением; действие, обозначенное сказуемым-повтором, представляется в отношении лица обобщенно-неопределенным, хотя при глаголе-сказуемом есть личная частица *-ч* (второе лицо). Сказуемое-повтор передает субъективно-модальное значение непрерывности и интенсивности действия.

Относительно распространенности той или иной группы обобщенно-личных предложений следует заметить следующее.

1. Самыми распространенными и употребительными являются те обобщенно-личные предложения, которые отличаются широким обобщающим смыслом и носят характер образного суждения. Таковы пословицы, поговорки и загадки. Сказуемое в таких предложениях, как правило, выражены либо глаголом второго лица повелительного наклонения в форме основы, либо формой прошедшего времени на *-жә*, либо многократным причастием.

2. Что касается обобщенно-личных предложений, сказуемое которых выражается первым лицом повелительно-пригласительного и желательного наклонений, то они характерны как для языка художественных произведений, так и для разговорной речи.

3. Обобщенно-личные предложения, сказуемое которых выражается вторым лицом повелительно-пригласительного наклонения на *-тн*, *-һтун*, *-гтун* со значением неопределенного множества, употребляются в основном в газетно-публицистическом стиле, в частности в призывах, лозунгах, объявлениях; а также в высоком стиле письменной и разговорной речи.

4. Предложения, главный член которых (сказуемое) выражается либо глаголом прошедшего времени с частицей второго лица *-ч*, либо глаголом настоящего времени также в сочетании с указанной частицей, свойственны для стиля художественной литературы. Употребление таких обобщенно-личных предложений диктуется стилистическими соображениями.

5. Остальные разновидности обобщенно-личных предложений встречаются в различных сферах употребления калмыцкого языка.

Основная цель использования обобщенно-личных предложений – подчеркнуть, что действие, обозначенное сказуемым, не имеет отноше-

ния к конкретному лицу, в силу чего оно выступает как неопределенно-обобщенное, относящееся к любому человеку.

Определенно-личные предложения

Предложение, в котором отсутствует подлежащее, но действующее лицо которого подсказывается либо формами сказуемого, либо каким-нибудь второстепенным членом, называется односоставным определенно-личным. Например:

Теегин бадм цецгэг

Таслад аваад үмснэв

Энкр чамаһан дүңгүүлх

Эвраннь седклдэн саннав (Х.а., 207).

«Степной цветок тюльпан сорву и поцелую.

Сравнишь с тобой, любимая, в душе своей (я) думаю».

Мини баһ зүркнд

Мөңк шав өгвч

Седкл ухаһим эзлэд

Сөөһин нөөрим хатавч (там же).

«Сердце мое младое навеки (ты) ранила.

Душу и мысли объяла, лишила покоя и сна».

Хөөһинь тиһим һазрт минеральн удобренэр асрмж өгдөдн (Х.ү.).

«Потом такую землю мы подкармливаем минеральными удобрениями». *Амрг-иньгинэн дурнд эн сөңгигһэн эдлиг* (Х.а., 103). «Подними-те этот бокал за любовь друзей и подруг». В приведенных примерах подлежащее, выраженное личным местоимением, отсутствует, и в нем предложение не нуждается, так как значение конкретного лица передается лично-предикативными частицами -в, -ч, -вдн, которые сопровождают сказуемое.

Определенно-личные предложения, являясь односоставными, легко вступают в синонимическую связь с аналогичными по своему содержанию двусоставными предложениями, подлежащее которых выражено соответствующими личными местоимениями. Ср.: *Сээнэр сурчанавидн. – Бидн сээнэр сурчанавидн.* «Хорошо учимся. – Мы хорошо учимся». *Маңһдур йовжанаһч. – Чи маңһдур йовжанаһч.* «Завтра едешь. – Ты едешь завтра».

Будучи по значению сходными, эти предложения отличаются в логическом и стилистическом отношении. В односоставных определенно-

личных предложениях внимание больше акцентируется на самом действии, а в двусоставных предложениях с подлежащим-местоимением логически выделяется лицо. С точки зрения стилистической первые являются более лаконичными, чем параллельные им двусоставные предложения. Нередко, особенно в художественном тексте, они бывают взаимонезаменяемыми. Так, например, в стихотворении *Өндр сэгхн улаһн болж өмнм нанд чи үзгднэч* (Х.а., 207). «Высоким красивым топольком предстаешь ты перед моими глазами». Поэт предпочел форму двусоставного предложения с характерным для него специальным выделением лица. Поэтому замена ее односоставным определенно-личным... *өмнм нанд үзгднэч* была бы в данном случае неравноценной.

Односоставные определенно-личные предложения в противовес синонимичным двусоставным дают возможность обойтись без повторения местоименного подлежащего: *Хамдан көдлөжэх улс дунд та нертэ, тоомсрта болнат. Тегэд бригадир болх зөвөн юңгад эс өгнэт? Сэн һардаһ болх билэт гижэ санжсанавидн* (Х.ү.). «Вы считаетесь уважаемым среди тех, с кем работаете. Так почему же не даете согласия быть бригадиром? Мы думаем, что вы стали бы хорошим руководителем».

Следует отметить, что определенно-личные предложения, сказуемые которых выражены глаголом настоящего времени с лично-предикативной частицей 2-го лица -ч, а также глаголом повелительного наклонения в форме основы (су, кел, йов и т.д.), формально могут совпадать с односоставными обобщенно-личными предложениями. Однако по своей семантике они глубоко различны. Первые обладают конкретным значением, тогда как вторые употребляются всегда в расширенно-обобщенном значении, вследствие чего лицо мыслится в них неопределенно. Ср.: *Даарснд һал түл, өлсснд хот ке* (Х.ү.). «Для озябшего разведи огонь, для проголодавшегося приготовь пищу» (обобщ.-личное). *Ээж, һалан түл, удин хотан ке.* «Мама, разводи огонь и готовь обед» (опред.-личное).

Кроме того, важно указать, что в определенно-личных предложениях, в отличие от обобщенно-личных, субъект действия находит формальное выражение во второстепенных членах (напр., дополнении) и в обращении. Например, в предложениях *Цаһан, сэн гидг цэ чаниһ* (Бембин Т., Цецг, 132). «Цаган, свари-ка хорошего чая». *Хар Күүкн, тергн деер һарад суутн. Өскэһэн устачквзат* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 111). «Хар Кююкен, садитесь на телегу. Как бы не натерли пятки» действующее лицо подсказывается не только формами сказуемых, но

и обращением-именем собственным. Приведем пример определенно-личного предложения с неперсональным обращением, т.е. обращением к собеседнику-нелицу: *Баһ насн яһлач! Байр, жүсирһл хамач!* (Х.а., 184). «Где ты, молодость! Где ты, радость и счастье!».

В калмыцком языке очень широко представлены дативные определенно-личные предложения, в которых член предложения, выраженный именем в дательном падеже, обозначает конкретное действующее лицо: *Коорчд бултдг, зулдг арһ уга болв* (Доржин Б., М.о., 52). «У Корчи не было возможности спрятаться или убежать». *Үнән келсн күүнд үкл уга биший* (Эрнжэнэ К., Келврумд., 192). «Человеку, исповедующему правду, нет смерти». *Санжд автоматар хах дурнь курад, амтнас түрүлж, немшас өшәһән авх саната* (Эрнжэнэ К., Келврумд., 113). «Санджи захотелось стрелять из автомата и первым свести счеты с немцами».

Субъект действия в таких определенно-личных предложениях обычно оформляется как дополнение. Дативные определенно-личные предложения могут переходить в двусоставное предложение при условии, если субъект действия передается именительным падежом и тем самым становится подлежащим. Ср.: *Коорчд бултдг зулдг арһ уга болв*. – *Коорч бултдг, зулдг арһ уга болв*. В первом случае имеем определенно-личное односоставное предложение «У Корчи не было возможности спрятаться или убежать», а во втором – двусоставное «Корчи лишился возможности спрятаться или убежать».

В калмыцком языке изредка употребляются определенно-личные предложения с субъектом в исходном падеже. По мнению Т.А. Бертагаева, «эта форма субъекта выражает почтительное и вежливое отношение к действующему лицу со стороны говорящего или рассказывающего лица» [Бертагаев 1964: 46]. Определенно-личные предложения с субъектом-лицом в исходном падеже встречается, например, в сказках, где одновременно сочетается стиль книжно-письменной и разговорной речи: *Зәңгин Улан Тусур гидг баатр бууһад, мөрән уяд, ламинд орад ирв. Ламас ширә деер закркхсн сууж* (Х.т., 117). «Богатырь по имени Зангин Улан Тусур слез с коня и, привязав его, вошел в дом ламы. Лама (букв. «от ламы») восседал на своем троне». *Ламас зәрлг болжана: «Хамаһас нааран йовжс йовхмч?»* (Х.т., 82). «Лама (букв. от ламы) соизволил спросить: «Откуда и куда держишь путь?».

Определенно-личные предложения наблюдаются и в живой калмыцкой речи: *-Деер йоснас заавр бичж, цаас илгәдгән уурхмжс*. «Выс-

шие власти (букв. от высшей власти) написали указ, бумаги посылать прекратят».

Таким образом, мнение некоторых монголистов, считавших субъект в исходном падеже абсолютной привилегией халха-монгольского языка, не является точным [Тодаева 1960]. Исследователь синтаксиса монгольских языков Т.А. Бертагаев специально подчеркивает, что такого рода конструкции не чужды и бурятскому разговорному языку. Во всяком случае проводимый им пример *Һаңганаа мөңгө гаргажс өгөө* (разг.- быт.). «Казна выделила деньги» [Бертагаев 1962: 277-283] находит прямой отклик в калмыцком языке и является для него обычным. Ср.: *Шаңгас мөңг һарһжс өгв*. «Государство выделило деньги».

Номинативные предложения

Односоставные предложения, главный член которых (подлежащее) выражен формой именительного падежа существительного или какого-нибудь субстантивированного имени, называются номинативными. Например: *Калужск һазр. Таньл хотхрмуд, модд, цомгс* (Доржин Б., М.о., 74). «Калужская земля. Знакомые низины, леса, пригорки». *1967-гч жил. Хаврин нег өдр* (Х.ү.). «1967 год. Один из весенних дней». *Август сарин эклү. Дегд догшин халун...* (Х.ү.). «Начало августа. Невыносимая жара». *Межән балһсна эндрк болн маңһдурк* (Х.ү.). «Сегодняшнее и завтрашнее пограничного города».

Главная функция номинативных предложений состоит в утверждении наличия, реального существования какого-либо явления, предмета. Поэтому они обладают значением бытийности. В создании номинативных предложений большую роль играют слова, обозначающие явления природы, а также слова, называющие конкретно воспринимаемые предметы. В первую очередь к ним относятся слова с количественно-временным значением. Таковы, например, слова *намр* «осень», *хавр* «весна», *зун* «лето», *үвл* «зима», обозначающие времена года и могущие быть самостоятельными номинативными предложениями. Слова с непрямо указанным значением времени – *цаг* «время вообще», *саам* «момент», *кем* «пора», *жыл* «год», *сар* «луна», «месяц» - всегда конкретизируются, выступая в роли главного члена номинативного предложения. В противоположность им слова *өрүн* «утро», *асхн* «вечер», *үд* «обед», *сө* «ночь» могут функционировать в качестве предложения и без слов-распространителей. Приведем несколько при-

меров: *Нэ, тшигэд, 1943 жилин намр. Деед үзгин фронт Смоленск - Рославльск дэврлх кезж йовсн цаг* (Доржин Б., М.о. 76). «Итак, осень 1943 года. Время, когда западный фронт вел наступление на Смоленск – Рославльск». *Асxn. Гү тэвх кем* (Балакан А., Булг). «Вечер. Время, когда пускают кобылиц пастись (после доения)». *Өврэмжс үүдэсн өлзэтэ өрүн...* (Сэн-Белгин Х., Өрүн). «Вызывающее восторг благодатное утро...».

К словам, формирующим номинативное предложение, могут относиться лексемы, являющиеся названиями природных явлений: *хур* «дождь», *цасн* «снег», *киитн* «холод», *халуун* «жара» и т.д. Например, *Нал үд. Харһаһар хавчад кесн утувир болн маштг гер. Эн теегин аэропорт* (Балакан А., Булг, 7). «Полдень. Длинноватый приземистый дом, сколоченный из досок. Это степной аэропорт».

Номинативные предложения бывают непосредственными, состоящими только из главного члена, и распространенными, у которых при главном члене имеются зависимые от него слова-определения. Например: *Сө. Нүд чичм харһу.* «Ночь. Темно, хоть выколи глаза». *Арһ уга, яахв. Дэн.* (Доржин Б., М.о., 107). «Что поделаешь. Война». *Баһ насн... хол хаалһ... Үзэд-таняд уга һазр... Шин таньл-үзл... Цуг эн тоот тоолвр мана зуркиг бульгүлв* (Х.ү.). «Юность... дальняя дорога ... Незнакомые места... Новые друзья... Все эти мысли взволновали наши сердца».

Подавляющее большинство номинативных предложений калмыцкого языка являются распространенными, причем чаще всего за счет определений, выраженных прилагательными и причастиями: *Тиньгр теегт тенд-эндэһар урһсн буурлда, шарлжн заагтнь терунэсн тарха аржани, бетк болн нань чнгн иим хату урһмлмуд* (Эренжэнэ К., н.х.). В ровной степи то там, то здесь растущие полынь да бурьян, между ними редкий аржанец, ковыль и другие худосочные травы».

*Халуун салькар үмсүлсн
Хаврин хурар уһагдсн
Харан уга өргн
Хээртэ мини тег* (Х.а., 167).

«Горячим ветром целованная, весенним дождем омытая, необъятно широкая, любимая моя степь!».

Определение при главном члене номинативного предложения может быть выражено также существительными в совместном и родительном падежах: *Сер-сер гисн салькта, Бур-бур гисн хурта Бумбин*

орн (Х.а., 195). С легким прохладным ветром, с приятным благоуханием дождя Бумбайская страна».

Номинативные предложения широко употребляются в фольклоре. В частности, многие загадки, пословицы, магталы построены в форме номинативных синтаксических единиц. Например: *Хун дуута хулһр кер ажрһ.* «Корноухий гнедой жеребец с голосом лебедя (домбра)». *Мөсн дээр мөңгн ааһ* (Х.ү., 248). «На льду серебряная чаша (луна)». *Эргин кеид ке күүкн* (Х.ү., 90). «У самого обрыва (кручи) красивая девочка (пуговица)».

Назывное, или номинативное предложение лежит в основе следующего магтала (оды) в честь коня: *Туула сээхн зоота, Тошл сээхн һуйта, Еңсг сээхн толһата, Өврм сээхн нүдтэ, Өргн сээхн чеежтэ, Өл йонһр дөрвн һашг алтн турута, Найн алд сээхн сүүлтэ, Нээмн алд сувсн сээхн делтэ Арнзл зеерд* (Х.а., 19).

«Со спиной, нежной и мягкой, как у зайца
С крупом прекрасным, отливающим блеском,
С величавой прекрасной головой,
С достойным восторга чудесными глазами,
С широкой красивой грудью,
С четырьмя, сверкающими золотом, копытами,
С чудесным, как коралл, хвостом в восемьдесят сажен
Аранзал Рыжко».

Организующим центром этого номинативного предложения является субстантивированное прилагательное *зеерд* «рыжий, Рыжко» в сочетании с собственным именем коня – Аранзал. К главному члену примыкают шесть однородных определений, выраженных существительными в совместном падеже.

О древности и активной употребительности конструкций номинативного типа свидетельствует тот факт, что они служат излюбленным приемом выражения мыслей в национальном эпосе «Джангар»². Для убедительности еще раз обратимся к примеру из него. Вот как дается описание дворца: *Найн дөрвэр термлгсн, Термин миңһэдэр уньлгсн, Уньн юуһинь Арслгн сояһар шухулгсн, Терм юуһинь Даң заани сояһар кевлгсн, Мал улан ширэр ширдгсн, Маж малин тосар өңлгсн, Күдр зан-дар эрклгсн, Күжэ улан зандар харачлгсн, Еңгр цаһан мөңгэр һаһрлгсн,*

² На исконность номинативных предложений в монгольских языках указывает Т.А. Бертагасв, который подкрепляет это положение примерами из различных источников, в том числе из древнейшего письменного памятника монголов «Сокровенное сказание». [См.: Бертагасв 1964: 49-50, 57-58].

Бумбин өндр цаһан өргэ (Х.а., 11). «Из 84 складных решеток составленный; Решетки тысячью унин укреплены; Унины львиными клыками тиснены; Решетки сплошь слоновыми бивнями отделаны; Алой краской разукрашены; Жиром девственных животных смазаны, из могучего сандала сделаны; Кругом - *харач* из благородного сандала окаймлен, белым-пребелым обручем охвачен Бумбайский высокий белый дворец».

Для того, чтобы представить столь подробно отдельные детали дворца и сосредоточить внимание на них, очень умело используется конструкция именно номинативного предложения, с его богатыми возможностями распространения.

В современном калмыцком языке номинативные предложения встречаются почти во всех жанрах: поэзии, прозе, драматургии и публицистике (очерки, заметки, репортажи). Калмыцкие писатели и поэты охотно прибегают к употреблению номинативных предложений, особенно там, где необходимо нарисовать широкую панораму того или иного явления через показ конкретных особенностей и деталей. Вот два примера из произведений Басанга Дорджиева и Константина Эрендженова:

1. *Витебск, Смоленск... Кесг-кесг олн балһсд, поселк, селэд... фашистск тамас мөлтрсн олн-олн улсин байр. Энрһтә түңгилһнәс хөөһсн теегмүд, толһас, өндрмүд, модд. Тер тоот бас санлас кезэд чигн һаршго болж үлдсн Рубеженка селән, терүгә өөр бәэх Нерн уга өндр...* (Доржин Б., М.о., 88). «Витебск, Смоленск... Бесчисленные города, поселки, деревни... Радость множества людей, вырвавшихся из фашистского ада. Избавленные от жестоких мучений поля, леса, холмы и пригорки. В их числе навечно оставшееся в памяти село Рубеженка и невдалеке от нее высота Безымянная...»

2. *Күмнд уга күңкл ухата, кишгтә хувлһн мет хэртә, олн әмтнә төвкнүн сәәхн жүрһлин төлә әмән әрвлгә кәдлж йовсн алдр багш Ленин, хур, салькн, хатунас, хаана хәәһәчнр, элчнрәс бултж-хорһдәж йовсн ик берк туужста, ирх цагин шин улст бумблв болж үлдсн хэртә харимг* (Эрнжәнә К., Келврмүд., 138). «Оставшийся памятником для людей грядущего, с необыкновенной историей, дорогой шалаш, в котором укрывался от непогоды и прятался от царских ищеек и сатрапов самый мудрый из людей, добрый, как гений, великий учитель Ленин, работавший не щадя своей жизни, ради счастливой и мирной жизни народов».

Номинативные предложения калмыцкого языка бывают двух ти-

пов: 1) номинативные предложения со значением оценки и экспрессией; 2) номинативные предложения без значения оценки и экспрессии.

Номинативные предложения со значением оценки и экспрессией

Предложения данного типа не только утверждают наличие, бытие какого-либо явления, но и содержат эмоциональную оценку по поводу сообщаемого. Общее оценочное значение предложения достигается различными средствами: словами со значением оценки, частицами, или словами в роли частиц (например: *ямр, яһсн* и др.) и особой эмоциональной интонацией. Модально-эмоциональный план номинативных предложений может включать разнообразные оттенки значений: удивления, восхищения, страха, негодования и т.д. Например: *Закрия. – Хойр миһн арслһ!? Мууха дала юмб!* (Баснга Б., Б.о., 210). «Закрия. – Две тысячи рублей!? Как много!». *Түүмр!.. боллдад мөртә, темәтә, йовһн улс ардк хотнас шууглдад һарад ирв* (Эрнжәнә К., Н.х., 303). «Пожар!.. – с шумом и криком со стороны хотона, стоявшего на северной стороне, появились люди – конные, пешие и на верблюдах». *Дегтр, дегтр!.. Саак дегтрән авад һарв!* «Книги да книги!.. Опять заладил про книги!».

Эмоционально-оценочные номинативные предложения особенно характерны для лирических жанров калмыцкой поэзии (стихи, поэмы). Вот, пример, типичный образец такого предложения, взятый из поэмы Народного поэта Калмыкии Аксена Сусеева «*Теегин үрн*» (Сын степей, Х.а., 161):

Яһсн өргн тегв !

Яһсн нигт ноһамб!

Яһсн цевр аһарв!

Яһсн бүләкн нармб!

«Какая широкая степь! Какая густая зелень! Какой чистый воздух! Какое теплое солнце!»

В этом отрывке отражается эмоциональное восприятие картины родной природы, ее красок и прелестей. С этой целью поэт использует такие оценочные прилагательные, как *өргн, нигт, цевр, бүләкн*, сопровождая их каждый раз усилительно-оценочным словом-частицей *яһсн*. Все четверостишие характеризуется риторически-восклицательной интонацией.

Не менее ярким примером употребления номинативных предложе-

ний в лирике может послужить отрывок из стихотворения Баатра Ба-сангова «*Өрүн торһа бидн хойр*» (Жаворонок на заре и я. Б.о., 546).

Яс-үс тинилһсн

Яргсн седкл эдгэгсн

Яртгсн зүрк жөөлтүлгсн

Яһсн сээхн думби?

Ямр көгжсмин һарһсн

Янзта сээхн айсви?

«Выпрямляющая тело,

Излечивающая израненную душу,

Смягчающая сердце кровоточащее,

Какая чудесная песня?

Каким инструментом рожденная,

Преисполненная гармонии мелодия?!».

В прозаических произведениях калмыцких писателей эмоционально-оценочные номинативные предложения чаще встречаются в местах так называемых лирических отступлений, которым нередко свойственна интонация удивления, восторга или негодования.

Номинативные предложения без оценочного значения

Номинативные предложения названного типа лишены модально-экспрессивного (оценочного) значения, они лишь указывают на существование какого-либо явления, предмета. Интонация таких предложений повествовательная, спокойная и ровная. Номинативные предложения без оценочного значения распадаются на четыре структурных вида:

1) Номинативные предложения, соотносительные с безличными односоставными предложениями со связкой *билэ*. В подобных ситуациях номинативное предложение характеризуется отсутствием указанной связки, а безличные – наличием ее. И в том и в другом случае организуящим центром выступает слово с количественно-временным значением, например: *цаг, жшл, өдр* и т.д.

Хар теңсгэс авн Ар теңсгэмүд күртл өдр сө уга догшин дээлдэн болжасн цаг (Доржин Б., М.о., 105). «Время, когда от Черного и до Северных морей шла не прекращающаяся ни днем ни ночью жестокая война». *1957 жшлин зунин дунд сарин нарта дулан сээхн өрүн* (Х.ү.). «Чудесное солнечное утро середины лета 1957 года».

Рассматриваемые предложения могут быть квалифицированы как односоставные безличные только при формальном наличии связки *билэ* «было».

Номинативные предложения с главным членом, выраженным существительным с временным значением необходимо отграничивать от двусоставных предложений, сказуемое которых может иметь при себе те же слова с временным значением, но с опущенной связкой *билэ*: *Би яһв чигн арв курчкн, юмна аюһинь меддг цаг* (Доржин Б., М.о., 41). «Как-никак я был лет десяти и уже разобрался кое в чем». *Оли-амтн, үндсәри кондрәд, бульглад үүмжэ йовсн цаг* (Х.а., 166). «Время, когда весь народ, снявшись с мест, пришел в движение и бурлил».

Структурная особенность этих предложений состоит в том, что сказуемые их являются усложненными, в состав которых входит слово *цаг* «время» с опущенной связкой *билэ*.

2) Номинативные предложения, соотносительные с двусоставным предложением, сказуемое которых выражено глаголом *бээнэ* «есть, имеется, находится». Первые отличаются тем, что у них главный член – имя существительное с предметным значением – не имеет при себе сказуемое *бээнэ*: *Эмг болһнд хурл, хурл болһнд арвад шаху өргэ, хөрәд һар хожул болсн гелцгүд, һучад шаху зарц болсн манжур* (Доржин Б., М.о., 9). «В каждом аймаке хурул, в каждом хуруле около десяти зданий, свыше двадцати престарелых гелюнгов да около тридцати послушников-батраков». *Худгас хоорнднь дууна үлү чигэ һазрт школын нег гер* (Доржин Б., М.о., 59). «В стороне от колодца, на расстоянии чуть больше километра, одиноко стоит школьное здание». *Энд кошар, тенд кошар, энд отар, тенд отар – төгәлцгдән тасрхан уга мел мал* (Х.ү.). «Здесь кошара, там кошара, здесь отара, там гурт – кругом без конца скот».

3) Номинативные предложения, конкретизирующие друг друга с целью пояснения или для более широкого обобщения: *Селәнэ зах. Гилгәш Нарн хойр*. «Край села. Гиляш и Наран». *Элвг өргн энкр Тәрсн, һарсн, өссн һазр* (Х.а., 204). «Необъятная любимая Родина. Бесценная земля, на которой родился и вырос». *Бүкл һучн жшл. һучн жшлин эргүд сурһул сурһлн, дээнэ хаалһ, шаңга церглһнэ көдлмиш* (Х.ү.). «Целых тридцать лет. В течение их учеба, фронтовые дороги, работа на государственной службе».

Предложения этой разновидности употребляются как с предметным значением, так и с временным, например: *Үдин цаг. Малан услх, үкрән саах кем*. «Обед. Время поить скот и доить коров».

4) Номинативные предложения, напоминающие однородные члены. Предложения такой конструкции обычно являются препозитивными и заканчиваются всегда неназванными предложениями обобщающего характера. Номинативные предложения данного вида в структурном отношении могут характеризоваться наличием указательных частиц. Прием синтаксического параллелизма номинативных предложений удачно использован в стихотворении Нимгира Манджиева «*Эн цуһар хавр*» (Это все весна, Х.а., 150):

Эн мандлжасн нарн

Эн уняртжасн өдр

Эн хээлжасн цасн -

Эн цуһар хавр.

Эн жирһжасн богшурһа

Эн шоржцгжасн усн

Эн цевр аһар

Эн цуһар хавр...

«Это восходящее солнце, этот дымкой подернутый день, этот тающий снег – это все весна. Этот чирикающий воробей, эта журчащая вода, этот чистый воздух – это все весна».

Приведенный отрывок показателен в том отношении, что каждое четверостишие заканчивается двусоставным обобщающим предложением, которому предшествуют номинативные предложения, построенные по принципу однородности. Такое построение стихотворного произведения представляет определенный стилистический прием. В том, что здесь имеет место ряд однородных назывных предложений, а не просто однородных подлежащих, убеждает различный характер их интонационного оформления и логического выделения. Для однородных членов характерна безпаузная и спокойная интонация перечисления, а для назывных предложений – довольно резкое повышение голоса и тем самым логическое обособление каждого из них.

Конструкции, сходные с номинативными предложениями

Наряду с номинативными предложениями, функционирующими как самостоятельные синтаксические единицы, наблюдаются внешне совпадающие с ними конструкции. К ним относятся: 1) изолированный именительный падеж в составе какой-нибудь синтаксической структуры; 2) именительный падеж в функции сказуемого неполного двусо-

ставного предложения; 3) именительный падеж в роли наименования и 4) обращение.

Изолированный именительный падеж (или номинатив)³

Именительный падеж, употребленный в составе синтаксической структуры изолированно, призван дать только тему сообщения, представить предмет или явление с тем, чтобы логически выделить и заострить внимание именно на нем. Для изолированного именительного падежа характерна продолжительная пауза, отделяющая его от последующей части предложения. На письме она отмечается трехточием. Например: *Хальмг дуд... Ижлин урсхл мет хурдн, өргн теегшн* (Х.ү.). «Калмыцкие песни... Быстрые как течение Волги, привольные, как широкая степь». *Тоодг... ямаран саг шовун, кү тас өөрдүлхи* (Бембин Т., Б.ц., 220). «Дрофа... Какая осторожная птица, никого не подпустит».

Изолированный именительный падеж, в отличие от номинативного предложения, несамостоятелен: т.е. всегда выступает в качестве подлежащего того предложения, к которому он примыкает. Следовательно, изолированно употребленный именительный – это своеобразная черта двусоставного предложения. Приведем еще ряд примеров: *Тэвн насн... Нег күүнэ жирһлд зөвэр ик цаг, күмн-амтнэ туужд – негхн эмсхл* (Х.ү.). «Пятьдесят лет... В жизни одного человека – довольно значительный срок, в истории человечества – всего лишь мгновение». *Терзин өмн урһа модн ... өдр ирвэс улм-улм көкрэд, өсэд, чаңһрад йовна* (Бембин Т., Б.ц., 85). «Перед окном растущее деревце... с каждым днем все больше зеленеет, растет и набирается сил». *Тарас... Тарас... сээхн нерн... мел украинск нерн* (Бембин Т., Б.ц., 45). «Тарас... Тарас... красивое имя... настоящее украинское имя». Изолированный именительный падеж в последующем предложении может быть представлен местоимением, в частности, указательным, который употребляется в роли подлежащего или дополнения: *Бамб цецгс!.. Хаврин теегиг яһж кеерүлнэ эдн*. «Тюльпаны!.. Как они украшают весеннюю степь». *Сиврин киитн үвл... Энүг тесхд йир кучр билэ* (Х.ү.). «Холодная сибирская зима... Перенести ее было очень нелегко».

³ В синтаксической литературе в одинаковой мере употребителен и тот и другой термин. См.: [Грамматика современного русского литературного языка 1970: 656]

Именительный падеж в функции сказуемого неполного двусоставного предложения

С номинативными предложениями не следует смешивать случаи употребления именительного падежа в функции сказуемого двусоставного предложения, подлежащее которого подсказывается общей ситуацией речи или непосредственно контекстом предшествующего предложения. Например:

– *Комбинадт кэдлжэх улсин дундин наснь ямаран?*

– *Хөрн зурһан* (Х.ү.).

«– Каков средний возраст работающих на комбинате?

– Двадцать шесть».

– *Ямаран цагла яһжэ Центрлэһэн залһлэдг бшгэч?*

– *Кишиго ноха, – гижэ Доля аралдад, хойр халхарнь селн ташна* (Бембин Т., Б.ц., 250).

«– В какое время и как поддерживал связь с Центром?

– Паршивый пес, – взвизгивает Доля и бьет наотмашь по щекам».

Зуртнь арви дола-нээм орсн дүңгэ наста атхр үстэ, альви тиим халэгтэ, маасхлад инэжэх күүки сууна.

– *Сээхлэ, – гижэ Уви келв* (Бембин Т., Б.ц., 32).

«На фотографии – широко улыбающаяся девушка, лет примерно семнадцати - восемнадцати, с выющимися волосами и лукавым взглядом.

– Красавица, – сказал Убуш».

Номинативные предложения так же, как и именительный в функции сказуемого двусоставного предложения, могут иметь и объектное распространение. Это имеет место тогда, когда главный член номинативного предложения выражается отглагольным существительным на -лһн.

– *Мана кех керг ямарамб?*

– *Нук малтлһн – гижэ Долда келв* (Инжин Л., О. к., 70).

«– Что мы должны делать? – Копать ямы, – ответил Долда».

– *Юн күмб одакчн?*

– *Мана һурвдгч фермин ветеринар Андрей* (Инжин Л., О.к., 41).

«– Что это за человек? – Андрей, ветеринар вашей третьей фермы».

Именительный падеж в функции сказуемого неполного двусоставного предложения может быть названием лица по имени, фамилии и положению:

– *Неричнь кемб? Альков келчкч. Көвүн зөвэр ухалси болжсаһад, нерэн келв:*

– *Ануса...* (Инжин Л., О.К., 92).

«– Как твое имя? Ну-ка скажи. Мальчик, поразмышляя некоторое время, назвал свое имя: – Ануса...».

– *Та эврәннь керг-үүлэри кен болжсахмт?*

– *Эмч.*

«– Вы по своей специальности кто?

– Врач».

Именительный падеж в роли наименования

Конструкции с именительным падежом в функции наименования иногда причисляют к номинативным предложениям, что не совсем правомерно. В противоположность первым они только называют что-то, но не утверждают факт его реального существования. Таким образом, конструкции с именительным падежом в роли наименования имеют лишь формальное сходство с подлинными номинативными предложениями. К конструкциям-наименованиям относятся: названия стихов, песен, рассказов, газет, журналов, книг, названия учреждений, предприятий и т.д. Например: *Төгрэш. Нүүдлэ. Ялуха* (названия песен), *Бумбин орн. Бамб цецг. Ревдольган* (названия книг), *Таһичин зэңг. Ленинэ ачнр. Улан хальмг* (названия газет) и т.п.

Обращение

К номинативным предложениям очень близко стоят конструкции с именительным падежом существительного (реже – числительного и местоимения) в функции названия адресата речи, или обращения: *Дагдэ, юн гивчи?* (Инжин Л., О.к., 35). «Папа, что ты сказал?». *Эй, коммунахн уралан!* (Инжин Л., О.к., 78). «Эй, коммуновцы, вперед! *Хөрн тавдгч, өмнэгшэн!* «Двадцать пятый, вперед!». *Хээмнь тадм, бэрсн гертн бээшн болг, Бээсн бийстн өнр өсклч болг* (Х.а., 194). «Милые вы мои, пусть дом, построенный вами, будет дворцом, пусть вас будет много».

Обращения, которые употребляются вне предложения и сопровождаются восклицательной интонацией, имеют статус предложения – односоставного вокативного:

– *Я-а-һлав... Кее-мэ-э... Боб-ба... Яма-а-ан! Харсжэ ав-а-а !!! – гисн*

дун улм өөд авч чашкурдад деер авч эжиүв (Доржин Б., Ч.х., 36). – «Ой!... Ке-е-мя... Боб-ба... Яма-а-ан. Спасите!!! – неся истошный вопль, который становился все более пронзительным». *Ай, Делгир! Эднчи яһжэсхмб?* (Баснга Б., Б.о., 420). «Эй, Делгир! Что они делают?».

В роли обращений выступают не только имена собственные, но и термины родства, клички животных, названия неодушевленных предметов и отвлеченных понятий. Примеры: *Ю хэлэжээнэч, Аюш?* (Инжин Л., О.к., 73). «Что смотришь, Аюш?». *Ээж, соңстн, нег юм келсв...* «Мама, послушайте, расскажу вам что-то»... *Ут өргн Ижл, угарш уга байнч!* (Х.а., 262). «Бесконечная, широкая Волга, ты неисчерпаема богата!». *Күцэсн үүлдөрмүднэ аминь келж, домбрм күңкнич!* (Х.а., 267). «Звени и пой, домбра моя! Поведай о достигнутых успехах». *Соңсхв чамаг, Элст, Советин нутгт туурсичн!* (Х.а., 289). «Услышу тебя, Элиста, как ты прославилась на всю страну Советов. *Укл мини... Ягач!* «Смерть моя... Где ты!».

Обращения употребляются в диалоге, в ораторской речи, в лозунгах, призывах, молитвах, благопожеланиях и поэтических произведениях.

Обращение всегда характеризуется специфической звательной интонацией, которая в зависимости от позиции, занимаемой обращением, может колебаться: то усиливаться, то ослабляться. При этом немало важную роль играют междометные частицы. Например, обращения, стоящие в начале предложения, и особенно те, которые сопровождаются частицами, имеют, как правило, энергичную, четко выраженную интонацию восклицания: *Бакдэ, серхитн* (Доржин Б., Ч.х., 46). «Бакдык, проснитесь же». *О, Манжэ! Нааран һарад суутн.* «О, Манджи! Проходите сюда, садитесь». *Эй, Арлтан! Оржэ йовна эднчи* (Х.а., 161). «Эй, Арлтан! Они уже наступают! *Ольдан бригадыхн, мөндөт!* (Инжин Л., О.к., 37). «Бригада Ольдаева, здравствуйте!»

Обращения, стоящие в середине, в интонационном отношении бывают ослабленными, и они не находят поддержки со стороны междометных частиц: *Хэрнь тер, үүрмүд, мини келхэр бээсн* (Бембин Т., Б.ц., 43). «Это то, товарищи, что я хотел сказать». *Нэ ода, залус, мөндлэд сапх кем ирв* (Там же). «Ну теперь, мужчины, пришло время попрощаться и разойтись».

Если обращение стоит в конце предложения, оно чаще всего характеризуется смешанной вопросительно-звательной интонацией: *Удан болхий үүнд, Яца минь – гижэ өвгн сурв* (Баснга Б., Б.о., 536). «Яца, долго

(он) пробудет здесь? – спросил старик». *Юн болжэ одва, яһвта, өвгн?* (Баснга Б., Б.о., 527). – «Что случилось с вами, старик?».

Интонация постпозитивного обращения выделяется слабо, особенно когда отсутствует вопрос: *Чи хажһр келжээнэч, Сергей.* «Ты неверно говоришь, Сергей». *Тагчэ бээһит, көвүд.* «Будьте потише, помолчите, ребята». Интонация обращения, расположенного в конце предложения, усиливается, если вся конструкция в целом носит подчеркнуто восклицательный характер: *Би чамд бичгтэн бичлэлм, мама!* (Балакан А., Булг, 15). «Я же тебе в письме писал, мама!» *Келхнчи, һэрг!* «Ну говори же, глупый!».

Обращение, находясь в любой позиции, не является членом предложения, т.е. никаким грамматическим видом связи (сочинительным или подчинительным) оно не связано со словами-членами предложения.

Способы выражения обращений

Слово-обращение имеет особое интонационное оформление. Обычно в слове-обращении гласный последнего слога является эмфатически долгим. Эту эмфатическую долготу многие исследователи определяют как форму звательного падежа. Причем характер такого удлинения определяется ситуацией общения и расстоянием, отделяющим говорящего от собеседника – адресата речи. Так, например, если тот, к кому обращаются, находится рядом или неподалеку, то долгота гласного последнего слога может быть нормальной, если же слушающий находится на значительном отдалении, то долгота может быть максимальной. Ср.: *Бата, наарлч. – Батаа, наарлч.* «Бата, пойдн сюда». *Наран! – Нараан!* «Наран!» (собственное имя).

Интонация звательности передается через долгий гласный в том случае, если обращение носит ласкательный характер, например: *Кеемэ! – Кеемээ* «Кемя!». *Ааг! – Аагаа!* «Папа!».

Слово-обращение может иметь при себе и другой формальный признак – притяжательную частицу первого лица *минь*: *Сату. – О, Инжэр минь!* *Намаг тиим юмнд харлэж болдв* (Баснга Б., Б.о., 184). «Сату. – О, моя Инджир! Разве в этом можно подозревать меня?». *Буйн болх, Деля минь, эмтнэ хоорнд бичэ орлиц* (Бадмин А., У.э., 202). «Ради бога, Деля моя, не вмешивайся в чужие дела».

Нередко притяжательная частица *минь* подвергается усечению и выступает при слове-обращении в виде согласного -м: *Дуурн уста дүмбр*

Ижлм. Дүүвр теегэн дацгин хээһэч! (Сян - Белгин Х., Өрүн, 17). «Полноводная величаявая моя Волга. Ты всегда искала раздольную степь».

Обращение часто сопровождается оценочным или качественно-характеризующим словом. Они выступают или в положительном значении, например: *кукн минь, хээм минь (хээмнь), көөрк минь (көөркм), сээхн иньгм, эңкр үүрм...* или в отрицательном (неодобрительном): *киши-го доск, көгшин зөнг, сэн залус, һэрг* и т.д. Примеры: *Меднэв, кукн, цуһар кегдх* (Инжин Л., О.к., 34). «Понимаю, голубушка, все будет сделано». *Кукн хээмнь, би яһж медхв, эврэн мед...* (Инжин Л., О.к., 28). «Милая моя, как мне знать, поступай, как знаешь». - *Я - яһлав, яһлав... көөрк минь... Яһсичи энв?* (Баснга Б., Б.о., 501). «О, боже... дорогой ты мой, что случилось с тобой?». *Көгшин зөнг, кезэ невчк ухан орхмбч!* «Старый дурень, когда ты немножко наберешься ума!». *Наран өргүхэти, кишиго доске* (Баснга Б., Б.о., 437). «Руки вверх, негодяи». *Эй, сэн залус, на-арлт!* «А ну-ка, пойдите сюда, хорошие молодцы».

С целью подчеркнутого усиления звательной интонации используется прием повторения обращения, что свойственно тем из них, которые располагаются в начале предложения: *Аав, аав, аав! Алхад хурдар ишкмнит* (Х.а., 188). «Отец, отец, отец! Шагайте скорей крупным шагом». *Нүүдлэ, Нүүдлэ, нүүдчнь сээхн, Нүүдлэ* (Х.а., 132). «Нюдля, Нюдля, глаза твои красивы, Нюдля».

В современном калмыцком языке обращение может повторяться через частицу *а*.

- *Лейтенант, а лейтенант!* – *гиһэд жөөлэр Уви дуудв* (Бембин Т., Б.ц., 21). «-Лейтенант, а лейтенант! – ласково позвал Убуш». Обращение может выступать в виде синтаксически однородного ряда. Происходит это тогда, когда речь говорящего адресуется нескольким лицам:

Малчнр, номтнр, тэрэчнр,

Маһис күчтэ дээчнр!

Теегэн кеерүлж авхм (Сян-Белгин Х., Өрүн, 28).

«Скотоводы, ученые, хлеборобы,

Воины – богатыри!

Украсим степь свою».

Бостн, өндэти, угатьнр, ядутнр,

Цуглртн, хольвлтн хуучна йос (Х.а., 143).

«Поднимитесь, восстаньте, бедные и нищие;

Соберитесь и свергните старую власть».

Обращение выражается не только одним словом, но и целым сло-

восочетанием, которое может иметь весьма развернутый и осложненный вид. Обращение является распространенным, если оно поясняется каким-нибудь другим словом или группой слов. Зависимые слова выполняют обычно определительную функцию: *Мини залси эңкр мөрн церг, соңс!* (Х.а., 124). «Командуемые мною любимые конники, слушайте!».

Распространенное обращение характерно для стиля ораторской и поэтической речи. В современном калмыцком языке оно встречается в благопожеланиях (йөрэл), в молитвенных призывах, в приподнятом стиле разговорной и книжно-поэтической речи⁴.

Для иллюстрации приведем отрывок из «Благопожелания молодежи» (*Баһчудын йоралһн*) выдающегося сказителя Давы Шавалиева:

Ноһан мет шуугжс урһсн,

Нарни гегэнд батргсн,

Бураһасн урһа зандн модн

Уласн болгсн, баһчудм... (Х.а., 194).

«Как зелень буйно выросшая, Под лучами солнца окрепшая, Из прутьиков-лозинок превратившаяся в растущие сандал и тополь, молодежь моя ...».

А вот пример распространенного обращения из романа Константина Эрендженова «Береги огонь» (*Һалан хадһл*, 188): *Ач иктэ советин йосна нилчэр, аврлт уга баячудин мухлаһас гетлсн, ааһ, цоғц хотан хувалцжс өсгсн аав, мөндвт!* «Здравствуй, выросший и вскормивший меня отец, избавленный благодаря советской власти от эксплуатации жестоких богачей!».

Обращения-призывы религиозного содержания представляют собой молитвенные формулы, которые встречаются в разговорной речи верующих людей. В художественных произведениях они используются для характеристики персонажа. Так, например, набожность богача Бакдыка, героя романа «Верный путь» («*Чик хаалһ*») Дорджи Басангова, подчеркивается тем, что его речь насыщена словами религиозного содержания, в том числе частыми обращениями-призывами к божествам о ниспослании милости: – *О, хээрхн, деед лам, һурвн эрдни, гэлдтн, дарк – гижэ Бакдг гентки эвшэн... суняв* (Доржин Б., Ч.х., 69). «– О, милостивый боже, верховный лама, пресвятая божья мать и три драгоценности, помилуйте, – произнес Бакдык и вдруг, потянувшись, зев-

⁴ Распространенные обращения являются очень древними по форме своего выражения. Они, например, лежали в основе шаманских заклинаний и призывов. См.: [Бертагаев 1964: 57-58].

нул». – *Акад юмб, дэрг, Зунква! Цагин селгэн гидг эн болнал* (Там же, стр. 47). «– Странно, пресвятая богородица и Дзонкава⁵! Вот что значит времена меняются».

Обобщая сказанное относительно обращений важно отметить, что они, совпадая по формальной структуре с номинативными предложениями, отличаются от них по своей функции (называть адресат речи) и по своей специфической (звательной) интонации.

Вводные и вставные конструкции

Общие замечания

В калмыцком языке простое предложение может осложняться не только за счет второстепенных членов, причастных и деепричастных оборотов, но и за счет включения в его состав вводных и вставных конструкций.

Вводные и вставные конструкции, находясь в составе предложения, тесно связаны с его содержанием, но грамматически от него обособлены. Этому способствует интонационное выделение вводных и вставных конструкций в пределах того предложения, в котором они употребляются.

Вводные конструкции в калмыцком языке бывают представлены словами и сочетаниями слов, но не предложениями. В отличие от них, вставные конструкции могут выступать как в виде отдельных слов и словосочетаний, так и в виде предложений.

Вводные конструкции предназначены выражать оценочное значение, которое может относиться к предложению в целом или же к какому-нибудь его члену. При помощи вводных слов и словосочетаний выражается отношение говорящего к сообщаемому, указывается также его источник.

Назначение вставных конструкций (слов, словосочетаний и предложений) – совершенно иное, чем вводных. Вставные конструкции включают в себе дополнительное сообщение и попутное замечание по поводу сказанного. Содержание вставных конструкций служит целям разъяснения и комментирования основного предложения.

Вводные слова и словосочетания

Оценка высказывания, отношение к нему со стороны говорящего могут быть переданы или словом, или словосочетанием. Например: *Келхд, хоюрн орн-нутгин төр-кергэр сонъмсна*. «Надо сказать, они оба интересуются делами страны». *Кемржэн кеелтэ хөөдиг мууһар асрад, концентрат өглөг хурһилтнь хотынь эс яхсла, зуурм боли чинэн-чидлнь тату хурһд харси уршгар, баһар тэвси бийнь, тави миңһн хурһд жһилдэн совхоз геехһн* (Инжин Л., О.к., 39). «Если овцематок плохо кормить и не давать им для поддержки концентрат, то ягнята родятся недоношенными и слабыми; по этой причине совхоз за год лишится, по крайней мере, пяти тысяч ягнят». *Мини хувэр, директор ирснь сэн болв* (Балакан А., Булг, 169). «Хорошо, что, на мое счастье, приехал директор». *Ундэн, энүнэ һардэхах район, наадксар болхла, сэн биш* (Балакан А., Там же, 87). «В действительности, руководимый им район, по сравнению с другими, не такой хороший».

Вводные слова и вводные словосочетания обладают разными значениями.

1. Вводные конструкции, передающие эмоциональное отношение говорящего к сообщаемому: *хув болад* (*болхарн*) «к счастью», *мөр болад*, *зу болад* «на счастье, к счастью», *мана* (*мини*) *мууляр* «на наше (мое) несчастье» и др. Например: *Мөр болад, амд үлдв* (Доржин Б., М.о., 38). «К счастью, я остался жив».

2. Вводные конструкции, указывающие на источник сообщения: *миниһэр* (*чиниһэр, танаһар*) *болхла* «по-моему (по-твоему, по-вашему)», *мини тоолврар болхла* «по моим расчетам», *мини сансар* «как я думаю», *түүнэ келсэр* «по его словам», *эмтнэ зэңгэр болхла* «по сообщениям людей» и т.д. Например: *Миниһэр болхнь, бүүрлх күүнд минь эн ик сэн һазр* (Эрнжэнэ К., Келврмүд, 118). «По-моему, это очень хорошая земля для того, кто собирается на ней поселиться». *Танаһар болхла, тер хажһр болж харчану?* (Балакан А., Булг, 82). «По-вашему, это ошибка?». *Цецнэһэр болхла, экин керлдлһн зөвтэ* (З.т., 133). «По мнению Цецена, ссора матери оправданная». *Мини тоолврар болхла, мана бригад долан жһилэ зураһан цуг халхарнь күцэх зөвтэ* (З.т., 314). «По моим расчетам, наша бригада должна выполнить семилетний план по всем показателям». *Ард үзгэс соңсгдсн эмтнэ эһэр болхла, Оьдэн хотна баһчуд нэгэрт аашиһахнь медгдв* (Доржин Б., Ч.х., 58). «По голосам, донесшимся с северной стороны, было ясно, что это идет на гулянье молодежь

⁵ Дзонкава – глава школы желтошапошников, причисленный к лику святых.

Одьдаевского хотона». *Медэтэ улс келжэ йовсиг соңссар болхла*, – урднь *Шонгрцахна энг эдл-аху, мал-герэри му биш санжэ* (Доржин Б., М.о., 8). «Судя по тому, что доводилось слышать от пожилых людей, раньше Шонгарцуковский род имел в достатке скот и неплохое хозяйство».

3. Вводные конструкции, указывающие на последовательность изложения мыслей: *негдвар* «во-первых», *хойрдвар* «во-вторых», *хурвдвар* «в-третьих», *нег бийэрнь (таларнь)* «с одной стороны», *наадк бийэрнь (таларнь)* «с другой стороны», *үлгүрнь, келхд* «к примеру, говоря». Например: *Негдвар болхла, нег мөрнэ бодарт авчах дөрвн мөрнэс негинь хэрү өгсн. Хойрдвар болхла, Утнасна муурлджэ хөөнэн сэн угаг эн бас меднэ. Хурвдвар, Леежн медэтэ, Утнасн баахн...* (Доржин Б., М.о., 18). «Во-первых, из четырех лошадей, взятых взамен украденной, одну он вернул. Во-вторых, он знает также, что ссора с Утнасуном ничего приятного не сулит в будущем. В-третьих, Леджин пожилой, а Утнасун молод». *Нег бийэрнь оли дунд орулжэ негдүлдг болв чигн, наадк бийэрнь, алад-булад, хулдад таражэ малыг харутуллин то-тоомжэ уга болв* (Доржин Б., Ч.х., 238). «С одной стороны, хотя и сдавали скот для общего пользования, с другой стороны, имели место бесчисленные случаи распродажи и убоя скота».

4. Вводные конструкции, выражающие отношение к способу выражения мысли: *талданар (оңстанар) келхд* «иначе говоря», «другими словами», *амрарнь келхд* «проще говоря», *эндэн келхд* «между нами говоря» и др. Например: *Амрарнь келхд, аяртан танахн тал курэд ирсв* (Доржин Б., Ч.х., 75). «Проще говоря, вечером зайду к вам». *Эцкнь – ветфельдшер, экнь – тооч, талданар келхд, сурһульта эк-эцкин үрн Андрей школд сэгнэр дасдг билэ* (Инжин Л., О.к, 113). «Отец его – ветфельдшер, мать – бухгалтер, иначе говоря, сын образованных родителей, Андрей хорошо учился в школе».

5. Вводные конструкции, указывающие на экспрессивный характер высказывания: *наадн уга* «кроме шуток», *һооднь (шуудтнь, илднь) келхд* «откровенно говоря»: *Наадн уга, Бадмин хүрмд одхми болвза?* «Кроме шуток, может пойдём на свадьбу к Бадме». *Илднь келхд, тана өңг-бээдл таасгдэжэхши нанд.* «Откровенно говоря, ваш вид мне не нравится».

Вводные конструкции в калмыцком языке располагаются в начале или в середине предложения. В роли вводных слов могут употребляться морфологически разные слова: существительные, наречия, причастия.

Во вводных конструкциях, представляющих словосочетание-оборот, в роли ведущего слова, как правило, выступает причастие бу-

дущего времени в дательном падеже, деепричастие в форме на *-сар, -сэр*, служебный глагол *бол-* в форме деепричастий на *-хла*, и *-ад* (см. приведенные выше примеры).

Вставные конструкции

Вставные конструкции в калмыцком языке, особенно в литературном, – явление довольно распространенное. Причем некоторые из них, например, уточняющие, носят исконный характер: *Кезэнэ нег догшин эжил – тер мөчн жилин бар сар болжэ нанд медгднэ – манахна мал икэр харутла* (Манжин Н., К.х.). «Когда-то в один суровый год – то, кажется мне, был месяц тигра а год обезьяны – у нас погибло много скота».

Вставные конструкции могут оформляться не только в виде предложений, но и в виде слов и словосочетаний: *Нег үлү икр хурһта (кеелтэ) хөн тер гемд күүргэ* (З.т., 302). «Овцы, тем более суягные, с двойнятами, не переносят эту болезнь». *Күүкд күн тер дотр баахн күүкн (терүнэ ухаһар) эврәннь сэн дурар тиим күнд көдлмит одна гисн – иткгдхи* (Балакан А., Булг, 123). «Чтобы женщина, да к тому же молодая девушка (по его представлению), по своему доброму желанию пошла на такую тяжелую работу, – не верится». *Баячуд (эн шин эжирһлд шахгдад йовхларн) урднь онц бийсэрн эзлжэ йовсн мал, гер, һазртан харм төрэд тачаһад йовна* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 195). «Богачи (испытывая притеснения от новой жизни) страстно жаждали заполучить свои, ранее принадлежавшие им земли, дома и скот».

Вставные конструкции в той или иной мере уточняют, разъясняют содержание основного предложения в целом или отдельных его членов. Вставные слова, словосочетания и предложения носят характер замечания, поправки и дополнения. Находясь в составе предложения, они выделяются интонационно, ослабляя тем самым общую интонацию предложения.

По месту расположения вставные конструкции бывают средними и конечными. Например: *Би үкрэн саажэ һарһад, арһс ташад, күүкндэн көкннь өгэд унтулчкад (тиикд Босха хурвн сарта цаг билэ) чиггәнн бүлжэлэв* (Бадмин А., У.э., 92). «Я, подоив корову, проводила ее в поле, слепив кизяк, накормила грудью свою девочку и, уложив ее спать (тогда Босхе было всего три месяца), стала взбивать кумыс». *Кергтэ гисн саамд күүкдим гергтәһим чигн автн (энүгән дахулжэ, шог һарһэжәхан медүлжэ суг инэв), зуг күрн мөрән кенд чигн өгшигөв* (Доржин

Б., Ч.х., 293). «Если понадобится, забирайте детей и даже жену (и, показывая, что он шутит, тут же прыснул от смеха), но своего гнедого никому не дам». *Наадн уга, тернь мел тааван дүрстэ. (Тер цагт репродуктор тиим ик болчкад, кө хар тааван дүрстэ болдг билэ).* (Доржин Б., М.о., 61). «Кроме шуток, он точно имел вид сковородки. (Тогда репродуктор был таким большим и походил на угольно-черную сковородку)». В последнем примере вставная конструкция оформлена как самостоятельное предложение вне состава основного предшествующего предложения.

Вставная конструкция может быть оформлена как вторая часть сложного предложения. Так, например, в сложносочиненном союзном предложении *Тер куунэ ач-жичнь ода бээихэнэ (тегэд эврэ нерарнь зөрц келжэхив)* (Доржин Б., М.о., 51). «Внуки и правнуки того человека живут и сейчас (поэтому я намеренно не называю их по именам)» вторая часть, начинающаяся союзом *тегэд*, является причинно-следственным предложением.

Вставные конструкции могут относиться не только к содержанию предложения в целом, но часто поясняют и уточняют тот или иной член основного предложения. Например: *...1812 жилин Төрскэн харсгч алдр ик дээнд Ноонин Батан урдкас Бушхтна Чаңка (Цанка гинэд чигн келгддг күн) сэн дурарн мордсн бээж* (З.т., 256). «Оказывается, из предков Нониева Баты в Великой Отечественной войне 1812 года добровольно участвовал Бушхатунов Чанка (его называли и Цанка)». *Альков, Босхмэж (Манжун эмгнэ нерн тиим билэ) авдрас мини цаас карандаш хойр хархэж өглч* (Доржин Б., М.о., 39). «А ну-ка, Босхомджи (так звали старуху Манджи), достань-ка из сундука бумагу и карандаш». *Ямаран кевэр тегэд бидн эн колхоз гисн юмитн (колхоз гисн үгэн нег үлү хадлдулж, арандан шахэж келв) бурдах зөвтэ улс болж харчанавидн? - болж Песоцкий суув* (Доржин Б., Ч.х., 77). «Так как же мы должны организовать этот так называемый колхоз (слово «колхоз» он произнес, нарочито процеживая сквозь зубы), – спросил Песоцкий и сел».

Вставные конструкции по своему характеру и объему бывают самыми различными. Порой они достигают размеров сложного предложения и даже могут составлять целый абзац. Подобные явления наблюдаются в произведениях Лиджи Инджиева, Басанга Дорджиева, Тимофея Бембеева и др. Например: *Дэкад... (бийэн тотхулад бээсн бас нег учр цэллхэр седчкэд, терүгэн Макар келсн уга. Тернь бюрон членд көвүдин келихэсн үг: «Чи, Макар, бюрон өмнэс ханцарн босад, яһжахмчи? Тер*

куукна сээхн нүднд седкл алдсн болвзач?). «Еще... (Макар что-то хотел разъяснить по поводу своей сдержанности и молчания, но потом не стал. То были слова, сказанные ребятами – членами бюро: «Ты, Макар, почему идешь против бюро? Может от того, что влюбился в красивые глазки этой девушки?». В данном примере вставная конструкция включает прямую речь.

Если максимальный объем или размер вставной конструкции – абзац, то минимальной единицей ее выражения может выступить вопросительный или восклицательный знак, который выражает в таком случае эмоциональное отношение говорящего к сообщаемому.

ЧЛЕНЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сказуемое

Главный член предложения, обозначающий действие, состояние, признак или принадлежность предмета, выраженного подлежащим (если предложение двусоставное) и выступающий в качестве его основного структурно-организующего центра, называется сказуемым. Например: *Торлзсн хурдн машид тоос бүргүлж гүүлднэ* (Инжин Л., О.к., 8). «Быстроходные машины мчатся, поднимая пыль». *Өргн тег талваһад унтжэ кевтнэ* (З.т., 60). «Широкая степь, распростершись, спит мирным сном». *Увлин өдр йир ахр* (Куукан А., Н.т., 57). «Зимний день очень короткий». *Бадм долата*. «Бадме семь лет». *Эн мал колхозин*. «Этот скот – колхозный».

В том, что сказуемое играет решающую роль в формировании предложения, убеждает сам факт существования различных типов односоставных (бесподлежащих) предложений. Именно через сказуемое предложение реализует такие синтаксические категории, лежащие в основе предикативности, как модальность и время. Средствами их выражения являются формы наклонения и времени глагола-сказуемого, модальные и лично-предикативные частицы, а также слова-связки, сопровождающие сказуемое. С помощью сказуемого предложение приобретает интонацию сообщения. Благодаря интонационной законченности сказуемое (будь оно глагольное или именное) может обходиться и без предикативных частиц и связок. Ср.: *Дурн гисн кезэд чигн хар сананас даву бөк мөн*, – *Дурн гисн кезэд чигн хар сананас даву бөк* (Доржин Б., М.о., 145). «Любовь всегда сильнее злого умысла». *Дурн мөнж, эн дишлго бээшго юмн* – *Дурн мөнж, эн дишлго бээшго* (Там же). «Любовь вечна, она не может не победить».

Сказуемое двусоставного предложения, хотя и определяет подлежащее, и в этом смысле является зависимым членом, но в силу того, что оно вбирает в себя интонационно-грамматические признаки предложения, сказуемому принадлежит роль организующего начала. Только поэтому сказуемое может иметь свой обширный состав второстепенных членов. В калмыцком языке встречаются, например, такие двусоставные предложения, в которых члены-распространители сосредоточены только вокруг сказуемого. Так, в предложении *Хөөч дэки үкс хурдлад һалд авгдэж одси үүд сэжв* (З.т., 62). «Хейчи снова бросился к загону и

открыл охваченную огнем дверь» все второстепенные члены входят в состав сказуемого. Подлежащее – имя собственное *Хейчи* – не имеет своего состава.

В калмыцком языке, как и в других родственных монгольских языках (бурятском, халха-монгольском), сказуемое, как правило, употребляется в постпозиции к подлежащему и замыкает предложение. Но такой порядок не является строго регламентированным. В живой разговорной речи сказуемое часто употребляется в препозиции к подлежащему. В литературном калмыцком языке, испытывающем большое влияние со стороны разговорной речи, сказуемое нередко занимает место перед подлежащим, а последнее выносится на конец предложения. Например: *Бууһад, мөрэн уяд, орж ирв хоюрн* (Х.т., 122). «Спешились и, привязав коней, оба вошли в дом». *Ик кезэнэ, у цагт нег ормд арвн чон цуглрж. Шиидвр кезэдг тер арвн чон* (Х.т., 5). «Когда-то, давным-давно, собрались в одном месте десять волков. И стали совещаться те десять волков». *Инәһэд босчана Цокту Солмн* (Х.т., 128). «Цокту Солмон, смеясь, встает».

Особенно часто выносятся за сказуемое указательные местоименные подлежащие:

– *Көвүн, чамас би нег сурх үгтэв*. – *Юм тертн?* (Х.т.). «– Мальчик, я что-то хочу спросить у тебя. – А что это?».

Хан зэрлг болжана: – Үнмб энтн? – Э - э, үнн (Х.т., 26). «Хан спрашивает: – Правда это? – Да, правда».

Сказуемое может занимать препозицию по отношению к подлежащему, если подлежащее выражается личными местоимениями. Например: *Нарн Гүшг Зандн хаани бодңуд билэ бидн* (Х.ф., 24). «Мы были витязями хана Наран Гушиг Зандана». *Үггэн намд кезэнэ юңгад эс келлә та* (Там же, 35). «Почему вы не сказали об этом мне раньше». *Доргшан орв чигн таниг олх би, деегшэн һарв чигн таниг олх би* (Там же, 33). «Я разыщу вас, хоть провалитесь под землю, хоть вознесетесь на небо».

Постпозиция лично-местоименного подлежащего, являвшаяся синтаксической особенностью старописьменного монгольского языка [Санжеев 1964: 88], сохраняется в калмыцком эпосе «Джангар», язык которого несет на себе некоторые архаические черты древнемонгольского синтаксиса. В современном калмыцком, а также бурятском языках постпозитивные лично-местоименные подлежащие в большинстве случаев превратились в лично-предикативные частицы. Однако следует заметить, что постпозитивное лично-местоименное подлежащее может употребляться

и при сказуемом, которое имеет показатель лица: *Хойр хулһн күүнджэна: – Цадвч чи? – Цадв. – Би бас цадв* (Х.т., 263). «Две мышки беседуют между собой: – Ты наелась? – Наелась. – Я тоже насытилась».

В калмыцком языке сказуемое двусоставного предложения согласуется, а точнее - соотносится, или координируется с подлежащим только в том случае, если последнее выражается личным местоимением обоих чисел: – *Би бас дахнав - гижэ, Бамб адһжэ келв. – Күкн, бидн хойр-һурвн хонгт чигн бээхвдн. Тадн хойр энүнд үлдэд, Бадмд нөкд болад, хөөһинь хэлэлцжэ бээхвдн* (Балакан А., А.б.з., 39). «Я тоже поеду с тобой, – поспешно сказал Бамба. – Милый, мы можем пробыть там два-три дня. Вы двое останетесь здесь и, помогая Бадме, присматривайте за его овцами». *Та нег зөв келәд, нанд йовх сулдхвр өгхитнн* (Куукан А., О.к., 15). «Вы согласитесь один раз и дайте мне освобождение от работы для поездки». *Чи, Болвсн, намаг һолжсанчи?* (Там же, 18). «Что, Боловсан, я не нравлюсь тебе?».

В приведенных примерах сказуемые, принимая лично-предикативные частицы или выражаясь соответствующими изъявительными и повелительно-желательными формами, выступают с лично-местоименными подлежащими, координируясь с ними в лице и в числе.

Координация в лице и в числе имеет место и в тех случаях, когда подлежащим является местоимение 1-го и 2-го лица обоих чисел, а в роли сказуемого выступают формы повелительно-желательного наклонения: *Чи гертән үлд* (Балакан А., Б.з., 39). «Ты оставайся дома». *Би эврәнн шарһ мөрэрн йовса* (Х.т., 48). «Поеду-ка я на своем соловом». *Эн төрәр түрүләд та бидн урдаснь күүндий* (Инжин Л., О.к., 259). «По этому вопросу давайте поговорим мы с вами заранее». *Тадн, бичкдүд, бичә шуугтн.* «Вы, малыши, не шумите». *Та, Манжэ, сууһад, халун хотас эдлит.* «Вы, Манджи, садитесь и покушайте горяченькое».

Если подлежащее выражается указательными местоимениями, а сказуемое – глаголом повелительно-желательного наклонения 3-го лица, то координация в числе может быть факультативной. Ср.: *Эдн намаг бичә наадлэ (наадлтха).* «Пусть они не дразнят меня». *Эчн амрч авг (амрч автха).* «Пусть он отдохнет». *Терчн гертән бэг.* «Пусть он дома будет».

Факультативная координация в числе имеет место и тогда, когда при именном подлежащем во множественном числе употребляется сказуемое, выраженное глаголом изъявительного наклонения с суффиксом, указывающим на взаимность или совместность действия *-иха, -ихә.* Ср.: *Эн асхин*

культурин Герт нерта хөөчнр ирчихэв (ирв). «В этот вечер в Дом культуры пришли известные чабаны». *Эмгн кесг сонһ юм келжэ өгв. Эн хойр тагчг соңсихав (соңсв).* «Старушка рассказала много интересного. Они вдвоем молча слушали». *Күүкд сурһуль сурчихана (сурна).* «Дети учатся».

Такого рода «согласование» имеет свои ограничения: сказуемое может принимать форму «множественного числа» на *-иха, -ихә,* если подлежащее выражено одушевленным именем существительным или указательным местоимением [Очиров 1964: 30-31]. Например: *Тедн сәәнәр дуулихана (дуулна).* «Они хорошо поют». Условно можно говорить о наличии координации в числе между подлежащим и сказуемым, если первое выражено каким-либо именем во множественном числе, а сказуемое – глаголом в форме взаимного залога на *-лд:* *Гиич ирсн гер тал хотна көгшдүд цувлдна.* «К дому, куда приехал гость, тянутся гуськом хотонские старики и старухи». В данном случае прямое назначение глагола – выражать взаимность действия, а не множественность лиц, совершающих его. Поэтому подобную связь сказуемого с подлежащим надо принимать за согласование только условно. В сказуемом следует различать лексическое (вещественное) и грамматическое значения. Под лексическим или вещественным значением сказуемого имеется ввиду предикативный признак (действие, состояние, свойство, качество, принадлежность), предписываемый его носителю – подлежащему. Грамматическое значение сказуемого составляют значения лица, времени и модальности, образующие в своей совокупности предикативность.

При классификации сказуемого учитывается его морфологический состав и структура. В морфологическом плане, т.е. в зависимости от того, какой частью речи выражается сказуемое, выделяются два типа сказуемых: глагольное и именное. По структуре, с учетом степени сложности выделяются в калмыцком языке три основных типа сказуемых: простое, составное и сложное.

Все разновидности сказуемого характеризуются определенными способами выражения своих значений.

Типы сказуемого и способы его выражения

Простое сказуемое

Сказуемое называется простым, если его логическое и грамматическое значение выражается глагольным или именным словом, которое

может выступать либо без частиц и связок, либо допускать их в ограниченном количестве: *Манад наһиҥ Һарэ сууна* (З.т., 156). «У нас сидит дядя Гаря». *Харцх ук дамилтта хөөч* (Балакан А., А.б.з., 21). «Харцха – очень опытный чабан». *Магазинд эд-тавр дала* (Куукан А., О.к., 85). «В магазине много товара». *Буденный гидг баатр бум күҥсн җергтэж* (Калян С., Ө.м., 102). «Богатырь Буденный, оказывается, имеет стотысячное войско». *Манж бийнь гертэн уга санж* (Доржин Б., Ч.х., 58). «Самого Манджи, оказывается, дома нет». *О, этн болдг, чик селвг мөн* (Там же, 75). «О, это дельный, верный совет». *Кезэнэ хальмг улс гелгүдт, зурхачд, удһнд үзүләд йовсн мөн* (Куукан А., О.к., 15). «В давние времена калмыки лечились, пользуясь услугами гелюнгов, астрологов и шаманок».

Сказуемые, употребляющиеся без всяких частиц и связок, являются абсолютно простыми, а те, которые имеют при себе частицы и связки, называются относительно простыми.

Простое глагольное сказуемое

Простое глагольное сказуемое выражается различными формами повелительно-желательного, условно-предостерегательного, изъявительного склонения и причастиями.

1. Простое глагольное сказуемое в формах повелительно-желательного и условно-предостерегательного склонений.

Сказуемое, выраженное повелительно-желательными формами, обозначает такое действие, совершение которого является либо обязательным (в данный момент или в будущем), либо желательным.

Сказуемое, выраженное повелительной формой 2-го лица единственного числа, совпадающей с основой глагола, передает значение немедленного осуществления воли говорящего адресатом речи: *Чи тиигэрэн эс медсэр һазаһас ирсн күн болад ор!* (Куукан А., О.к., 143). «Ты войди туда с видом человека, ничего не знающего зашедшего прямо с улицы». *Укка, бичэ ууль!* (там же, 143). «Укка, не плачь!». *Эн хамг кежгэх арвн харин кергэн хай* (Х.т., 65). «Бросай все эти творимые тобой десять черных деяний». *На, су кел. Бийчн ямаран?* (З.т., 207). «Ну, садись, говори. Как ты себя чувствуешь?». *Уралан, баахн үүрм. Ардагшан бичэ эрг!* (Көглтин Д., Урһц). «Вперед, мой молодой друг, назад не поворачивай!».

Сказуемое, выраженное повелительной формой 2-го лица единственного числа может обозначать и такое действие, которое либо долж-

но совершиться в ближайшем или отдаленном будущем, либо должно совершаться постоянно и длительно: *Маһдур мини ирсн тергэр йов, санаһан бичэ зов* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 164). «Завтра поезжай на моей телеге, не беспокойся». *Эн советин йоснд эндэн, Хальмг, эҗирһ!* (Х.а., 151). «При этой власти Советов повсюду цветы, Калмыкия!».

Сказуемое, выраженное повелительной формой 2-го лица единственного числа, может передавать и значение всевременности того или иного действия. Это особенно показательно для сказуемых односоставных обобщенно-личных предложений, представленных пословицами и поговорками. Значение повеления и требования в таких сказуемых бывает ослабленным в силу общего назидательного характера пословичных выражений: *Муңхиг маһдур үкх болв чигн сурһ* (Х.ү., 109). «Глупца учи, даже если он завтра умрет». *Сохр укрт худг бичэ медүл* (Х.ү., 115). «Слепой корове не показывай колодец». *Нуувчин үг келхләри, герэн һурв эргчкэд кел* (Х.ү., 103). «Если хочешь сказать по секрету, обойди три раза юрту и скажи».

Сказуемое, выраженное формой повелительно-желательного склонения 2-го лица множественного числа на *-тн, -гтун, -гтүн*, передает в вежливой форме побуждение, повеление и требование говорящего лица совершить то или иное действие: *Тер хаалһд белдхин эркд һурвн эҗилд күүкд бичэ һарһтн, һурвн эҗилдэн малын төлән хаатн* (Доржин Б., М.о., 8). «Чтобы подготовиться к той дороге, в течение трех лет прекратите рожать детей и в течение такого же срока прекратите прирост молодняка». *Харцһу йовсн харчуд хамцад ниһцж бостн* (Х.а., 141). «Находившиеся во мраке и невежестве простые люди, объединитесь и восстаньте!». *Келтн! Келтн! Соңсавидн* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 106). «Говорите, говорите! Будем слушать!». *Долда, наартн, машин деер суутн* (Инжин Л., О.к., 38). «Долда, идите сюда, садитесь в машину».

Сказуемое, выраженное формой 2-го лица обоих чисел повелительного склонения на *-ич, -ит*, передает значение усиленной просьбы или настоятельного требования выполнить желание говорящего лица: *Мамаһан бичэ серулич, Санж* (З.т., 21). «Санджи, не разбуди маму».

Шуугич, трактор, тачкнич.

«Гуди, трактор, грохочи.

Шулуһар хаһлад сичич.

Быстрее паши и взрыхляй.

Шавшич, тэрэн, урһич.

Растите, хлеба, колоситесь.

Сэн урһмл өгич. (Х.п.а, 131).

Дайте хороший урожай».

Жаһрчнр, дуучнр, цугтан

«Джангарчи и певцы, – все

Жирһлин айсан өргит.

Пойте мелодию счастья.

Ончта улан туган Прославленное Красное знамя
Оддудт кургэж делскит! Развевайте, вздымая под самое небо!».
(Там же, 267).

Сказуемое, выраженное повелительно-желательной формой 3-го лица обоих чисел, именуемой в монголоведной литературе также допустительной [Санжеев 1963: 110], передает пожелание, позволение или допущение говорящего совершить то или иное действие. Нужно отметить, что формы на *-г* и *-тха*, *-тхэ* приобретают дифференцированное значение числа только в контексте: *Бадм асхлад манад ирг (иртхэ)*. «Пусть Бадма вечером придет к нам».

Шарлад нарн хартха «Пусть солнце встает,
сияя золотом.

Шавшад ноһан урһтха (Х.а., 296). Пусть, буйно зеленея,
растет трава».

Ааһ цусн асхрг «Да прольется чаша крови,
Атх ясн эгрэ! да высохнет горсть костей!

Тиигэж Чөдр ухаһна (Сян- Белгин Х., Өрүн, 74). – так думает
(богатырь) Чедер».

Форма на *-тха*, *-тхэ*, которой выражается простое глагольное сказуемое, имеет четкую жанрово-стилистическую специфику: она чаще всего встречается в различных формулах – приветствиях, поздравлениях и благопожеланиях. Примеры: *Коммуна парть алдритха!* «Пусть славится Коммунистическая партия!»

Гиичнрин һоснас бүргсн тоосн

Геринтин үүднэс бичэ хөөһтхэ! (Көглтин Д., Урһц., 115). «Пусть пыль, клубящаяся под сапогами ваших гостей, не покидает порог вашего дома». *Кезэ чигн эвдриго советин оһн-эмтнэ хамцлт делкэд тууртха!* «Да славится в мире вечно нерушимое единство советского народа».

Сказуемое, выраженное повелительно-желательной (или препозитивной) формой 1-го лица, передает намерение и решимость говорящего самому осуществить то или иное действие. Показателем данной формы выступает суффикс *-с*, *-су*, *-сү*, который для уточнения числа сопровождается лично-предикативной частицей 1-го лица:

Сарул нуттан күрсүв

Сөдкличнь кургэж тальвсүв (Доржин Б., М.ү., 99). «Доберусь-ка до своего раздольного кочевья. Донесу твою душу и успокою тебя!».

Нарни герл бичкэ үзсүв

Намчлсн цецгүд бичэ үзсүв

Худл келсн болхла... (Калян С., Ө.м., 86). «Чтоб не видеть мне света солнечного, чтоб не видеть цветов цветущих, если я солгала...».

Би чигн ухаһад, тоолсүв (Доржин Б., Ч.х., 78).

«Я тоже подумаю и поразмышляю». *Бидн чамаг сурһульд йовулсвдн.* «Пошлем-ка мы тебя на учебу».

Сказуемое, выраженное желательной формой 1-го лица обоих чисел на *-са* *-сэ*, обозначает пожелание самого говорящего лица исполнить то или иное действие. Желательная форма на *-са*, *-сэ* в калмыцком языке не является столь употребительной, как пропозитивная форма на *-с*, *-су*, *-сү*, так как она очень близка по семантике к последней, ввиду чего почти полностью вытеснена ею. Тем не менее иногда есть необходимость прибегнуть именно к этой форме:

Ээж ааван яһжэ нег үзсэ! «Увидеть бы как-нибудь разок своих родителей!». *Би школан чиләһэд, көдлмит орса* (Инжин Л., О.к., 11). «Кончить бы мне школу и поступить на работу». *Яһжэ ахрар, төвэр келсэ* (Доржин Б., Ч.х., 194). «Как бы короче и точнее сказать».

Сказуемое, выраженное повелительно-пригласительной формой 1-го лица на *-ай*, *-эй*, *-ый*, *-ий*, *-ья*, всегда выступает без лично-предикативных частиц и передает призыв, приглашение и некатегорическое требование совершить то или иное действие совместно: *Цуг-цугтан дегү босий* (Х.а., 191). «Все до единого встанем разом». *Асад ирсн фашизмин түүмрэс бичэ эй!* (Х.а., 191). «Да не убоимся разбушевавшегося пожара фашизма!». *Тэвсн түүмртнь хэрү бийсинь шатай!* (Там же, 191). «Их же и сождем в учиненном ими пожаре».

Хоңһрин ачир, уралан!

Хүрүлэд чашкарн чавчья...

Маңһс дэгс тоньһья

Хар цусарн һазран услья (Баснга Б., Б.о., 567-568).

«Внуки Хонгора, вперед! Дадим же волю шашкам! Уничтожим чудовищного врага и черной кровью его напоим свою землю».

Как правило, такое сказуемое чаще всего употребляется в односоставном обобщенно-личном предложении, а также в односоставном определенно-личном, если имеется налицо обращение – адресат речи. Например: *Хальмг угатьнр, өндэй. Хээртэ нерэн босхий!* (Х.а., 143). «Калмыцкие бедняки, поднимемся. Восстановим свое славное имя!».

В калмыцком языке повелительно-пригласительная форма на *-ай*, *-эй*, *-ый*, *-ий*, *-ья* получает уточнение в числе через контекст, сочетается

либо с местоимением 1-го лица множественного числа, либо с местоимением 1-го лица единственного числа: *Ай, Булгун, би чамд шуудтнь келийл*. «Булгун, я тебе скажу прямо, как есть». *Кен кениг унһадгинь хэлэйл бидн*. «Мы еще посмотрим, кто кого свалит».

Сказуемое, выраженное повелительно-пригласительной формой 1-го лица множественного числа на *-ихай*, *-ихэй*, передает приглашение, убедительную просьбу и призыв выполнить то или иное действие неопределенным множеством лиц⁶. При этом значение совместности совершения действия специально подчеркивается суффиксом *-иха*:

Нэ, шулудицахай, йовэж түүмр унтрайцахай (Баснга Б., Б.о., 453). «Давайте поспешим, пойдемте тушить пожар».

Йоралан тэвэж мөңгэн

Йорал куртлын эдлцахэй!

Төрскэн туурулсн дууг

Татад ниинһар дуулцахай! (Көглгин Д., К.о, 29).

«Произнесем благопожелание и выпьем бокалы до дна!

Дружно запоем песню, прославляющую Родину!».

Сказуемое, выраженное повелительной формой 2-го лица единственного числа на *-чк*, производной от видовой аналитической формы на *-жэ (-ч) + орк*, обозначает действие, которое должно незамедлительно совершить второе лицо по велению, приказу и воле говорящего лица [Бертагаев 1964: 86]. *Чи, мини келсэр, бичэд өрүндэн суңһг йовулчк* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 185). «Ты, как я сказал, напиши и отправь утром телеграмму». *Тер цагт ирэд келчк, би зөв өгнэв* (Кукан А., О.к., 78). «Тогда приди и скажи, я дам согласие». *Чи, Харцх, малан хашад орулчк*. «Ты, Харцха, загони-ка свой скот в загон».

Сказуемое, выраженное формой на *-чк*, указывающей на 2-е лицо единственного числа, может сопровождаться еще и показателем повелительной формы 2-го лица множественного числа *-тн*: *Эндэс йовсн кү дахулад, көвүг нан тал илгэчктн* (Куукан А., О.к., 34). «Мальчика пошлите ко мне с людьми, которые поедут отсюда». *Шархта хөөдиг алад, махинь хулдчктн*. «Пострадавших от огня овец зарежьте и мясо продайте». *Эрнжн. - Кеемэһэс түрүләд сурчктн* (Баснга Б., Б.о., 170). «Эренджен. - Сначала спросите у Кемы».

⁶ Отметим, что данная форма не указана Г.Д. Санжеевым в его обзоре и сводной таблице повелительно-желательных форм [Санжеев 1963: 110]. Возможно, что она восходит к исходному прототипу *-сунай*, показателю желательной формы в классическом монгольском языке.

Сказуемое, выраженное формой повелительного наклонения, совпадающей с основной глагола, сопровождаясь утвердительной частицей *-л* и лично-предикативными показателями 2-го лица обоих чисел, обозначает вежливую просьбу и пожелание совершить действие вторым лицом: *Чи бас нег умилч!* (Балакан А., А.б.з., 89). «Ты еще прочитай-ка разок!». *Альков, цаадк бортхан өглт нааран!* «А ну-ка, дайте-ка тот бурдюк сюда!». *Занда, чи соңслч* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 183). «Занда, ты послушай-ка».

Сказуемое, выраженное формой повелительного наклонения, совпадающей с основой глагола, присоединяя утвердительную частицу *-хн*- и показатель повелительной формы 2-го лица множественного числа *-тн*, передает просьбу с оттенком призыва и пожелания совершить то или иное действие: *Ээжэ, нанд тууль келхнтн*. «Мама, расскажи-ка мне сказку». *Деегшэн һарад суухнтн*. «Проходите-ка вперед и садитесь». *Дурта дууһан дуулхнтн, домбран цокжэ бишлхнтн*. «Пойте же свои любимые песни, танцуйте, играя на домбре».

Предложения со сказуемым в данной форме обычно бывают бесподлежащими. Сказуемое, выраженное формой условно-предостерегательного наклонения на *-вза*, *-взэ*, *-за'*; *-уза*, *-үзэ*, передает опасение и предостережение говорящего 2-му или 3-му лицу обоих чисел: *Тадн болһатн, хэвэзат!* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 227). «Вы будьте осторожны, не подавились бы». *Гилэш. - Э... Меклчквэзат... Меклчквэзат...* (Баснга Б., Б.о., 174). «Гиляш. - Э... Как бы вы не обманули, как бы не обхитрили...». *Саг бээтн, чон ирвэзэ (ирүзэ)*. «Будьте осторожны, как бы волк не пришел». *Сурхм үүнэс, манд нег сэн үг келүзэ* (Х.т., 157). «Спросим у него, может быть, он скажет нам какое-нибудь хорошее слово». В отличие от норм калмыцкого литературного языка, разговорная речь допускает вариантное употребление условно-предостерегательной, или дубитативной формы. Ср.: *медвэзэ* и *медүзэ*, «как бы не узнал», *цоквэзэ* и *цокүзэ* «как бы не ударил» и т.п.

Сказуемое в форме условно-предостерегательного наклонения может сопровождаться лично-предикативной единицей 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа или частицей отрицания *-го*: *То-диг авхларн бу, зер-зев бээвзго гинэд негжнэ* (Бембин Т., Б.ц., 81). «Когда подсчитывают пленных, то (немцы) делают обыск, думая, как бы у пленных не оказалось оружия».

⁷ Этот показатель характерен для вспомогательного глагола *бол*, являющимся компонентом аналитической формы. Напр.: *Алдл уга хэлэжэ, хажунар һарч оддм болза* (Баснга Б., Б.о., 37). «Смотри неотступно, как бы не прошли стороной».

Сказуемое в формах изъявительного наклонения

Сказуемое, употребленное в формах изъявительного наклонения, обозначает такое действие, время совершения которого определяется его отношением к моменту речи.

Сказуемое, выраженное формой на *-на*, *-нэ* обозначает прежде всего действие, происходящее в настоящий момент: *Өндр хойр толһан хоорнд бүүрлсн хошин цань төвкнүн идишлжэ йовх хөд үзгднэ* (З.т., 310). «За кошарой, что расположилась между двумя высокими холмами, виднеются мирно пасущиеся овцы». *Очрин хажуд тракторист Бадм йовна* (Там же, 220). «Рядом с Очиром идет тракторист Бадма».

Сказуемое в форме глагола на *-на*, *-нэ* обозначает также действие, продолжающееся в течение длительного периода времени: *Совхозин дамилтта механизатормуд, селэнэ эдл-ахун специалистнр курсантнрт лекцэ умшина, техниклэ, нүүрлгч дамилтта таньлдулна* (Х.ү.). «Опытные механизаторы совхоза и специалисты сельского хозяйства читают курсантам лекции, знакомят с техникой и передовым опытом».

Сказуемое в форме глагола на *-на*, *-нэ*, употребляется часто в значении настоящего расширенного. В таких случаях действие мыслится как постоянное: *Эн каналар сазн захсн оржэ ирэд, цааран аглһ һазрт оджэ түрсэн цацна* (З.т., 216). «По этому каналу проходит рыба-сазан и, пробираясь дальше, в уединенных местах мечет икру». *Тег урдк кевтан налана, уралан иргчур дуудна* (Балакан А., А.б.з., 82). «Степь по-прежнему простирается и зовет вперед, в будущее».

Сказуемое, в форме на *-на*, *-нэ* может обозначать и такое действие, которое уже имело место в прошлом, но в целях повествования преподносится в аспекте настоящего времени. Такое значение настоящего времени иногда называют историческим, или повествовательным⁸. Например: *Нарн үг келлго, Араха йовад одсн ормур зуг өргэр заңһна. Очр-Маань терүнэсн һарад, долан-долан – дөчин йисн хонгтан нисэд, сарла харһна* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 108). «Солнце, не промолвив ни слова, только кивает в сторону, куда скрылся Араха. Очир-Мани после этого пролетев семью-семь – сорок девять дней, встречается с луной».

Сказуемое в форме на *-на*, *-нэ*, принимая лично-предикативные

⁸ Впрочем, форма на *-на*, *-нэ* может выступать в значении будущего времени и без наращенной лично-предикативной частицы *-в*, *-вдн*. Напр.: Ода *яһна*, ю *келднэ*. «Что же он теперь будет делать и что скажет». В таких случаях сказуемое выражает опасение говорящего по поводу действия другого лица.

частицы 1-го и 2-го лица обоих чисел, обозначает действие, которое совершится в будущем: *Би чамаг контортан күлэнэв* (Куукан А., О.к. 161). «Я тебя подожду в конторе». *Цаг бачм. Бидн йовнавидн*. «Время торопит. Мы пойдем». *Чивһснэ көгтэ айсар чамла дууһан негдүүлэв* (Х.а., 252). «Под мелодичный звон струны с тобою вместе запою».

Сказуемое, выраженное формой на *-жсана*, *-жсәнэ*, *-чана*, *-чәнэ*, обозначает действие, которое осуществляется в момент речи: *Би арвн класс чиләһэд, ода токарн станокд кедлжсәнэв* (Эрнжэнэ К., Келврумд., 103). «Я кончил десять классов и теперь работаю на токарном станке». *Улмжс ода геман меджсәнэ* (Там же, 99). «Улюмджи сейчас осознал свою вину». *Эндр «Кенз байн» һарчана* (Бадмин А., Э.у., 333). «Сегодня идет пьеса «Запоздалый богач». *Бидн шүүврэн өгчәнэвидн*. «Мы сдаем экзамены».

Сказуемое в форме на *-на*, *-нэ* может употребляться в значении будущего времени, если оно сопровождается частицей 2-го лица. При этом выражается предостережение: *Йир чи, көвүн, альвла бээжс уннач!* «Ох и добалуешься же ты, малец. Упадешь ведь!».

В калмыцком языке, в частности в фольклоре, встречаются сказуемые, выраженные архаической формой настояще-будущего времени с суффиксом *-му*, *-му*, который восходит к «классическому» показателю *-муй*. Так, например, в сборнике калмыцких сказок, записанных от сказителя Манджиева Санджи (он является носителем донского, или бузавского, говора), употреблены с показателем *-му*, *-му* глаголы *цок-*, *таш-*, *чич-*. Для иллюстрации приведем примеры из текста: *Хан келжсәнэ: «Би чамаг цокму»* (Х.т., 23). «Хан говорит: Я тебя побью». *Көвүн келжсәнэ: «...Шүүгдсн му хааг би цокму»* (Там же). «Мальчик говорит: «Проигравшего плохого хана я побью». *Хан келжсәнэ: «Көвүн би чамаг ташму»* (Там же). «Хан говорит: «Мальчик, я тебя шлепну». *Көвүн келжсәнэ: «...Шүүгдсн му хааг би ташму»*. «Мальчик отвечает: «А проигравшего никудышного хана я шлепну». *Хан келжсәнэ: «Көвүн, би чамаг чичму»*. «Хан говорит: «Мальчик, я тебя ударю кулаком». *Көвүн келжсәнэ: шүүгдсн му хааг би чичму»*. «Мальчик отвечает: А проигравшего плохого хана я ударю кулаком».

Сказуемое может быть выражено формой настоящего времени изъявительного наклонения на *-нм*, ведущего свое происхождение от древнего суффикса *-нам*. Показатель настоящего времени *-нм* особенно характерен для торгутского диалекта и чаще всего выступает при глаголе бытия *бээ-* «быть, находиться»: *Би энд бээнм*. «Я же здесь нахожусь». *Чамд келжсәнм*. «Тебе ведь говорю». У Баатра Басангова в пьесе

«Случай, достойный удивления» («Күмн өврэж ханиго йовдл») встречается даже форма настоящего времени с суффиксом *-нам* и лично-предикативной частицей 2-го лица: *Бийэн наад бэрсн улст куукэн өгч болдв. Эс гижэ амтнд наадн болжэ гижээнэмт* (Баснга Б., Б.о.). «Разве можно отдавать дочь за людей, которые насмеваются. Не то люди будут потешаться над нами». В данном примере глагол в форме *гижэ-*, являясь компонентом сложного сказуемого, употреблен в значении настоящего времени с суффиксом *-нам*.

Сказуемое, выраженное формой изъявительного наклонения на *-в*, обозначает также действие, которое осуществилось недавно или закончилось в присутствии субъекта. Поэтому форму на *-в* определяют как настояще-прошедшее. Примеры: *Ирсн гиичнр асхлад мордв* (Доржин Б., М.о, 33). «Прибывшие гости отправились вечером». *Босха Доржэ хойр дегц мордад хэжрлдв* (Эрнжэнэ К., Келвмүд., 95). «Босха и Дорджи разом сели на коней и загикали». В этих предложениях действия, обозначенные глаголом-сказуемым, совершились в момент присутствия некоего субъекта, так сказать, на его глазах. Кроме того, основное действие в них совпадает с другим, выраженным дееспричастием.

Сказуемое, выраженное формой на *-в*, обозначает также действие, совершившиеся безотносительно к какому-либо другому действию или моменту. Например: *Күндтэ эцк! Тана көвүнтн күмн-эмтнэ жирһилин төлэ баатр зөрмг кевэр өңгэв* (Эрнжэнэ К., Келвмүд., 103). «Уважаемый отец! Ваш сын героически погиб за счастье человечества».

При описании изъявительной формы прошедшего времени калмыцкого языка обычно ограничиваются указанием одного суффикса *-в*, тогда как в языке калмыков имеют место и такие показатели прошедшего времени, как *-ва*, *-ваэ*, *-ба*, *-баэ*, *-б*. Правда, употребление изъявительной формы прошедшего времени с указанными суффиксами наблюдается чаще в живой разговорной речи и, кроме того, носит в известной мере диалектный характер. Так, например, в торгутском диалекте гораздо употребительнее формы на *-ва*, *-ваэ*, чем в дербетском.

Сказуемое, выраженное формой на *-ва*, *-ваэ*, *-ба*, *-баэ* и *-б*, обозначает действие, уже совершившееся в момент речи или завершающееся в момент речи: *Өөрдэд ирвэ. Хойраннь хоорнд баахн заг үлдвэ* (Баснга Б., Б.о., 119). «(Самолеты) приблизились. Между ними остался маленький промежуток». *Нүүлтэ шулм зүүтэ торһн утциг чикнэ ашкас татад таслчквэ* (Х.т., 115). «Грешный черт порвал шелковую нитку с иголкой,

зацепив ее за мочку уха». *Манжэ хаана куукнэ өмн ирэд, барун харинь авб* (Х.т., 17). «Манджи, подойдя к ханской дочке и встав перед ней, взял ее правую руку». *Түрүн урлда тэвб* (Х.т., 115). «Начали первое состязание». *Кеэмэ. - Хэлэжэ авта? Намса. - Авба, авба* (Баснга Б., Б.о., 175). «Кемя. - Нагляделись? Намса. - Да, посмотрелся».

Сказуемое, выраженное формой на *-ва*, *-ваэ*, с повышением голоса на конечной гласной передает значение опасения: *Булгун. - Я-а-а! Алчквэ! Алчквэ! Баатр минь, Гилэш минь!* (Баснга Б., Б.о., 451). «Булгун. - Ой-ой! Убьет меня! Убьет! Баатар! Гилэш! (букв. Убил! Убил!)».

Сказуемое в форме глагола изъявительного наклонения прошедшего времени на *-жэ*, *-чэ* означает, что действие совершилось с определенным результатом в отсутствие говорящего. «Причем результат может представляться имеющимся в данный момент или в прошлом» [Бертагаев 1964: 93]: *Мана хотнд Хальмг ансамблин артистнр концерт үзүлхэр иржэ*. «В наш хотон приехали артисты Калмыцкого ансамбля показать концерт». *Хөн болһнас 6,6 килограмм сэн гисн жөөлн ноос кирһжэ* (Х.ү.). «С каждой овцы настригли по 6,6 кг отличной волокнистой шерсти». *Бууһин альвн сумн барун хартнь тусч* (Х.а., 161). «Шальная пуля угодила в его правую руку».

Сказуемое в форме на *-жэ*, *-чэ* имеет значение достоверности того или иного действия с некоторой долей неожиданности, «нечаянности» [Бобровников 1849]: *Хар модн ханзин эзн олджэ* (Эрнжэнэ К., Келвмүд., 190). «Хозяин дубовой трубки нашелся (оказывается)». *Теегт тек бух хойр ноолджэ* (Х.ү., 271). «В степи схватились козел да бык» (Коса на камень). *Ики-Буурлахн тэрэнэ көдлмишэн дуусч* (Х. ү.). «Ики-бурульцы закончили полевые работы». *Хөөч Манжиг Хальмгин 50 жилэ өөнд орденэр ачлжэ*. «В связи с 50-летием Калмыкии чабана Манджи наградили орденом».

В силу своей повествовательности форма на *-жэ*, *-чэ* широко распространена в жанрах литературы и фольклора, выступая часто в значениях так называемого исторически прошедшего времени. *Кезэнэ нег у цагт нег хан бээжэ* (Х.т., 78). «Когда-то в давние-предавние времена жил один хан».

Соңсад уга Дуудвр

Соңсх цаг иржэ.

Кегдэд уга үүлдвр

Кех болад хуржэ (Калян С., Ө.м., 44).

«Пришло Время слушать неслыханное Воззвание⁹. Собрались творить дело, какое никогда не делали».

Сказуемое в форме на *-ж*, *-ч* может сопровождаться модально-утвердительной частицей *-л*, *-лэ*, *-м* (*-мон*) и лично-предикативными частицами. Ср.: *Бембэ цэргэс иржэ*. «Бембя пришел из армии». *Тэрскэн зэргэргэр харсэжт*. «Вы храбро защищали свою Родину».

Сказуемое, выраженное формой прошедшего времени на *-ла* *-лэ*, обозначает действие, происходившее до момента высказывания и имеющее относительную давность:

Теегин ишкэ герт

Тэргэр иржэ буулат (Х.а., 258).

«Приехав на повозке, остановились вы в степной войлочной юрте».

Аldr Ленина закварар

«Аврорин» товмуд *күржэңнлэ* (Х.а., 166).

«По указанию великого Ленина загрохотали пушки «Авроры». *Тиикт Бокта негдгч класст оржэала* (З.т., 203). «Тогда Бокта учился в первом классе».

Сказуемое в форме глагола на *-ла*, *-лэ* может обозначать и такое действие, которое завершилось или продолжает совершаться в момент речи. Говорящий в таком случае выступает как свидетель определенно-го события: *Эмтн цуглржэала, туульч туулян эклжэла* (Очра У., 1964: 88). «Люди собирались, сказитель начинал свой сказ».

В калмыцком языке сказуемое, выраженное формой прошедшего времени на *-лус* *-лүс*, обозначает абсолютную достоверность происшедшего в прошлом события или действия: *Одахн күртл таниг договор угаһар заржэалус* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 162). «Ведь до недавнего времени эксплуатировали вас без договора о найме». *Эс таньдг ку иткдм биш гижэ Церн нанд келлүс* (Там же, 165). «Ведь говорил же мне Церен, что нельзя доверять незнакомому человеку».

Мууха һундлта кевэр

Мууһа Боова алгдлүс

Зүткэ баатр зэргэр

Зун бандла халдлүс (Калян С., Ө.м., 69).

«Ужасным, достойным сожаления образом убит был Мугаев Бова. Упорно и героически бился он с бандитской сотней».

⁹ Речь идет о воззвании Ленина «Братьям-калмыкам»

В разговорной речи калмыков в качестве показателя рассматриваемой формы глагола-сказуемого может употребляться и суффикс *-лу* / *-лү*. Причем сказуемое в форме изъявительного наклонения на *-лу* / *-лү*¹⁰, в отличие от обычного на *-ла*, *-лэ*, имеет более ярко выраженную модальность утверждения. Ср.: *Би чамд бичлэв*. «Я тебе писал». – *Би чамд бичлүв*. «Я ведь писал тебе». *Мана бичкн һаза наачала*. «Наш малыш играл на улице». – *Мана бичкн һаза наачалу*. «Ведь наш малыш играл на улице». В заключение приведем отрывок из стихотворения А.С. Пушкина «Тучи» («*Үүли*») в переводе Баатра Басангова. Он показательен в том отношении, что все сказуемые в нем выражены глаголом прошедшего времени на *-лус*, *-лүс*:

Одахн теңгэр делгүднь буркжэалүсч

Оһтһу күржэңнүлжэ ду һарчалүсч

Һал цэклһн чамаг керчжэалүсч

Һаңшигсн һазр хураһ услжэалүсч

«Не ты ль покрывала недавно все небо,
вызывая гром и низвергая грохот.

Тебя рассекали молнии,

и ты поила иссохшую землю дождем».

Сказуемое в форме причастий

В калмыцком языке почти все причастные формы способны выступать в сказуемостной функции. Причем в этом качестве они могут употребляться и без сопровождения различных модальных и лично-предикативных частиц и связок.

Функционируя в роли сказуемого, причастие в наибольшей степени проявляет свои глагольные признаки, указывая, в частности, на время совершения того или иного действия.

Сказуемое, выраженное причастием на *-а*, *-э*; *-һа*, *-һэ*, обозначает действие, начавшееся до момента высказывания и продолжающееся со-

¹⁰ Относительно суффиксов *-лу*, *-лү*, *-лус*, *-лүс* допустимо сказать, что они либо представляют исходный прототип показателя перфектного презенса (прошедшего-настоящего), либо развились из *-луһа*, *-лүге* – суффиксов, свойственных языку ранних монгольских памятников. Первый же тип показателя прошедшего времени на *-ла* / *-лэ* восходит к *-луһа* / *-лүге*.

вершаться в момент речи¹¹: *Улмж, эн колхозд орсара үнн седклэри кэдлэ* (Эрнжэнэ К., Келвмүд., 99). «Улюмджи с момента вступления в этот колхоз работает добросовестно». *Эрнжэнэ Бүүрчин Азда госуларствд ноос өглһари, хөөдэн толһа бүрн асрлһари эжил болһн зураһан күүцэһэ* (Там же, 146). «Азда Бюрчиевич Эрендженев ежегодно выполняет план по сдаче шерсти, сохранению поголовья овец». *Сальчир одачн үкрмүдэн сааһа*. «Доярки все еще доят коров». *Эрвэ энлэд эрэ. Эңкрин зүрки төөһрэ* (Калян С., Ө.м., 72). «Эрвэнг молит и спрашивает. Сердце любимой теплится надеждой».

Сказуемое, выраженное причастием настоящего времени, нередко имеет при себе частицу *юмн*, которая сообщает причастию предикативную завершенность и вносит модальное значение достоверности: *Мана уң-тохмс, өвкнр экин геснэс авн үктлэн хөн мал үзэд асра юмн* (Балакан А., Булг, 55). «Наши предки и родители с рождения и до смерти имели дело с овцами».

Сказуемое в форме на *-сн* обозначает такое действие, которое осуществилось уже до момента речи: *Аш сүүлднй күүкнэ, көвүнэ керг күүцэдсн* (Доржин Б., М.о., 38). «В конце концов дело парня и девушки разрешилось». *Тийгэж түрүн болэж мини сурһуль эклсн (эклсн мөн)* (Доржин Б., М.о., 39). «Так в первый раз началась моя учеба». *Ардан эргэж хэлэхлэ, тооснас оңдан юмн үзгдсн уга* (Балакан А., А.б.з.). «Когда оглянулся назад, то ничего, кроме пыли, не было видно».

Сказуемое, выраженное причастием на *-сн*, может обозначать также действие, которое началось в прошлом и продолжается в момент речи. Это относится к тем явлениям и действиям, которые имеют постоянный и всевременный характер. *Ижлин усн көөстэж цахрад эңгэн цокэж, мелмэж турдсн. Ивтркэ эжиңтэ үвл цухрад эргндк орчлц хаврур өтрисн* (Доржин Б., М.ү., 3). «Стремительно мчит свои воды Волга, вспениваясь и бьась о берег. Зима с ее холодами и пронизывающими ветрами отступает, и все вокруг спешит навстречу весне».

Сказуемое в форме причастия на *-сн* часто присоединяет к себе модальную частицу подтверждения *мөн*, которая в результате редукции гласной переходит в консонантный комплекс *-мн*. Частица *мөн (-мн)*

¹¹ Г.Д. Санжеев делает вывод о том, что в калмыцком языке причастие настоящего времени употребляется крайне редко и притом в атрибутивной позиции [Санжеев 1963: 215]. Разговорная речь калмыков и современный литературный язык не подтверждают данного положения. Употребление причастия настоящего времени в предикативной позиции – даже без связей и частиц – явление обычное для калмыцкого языка в его современном состоянии. Об этом свидетельствует приводимый здесь материал.

при сказуемом выражает реальность действия, имевшего место в прошлом: *Ильич тийгхд мэрэджэсэн шитэр бүтэсн мөн* (Доржин Б., М.ү., 89). «Ильич осуществил на деле то, о чем тогда мечтал».

Сказуемое в форме причастия на *-сн* может одновременно сопровождаться частицами *-мн* и *-санж*, *-сэнж*, которые придают действию значение определенной достоверности с оттенком неожиданности: *Катя эк, эцкэһэн дэн эклхин өмн Мелитополь балһснд бэгэсн сэнжэ* (З.т., 245). «Катя с матерью и отцом до войны, оказывается, жила в городе Мелитополе». *Иван Матвеевичин кабинетд райисполкомин ахлач теднэ өмн ирсн санжэ* (Куукан А., О.к., 185). «До них в кабинет Ивана Матвеевича пришел, оказывается, председатель райисполкома».

Сказуемое в форме причастия на *-сн* изредка присоединяет частицу сравнения и уподобления *-шиң*: *Хажудм насни турш хамдан зерглэж суусниң* (З.т., 63). «Как будто сидел со мною рядом всю жизнь».

Сказуемое, выраженное причастием на *-х*, обозначает действие, которое произойдет в будущем. Сказуемое в форме причастия будущего времени может выступать как с частицами, так и без них: *Би маңһдур бийэн белдх, нөкэдүр йовх* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 220). «Я завтра буду готовиться к отъезду, а послезавтра поеду». *Узурнь олдсн юмна йозурнь чигн олдх* (Х.ү.). «Если отыскалось начало чего-либо, то найдется и конец его». *Таниг гемтхлэ, маниг кен сурһхмб?* «Если вы заболаете, то кто же будет учить нас?». *Тегэд тер цаасан кезэ бичхмт?* «Так, когда же вы напишите ту бумагу?». *Мазн гертэн сууж, махн чигэһэн эдлхи* (Сэн-Белгин Х., Өрүн). «Мазан, находясь дома, не ест мясо, не пьет чигэн».

Сказуемое в форме причастия на *-х* с частицей *-мн*, *мөн* обозначает действие необходимое и обязательное в плане будущего: *Даруһас болх сельсоветин сессьд өлтин тускар колхозин ахлачин тооца сонсхмн* (Х.ү.). «На ближайшей сессии сельсовета заслушаем отчет председателя колхоза о приросте поголовья скота».

Сказуемое в форме причастия на *-х* так же, как и причастие на *-сн*, может присоединять частицу *-санж*¹², *-сэнж* и *-жэ*, которая строго следует за утвердительной частицей *-мн*, *-м*. Например: *Дээвд нойна зерг Данзтаһан ирхмэж* (З.т., 299). «Якобы его степенство князь Давид придет со своим сыном Данзаном». *Дөрвд торһд эңгрэж дөрлдэ-марһа кехмэж*

¹² Частица *-санж* (сингармонический вариант *-сэнж*) является сложной: она состоит из причастной формы омертвелога глагола бытия *а* – и формы соединительного деспричастия от того же глагола (*агсан аж* > *санж*).

(Там же). «Дербеты и торгуты, разделившись, будут вести состязание».

Сказуемое, выраженное причастием на *-дг* обозначает действие, совершаемое многократно, в силу чего оно выступает как неотъемлемое свойство или состояние, в котором пребывает предмет: *Ол эргсн чон хавхт тордг* (Х.ү.). «Волк, который много кружит, попадает в капкан». *Көл уга йовдг, эживр уга нисдг* (Котв., Заг., 41). «Без ног, а ходит, без крыльев, а летает».

Сказуемое в форме причастия на *-дг*, часто выступает с модально-утвердительными частицами *-мн* и *-ж*. Причем при слиянии с частицей *-мн* причастие на *-дг* теряет согласный *г*: *Намаг бичкнд наһх һәрә маннад ирдмн* (*ирдг мөн*) (З.т., 156). «Когда я был маленьким, к нам приходил обычно дядя Гаря». *Оржс ирн, үүднас нама дууддмн* (*дууддг мөн*) (Там же). «Входя, он с порога звал меня».

Сказуемое в форме причастия на *-дг* нередко присоединяет частицы *юмн* и *санжс*: *Һол, кедү ут болв чигн, чилгчтә юмн. Хар санан, ямаран ик болвчн буйсдг юмн* (Доржин Б., М.о., 145). «Как ни длинна река, она имеет конец. Как ни велик черный замысел, он уничтожается». *Тер туужин негиг эмтн ик-бах уга цуһар меддг санжс* (Там же, 140). «Одну из тех легенд (преданий), оказывается, знали все от мала до велика».

Сказуемое, выраженное причастием на *-ата*, *-атә*, обычно передает состояние, в котором пребывает тот или иной предмет в результате действия, совершившегося до момента высказывания: *Хойр көк ширтә мискд хальмг цә дүүрц келгәтә* (Эрнжәнә К., Келврмүд, 210). «В двух голубых мисках до краев налит калмыцкий чай». *Уул деер улан туһл уята* (Котв, Заг., 21). «На горе привязан красный теленок (кисть на шапке)». «Волгин» өмн хойр үүднә *тата* (Доржин Б., М.о., 49). «Передние дверцы «Волги» раскрыты». *Хойр гүн холвата, хоһр ажрһ уята* (Котв., Заг., 33). «Две кобылицы связаны, а саврасый жеребец привязан».

Сказуемое в форме страдательного причастия может сочетаться с частицами *юмн*, *-хн*, *санжс*, *-жс*: *Зуг арһ уган төләд эһр үрдән дэгнд йовулата юмн* (Баснга Б., Б.о., 99). «Только в силу безвыходного положения матери отправляют своих сыновей на войну». *Бата бидн хойр кезәнәс нааран холватахн* (Эрнжәнә К., Келврмүд, 204). «Ведь мы с Батой с давних пор связаны дружбой». *Сельсоветин герт күрәд ирхлә, герһн үнтралһатажс*. «Когда подошел он к зданию сельсовета, то свет оказался погашенным».

В калмыцком языке сказуемое может выражаться причастием возможности на *-м*, которое обозначает вероятное, возможное и допусти-

мое действие в плане его будущего проявления. Выступая в сказуемой функции, причастие на *-м* не имеет при себе связок и частиц предикативного характера:

Толһа-эһн күндрнә,

Тоолвр-ухан бидүрнә...

Зармднә шалтг ирм (Калян С., Ө.м., 12).

«Голова тяжелеет, разум мутнеет, (того и гляди) к некоторым пожалует болезнь». *Эс медсн куүнд энүг хамхлжс авад, шим шикр хулдҗана гихлә иткм* (Куукан А., О.к., 43). «Можно поверить, если отломить (сосульку) и сказать незнающему человеку, что продают такой сахар». В этом сложноподчиненном предложении с союзным словом *гихлә* главное предложение является однословным и выражено оно причастием возможности на *-м* от глагола *итк-* «верить, поверить». *Гегәнднә үүл барм, герһднә аду манм* (Х.а., 17). «В сиянии ее можно рукодельничать, в лучах ее можно табун пасти».

Причастие возможности на *-мар*, *-мәр* (напр., *болмар авх* «взять, сколько можно и приличествует») в предикативной позиции обычно не встречается, а употребляется лишь в обстоятельственной функции. Например: *күртмәр төгәх* «раздавать так, чтобы всем досталось».

В роли сказуемого в калмыцком языке, как правило, не употребляется и причастие на *-гч*, которое почти полностью подверглось субстантивации и теперь обозначает отглагольное имя деятеля. Поэтому функция данного причастия – объектная, субъектная и атрибутивная. Например: *Хамгин соньмсгч – бичкдүд* (Доржин Б., М.ү., 86). «Самые любопытные – это малыши».

Простое именное сказуемое

Простым именным сказуемым называется такое сказуемое, которое, будучи выражено какой-нибудь именной частью речи, употребляется в предложении как с частицами (лично-предикативными, модальными, притяжательными и отрицательными), так и без них: *Хөн мал элдв номһн адусн* (З.т., 285). «Овцы – очень смирные животные». *Яахв. Гем минци* (Там же, 66). «Что поделаешь. Вина моя». *Седклән өгч мал асрна гидг өвәрц юмнжс* (Х. үнн). «Оказывается, непростая вещь – с любовью ухаживать и растить скот». *Мана көгшин аав далтажс*. «Оказывается, нашему дедушке семьдесят лет». *Иньг-амрг, седкл медлүсн улс зовлң-жирһлән әдл кезжс хуваһна гидг олна эжирһлин цүтхлң мөн*

(Эрнжэнэ К., Келврумд, 104). «Люди, которые разделяют чувства любви и дружбы, делятся одинаково счастьем и бедами, являются источником человеческого благоденствия». *Нохад төмр керег уга* (Котв., Заг., 82). «Собаке железо не нужно». *Тегин шин хувртсин негнь эн эс мөний?* (Доржин Б., М.о., 50). «Не это ли есть одна из новых перемен в степи?». В этом предложении именное сказуемое, выраженное указательным местоимением *эн* «это, этот», сопровождается частицей отрицания *эс* и модальным словом *мөн*, имеющим при себе частицу вопроса *-ий*.

Сказуемое, выраженное именем существительным

В функции сказуемого могут употребляться имена существительные в форме именительного, родительного, дательного, совместного, орудного, исходного и предельного падежей. Именное сказуемое, не сопровождаемое предикативными частицами, ставится в конце предложения. Только такая позиция является для простого именного сказуемого функционально значимой: *Му мөрнд үүлн ацан* (Х.ү.). «Плохой лошади и облако в тягость». *Аав үхлэ, ах аав. Ээж үхлэ, эгч ээж* (Х.ү.). «Если умирает отец, то отцом становится старший брат. Если же умирает мать, то матерью становится старшая сестра».

Сказуемое, выраженное именем существительным в именительном падеже, обозначает лицо, профессию, вообще в широком смысле предмет в его отношении к субъекту – подлежащему: *Герин өөр иржэ бууснь Довдана Манжэ*. «Тот, что подъехал к дому и спешился – Довдунов Манджи». *Тер өндр харти – Сарнга Йисн. Өөркнь – Буджала Сережа* (З.т., 336). «Тот высокий и черный – Сарангов Есен. Рядом с ним – Буджалов Сережа». *Ноонин Бата совхозд нүүрт йовдгч, ик тоомсрта хөөч* (З.т., 290). «Нониев Бата передовой и весьма уважаемый чабан». *Бидн сурһульчнрвидн*. «Мы – учащиеся». *Ахм – тосхач, эгчм – багш*. «Мой брат – строитель, а сестра – учительница». *Мана зөөр – мал* (Х.Үнн). «Наше богатство – скот». *Иддг хотнь – захсн, делдгг девскрнь – зегсн, хулсн* (Д.Б., М.с., 51). «Пища их – рыба, постель – камыш да тростник».

Сказуемое, выраженное существительным в именительном падеже, нередко употребляется с отрицательными частицами *уга* и *биш*¹³:

¹³ Как слова-отрицания они могут сами по себе выступать в роли сказуемого. Например: *Тер цөөкн шавр гермүд ода кезэнэ уга* (Доржин Б., М.о., 45). «Тех несколько глинобитных домиков теперь уже давно нет». *Келнд ясн уга* (Котв., Заг., 79). «У языка нет костей». *Таниг келжэхив. Та биш* (Очра У., Синт., 107). «Не о вас говорю. Не вы».

Нохала наадсн хорма уга. Нойнла наадсн толһа уга (Х.ү.). «Кто играет с собакой, тот остается без подола. Кто играет с нойоном, тот остается без головы». *Энтн мини дегтр бишлм*. «Это ж ведь не моя книга». *Нэ, Делгр, чи эн цагас авн студентк бишч* (З.т., 128). «Ну, Дельгир, с этого момента ты уже не студентка».

Сказуемое, выраженное именем существительным в именительном падеже, может иметь при себе различные модальные и другие частицы: *Тернь чигн үнн биз* (Доржин.Б., Ч.х., 44). «И это, может быть, правда». *Эн бандин толһачнь Сохра Бадм гидг юмн* (Басгта Б., Б.о., 415). «Главарь этой банды некий Сохуров Бадма». *Дегтр – медрлин эки мөн*. «Книга – источник знаний». *Балһсна дундахар зөвэр йовад оркхла, военкомат үзгдэд бээв: hazань көлгн гидг – шорһлжсн мет* (Бембин Т., Б.ц., 105). «Когда довольно-таки долго проехали по городу, показалось здание военкомата: а возле него подвод – точно муравьев». *Көвүдм бас колхозникудлхн* (Инжин Л., О.к., 260). «Сыновья мои тоже ведь колхозники». *Бидн Дон Кихот Санчо Пансо хойрла эдл үлсвдн* (Балакин А., Э.м.о., 34). «Мы люди, подобные Дон Кихоту и Санчо Пансо». *Мөрч – Цернэ ахнь* (Инжин Л., О.к., 234). «Морчи – брат Церена».

Сказуемое, выраженное именем существительным в косвенных падежах

В качестве сказуемого чаще всего употребляется имя существительное в совместном падеже. Имя – сказуемое в форме имени на *-та / -тэ*, обозначая качественную характеристику предмета или субъекта, указывает на то, чем он обладает: *Цаһан үкр цаасн немнэтэ* (Котв., Заг., 22). «У белой коровы бумажная попона (сливки)». *Цуһар хошад нүдтэ, хошад чиктэ, цуг күүндгг келтэ* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 180). «Все имеют два глаза, два уха и язык, чтобы говорить». *Энчн сумтай? – гижэ Улмжэ Цернүр өөрдө* (Там же, 94). «Спросив: «Оно заряжено?» – Улюмджи приблизился к Церену». *Мана совхоз жирн нэгмн мицһн гектар һазрта* (Х.Үнн). «Наш совхоз имеет 68 тыс.гектаров земли».

В функции сказуемого используется и родительный падеж имени существительного. Имя-сказуемое в форме данного падежа выражает предикативный признак того или иного предмета (лица и нелица) по его принадлежности и отношению к кому или чему-либо: *Залу, эврэн кенэхнэвт тегэд? – Би эн Туктнальв* (Доржин Б., М.о., 50). «Так вы родом чей будете? – Я из этих Туктунов». *Байн нег бүүрин, баатр нег*

сумна (Х.ү.). «Богач на одну кочевку, богатырь на одну пулю». *Эн цуһар Бакдга* (Доржин Б., Ч.х.). «Все это принадлежит Бакдыку».

Роль сказуемого может выполнять имя существительное в дательном падеже с частицей возвратного притяжания *-ан, -эн*. В таком случае именное сказуемое характеризует предмет по его местонахождению: *Манахс одачн кәдлмитән*. «Наши все еще на работе». *Куүүд шкодан*. «Дети в школе». Имя в дательном падеже в функции сказуемого может употребляться и без частицы возвратного притяжания: *Экин санан үрнд, үрнә санан кәдәд* (Котв., Заг., 72). «Мысли матери в детях, мысли детей в пустыне».

Имя-сказуемое может быть выражено также существительным в творительном и исходном падежах, например: *Күн дөңгәр, шовун далваһар* (Х.ү.). «Человек – помощью, птица – крыльями (сильна)». *Бидн Көвүдәсвдн*. «Мы из Кебют». В первом предложении существительные в орудном (или творительном) падеже выступают в качестве сказуемого, обозначая постоянный предикативный признак субъекта по способу и характеру действия. Во втором же примере имя-сказуемое в исходном падеже с лично-предикативной частицей *-вдн* характеризует субъект по его отношению к месту и соответственно определенному коллективу лиц (роду).

В калмыцком языке именное сказуемое может выражаться существительным в предельном падеже с суффиксом *-ца, -цә*: *Усна көвәд ирәд, уснур орв. Усн куүүнә буслүрцә* (Х.т., 77). «Подойдя к краю воды, вошла она в нее. Вода была по поясу». *Кәдлми гисн юмн кузүцә* (Х.үнн). «Что касается работы – по горло». *Уснн цасн өвдгцә*. «Выпавший снег по колено». Существительные в форме предельного падежа на *-ца, -цә*, будучи употребительными в роли сказуемого, обозначают предикативно-наречный признак [Монраев 1974].

Сказуемое, выраженное наречием

В предикативной функции способны выступать не все разряды наречий. Роль сказуемого обычно выполняют обстоятельственные наречия, в основном наречия места и времени. Сказуемое, выраженное наречием места, обозначает местопребывание или расположение предмета в пространстве: *Темә уснн күн теңгрт шидр* (Котв., Заг., 90). «Человек, сидящий верхом на верблюде, близок к небу». *Худлчин герчнь хажсүднь* (Х.ү., 135). «Свидетели лгуна рядом с ним». *Мохан эрәнһ һазань, куүүнә*

эрәнһ дотрнь (Х.ү., 134). «Узоры змеи снаружи, узоры человека внутри». *Шаһах күн – шаһатн: шуурха тана өмнтн* (Калян С., Ө.м., 6). «Кто желает заглянуть – загляните: дырка перед вами».

Сказуемое, выраженное наречием времени, обозначает время, в течение которого совершается или будет совершаться действие, явление, событие: *Өцкдүрк байрта чилгр өдрин цаарандкнь эңдр* (Эрнжәнә К., Келврмүд, 136). «Продолжение вчерашнего веселого ясного дня – сегодня». *Мана йовх болзг – нөкәдүр*. «Срок нашего отъезда – послезавтра». В роли сказуемого употребляются вопросительные и указательные местоименные наречия *хама, альд, кезә; энд, тенд*. Примеры: *Геснь хоосн, өлн көвүдт тер нар-наад хамави?* (Доржин Б., М.о., 51). «Изголодавшимся ребятам, у которых пусто в желудке, до веселья ли?». *Танахс альдөв?* «Ваши где?». *Өрән өгнәв гиснтн кезәв?* «Когда сдержите Ваше обещание вернуть долг?». *Санжс, наар. Би эңдөв*. «Санджи, иди сюда. Я здесь».

Функцию сказуемого выполняют наречия *деер* и *дор*, которые в таком случае употребляются не в своем прямом пространственном значении «выше, ниже», а в переносном «лучше, хуже»: *Маңдүрк өөкнәс эңдрк оошк деер* (Котв., Заг., 90). «Чем завтрашний жир, лучше сегодняшние легкие». *Му күн буцхнь үкрәс дор* (Там же, 64). «Если дурной человек заупрямится, он хуже коровы».

В роли сказуемого употребляется также наречие *даву*, которое, как и упомянутые выше наречия *деер* и *дор*, выступает всегда в конструкциях сравнительного типа: *Цецкән сохр дорхнь чегежсин сохр даву* (Х.ү.). «Слепота души гораздо страшнее, чем слепота глаз».

Сказуемое может выражаться наречием, образованным от имени прилагательного посредством суффикса орудного падежа: *Зәңг хүүчарн*. «Вести прежние».

Роль сказуемого выполняют также и адвербиализованные имена существительные в орудном падеже: *Эн дурарн, нойн таварн* (Х.ү.). «Хозяин по своей воле, нойон в свое удовольствие».

Сказуемое, выраженное прилагательным

Сказуемое, выраженное именем прилагательным – качественным или относительным, обозначает тот или иной предикативный признак предмета: *Хашань цаһан, хөнһ хар* (Котв., Заг., 44). «Ограда белая, овцы черные» (бумага и письмо). *Теңгр хол, һазр хату* (Там же, 91). «Небо

далеко, а земля тверда». *Өрүни нөр айтгэхн* (Калян С., Ө.м., 30). «Утренний сон сладок». *Чонин амн идвчн улан, эс идвчн улан* (Х.ү., 138). «У волка пасть красная: ел (он) или не ел».

Имя прилагательное в функции сказуемого может сопровождаться различными частицами: лично-предикативными, отрицательными и модальными. Примеры: *Тадн ода цуһар хувтэт, кишгтэт*. «Все вы теперь счастливые». *Ээж, та көгшин бишилтт*. «Мама, вы ведь не старая». *Би үвл хавр уга оньдин харв*. «Я всегда смуглый – и зимой, и летом». *Нернчн сээхн болн чинртэж* (Балакан А., А.б.з., 143). «Имя твое, оказывается, красивое и важное». *Өвсн, уснь сэн юмн* (Х.т., 109). «Травы и вода хорошие».

Качественные имена прилагательные в функции сказуемого могут иметь при себе частицы и слова с количественно-определяющим значением, усиливающим предикативный признак предмета: *Эн мөрн йир хурдн*. «Эта лошадь очень резвая». *Булгин усн маш киштн болн цегэн*. «Родниковая вода очень холодная и прозрачная».

Сказуемое, выраженное качественным прилагательным с суффиксом *-втр, -вир, -ир*, обозначает неполноту проявления признака предмета: *Салан йорал чигтэвир*. «Дно балки сыроватое». *Сууж йовх нарна сүүр улавтр*. «Круги заходящего солнца красноватые». *Мацг өвгнэ гер утувир болн терзнь чолнкр*. «Домик деда Мацака продолговат и окна у него подслеповатые».

Сказуемое, выраженное местоимением

Из всех групп местоимений в качестве сказуемого употребляются, как правило, личные, указательные и вопросительные. Сказуемое в форме именительного падежа личного местоимения указывает на конкретное действующее лицо: *Кехнь би, идхнь чи*. «Делать – так я, кушать – так ты». *Намаг авхар ирсн эрлг та биз?* (Х.т.). «Может быть, вы и есть дьявол, пришедший за мной?»

Функция сказуемого весьма характерна для вопросительных местоимений *кемб?* «кто?», *юмб?* «что?», *кедү?* (*кедүв?*) «сколько?», *ямр?* (*ямаран?*) «какой? каков?». Примеры: «*Чкалов*» *совхозин хөөчнь кемби?* (Доржин Б., М.о., 49). «Кто же чабан совхоза «Чкалов»?». *Дуудулдг уригнь юмб* (Там же, 12). «А что является причиной вызова?». *Нэ, Дорж, танд бээнэлм, нанд угалм. Бээснэ туснь юмб?* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 90). «Ну, Дорджи, у вас есть, у меня нет. И что за польза

оттого». *Энүнэ тус дээрк теңгринь халэлтн, тер ямаран?* (Доржин Б., М.о., 47). «Посмотрите-ка небо над ним, какое оно?».

Вопросительное местоимение *кедү?* «сколько?» функционирует в роли сказуемого главным образом в совместном и родительном падежах. Такое сказуемое обозначает возраст лица или стоимость чего-либо: *Чини дуучн кедүтэ?* «Сколько твоему младшему брату?». *Махтнн кедүнэв?* «Мясо-то ваше почему?».

В предикативной позиции употребляются и указательные местоимения *эн* «этот», *тер* «тот», *иим* «этакий», *тиим* «такой»: *Ленинэ сууһад амрдг һазрнь тер* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 140). «Место, где сиделся и отдыхал Ленин, вон там». *Кергтэ дегтрн эн*. «Вот она нужная вам книга». *Мана селэнд түрүн болж радио орулдсн туужэнь тиим...* (Доржин Б., М.о., 62). «Такова история о том, как впервые провели к нам в село радио».

Личные и указательные местоимения могут выполнять функцию сказуемого и в формах некоторых косвенных падежей, в частности родительном: *Һаза кевтсн хурһн танав аль манав?* «Ягненок, что лежит на дворе, ваш или наш? *Эн дегтр чиншлм*. «Эта книга твоя ведь».

Сказуемое, выраженное числительным

В функции сказуемого чаще всего употребляются количественные числительные. Причем, как простые, так и составные. Например: *Нернь – негн, недрнь – хойр* (Х.ү., 252). «Название едино, а сущность – разная (деревянная и железная лопата)».

Сказуемое, выраженное количественным числительным в совместном падеже, обозначает возраст человека и может сопровождаться лично-предикативной частицей: *Басң дөрвтэ, Лижэ нагмтэ*. «Басангу четыре года, а Лиджи – восемь лет». *Би һучн тавтав*. «Мне тридцать пять».

Сказуемое, выраженное порядковым числительным, обозначает определительно-предикативный признак предмета по его месту и порядку в ряду других: *Мини экин гер ар захас һурвдгч* (Балакан А., Булг, 63). «Дом моего отца третий с северной стороны». *Та ода дөрвн зун йирн йисдгчт, а би тавн зуудгчньв* (Х.т., 145). «Вы теперь четыреста девяносто девятый, а я пятисотый».

Сказуемое, выраженное количественным числительным в родительном падеже, обозначает стоимость чего-либо: *Хулдэж авсн костюмчнь зун хөрнэ*. «Купленный тебе костюм стоит сто двадцать (рублей)». В

этом же значении могут употребляться и разделительные числительные, образованные от основы количественных числительных: *Мишиг бодниг хөрн тавада*. «Мешок картофеля по двадцать пять (рублей)».

В роли сказуемого встречаются и собирательные числительные, обозначающие совокупное количество людей: *Хээснэ амнд хөрүлдн, хөөнэ хашад хоюрн* (Х.ү., 125). «У котла с пищей – все двадцать, а в овчарне – всего двое».

Предикативную функцию выполняют и неопределенные количественные числительные *олн* «много», *цөн* «немного», *дала* «очень много, премного»: *Халуч зөрмг баатрмуд дала* (Х.а., 182). «Горячих и храбрых богатырей много». *Тадн чидлтэт, тадн олнт* (Очра У., Синт., 106). «Вы сильны, вы многочисленны». *Эн һазрар күн цөн*. «В этих местах людей немного».

Составное сказуемое

В отличие от простых сказуемых, составные сказуемые всегда имеют аналитическое строение. Составное сказуемое непременно состоит из двух частей: вещественно-знаменательной и служебно-вспомогательной. При этом первая часть, или первый компонент, содержит в себе основное лексическое значение сказуемого, а вторая часть выступает носителем грамматического значения сказуемого. Вот почему вспомогательный компонент, принимая те или иные формы склонения, времени, лица и числа, является своего рода оформителем предикативных отношений между подлежащим и вещественно-знаменательной частью составного сказуемого.

В зависимости от того, какими формами выражается основная (лексическая) часть – именными или глагольными, выделяются два типа составного сказуемого: составное глагольное и составное именное. Как те, так и другие, могут осложняться: изменения происходят во вспомогательной части составного сказуемого и вызваны необходимостью выражения добавочных грамматических значений, главным образом модальных и временных.

Неосложненное составное глагольное сказуемое

К неосложненным составным глагольным сказуемым относятся те, в которых основная (полнозначная) часть выражена формами дее-

причастий и причастий, а служебно-грамматическая часть – вспомогательными глаголами в спрягаемой форме.

Неосложненное составное глагольное сказуемое из деепричастия и вспомогательного глагола

I. Рассмотрим сначала составное сказуемое, в которых в роли вспомогательного компонента выступают глаголы *бээ-* и *бол-*. Первый из них в сочетаниях с деепричастиями функционирует в роли связки, так как в этом случае он полностью лишается своего лексического значения «быть, находиться». Глагол же *бол-* «стать, становиться» в сравнении с *бээ-* не совсем утрачивает свое былое значение и поэтому употребляется чаще всего как полусвязка.

В группу неосложненных составных глагольных сказуемых в первую очередь входят в качестве основных его компонентов так называемые сопутствующие деепричастия: соединительные, разделительные, слитные, а также целевые, условные и продолжительные.

Деепричастие на *-жэ* в сочетании со связкой *бээ-* «быть» означает такое действие, которое в своем проявлении совпадает с моментом речи и совершается как бы в присутствии говорящего: *Үүлн өңгтэ көк бор мөрн урлдана эмэл тохата зогсжэ бээна* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 174). «Пепельно-серой масти конь стоит оседланный».

В современном литературном калмыцком языке под влиянием живого разговорного языка аналитическая форма сказуемого наиболее подвержена фузии, или сращению. Ср. *зогсжэ бээна* - *зогсчана* «стоит», *меджэ бээна* - *меджэна* «понимает; осознает; догадывается».

Деепричастие на *-ад*, *-эд* и связкой *бээ-* в противоположность рассмотренной выше форме передает действие, которое хотя и совершается в настоящем, но в своем исполнении оно носит прерывисто-законченный характер: *Шидрәһә тананур энд-тендэс эмтс ирад бээна* (разг.). «В последнее время отовсюду зачастили к вам (люди)». В такого рода составном сказуемом обнаруживается и некоторое значение результативности, т.е. данное сказуемое *ирад бээна* может расцениваться либо как длительное настоящее, либо как завершившееся в недавнем прошлом.

Форма на *-ад*, *-эд* также имеет сильную тенденцию к сращению со связкой *бээ-*, что ведет к сужению значения: действие представляется протекающим уже только в момент сообщения с оттенком постоянности и длительности.

Составное глагольное сказуемое, выраженное сочетанием данного деепричастия и связки *бээ-* в различных временных формах, является очень продуктивным: *Көвүн аңгучлад эк эцк хойран тежсәһәд бээв* (Х.ф., 23). «Промышляя охотой, мальчик кормил своих родителей». *Мөрдн тонь му биш билә, дакад болхла зогслго немгдәд бәәнә* (Городовиков О., Тодлвр, 69). «Численность лошадей была немалой, да к тому же она постоянно прибавлялась». *Альман тускар шидрәс медгдәд бәәх* (Бадмин А., А.ш.д., 34). «В ближайшее время об Альме все выяснится».

Деепричастие на *-н* в сопровождении связки *бээ-* в формах повелительно-желательного наклонения показывает действие, которое необходимо или желательно совершить какому-либо лицу в присутствии самого говорящего: *Нә, худ өвгн, зәңг-зәһәсн кели бәәлт* (разг.). «Ну, сват, поделитесь-ка своими новостями». *Та, Манжә, маниг мар-тго ирн бәәтн* (разг.). «Вы, Манджи, не забывайте нас, захаживайте». Данный вид составного глагольного сказуемого не отличается активностью употребления и не подвержен фонетическому стяжению.

Деепричастие на *-н* со связкой *бээ-* в форме настоящего времени означает действие, протекающее в момент высказывания: *Тер цагт Бөкн Цаһан Манжә кели бәәнә* (Х.т.). «В этот момент Бекин Цаган Манджи продолжает говорить». Деепричастие на *-хар, -хәр* в соединении со связкой *бээ-* обозначает действие, которое готово совершиться в аспекте настояще-будущего или прошлого: *Хургт намаг шоодхар бәәнт?* (Бадмин А., А.ш.д., 185). «Собираетесь проработать меня на собрании?». *Тедн машинд суучксн, объектс эргхар бәәж* (Там же, 213). «Они сидели в машине и собирались побывать на объектах». Таким образом, составное сказуемое, состоящее из деепричастия на *-хар, -хәр* и связки *бээ-*, передает намерение того или иного лица совершить действие к моменту высказывания. Данный вид сказуемого является довольно распространенным как в литературном, так и разговорном калмыцком языке.

Составное сказуемое, выраженное сочетанием деепричастия на *-сар, -сәр* и связки *бээ-*, обозначает действие, осуществляющееся в данный момент или находящееся в процессе реализации: *Терчн мини келсар бәәнә* (*бәәдм, бәәдг мөн*). «Он живет по моим указаниям (как я скажу)». Очень часто продолжительное деепричастие присоединяет к себе аффикс притяжания *-н*: *Зәрм баһ наста улс күүнә үг соңслго сан-сарн бәәнә* (Х. үнн). «Некоторые молодые люди никого не слушаются и ведут себя, как им вздумается».

В составном сказуемом с полусвязкой *бол-* в качестве основного

компонента выступают деепричастные формы на *-жс, -ч, -сар, -сәр, -хла, -хла*: *Эрт өвсинь буулһжс өгч, хәрхла болх* (Бадмин А., А.ш.д., 37). «Поскорее бы сгрузить им сено да пойти домой. Одна төлә ю келхәснчн эгшиго күүһинь меджс болхмн (Бадмин А., А.ш.д., 276). «Можно полагать, что он человек который, ради коллектива ничего не побоятся сказать». *Нам үр Бораев мана келсар болхш* (Там же). «Вообще, товарищ Бораев не соглашается с тем, что мы говорим». *Терүнәс болхинь хуцин өвр мет мошкжс болдмн* (Бадмин А., А.ш.д., 272). «И не таких можно свернуть в бараний рог».

II. Теперь рассмотрим другую группу неосложненных составных глагольных сказуемых, в которых вспомогательный компонент выражает видовые и модальные значения.

Все вспомогательные глаголы характеризуются избирательной сочетаемостью: так, они не сочетаются с причастиями и именами, а из деепричастных форм – с соединительными разделительными и реже – со слитными. По своим функциям и значениям вспомогательные глаголы неодинаковы. Часть из них передает разнообразные аспектуальные (видовые) характеристики действия, например: темп, интенсивность, степень результативности, фазисность (т.е. начало, продолжение, конец). Другие вспомогательные глаголы призваны сообщить разнообразные модальные оттенки, диапазон которых весьма широк. Так, видовые значения передаются в основном такими вспомогательными глаголами, как *һарх* «выходить», *ирх* «приходить», *орх* «входить», *авх* «брать, принимать», *йовх* «идти», *суух* «сидеть», *кевтх* «лежать», *одх* «пойти», *оркх* «положить, оставить», *хайх* «бросать», *алдх* «упускать; терять, лишаться» и т.д.

Составное сказуемое, выраженное сочетанием деепричастия на *-ад, -әд* и вспомогательного глагола *һарх*, может означать начало, а также интенсивность и полноту проявления действия. Например: *Хойр һурвн дууна дүңгә һазрас йисн чон босв. Адучнр көөлдәд һарв* (Х.т., 6). «На расстоянии приблизительно в 2-3 км. поднялись девять волков. Табунщики начали погоню». *Ноһан үкрмүдин бараһар гер талан хәләһәд хәтрад һарв* (Эрнжәнә К., Келврмүд, 88). «Ноган, ориентируясь на коров, пустилась рысцой в направлении к дому».

Составное сказуемое, состоящее из деепричастия на *-ад, -әд* и вспомогательного глагола *ирх*, выражает обычно значение наличного результата с оттенком полноты или неполноты: *Жаңһрин зеерд эцәд, Жаңһр бийнь муурад иржс* (Х.т., 99). «Сам Джангар утомился, а его Рыжко исху-

дал». *Терүнэ шүүсн өрцгүднь мини кишгин хормад багтхан уурад ирдмн* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 105). «Выигранные им альчики переставали вмещаться в подоле моей рубахи».

Предельная полнота, завершенность действия выражается в случае, когда основной компонент передается деепричастием на *-жэ*: *Дотраснь (даальнзгаснь) хойр-хурен бичг, тохиллад орачкн газетмүд унжэ ирв* (Доржин Б., Ч.х., 76). «Из его сумки выпали два-три письма и свернутые газеты».

Составное сказуемое, состоящее из разделительного или соединительного деепричастия и из вспомогательного глагола *одх*, также может обозначать полноту проявления действия. Некоторая разница заключается лишь в том, что сказуемое с деепричастием на *-ад*, *-эд* передает действие, достигающее своей полноты постепенно, а сказуемое с формой деепричастия на *-жэ* – действие с начальным и полным результатом, который достигается моментально. Ср. *Көвүн унтад одв* и *Көвүн унтжэ одв* «Мальчик уснул». Приведем еще два-три примера: *Нарн орх талас уули һарад, сальклад, киштрэд одв* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 140). «Появились на западе тучи, поднялся ветер и стало холодно». *Ноһана чикнь иэһэд оч* (Там же). «Уши у Ноган побелели (от мороза)».

Составное сказуемое из деепричастия на *-ад*, *-эд* и вспомогательных глаголов *суух*, *кевтх* означает действие или состояние, весьма продолжительное и в своем проявлении инертное: *Байн Доржсижкн тарһн хөөнэ махан идчкэд, унтад кевтихэнэ* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 87). «Семья богача Дорджи, наевшись жирной баранины, спит». *Күн гемтэ үжжэхнь – кен гидг күмб, кедүтэ гийһэд сурад сууцхана* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 85). «Человек болен, умирает, а они пристали с вопросами: кто он, сколько ему лет».

Составное сказуемое из деепричастия на *-ад*, *-эд* и вспомогательного глагола *оркх* означает действие полностью завершенное, с оттенками неожиданности и резкости: *Очр-Маань Арахга үзн, өөрэн бээсн очрарн шивгэд оркна* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 106). «Увидев Арагу, Очр-Маани схватил находившийся под рукой жезл и бросил в него».

Составное сказуемое из деепричастий на *-ад*, *-эд*, *-жэ* и вспомогательного глагола *өгх* обозначает такое действие, результат которого направлен в пользу других лиц: *Би ки авхулго дүргүлэд умшиад өгчкв* (Доржин Б., М.о., 41). «Я прочитал быстро, не переводя дыхания». *Хэрэс ирсн зуучд хальмг күн һанзинь сурад тэмк нержэ өгдг* (Доржин Б., Там же). «Возвратившемуся из чужих земель путнику калмыки по-

дают трубку, предварительно спросив ее у хозяина и набив табаком». *Тер көвүн манд ик олин зүсн сенр зэңг келжэ өгв* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 103). «Тот мальчик рассказал нам массу разных новостей».

Составное сказуемое из деепричастий на *-ад*, *-эд*, *-жэ* и вспомогательного глагола *авх* обозначает действие, совершающееся в пользу и в интересах его исполнителя (нередко с оттенком использования представившейся возможности) - *Саак Богзга Кермнэ домбрт келн бишлгдгн һарһад, келн бишлэд авлч* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 214). «А нука, пустись-ка в перепляс, как, бывало, плясал под домбру той самой Богзиковой Кермен». *Шавалин Дава бичкнэсн авн жаңһрч эйк болн Чапура Бадм гидг күн хойрас «Жаңһрин» бөлгүд дасжэ авсмн* (Х.п.а., 193). «Дава Шавалиев с детства научился песням «Джангара» от своего отца-джангарчи и от Бадмы Чапурова». *Өөрк цаасан сэгнэр умшиад, меджэ ав* (Доржин Б., Ч.х., 78). «Хорошенько прочитай и изучи эту бумагу».

Составное сказуемое из деепричастий на *-ад*, *-эд*, *-жэ* и вспомогательного глагола *йовх* передает продолжительность действия: *Манла эдл угатя му улсиг мел зовлң дахад йовна* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 89). «Таких неимущих людей, как мы, все время преследует несчастье». *Я, ода барц бардг улстн байржэ йовна* (Эрнжэнэ К., Там же, 106). «Да, теперь людей, совершающих жертвоприношения, становится меньше».

Составное сказуемое из деепричастий на *-ад*, *-эд*, *-жэ* в сочетании с вспомогательным глаголом *хайх* обозначает законченность действия с оттенком интенсивности: *Чинэн аавчн ик бичкнэсн байн эмтнд ялч болад кевтнь төггэлэд хайчксмн* (Х.т., 21). «Твой отец с раннего детства обошел всех богачей, будучи у них батраком».

Составное сказуемое в форме деепричастия на *-н* и вспомогательных глаголов *алдх*, *гих* передает такое действие, которое чуть было не совершилось: *Өлсэд, үкн гив* (разг.). «Чуть не умер с голоду». *Хаалһ деер хальтрад, көлэд булһлн алдв*. «Подскользнувшись на дороге, чуть не вывихнул ногу».

Отдельные из рассмотренных выше вспомогательных глаголов могут выражать, помимо указанных здесь значений, и другие. Например, глаголы *йовх*, *суух*, *кевтх* могут указывать на положение субъекта действия в пространстве, а глаголы *ирх*, *одх* обозначают направление действия: от субъекта или к субъекту.

Значительное число вспомогательных глаголов реализует модальные значения и оттенки. В качестве таковых активно употребляются в составном сказуемом глаголы *чадх* «уметь», *үзх*, *халэх* «смотреть, ви-

деть», *ядх* «страдать, терпеть нужду; не уметь», *болх* «становиться, делаться», *седх* «думать, намереваться».

Составное сказуемое из деепричастия на *-жэ* и вспомогательного глагола *чадх* обозначает возможность или, напротив, невозможность действия (при отрицании *уга*): *Көвүмдн бичкн болвчн, хөөдхитн харуулж чадхми*. «Наш мальчик, хоть и маловат, но овец ваших сможет пасти». *Залу экн авгтан ямаран хару өгхэн олж чадсн уга* (Доржин Б., М.о., 49). «Поначалу мужчина не нашел что ответить».

Составное сказуемое из деепричастий на *-ад*, *-эд*, *-жэ* и вспомогательного глагола *хэлэх*, *үзх* с модальным значением обозначает намерение, попытку и пожелание совершить какое-либо действие: *Күүкнлэ бийлэнь күүндэд хэлэхгов* (Бадмин А., А.ш.д., 40). «Надобно будет поговорить лично с ней». *Тер дала болсн хөөдэс негинь баржэ үзнэв*. «Попытаюсь поймать из тех многочисленных овец одну».

Составное сказуемое из деепричастия на *-жэ* и вспомогательного глагола *ядх* обозначает действие, которое по воле исполнителей совершается с затруднениями, как бы насильственно: *Эк көвүн хойр кесгтэн салжэ ядв* (Бадмин А., Там же, 48). «Мать и сын долго не могли расстаться».

Составное сказуемое из целевого деепричастия на *-хар*, *-хэр* и вспомогательного глагола *седх* обозначает намерение и желание совершить то или иное действие: *Өвсигэ цан деер ачна хөөн Альма устг деерэс буу-хар седв* (Бадмин А., Там же, 35). «После того, как сено было погружено на сани, Альма захотела спуститься со стога».

Составное сказуемое из деепричастия на *-жэ*, *-ч* и вспомогательного глагола *болх* обозначает возможность, допустимость или завершение действия: *Һанихн Санджиевин гуртас далн хойр центнер мах авч болхми* (Бадмин А., Э.м.о., 304). «Только с одного гурта Санджиева можно набрать 72 центнера мяса». *Дакжэ нааран иржэ болшиго*. «Больше сюда нельзя приходиться».

Неосложненное составное глагольное сказуемое из причастия и вспомогательного глагола

Составные сказуемые из причастия и вспомогательного глагола распадаются на две группы. Первую образуют составные сказуемые из причастий и вспомогательных глаголов *бээ-*, *бол-*, *билэ*. Во вторую группу входят составные сказуемые из причастий и модальных вспо-

могательных глаголов, а также сказуемые из причастий и присказуемых слов, выражающих разные аспекты модальности.

Составное сказуемое из причастия на *-сн* и связки *бээ-* в форме настоящего времени означает действие, которое к моменту высказывания завершилось: *Дээч көвүн Ара моддин саглрсн хамтхасдин э чиңнэд санамр унтсн бээна* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 104). «Юный воин Ара под шум листвы деревьев безмятежно спит».

Составное сказуемое из причастия на *-сн* и связки *бээ-* в форме прошедшего времени на *-жэ* означает действие, которое совершилось в прошлом с оттенком определенной неожиданности для субъекта: *Эн сө би икэр даарсн бээжэв*. «В эту ночь я, оказывается, очень замерз».

Составное сказуемое из причастия настоящего времени на *-а*, *-э* и связки *бээ-* в форме того же времени означает действие, которое продолжает осуществляться в момент речи: *Болв көндрлго бээхлэ лавта укл ирхинь меда бээнэв* (Городовиков О., Тодлвр, 19). «Но если не двигаться, знаю: придет верная гибель». *Болв бийчн үзэ бээнэч: тосхлт хаиңгар кегдэжэнэ* (Балакан А., Э.м.о., 15). «Но ты же сам видишь: стройка идет медленно».

Составное сказуемое с тем же причастием, но со связкой *бээ-* в форме будущего времени показывает такое действие, совершение которого должно еще продолжаться: *Мана Санһэжин Олуйскас ирсн мөрн цаннь зогса бээхми* (Бадмин А., А.ш.д., 34). «Конная упряжка с санями, на которых наш Санджи приехал из Олуйска, должно быть, еще стоит на месте».

Составное сказуемое из причастия на *-ата*, *-этэ* и связки *бээ-* в форме настоящего времени означает действие, которое продолжает совершаться в момент речи: *Тер цааснднь иигжэ бичэтэ бээна: Күндтэ Жирһл Бодняевна, тана залутн зэңг-зэ угаһар геедрэв* (Балакан А., Э.м.о., 291). «В той бумаге написано следующее: «Уважаемая Джиргал Бадняевна, ваш муж пропал без вести». *Арви долан күлгэ хантрата бээна* (Х.п.в., 23). «Семнадцать скакунов стоят наготове».

Составное сказуемое из причастия будущего времени и связки *бээ-* в форме прошедшего времени на *-сн* обозначает такое действие, осуществление которого предполагалось в прошлом: *Көдлмишэн хаяд, харжэхэн нанд келх бээсн*. «Прежде чем идти домой, бросив работу, надо было сказать (об этом) мне». *Ханлтан өрөхин кергт тэдниг би эрк биш үзх бээсн* (Балакан А., Булг, 123). «Чтобы выразить свою благодарность, я обязательно должен был их видеть».

С полусвязкой *бол-* «стать, становиться» чаще всего сочетаются на правах основного компонента причастия на *-сн*, *-дг* и *-х*. Составное сказуемое из причастия на *-дг* и полусвязки *бол-* в форме настоящего времени означает действие, осуществленное в прошлом, но которое для придания ему характера непричастности говорящего к сообщаемому событию и в целях повествования как бы приурочивается к моменту речи. *Көвүн босад, Окн Теңгрлэ ноолддг болна* (Х.т.). «Поднявшись, мальчик вступает в схватку с Окном Тенгрием». *Эр така невч халжсаһад, тоһстнд иигжэ келдг болна* (Х.т.). «Немного пораздумав, петух так отвечает павлину». *Тер кевтэн Очр-Маань кесгтэн нисэд нарнла харһдг болна* (Эрнжэнэ К., Келвзмуд, 107). «Продолжая так летать очень долго, Очир-Маани повстречался с солнцем».

Составное сказуемое из того же причастия, но со связкой *бол-* в формах прошедшего времени на *-в*, *-жэ* и *-ла*, *-лэ* обозначает действие, повторяющееся в своем проявлении и имеющее тенденцию быть постоянным: *Комиссар нанла в дару-дарунь политикин туск төрэр күүнддг болв* (О. Городовиков, Тодлвр, 66). «Комиссар стал частенько беседовать со мной на политические темы». *Эмгн, хэлэ. Мини почт түргэр ирдг болжэ* (З.т., 121). «Старуха, смотри. Моя почта стала приходить быстро».

Составное сказуемое из причастия на *-сн* и полусвязки *бол-* в форме настоящего времени означает действие, которое, возможно, имело место в прошлом, но относительно которого нет полной уверенности: *Таниг зервк үзсн болнав* (З.т., 99). «Как будто бы я видел вас мимоходом». *Келсн үгнь оньдинд соңсгдсн болна* (Балакан А., Булг). «Кажется, постоянно слышу сказанные им слова».

Составное сказуемое из той же причастной формы, но с полусвязкой *бол-* в форме будущего времени передает действие, которое, вероятно, осуществилось в прошлом: *Чавас, тер йирдэн хуурсн болх* (З.т., 87). «Бедняжка, наверное, он погиб».

Составное сказуемое из причастия на *-х* и полусвязки *бол-* во всех формах прошедшего времени обозначает такое действие, которое по воле или согласию субъекта должно произойти в будущем: *Гектар болһнас 20 центнер буудя авх болв* (Х.үнн). «Обязались с каждого гектара собрать по 20 центнеров зерна». *Тосхлтин управленя ахлад бичх болжэ*. «Он решил написать начальнику стройуправления». *Күүнд улсин бригад шидрэс көдлмишэн дуусх болсн* (Куукан А., О.к.). «Женская бригада обещала в ближайшее время закончить свою работу».

Арвн хойр часла Шорвин орх машин паркин өөр кулах болла (Балакан А., Булг, 17). «Условились, что машина, которая идет в Сарпу, будет ждать в 12 часов около парка».

Составное сказуемое из причастия на *-х* с модально-утвердительной частицей *-мн* и связки *бол-* в форме будущего времени означает действие, которое неминуемо совершится и по поводу которого выражается опасение субъекта: *Эн шамла эдл эмтнэ урмдкучн бас иигжэ чилхмн болхв* (Бадмин А., А.ш.д., 12). «Неужели человеческий дух угаснет, подобно этой лампаде».

К неосложненным составным сказуемым относятся и такие сказуемые, которые представлены сочетаниями причастий со связкой *билэ*.

Сказуемое, выраженное причастием на *-дг* в сочетании со связкой *билэ*, обозначает действие, которое происходило в тот или иной момент в прошлом, показывает повторяемость в его осуществлении: *Тиигхт Болвсн Борзан тал хая-хая ирдг билэ* (Куукин А., О.к., 14). «Тогда Боловсан изредка навещала Борзаевых».

С отрицанием *-го* при причастии на *-дг* составное сказуемое со связкой *билэ* показывает, что действие не имело места в прошлом: *Дава Басангович асхнднь иржэ гертэн хонхас биш, хот-хол кедго билэ* (Балакан А., Булг, 36). «Возвращаясь вечером, Дава Басангович только ночевал дома, пишу же не готовил».

Сказуемое, выраженное сочетанием причастия на *-сн* (иногда с частицей *юмн*) со связкой *билэ*, передает значение результативности и завершенности того или иного действия: *Нурвн сард асрад, махнд өгхэр шийдсн юмн болх* (Бадмин А., У.э.б., 302). «Было решено покормить три месяца и отдать бычков на мясо».

Сказуемое из причастия на *-х* и связки *билэ* означает действие, которое должно совершиться в будущем: *Юуһар би түрх билэв* (З.т., 82). «В чем же я буду испытывать недостаток?». *Тер цагт чи эврэн күүндх билэч* (Балакан А., Булг, 37). «Тогда бы ты сам поговорил».

Сказуемое, выраженное причастием на *-х* и связкой *билэ*, может передавать модальные оттенки действия: беспокойство, озабоченность, желательность, необходимость или долженствование. Например: *Тиим дала мөңг альдас угатя Манжэ олх билэ*. «Откуда же бедный Манджи мог найти столько много денег». *Нэ, залус, бишлсн дегерэн дуулх билэ* (Доржин Б., Ч.х. 28). «Ну, мужчины, помимо пляски надо бы и спеть».

Сказуемое из причастия на *-а, -ә* и связки *билә* означает такое действие, которое, начавшись в прошлом, продолжалось до момента речи: *Өлзәтиг бийән дөңнх гижә тер сана билә* (Балакан А., Булг, 16). «Он так и думал, что Эльзята поддержит его».

Особую группу неосложненных составных глагольных сказуемых образуют сказуемые из причастий и вспомогательных слов с модальным значением. В качестве последних наиболее употребительны модальные слова на *-та, -тә*: *саната, кевтә, кергтә, бәәдлтә, билтә, йоста, зөвтә, боллта* и др.

Сказуемое из будущего причастия и модального слова *саната* передает намерение и желание совершить действие: *Энд удан кәдлх санатавт?* (З.т., 82). «Вы здесь намерены долго работать?».

Сказуемое, выраженное будущим причастием и модальными словами *зөвтә, йоста, кергтә*, передает значение такого действия, которое необходимо и желательно осуществить: *Гемнь шиңгәд, бийнь икәр күндрәж. Больницуд үлдәх кергтә* (Куукан А., О.к., 17). «Болезнь уже парализовала его, и он в тяжелом состоянии. Надо оставить в больнице». *Би тедниг эрк биш үзх зөвтәв* (З.т., 123). «Я должен во что бы то ни стало увидеть их». *Олна зөөр хулхалсн күн үүлән даах йоста* (Куукан А., О.к., 75). «Человек, укравший общественное имущество, должен нести наказание».

Сказуемое из причастий на *-х, -дг, -сн, -а, -ә* и модальных слов *кевтә, бәәдлтә, боллта, өңгтә, билтә* выражает предположение по поводу действия, которое, возможно, уже осуществилось или продолжает осуществляться, или произойдет в будущем: *Би таниг төрүц таньжәхшв. Та эндүржәх кевтәт* (З.т., 85). «Я вас совершенно не узнаю. Вы, вероятно, ошибаетесь». *Энд һахан ферм бүрдәх бәәдлтә* (З.т., 75). Здесь, должно быть, построят свиноферму». *Хәләһәд бәәхлә, цаһачуд эн шидрәр дәврх боллта* (Городовиков О., Тодлвр, 42). «По всем наблюдениям, беляки, вероятно, будут наступать в этом месте». *Салькн кәдлжәнә. Хур орх өңгтә*. «Поднимается ветер. Кажется, будет дождь». *Хотна улс унтсн бәәдлтә*. «Похоже, что люди в хотоне уснули». *Аав хөөһән хәрүлә кевтә (билтә)*. «По-видимому, отец все еще пасет своих овец». *Маңһдур мана участк тал ахлач ирдг бәәдлтә* (Куукан А., О.к., 7). «По всей вероятности, завтра на наш участок придет председатель».

Неосложненное составное сказуемое из слова с обстоятельственным значением и глагола *гих*

Этот вид сказуемого выражается синтаксически нечленимым сочетанием, состоящим из слова (в том числе парного) со значением образа действия, являющегося носителем лексического значения сказуемого и вспомогательного глагола *гих*.

В роли знаменательных компонентов такого составного сказуемого используются различные по своему характеру изобразительные и звукоподражательные слова. В сочетании со служебным глаголом *гих* они могут обозначать проявление всевозможных действий, в основе которых лежит образное и звуковое подражание. Например: *Һанһхн модн һанһр-һанһр гижә, һазр-усн шуг-шуг гижә* (Котв., Заг., 22). «Одинокое дерево шатается, земля и вода шумят» (взбивание кумыса мутовкой). *Модн цөгүтә хорһн зулас туссн герл эрә чольң-кольң гинә* (Доржин Б., М.о., 19). «Свет, падающий от свечи в деревянной лампадке, едва-едва мерцает». *Хөөч Манжһин кесг оһн медальнь гилс-далс гинә*. «Многочисленные медали чабана Манджи так и блестят, переливаются».

Некоторые слова с обстоятельственно-наречным значением в сочетании с *гих* обозначают действия резкие и кратковременные, с оттенком неполноты их проявления: *Хан, та түрд гитн*, - *гижә зүн бийд бәәсн хатнь келв* (Х.т., 51). «Хан, вы чуточку помедлитесь», – сказала ханша, находившаяся слева от него». *Махн гихлә үкс гидг, мал гихлә гедс гидг* (Х.ү.). «Как мясо есть, так спешит, а как скот пасти, так медлит». *Хар ноха жүрд гив, хаана үүдн хард гив* (Котв., Заг., 19). «Черная собака прошмыгнула, а ханская дверь хлопнула» (выстрел).

Сказуемое, выраженное сочетанием междометного слова с глаголом *гих*, передает то или иное чувственное ощущение: *Зөвүрнь ик болад, Булһн зармдән түңгшәд, ях-ях гинә*. «Из-за мучительных болей Булгун временами стонет и охает».

Осложненное составное глагольное сказуемое

Очень часто составное глагольное сказуемое приобретает осложненную форму. Знаменательный компонент таких сказуемых имеет формы деепричастий и причастий, а их грамматическая часть содержит два или несколько одноосновных и разноосновных служебно-вспомогательных глаголов.

Осложненное составное сказуемое характеризуется «предельной насыщенностью временных и модальных оттенков, большей растянутостью действия» [Бертагаев 1964: 140]. Например, осложненное сказуемое, состоящее из деепричастия на *-ад*, *-эд* и двух одноосновных связок *бээ-* в форме разделительного деепричастия и в форме настоящего времени, показывает действие, продолжающееся в настоящий момент: *Мазн баатр отг-нутгурн ирад бээһэд бээһэ* (Х.т., 29). «Мазан-батыр возвратился и пребывает в своем кочевье».

Осложненное сказуемое, состоящее из деепричастия на *-жэ* и двух связок *бээ-* в форме многократного причастия и в форме прошедшего причастия с модально-утвердительной частицей *-ми*, означает действие, которое носило в своем проявлении в прошлом длительный или постоянный характер: *Иим харимгиг кезэжк улс, хур, нарн, салькнас хорһдхар бэржэ бээдг бээсмн* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 138). «Такие ша-лаши древние люди строили для того, чтобы скрываться от дождя, ветра и солнца».

Осложненное сказуемое, состоящее из деепричастия на *-хар*, *-хэр* и двух связок *бээ-* в форме прошедшего причастия и в форме прошедшего времени на *-жэ*, показывает такое действие, которое должно было осуществиться в прошлом по намерению самого субъекта: *Санжэ, танад одхар бээсн бээжэ*. «Санджи, оказывается, собирался пойти к вам».

Грамматическая часть осложненного сказуемого может состоять из двух или более разноосновных служебных слов-связок. Например, в ее состав могут входить сочетания из связки *бээ-* и связки *билэ*, сочетания из полусвязки *бол* и связки *бээ*: *Адучнр, мордхар бедрэ бээх билэ* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 93). «Табунщики, надо бы готовиться к отъезду». *Чи бээсн болхла, бешим кезэнэһэ кечкн бээх билэч* (Там же, 124). «Если бы ты был дома, давно бы уже сделал мою печь». *Укрмүд оратжэ ирдг болад бээв* (Там же, 85). «Коровы стали приходиться позже обычного». *Лам келжэ бээдг болна: «Шажн Улан баатр сиит күүкэн хээх цаг болв»* (Х.т., 74). «Лама рассказывает: «Богатырю Шаджин Улану пришлось время искать свою невесту». *Күргч гүүнэ эрвңгинь зүсэд, хойр талакшан хайхла, нээмн хавсдиннь толһаснь мөлтрх болад бээжэ* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 94). «Когда у пегой кобылы разрезали жировые складки и отбросили их на обе стороны, головки восьми ребер готовы были выскочить».

В осложненных составных глагольных сказуемых грамматическая часть может состоять не только из полусвязок и связок. Она часто включает два или более вспомогательных глагола с видовременными и

модально-оценочными значениями. Примеры: *Сар, бултад кевтсн ик хар Араха тал алтн хурһарн зааһад өгэд оркна* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 107). «Луна указала своим золотым перстом на спрятавшегося большого черного Араху». *Хойр сөң ууһад, һурвдгч сөң деерән көвүн дуулх болжэ һарв* (Х.т., 51). «Выпив два бокала, на третьей парень пожелал спеть песню». *Санл ик гидгэр байрлжэ йовх бээдлтэ* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 118). «Санал, кажется, очень обрадован». *Батнасна деерэс ирсн заавриг күцэжэ болм хаалһ олжэ ядад бээв* (Доржин Б., Ч.х., 84). «Батнасунов Боврык никак не мог найти путь к осуществлению указания сверху».

В отдельных случаях составное сказуемое может крайне осложниться в своей служебно-грамматической части. Осложнение происходит главным образом либо за счет увеличения количества полусвязок и связок (одноосновных и разноосновных), либо за счет включения нескольких вспомогательных слов с модальным значением. Например, в повести Анатолия Кукаева «Обин көвэд» (с. 292) обнаружено составное сказуемое, состоящее из трех связок *бээ-* в разных формах при основном глаголе той же самой основы, что и связка: *Эрт медсн болхнь, чамаг нааран йовуулго Романовск деер бээһһэд бээх бээсмн бээжэ...* «Если бы знать раньше, надо было бы оставить тебя в Романовске, а не посылать сюда». В сборнике рассказов Басанга Дорджиева «Мини отк» (с. 31) встречается составное сказуемое, имеющее в своей грамматической части две одноосновные связки *бээ-* и одну связку *бол-*: *Ээжэ манад яһад бээдг бээсн болхв гһһэд би ода күртл алң болжэ ухалнав*. «Я до сих пор с удивлением думаю о том, как могла бабушка жить у нас». Интересен и такой пример осложненного составного сказуемого: *Нэ, Ольдатн кесгән ирдг бээдл уга болв... Нааһаснь одад харһх кергтэ болжсах бээдлтэ* (Доржин Б., Ч.х., 27). «Ну, Ольда теперь, видимо, не скоро вернется... Вероятно, надобно поехать к нему и встретиться».

В этом составном сказуемом помимо основного компонента – причастия *харһх* – имеются два модальных слова (*кергтэ* и *бээдлтэ*), выражающие значения необходимости и предположения, и связка *бол-*, являющаяся носителем временного значения.

Таким образом, рассмотренные выше примеры позволяют отметить, что структура осложненного составного сказуемого, будучи многочленной, различается по характеру грамматической части. Иногда составное сказуемое может быть выражено многокомпонентной конструкцией, включающей до пяти членов. Подобное явление наблюдается в бурятском и халха-монгольском языках [Цыдыпов 1972; Бертагаев 1964].

Составное именное сказуемое

В отличие от простого, составное именное сказуемое всегда распадается на две части: основную и служебно-вспомогательную, грамматическую.

В роли присвязочной именной части могут выступать существительные, прилагательные, числительные, местоимения, наречия и субстантивированные формы других частей речи.

Именная часть может быть представлена не только одиночным именным словом, но и нечленимым словосочетанием. В служебно-грамматическую часть составного именного сказуемого входит одна или несколько глагольных связей. В зависимости от этого различаются осложненное и неосложненное составные именные сказуемые.

Неосложненное составное именное сказуемое

Данный вид сказуемого состоит из имени и связки *бээ-*, *билэ*, или полусвязки *бол-*, используемых для выражения грамматических значений времени и наклонения.

Составное именное сказуемое из именного атрибутивного слова и вспомогательных глаголов *бээ-* и *бол-* в форме настоящего времени обозначает либо предикативный признак предмета, либо его состояние: *Энжл мана Таңһчин мал сэн бээна* (Х. Үнн). «В этом году скот в нашей республике чувствует себя хорошо». *Хальмг теегт зуна сө ахр болна* (Балакан А., А.б.з., 12). «Летняя ночь в калмыцкой степи бывает короткой».

Составное сказуемое из атрибутивного слова на *-та*, *-тэ* и вспомогательного глагола связки *бээ-* в форме настоящего времени указывает на предикативный признак обладания: *Ик көвүм Элстд үүлд бээна, хойр урта бээна* (Манжин Н., К.х.). «Старший сын мой находится в Элисте на службе, у него двое детей».

Составное сказуемое с вспомогательным глаголом-связкой *бээ-* в формах прошедшего времени на *-жэ*, *-ла*, *-лэ* изъявительного наклонения и в форме причастия на *-си* указывает на факт наличия какого-либо явления в прошлом с оттенком его обнаружения: *Тер ялч көвүнэ нерн Өөт Мерген бээжэ* (Х.т., 16). «Имя того мальчика-батрака было Оото Мерген». *Мана хотнд Бадаша, Чүдэ, Ноост гинэд угатя ах-дү һүрвн бээла* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 203). «В нашем хотоне жили три бед-

ных брата: Бадаш, Чуда и Нооста». *Бадмин Леежн зээсн цолта бээсн санжэ* (Доржин Б., М.о., 8). «Леджин Бадмаев имел, оказывается, звание зайсанга».

Составное сказуемое из имени существительного и связки *бээ-* и *бол-* в форме предостережения обозначает возможность, допустимость явления: *Тер ар эрг деегүр кежэ йовси гермүдэр беш тэвжэх гер бээвза* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 122). «Может быть, среди тех домов, что строят на левом берегу, есть дом, в котором ставят печь». *Та эн мөрнэ эзн болв-зат?* «Может быть, вы хозяин этой лошади?».

Составное сказуемое, выраженное именем и вспомогательным глаголом *бол-* в форме прошедшего времени на *-в*, а также в форме настоящего времени на *-жана*, *-жэнэ* обозначает то или иное состояние предмета со значением возникновения, становления и перехода в качественно другое состояние: *Асхргси булакн нульмсичн аршан хур болв* (Ант., 189). «Обильные теплые слезы твои явились благодатным дождем». *Этти кун болжана*. «Он становится взрослым» (букв. «человеком»).

Составное сказуемое из имени и вспомогательного глагола *бол-* в форме будущего времени, обозначает явление или состояние, которое будет иметь место в будущем: *Хөөтндэн мана совхоз оли зүсн темста болх* (Инжин Л., О.к.). «В будущем году наш совхоз будет иметь разные овощи». *Сурһулян чилгәһэд, багшир болхвиди*. «Закончив учебу, мы будем учителями».

Вспомогательный глагол *бол-* в составном именном сказуемом нередко передает модальное значение предположения: *Мини бичкн дүм хөөтндэн нээмтэ болх*. «На следующий год моему маленькому брату будет восемь лет».

Составное сказуемое из имени и глагола-связки *билэ*, указывает на предикативный признак или состояние, например: *Би бас артистк болх күслта билэв* (Балакан А., А.б.з., 262). «Я тоже имею желание стать артисткой». *Цаг мана түрү-зүдү билэ*. «Время наше было трудное и бедственное».

В именную часть составного сказуемого часто включаются слова со значением лица, которое мыслится конкретно или обобщенно. В такой роли употребляются слова *кун* «человек», *эмти* «существо», а также слова типа *өвги* «старик», *эмги* «старуха», *көвүн* «мальчик», *күүкн* «девочка», *юмн* «вещь, предмет» и т.д. Например: *Муутл – буурл үстэ өвги билэ*. «Мутул – был седовласым стариком». *Ээжэ – цаһан седклта кун билэ*. «Бабушка была человеком доброй души».

Осложненное составное именное сказуемое

Сохраняя в принципе свою структурную организацию, составное именное сказуемое способно развертывать собственную грамматическую связь, оформление которой ничем не отличается от вспомогательной части осложненного глагольного сказуемого. В состав глагольной части именного осложненного сказуемого входит от двух до четырех одноосновных или разноосновных связок. Они, как правило, наслаиваясь друг на друга, призваны вносить оттенки видо-временных и модально-оценочных значений в содержание многокомпонентного именного сказуемого.

Приведем ряд примеров, в которых вспомогательная часть составного именного сказуемого представлена сочетаниями связок *бээ-* и *бол-* в разных формах: – *Энтн ода күртл школд орлго ю кеһэд бээсмб?* – *Тиигэдл эв-зев уга болад бээһэд бээвд* (Доржин Б., М.о., 40). – «Что же он делал до сих пор если не ходил в школу? – Да так, находился дома из-за того, что не было возможности». *Ода эн хөөнэ өөр совхозин хардачирас кун бээдг болна биштэл* (Доржин Б., М.о., 49). «Теперьazole этих овец, по-видимому, находится кто-то из совхозного начальства». *Дегд төвкнүн-тагчг болсн болад бээһэ* (Бембин Т., Б.ц., 83). «Кажется, что уж слишком спокойно и тихо». В приведенном предложении (односоставном безличном) именная часть выражена однородными прилагательными *төвкнүн* и *тагчг*, которые имеют при себе усилительно-наречную частицу *дегд*. *Мөңгн күклтэ эгчнь өдр сө уга күлэхэд, зовад бээсн болвчи, нас эдлэд, сээхн күүкн болад бээһэд бээсн бээж* (Х.т., 73). «Хоть ее сестра с серебряной челкой страдала день и ночь, все же годы шли, и она выросла в прекрасную девушку».

Фразовое сказуемое

Этот вид сказуемого противопоставлен всем другим характером выражения основной части, которая всегда бывает представлена неразложимыми фразеологическими сочетаниями.

По степени сложности структуры различаются относительно простые, составные и осложненные фразовые сказуемые. В зависимости от того, какой характер носит стержневой компонент фразеологизма, выделяются именные и глагольные фразовые сказуемые. Например, стержневым словом фразеологического сочетания *цаһан төр болх* «разрешаться от бремени; рожать» выступает имя существительное *төр*:

Доладгч хонгтнь Делгр хатн цаһан төр болв (Бадмин А., А.ш.д., 89). «На седьмой день ханша Дельгир разрешилась от бремени». Во фразеологизме *нер авх* «получать имя» стержневым словом является глагол: *Му кун түүмр тэвж нер авдг* (Котв., Заг., 64). «Дурной человек приобретает имя, учинив пожар».

Относительно простое фразовое сказуемое состоит не более чем из трехкомпонентного фразеологического сочетания именного или глагольного типа: *Ноһан хойр сар шаху кевтэд эрэ үрвэж босад, кэлд орв* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 89). «Провалявшись около двух месяцев в постели, Ноган стала медленно становиться на ноги». *Эмгн өвгн хойрин наснь күцэд, зөвэри болв* (Х.т.). «Старик со старухой состарились и отдали богу душу». *Көвүд нам теңгрин халуһар төр авчахш* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 105). «Мальчишки не чуть не обращают внимания на жару». *Хэрсн цагтан, Цаһан минь, аакиг хэлэжэ, нүдн-амн болжса* (Бембин Т., Б.ц., 110). «Когда вернешься домой, Цаган, то присматривай и проявляй заботу о матери».

Составное фразовое сказуемое состоит в своей вещественной части из устойчивого фразеологического сочетания, а в служебной – из вспомогательного слова с модальным значением: *Иигэд тана сүмс авч болхмн бээж*. «Вот как, оказывается, можно было испугать». *Тер ку олхд бидн нөкд болх йоставидн*. «Мы должны помочь разыскать того человека». *Закрия, гертэн көгшрэд буг болхар бээнци?* (Баснга Б., Б.о., 175). «Закрия, ты что на старости лет хочешь сделаться в доме обузой».

Составное фразовое сказуемое может осложняться как по линии основной, вещественной части, так и по линии служебной. В осложненном фразовом сказуемом вещественная часть выражается многокомпонентным фразеологическим сочетанием, состоящим из 3-4-х слов, а служебная часть включает две или более связки, например: *Улмж, та ичртэн ишкэ наасн кун бээсн бээжт* (Эрнжэнэ К., Н.х., 68). «Уломджи, вы, оказывается, человек без стыда и совести». *Та хойр гер-мал болхар бээхмн биш болховт?* (Эрнжэнэ К., Н.х., 107). «Вы разве не собираетесь жениться?».

В грамматической части осложненного фразового сказуемого нередко употребляются вспомогательные глаголы и присказуемые слова типа *кун* «человек», *улс* «люди», *юмн* «предмет, вещь» и т.д.: – *Жимб, ода манд юуһинь уурлнат? Биитн нам улан эмэн утхин ир деер авч харув* (З.т., 46). – «Джимбя, ну что вы на меня сердитесь? Ведь сам я спасся, будучи на волоске от смерти». *Хаврин шүүврин цаг өөрдэд, мах-*

ла авх цол уга болад ире (Эрнжэнэ К., Н.х., 102). «Приблизилась пора весенних экзаменов и нет ни чуточки свободного времени». *Кемр күүнла күүндэн, меткдэн болсн цагт Отхна Манжэ үг хэжэ өрчэн уудлдг кун биш* (Эрнжэнэ К., Н.х., 137). «Если заходил какой-нибудь разговор или спор, то Отхонов Манджи не лез за словом в карман». *Теднчн кишиг уга, домбран цоксн улс* (Манжин Н., И.х., 71). «Они злосчастные и подлые люди».

Подлежащее

Главный член предложения, занимающий грамматически независимую позицию и выраженный формой именительного падежа, называется подлежащим. Оно не зависит в своем функционировании от содержания и особенностей оформления сказуемого и второстепенных членов. Подлежащее всегда обладает предметным значением и поэтому чаще всего бывает представлено существительными. Однако в роли подлежащего могут выступать и другие части речи: местоимения, прилагательные, числительные, причастия. Все слова со значением качества, свойства и количественного признака, употребляясь в позиции подлежащего, обязательно подвергаются субстантивации.

Подлежащее может обозначать как одушевленный предмет – действующее лицо, так и неодушевленный предмет с отвлеченным, абстрактным значением.

В калмыцком языке, как и в других монгольских языках, грамматическая независимость подлежащего находит выражение в использовании специальных показателей. Например, такие показатели, как *гисн*, *гидгчнь*, *гижэ*, *гигэд*; *болхла*, *болжл*, *нь* довольно употребительны не только в литературном языке, но и в живой речи калмыков. Эти показатели не просто отграничивают подлежащее от других членов предложения, а обособляют, выделяют, подчеркивают его и тем самым вносят в него определенный оттенок модальности.

Большинство указанных выше показателей подлежащего являются глагольными.

Болхла – условное деепричастие от глагола *бол-* «становиться, делаться кем-либо или чем-либо». Форма *болхла* – один из активных по своему употреблению показателей подлежащего, например: *Мана авх болхла соньн жигтэ, акад кун билэ* (Доржин Б., М.о., 32). «Наш дядя был странным, удивительным человеком». *Церн болхла олна кэдлмит*

хоома, генн мекч кун баасмн (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 93). «Церен был человеком наивным и хитрым, и на общественную работу – ленивым».

Сочетание имени с формой условного деепричастия глагола *бол-* выступает в роли подлежащего со значением акцентрированности данного грамматического субъекта: «что касается кого- или чего-либо».

Показатель *болжл* представляет форму прошедшего времени глагола *болжэ* с утвердительной частицей *-л*: *Гер болжл негл өрэ* (Доржин Б., М.о., 59). «Домик-то – всего одна комнатка». Этот показатель вносит в значение подлежащего значение обособленности предмета или лица.

Показатель *гисн* (*гиснь*) является формой прошедшего причастия глагола *ги-*, *гидгчн* (*-нь*) – многократное причастие от *ги-* в сочетании с лично-притяжательной частицей 2-го лица; *гижэ* и *гигэд* – соединительное и разделительное деепричастие от глагола речи *ги-* «говорить, молвить, сказывать». Приведенные показатели вносят также в значение подлежащего оттенок выделительности, а иногда и сопоставительности, например: *Би гидгчнь нам ода шицкэхи ирвүлэ* (Доржин Б., Ч.х., 33). «Я-то ведь только-только пришел». *Сэвүрчнр гисн юн улсэ?* (Балакан А., Э.о., 87). «Что это за люди – подметальщики?». *Нүүдг улст тег гисн – төрсн гернь* (Городовиков О., Тодлвр, 5). «Для кочующих людей степь – это родной дом». *Адун мал гидгтн шулун кэлтэ болдмн, нег жисхлэрн бэрдл уга одх* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 93). «Лошади-то быстرونogie животные, если помчались – не догнать». *Кун гижэ күүкл ухата гмтн биший?* «Разве человек не существо с гениальным умом?».

Производные формы глагола *гич*, употребляясь в функции показателей подлежащего, допускают возможность их исключения и опущения из предложения, но, выступая в роли союзов и союзных слов, они являются формально обязательным элементом структурной организации предложения.

Подлежащее, как и другие члены предложения, бывает выражено либо отдельным словом, либо словосочетанием.

Подлежащее, представленное отдельным словом

В роли подлежащего, выраженного одной лексической единицей, выступают как имена существительные, так и местоимения, числительные, прилагательные и причастия, если они приобретают предметное значение путем субстантивации.

Подлежащее, выраженное существительным. Все без исключения

существительные (нарицательные или собственные имена) в форме именительного падежа употребляются в функции подлежащего: *Геснь цадсн көвүн даруь сүрклэд унтад одв* (Куукан А., О.к., 11). «Наевшись, мальчик тут же заснул». *Иим күн манд төрүц керг уга* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 99). «Такой человек нам абсолютно не нужен». *Тер бэргдсн улснь мана эврэ улс бээжэ* (Там же). «Те пойманные люди оказались нашими». *Манжэ гертэн оржэ ирэд, хувцан тээлэд, ордан орв* (Доржин Б., Ч.х., 52). «Войдя к себе в дом, Манджи разделся и лег в постель». *Цернахн эн хотна ар захд, зөвэр уухнд бээдг билэ* (Эрнжанэ К., Келврумд, 93). «Семья Цереновых жила на северной стороне этого хотона, причем на значительном отдалении».

Имена существительные, выступающие в роли подлежащего, имеют самые различные лексические значения: не только конкретно вещественные, но и отвлеченно-абстрактные. Например: *Хөд үүмэд, баглад ирцхэв* (Городовиков О., Тодлвр, 19). «Овцы всполошились и сбились в кучу». *Хаана ядчир шивэн үүд секэд Шажн Улан баатриг орулад оркна* (Х.т., 79). «Ханские слуги, открыв ворота крепости, впустили богатыря Шанжин Улана». *Мана күүд улсин хувнь йир киштэ* (Балакан А., Булг, 31). «Судьба наших женщин очень счастливая». *Сежэ. зеткр мөнкнд зээлх, сээхн эжирһ, лавта, ирх* (Доржин Б., М.у. 14). «Суеверие и бедствие навсегда исчезнут, наступит, без сомнения, прекрасная жизнь». *Киитн улм чанһрад бээнэ*. «Мороз все более крепчает».

Будучи подлежащим, имена существительные с конкретно-предметным значением употребляются в форме именительного падежа единственного и множественного числа: *Шовара бүшкүр татад бээдг болна, үкүрмүднө мел тавишад бишлдэд бээдг болна* (Х.т., 87). «Шовара наигрывает на свирели, а его коровы все притопывают да пританцовывают». *Алсмүд көвүг бэржэ авад, теерминнь төгэлэд, таг-яг болтлнь күлхэн хээнэ* (Х.т., 123). «Поймав мальчугана, черти пытаются крепко-накрепко привязать его к мельничному колесу». *Мөртэ кү үзчкн нохас хуцад гүүжэ аавна*. «Собаки, завидев всадника, приближаются с лаем».

Очень часто существительные в позиции подлежащего принимают лично-притяжательные частицы, которые указывают на отношение предмета к тому или иному лицу: *Дуулсн дун эжирһэд, дүүрэн болжэ куңклнэ* (Х.а., 284). «Песня моя звенит и отдается эхом». *Дахулжэ өгсн мөртнн ишкляч болн хазач* (Х.а., 113). «Конь ваш, которого вы дали в приданое, лягается и кусается». *Теегмдн малар байн*. «Степь наша богата скотом». *Машинчн эвдржэ одву? - гижэ Манжэ үкс көвүн талан ирв*

(З.т., 21). «Что, машина твоя сломалась? – спросил Манджи и быстро подошел к сыну». *Энд үлдсн ээжчнь эн-тер уга, эрүл-дорул бээнэв* (Баснга Б., Б.о., 554). «Оставшаяся здесь твоя мать живет в добром здравии».

Подлежащее, выраженное местоимением

В роли подлежащего могут употребляться почти все разряды местоимений. Наиболее часто в функции подлежащего выступают личные местоимения 1-го и 2-го лица обоих чисел. *Нам би тегэд эр такаһас өрвлгинь юңгад эс суржэ бээхмб?* (Х.т., 94). «Отчего же я не попрошу у петуха его перья?» *Чи эс көдлдг болвчн, пенс авнач. Не, тегэд бидн угаттай?* (Балакан А., Э.м.о., 226). «Вот ты, хотя и не работаешь, а получаешь пенсию. Так разве мы бедные?» *Иван Уланович, та тэмкэн хайчкнс кевтэ билтэ?* (Там же, 229). «Иван Уланович, вы, кажется, бросили курить?» *Не, мөнд хэртн, байрта харһий – гижэ келсн Манжэин үгд: - «Тиигий, тэдн чигн мөнд бээтн», - гижэ Морхша хару өгв* (Доржин Б., Ч.х., 70). «В ответ на слова Манджи: «Ну, до свидания. Счастливого пути». – Морхаш сказал: «Спасибо. И вы будьте счастливы».

Не менее часты в функции подлежащего и предметно-указательные местоимения в форме единственного числа, при этом они в большинстве случаев сопровождаются лично-притяжательными частицами. Например: *Энтн йир сэн дегтр*. «Это очень хорошая книга». *Ода терчн нааран ирхи*. «Теперь он сюда не приходит». *Эдн кесгтэн эд шүүжэ хэлэв* (З.т., 259). «Они долго выбирали материю». *Негл зовлң нама түрэнэ, терм - хөөнд ирдг «элк урсдг» гем* (З.т., 301). «Одна беда заставляет меня страдать, - это заболевание печени у овец». *Энчн байрин нульмн, сээхн иньгм*. «Это слезы радости, мой милый». *Тедн чамаг йилһл уга яах билэ, чамаг харсэжэ нег амн үг келдг күн бээхи* (З.т., 232). «Конечно, они тебя будут обижать, ведь нет человека, который сказал бы в защиту тебя хоть одно слово».

Функцию подлежащего могут выполнять обобщительные местоимения в субстантивированной форме: *-Хей -хей. Адунд хулхач орад, хаһад булажэ йовна. Цуг бостн* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 95). «-Эй -эй. На табун напали конокрады, они стреляют и отбирают лошадей. Все вставайте». *Бум Шаһа байрлад, буруһинь тэвжэ өгч. Цуһар байрта-бахта эжирһэд бээчхэнэ* (Х.т., 107). «Бум Шага обрадовавшись, простил его. Все были счастливы».

Позицию подлежащего означают также притяжательно-

субстантивные и возвратные местоимения: *He, тегэд маныхс ямаран бээнэ?* «Ну, как там поживают наши?» *Эндр хагсу сө болв, хур-чиг уга. Зөөлхэн танахн чаһатн* (З.т., 22). «Сегодня ночь была сухая, без дождя. Так что вы усилие перевозку (зерна)». *Бүшмүд кех тааста эдэн эврэн шүүж ав* (З.т., 259). «Сама выбирай на свой вкус подходящую для бешмета материя». *Бийнь авдрасн босад, ээжиннь хар авдр үүрэд харна* (Х.т., 112). «Сам вылез из своего сундука, взял черный (волшебный) сундучок своей матушки и пошел».

В роли подлежащего употребляются вопросительные местоимения *кен* «кто?», *юн* «что?», *альнь, алькнь* «какой, который (из них)?», *ямарань* – в том же значении; определительные местоимения *кенчи* «любой, каждый», *юнчи, ючи* «все, что угодно, хоть что», неопределенные – *кен негн* «кто-то, кто-нибудь»; *ю-кун* «кое-что»: *Тенгрин Төгэ бус, өмнчнь кен йовна?* (Х.т., 83). «Тенгрин Тегя Бюс, кто идет впереди тебя?» - «Кемби? *Юн кергтэ?*» - *гисн күүд күүнэ дун соңсгдна* (Городовиков О., Тодлвр, 10). - Кто? Что нужно? – послышался женский голос». *Өсн-босн назртан кенчи хээртэ*. «Каждый любит землю, на которой родился и вырос». *Алькнь сэн, алькнь му – кен медхв*. «Кто знает, какой из них хороший, а какой - плохой». *Иим байн улст юн чигн бээхгов*. «У таких богатых людей, наверно, все что угодно есть».

Особенностью употребления вопросительных местоимений *кен* «кто?» и *юн* «что?» является то, что они применяются дифференцированно. Первое из них используется только по отношению к людям, а второе по отношению к животным (неразумным существам) и предметам.

Подлежащее, выраженное прилагательным

Имена прилагательные, выполняя функцию подлежащего, субстантивируются, в силу чего они приобретают предметное значение, например: *Согтунас халзу ээдг* (Х.т.). «Пьяного и бешенный боится». *Зоргтэ нег үкдг, эамтха арв үкдг* (Х.ү.). «Смелый умирает один раз, трусливый – десять раз». *Цецн цецртл, эргү нурв үмкжс* (Котв., Заг., 91). «Пока умный мудрствовал, глупый трижды откусил».

Прилагательные, переходя в разряд существительных, изменяют свою морфологическую природу: из несклоняемой части речи становятся склоняемыми, принимают аффикс множественного числа и личного притяжания: *Медэтирнь эрkd зөвэр халад оркен хооридан үг булалдэж бээж, хотан эдлэж сууцхав* (Доржин Б., Ч.х., 58). «Пожилые изрядно

захмелели и споря между собой, сидели за трапезой». *Укхас биш юмна шулуунь сэн* (Котв., Заг., 78). «Кроме смерти, все быстрое хорошо». *Хар делтэ халтрнь хаврин цасилань тарһлна* (Х.а., 112). «Черногривый вороной нагуливает жир по весеннему снегу». *Ода бидн хойр көвүтэвдн. Икмдн цергт йовна, баһмдн колхозд көдлэжэнэ*. «Сейчас у нас двое сыновей. Старший служит в армии, а младший работает в колхозе».

Относительные прилагательные на *-та, -тэ, -т*, как и качественные, могут переходить в существительные и употребляться тем самым в функции подлежащего. Выполняя роль подлежащего субстантивированные относительные прилагательные обязательно должны иметь частицу притяжания *-нь*: *Көк торһн бүшмүдтэнь көркхн зүрким эзлв* (Х.а., 109). «Та, которая в синем шелковом бешмете, завладела моим сердечком». *Тер цаһан кишлгтнь – Буджала Егор* (З.т., 338). «Тот, что в белой рубашке – Буджалов Егор».

Подлежащее, выраженное числительным

Употребление числительных в роли подлежащего имеет в калмыцком языке довольно широкое распространение. В частности, в функции подлежащего выступают количественные, порядковые, собирательные, дробные и так называемые возрастные числительные. Примеры: *Күүндсн кевтэ хоюрн эдл зүстэ күрц торһн бүшмүдтэ* (Эрнжэнэ К., Келврмүд, 214). «Как будто сговорились: обе в одинаковых коричневого цвета шелковых бешметах». *Аваг арвүдн мордулэж* (Котв., Заг., 44). «Важного господина проводили в путь вдесятером» (одевать шапку). *Эндрэс авн хойр бригад тосхлтын кодлми эклэж гижээнэ. Негнь школ тосххмн, хойрдгчнь эмтн бээдг гер бэрхмн* (Куукан А., О.к., 56). «С сегодняшнего дня две бригады начнут строительные работы. Одна будет возводить школу, а другая - общежитие». *Негмдн энд үлдх йоста*. «Один из нас должен остаться здесь». *Малд орси чонмудас тавнь зулад арлв, һурвнь алгдв*. «Из числа напавших на стадо волков пятеро убежало, а трое были убиты».

В калмыцком языке количественные и возрастные числительные нередко выступают в качестве собственных имен людей. С приобретением предметно-индивидуального значения такого рода числительные употребляются в функции подлежащего. Например: *Манад Далнта өвгн ирсн бээнэ*. «К нам пришел старик Даланта». *Тавн болн Гучин мини сэн гисн нөкд*. «Таван и Гучин – мои лучшие товарищи».

Подлежащее, выраженное причастием

Формы некоторых причастий активно употребляются в роли подлежащего, обозначая как само действие, так и его исполнителя: *Хөөткэн сансн цецн, хуучан хатхсн урн* (Котв., Заг., 65). «Думающий о будущем – мудр, чинящий старье – мастер». *Эрвэлсн эмнд туста* (Там же, 77). «Бережливость полезна для жизни». *Иазрт кишсн назр түшжэ боодэ* (Там же, 81). «Упавший на землю встает, опираясь на нее». Будучи подлежащим, причастия нередко сопровождаются частицами личного притяжения: *Малынь идсмдн худл биш, унн* (Доржин Б., М.о.). «То, что мы съели его скотину, - не ложь, а правда». *Ода иигэд йовад, танад ирсн эн* (Х.т., 194). «Вот как шел, так и пришел к вам».

В калмыцком языке в качестве подлежащего чаще всего выступает причастие прошедшего времени. Реже в этой функции употребляется причастие будущего времени и многократное причастие:

Уух, идхнь элэг, умсх, зүүхнь дүүрч (Х.а., 194). «Питье и еда – в изобилии, одежда и вещи – в достатке сполна». *Кишго кун, харнь Ларлу багш Бадм хойрла куунддгчнь ик билэл* (Доржин Б., Ч.х., 206). «Ах, ты, подлец, то-то ты много разговаривал с Ларлу и учителем Бадмой». *Зуг эднэ төвкнүн жирһилинь өдр болһн эвддгнь эн эзан зальгсн немшин самолетмуд болв* (Эрнжэнэ К., Келврумуд, 109). «И только ежедневными нарушителями их спокойной жизни были эти проклятые немецкие самолеты».

Однократное причастие на –гч, перешедшее в существительное, функционирует в роли подлежащего: *Иргчмдн сарул болн сээхн*. «Будущее наше – светлое и прекрасное». *Чамас сургчм – намаһан бичэ март*. «Просьба моя к тебе – не забывай меня».

Подлежащее, представленное словосочетанием

Функцию подлежащего могут выполнять различного рода словосочетания. В первую очередь к ним относятся словосочетания с общим предметно-количественным значением, словосочетания со значением совместности и избирательности, фразеологические сочетания, парно-сложные слова, имеющие структуру словосочетания.

В словосочетаниях с предметно-количественным значением зависимым словом являются личные и указательные местоимения, имена существительные и другие субстантивированные формы. Стержневое

же слово представлено числительным с количественным или собирательным значением: *Босхмжэ - Чи бидн хойр ю хэлэжэ зогсжахмб?* (Баснга Б., Б.о., 167). «Босхомджи. - А что мы с тобой стоим и смотрим?» *Та хойр энунэс ю хээвтэ?* «Вы (двое) что тут искали?» *Тер һурвн маһисн герт орад алт-мөңг, хувц авад, һарад йовв* (Х.т., 15). «Те трое, войдя в юрту мангаса, взяли драгоценности и вещи и ушли». *Энүг дахад, наадк һурвнь бас һаран өргихэв* (Доржин Б., Ч.х., 179). «Следуя его примеру, остальные трое также подняли руки». *Кезэнэ, эртин эхн цагт эр така тоһстн хойр элдү сэн үүрмүд бээсн бээжэ* (Х.т., 10). «Когда-то, в стародавние времена, петух и павлин были очень хорошими приятелями». *Ах-дү дөрвүлн нег махлата* (Котв., Заг., 27). «У четырех братьев одна шапка» (ножки стола). *Ардаснь Доржэ, Амулаң, Нэгмн, Булмаг дөрвн һарч ирнэ* (Баснга Б., Б.о., 176). «Вслед за ним выходят Дорджи, Амулан, Найман и Булмаг (четверо)».

Подлежащее, выраженное словосочетанием с предметно-количественным значением, обозначает, что действие совершается не одним лицом, а группой лиц.

Своеобразной разновидностью количественно-именных словосочетаний являются сочетания существительного в именительном падеже с местоименными числительными *дала* «много, множество», *олн* «многочисленный», *кесг* «много, множество», *цөн, цөөкн* «немного, мало». *Һанихн гер, дала олн хөн күриһэд бээнэ* (Городовиков О., Тодлвр, 45). «Виднеется одинокий домик и множество овец». *Дээнэс кесг улс ирсн уга*. «Много людей не вернулось с войны». *Герин сүүдр дахад кевтсн цөөкн яман генткн юмнас үргэд одв*. «Лежавшие в тени дома несколько коз вдруг чего-то испугались».

К словосочетаниям с количественным значением примыкают и сочетания, включающие в свой состав слова *икккнь* «большая часть чего-л.; большинство», *ик зунь* – в том же значении, *бах зунь* «меньшинство, меньшая часть чего-либо». Зависимое слово такого сочетания – существительное или местоимение – стоит в родительном падеже: *Көдлмшин ик зунь күцэгдв*. «Большая часть работы выполнена». *Мана баһчудын икккнь сурһулин эрдмтэ*. «Большинство нашей молодежи имеет образование».

Подлежащее может выражаться словосочетанием с избирательным значением. В подобном сочетании зависимое слово – существительное, указательное или личное местоимение – принимает либо форму родительного падежа, либо исходного. А стержневым словом являет-

ся или количественное числительное, или местоименное числительное *зэрм* «некоторые» с частицей притяжения: *Мадна негмдн эрк биш хэрх болжана*. «Один из нас непременно должен ехать домой». *Теднас зармнь шүүвр өгх деерэн онц сэн темдг авихаж*. «Некоторые из них получили на экзаменах отличные отметки». *Кезэнэ һурви көвүнэ негнь бурхн багшин гегэнд церглх йоста бээсмн* (Городовиков О., Тодлвр, 91). «Раньше один из трех сыновей должен был служить его светлости бурхан-бакши» (т.е. Будде).

Подлежащее, представленное словосочетанием с избирательным значением, обозначает, что действие совершается не всеми лицами, а только некоторыми из них.

В калмыцком языке широко употребительно подлежащее, выраженное словосочетанием со значением совместности. Такое подлежащее обозначает, что действие, выраженное сказуемым, совершается совместно. Словосочетание со значением совместности состоит из существительного или местоимения в именительном падеже и другого существительного или местоимения в совместном падеже: *Тер тоосиг үзчкэд, Церн Доржэ: «Хасгин хан хойр баатртаһан нааран ашина»*, - *гигж келнэ* (Х.т., 35). «Увидев ту пыль, Церен Дорджи сказал: «Казахский хан со своими двумя богатырями направляется сюда». *Төмр Утцин Арш ламтаһан күрэд ирв* (Х.т., 45). «Прибыл Темір Утцун со своими Арша-ламой». *Кезэ би чамтаһан шигж даң амрад суух цаг ирх болхмб?* (Очра У., Синт., 80). «Придет ли время, когда я с тобой вот так всегда буду сидеть и отдыхать?».

В ряде случаев значение совместности совершаемого действия специально подчеркивается употреблением слова *хамдан* «вместе с кем-л.», которое входит в состав подлежащего, выраженного словосочетанием: *Бидн терүнтэ хамдан хөөдиг кеерагшэн тууһад һарвдн* (Городовиков О., Тодлвр, 13). «Мы с ним вместе погнали в поле овец».

Весьма часто подлежащее бывает представлено парными словами, имеющими структуру сочинительного сочетания и выражающие более общее значение, чем семантика их компонентов: *Эк-эик, элгн-садн чамд бээну?* «Есть ли у тебя родители, родственники?» *Клубд нар эклкжж. Көвүд-күүкд бишдэжэнэ*. (Кукал А., О.к., 156). «Веселье в клубе началось. Молодежь танцует». *Магазинд оln зүсн эд-тавр, хуви-хунр орна*. «В магазин поступают разнообразные вещи и одежда».

В роли подлежащего могут функционировать сложные слова разного типа, например: *Норм гелнд Уви хан цаас бичнэ: «Чини бүтү*

турут түм күрвэ, чамаг дээлий» (Х.т., 34). «Убаши-хан пишет Нормогелюгу: «Твой однокопытные (т.е. кони) достигли десяти тысяч, надобно пойти на тебя войной». *Тиигхлэнь Норм гелң Уви хаанд иим хэрү бичжэ шгэнэ: «Тана шикэ дееврт бум күрвэ, нанд бичэ бахтад бээтн* (Там же). «Нормогелюнг пишет и посылает Убаши-хану следующий ответ: «Твои юрты достигли ста тысяч, и не завидуйте мне».

Неразложимость сложных слов «*бүтү турут*» и «*шикэ дееврт*» заключается в том, что, во-первых, они именно в таком составе являются цельным названием предмета, а, во-вторых, компоненты *турут* и *дееврт* самостоятельно не употребляются: они служат целям словообразования.

Подлежащее может быть выражено сочетанием слов с главным компонентом – отглагольным существительным: *Нидн эшил мөрдн келд төмр хадасд цоксн улсиг дарунь эс олж авлһн – мана цухрлһн* (Эрнжэнэ К., Келврмүд, 180). «То, что сразу не нашли людей, в прошлом году забивших в копыта лошадей железные гвозди – наше отступление». Подлежащее бывает выражено и послесловным сочетанием. Зависимое слово – обычно существительное – стоит в родительном падеже, а послелог выступает с частицей притяжения. *Герин дотркнь бор шалдарта* (Доржин Б., М.о., 59). «Изнутри дом помазан серой глиной».

Устойчивые фразеологические сочетания также активны в функции подлежащего. Такого рода сочетания выступают как метафорические выражения, передающие определенные понятия. Устойчивость фразеологических сочетаний обусловлена их воспроизводимостью в готовом виде. Примеры: *Дулан хурин хөөн доһиң эмгн дүңгэнэ* (Х.а., 127). «После теплого дождя величаво сияет радуга» (букв. «хромая старуха»). *Көдлми дала... Деер үвлин найн өөрдж йовна* (Доржин Б., Ч.х., 230). «Работы много... Приближается пора морозов и холодов» (букв. «зимних семьдесят»). *Медсэн сурһуль уга ахиртан, эгчиртан келэд, цээһад нөкд болх – мана эркн керг* (Эрнжэнэ К., Келврмүд, 183). «Помочь разъяснить и рассказать своим неграмотным братьям и сестрам то, что мы знаем – наше важнейшее дело». *Домбрин айс күңкнж, нээрин көл эклв* (Доржин Б., Ч.х., 58). «Раздались мелодии домбры и началась стихия веселья».

Определение

Второстепенный член предложения, предшествующий слову с предметным значением и характеризующий его со стороны качества,

свойства, количества или принадлежности, называется определением.

Определение выражает зависимый признак и подчиняется определяемому слову, образуя с ним тесное единство. Занимая позицию перед словом, которое оно поясняет, определение выражается формой основы, совпадающей с именительным падежом, а также формами совместного и родительного падежей. Как член предложения определение может быть представлено как отдельным словом, так и словосочетанием, в особенности неделимым.

По способу связи с определяемым словом в калмыцком языке выделяются два вида определения: примыкающие и управляемые.

Примыкающие определения

В качестве примыкающих определений употребляются имена существительные, прилагательные, числительные, местоимения и причастия.

Примыкающее определение – существительное в форме основы, совпадающей с именительным падежом, может характеризовать разные признаки определяемого предмета, например: 1) материал, из которого сделан или состоит предмет: *торһн кәнжл* «шелковое одеяло», *мөңгн бус* «серебряный пояс», *шавр гер* «глинобитный домик; землянка» *арсн шавр* «кожаные штаны»;

2) размер, форму, объем и вес определяемого предмета как часть целого: *алд һазр* «сажень земли», *метр эд* «метр ткани», *кило махн* «килограмм мяса», *атх тэмк* «щепоть табака», *ааһ цэ* «чашка чая».

На правах компонента составного названия примыкающее определение - существительное в форме основы - может характеризовать предмет в отношении того: а) чем он приводится в действие: *мөрн тергн* «конная телега», *салькн теерн* «ветряная мельница», *һар көрэ* «ручная пила; ножовка»; б) какова его принадлежность или происхождение: *хальме мал* «калмыцкий скот», *шпанк хөн* «шпанская овца», *моңһл мөрн* «лошадь монгольской породы, монголка»; *черкс занч* «черкесская бурка»; в) какому предмету уподобляется: *мөрн царцаха* «кобылка; стрекоза», *хөн толһа* «небольшой бугорок, по размеру и форме напоминающий голову овцы», *темән харада* «стриж».

В родо-видовых составных наименованиях определение в форме основы имени уточняет родовое название предмета и тем самым выделяет индивидуальное, видовое: *тавьһ модн* «таволга», *яһл модн*

«вишня, вишневое дерево», *суха модн* «жидовинник», *бадм цецгэ* «лотос», *шаһа чимгн* «берцовая кость», *картуз махла* «картуз; фуражка; кепи», *тул захсн* «таймень».

Примыкающее определение – имя собственное выполняет индивидуализирующую функцию: с его помощью из класса однородных предметов выделяется конкретно один: *Ижл һол* «река Волга», *Элст балһсн* «город Элиста», *«Москвич» машин* «машина «Москвич», *Мауц өвгн* «старик Мацак» и т.д.

Очень часто имя собственное в качестве определения к нарицательному существительному употребляется со служебным словом *гидг* «называемый, именуемый». *«Теггин герл» гидг альманах* «альманах «Свет в степи», *Әәдрхн гидг балһсн* «город Астрахань», *Церн гидг залу* «мужчина по имени Церен».

Будучи определением, имя существительное в форме именительного падежа может заключать в себе иносказательное значение, в основу которого положен тот или иной образ: *күүкн зүркн* «слабое сердце» (букв. «девушка сердце»), *болд зүркн* «стальное сердце», *модн һар* «деревянные руки», *хөн заң* «овечья смиренность».

Примыкающее определение может быть выражено сочетанием имени существительного в форме именительного падежа и служебно-послеложных слов с уподобительно-сравнительным значением *-һн*, *чигэ*, *мет*, *эдл*, *кевтэ*, *өңгтэ*, *дүңгэ*: *үүһн өңгтэ бор* «лошадь пепельно-серой масти», *баатр мет ээм-далта залу* «мужчина богатырского телосложения», *арат мет күн* «человек-лиса», *хөөнэ хорһсн чигэ мөндр* «град величиной с овечий помет».

В некоторых сочетаниях послелого могут быть подразумеваемыми или быть потенциально наличными в составе устойчивого образования: *Болв эндр өдр күртл хун цаһан хувцта, хойр нәрхн һаран делсн күүкн Цернэ Даван чеежд йовла* (Бадмин А., У.э.б., 30). «До сегодняшнего дня в душе Давы Церенова хранился образ девушки в белоснежном одеянии (букв. «лебедь белая одежда») и с машущими тонкими руками». *Жаңһрин көлгдг көлгнь гихлә, ут сәәхн күзүтэ, ялдһр сәәхн бийтэ, яһмн сәәхн хаата, туула сәәхн зоота, чон сәәхн бөгтһртэ* (Х.т., 84). «Если говорить об иноходце, на котором ездит Джангар, то у него длинная красивая шея, стройное красивое тело, круп красив, как у тушканчика, спина красива, как у зайца, загривок прекрасен, как у волка». В определительных сочетаниях *хун цаһан*, *яһмн сәәхн*, *туула сәәхн*, *чон сәәхн* можно «восстановить» формально отсутствующий послелог *мет* или частицу *-һг*.

Функцию примыкающего определения выполняет определенная часть имен существительных с суффиксом совместного падежа. Они употребляются со значением «имеющий что-либо» или «обладающий чем-либо». Например: *өөктә махн* «жирное мясо», *ацта модн* «ветвистое дерево», *кеелтә гун* «жеребая кобыла», *мөңгтә күн* «денежный человек», *зөвтә үг* «подходящее, правильное слово», *заһста нур* «рыбное озеро».

В роли примыкающего определения употребляются имена существительные на *-та, -тә* со значением, определяющим предмет по его внешним или внутренним данным: *чолута һазр* «каменистая земля», *цаста увл* «снежная зима», *ухата көвүн* «умный мальчик», *медәтә өвгн* «пожилой человек», *зөргтә дәәч* «храбрый воин».

Многие из существительных на *-та, -тә*, утратив предметное значение, адъективировались и приобрели основные признаки прилагательных: сочетаются с усилительными словами наречного характера, принимают оценочно-сравнительные суффиксы и т.д. [Каляев 1971: 11-12].

Существительное на *-та, -тә* нередко выступает с зависимым поясняющим словом, в сочетании с которым функционирует как единый фразеологизированный член предложения - определение: *Күнд һарта Савр* «Тяжелорукий Савар», *мөңгн цокарта бортх* «бурдюк с серебряной чеканкой», *дундин тежәлтә улс* «средняки, люди со средним достатком», *күнд толһата күн* «почтенный, уважаемый человек» (букв. «с тяжелой головой»), *һазаран элктә улс* «чуждые по духу люди, вредители».

Функцию примыкающего определения выполняют и синтаксически неразложимые сочетания, состоящие из имени существительного в форме основы, совпадающей с именительным падежом, и производного прилагательного на *-та, -тә*: *услур муута һол* «речка с неудобными местами для водопоя», *ач иктә аав* «высококочтимый, благодетельный отец», *үзл сәәтә цецәг* «прекрасные на вид цветы», *өңг кеетә модн* «нарядное, красивое дерево», *дулан иктә, увл баһта һазр* «земля, где много тепла и где короткая зима».

Если определения, выраженные именами на *-та, -тә*, характеризуют предмет в отношении того, чем он обладает, то определения, выраженные именами с отрицанием *уга, -го*, указывают на необладание: *эзн уга (эжго) көдә* «безлюдная, дикая местность», *аврлит уга үг* «жестокое, немилосердное слово», *керг уга (керго) юмн* «ненужная, бесполезная вещь», *усн уга тег* «безводная степь». Такие определения сочетаются с определяемыми также по способу примыкания.

Примыкающими являются все определения, выраженные прилагательными: относительными и качественными. Некоторые из них были рассмотрены выше в связи с анализом определений - существительных в совместном падеже. Поэтому остановимся лишь на определениях, выраженных другими видами прилагательных. В частности, примыкающее определение, выраженное относительным прилагательным, может выражать отношение к действию, месту, времени и лицу. Примеры: *урһа модн* «растущее дерево», *үкүд шав* «смертельная рана», *йовһн улс* «пешие люди»; *захдк гер* «крайняя изба», *һартк жид* «находящаяся в руке копьё», *эндрк көдлмиш* «сегодняшняя работа», *сөөнәк (сөөтк) зүүдн* «ночное сновидение».

Примыкающие определения, выраженные качественными прилагательными, характеризуют предмет по самым различным признакам, например, по цвету, масти, возрасту, размеру, весу, объему, форме, а также по отдельным особенностям психического и физического порядка: *улан туг* «красное знамя», *хоңһр мөрн* «саврасый конь», *көгшин эк* «старая мать», *ут арһмж* «длинный аркан», *төгрк чирә* «круглое лицо», *тарһн хән* «жирная овца», *номһн күүкд* «спокойные дети».

Примыкающее определение, обозначая тот или иной признак, присущий предмету, может быть представлено целым сочетанием, состоящим: 1) из двух качественных прилагательных со значением цвета или масти: *шар-цоохр бүшмүд* «желтовато-пестрый бешмет», *хар-улан чирә* «темно-красное лицо»; 2) из качественного прилагательного и управляемого имени в форме основы или родительного падежа: *ижл буру мал* «скот не из одного стада», *зүс буру күн* «чужой, незнакомый человек», *шим тату урһмл* «худосочное растение», *мууһин му мөрн* «кляча, худшая из худших лошадей», *билгин билг хур* «целительно-волшебный дождь», *хортин хорн эм* «ядовитое, преядовитое лекарство»: *Билгин билг хур орулад, хортин хорн эм түркв* (Х.т., 41). «Вызвав целительно-волшебный дождь, намазал ядовитым-преядовитым лекарством».

Функцию примыкающего определения выполняют, в основном количественные, порядковые, разделительные и возрастные числительные. Определение, выраженное количественным числительным, служит для количественной характеристики предмета: *һурвн шарһ мөрн* «три соловых коня», *хөрн тавн арслц* «25 рублей», *зурһан литр үсн* «6 литров молока», *арвн хар нүгл* «10 черных грехов» (*нүгл* из старописьменного *нигүл*, ср. совр. калм. *нүүл*).

Определение, выраженное порядковым числительным, указывает

на порядок предметов при их счете, на место, которое занимает тот или иной предмет в ряду ему подобных: *Хальмг негдгч полкиг Хомутников-командир толхалла* (Х.а., 127). «Первый Калмыцкий полк возглавлял командир Хомутников». *Нурвн зун арвн хойрдогч рейсар Москваһас һарсн самолет иржэ буув* (Балакан А., Булг., 11). «Приземлился самолет, прибывший из Москвы рейсом 312».

Примыкающее определение, выраженное разделительным числительным, указывает на приблизительное количество предмета, обозначенного определяемым словом: *тавад күүкдтэ гер-бул* «семья, имеющая около (или до) пяти детей». Однако значение приблизительности чаще всего передается определением, состоящим либо из двух разделительных, либо из двух количественных числительных. Причем второе числительное, как правило, обозначает большее число: *Эн хоорнд хошад-һурвад цөгц эрк зооглсн медэтнр йөрэлэн тавад, өрвжэ арһул цемшжэ шикэд һарад хэрлдв* (Доржин Б., Ч.х., 57). «Тем временем выпившие по две-три рюмки старики и старухи, произнеся свои благопожелания, стали не спеша, потихоньку расходиться домой». *Кен чамд үндэн нежэд-хошад тежэлэн туужэ авч ирх болһнач?* (Там же, 81). «И, вправду, кто тебе пригонит свои одну-две скотины?» *Сарын чилгч күртл хойр-һурвн өдр үлдв*. «До конца месяца осталось два-три дня».

Значение приблизительности выражается также определением, состоящим из количественного числительного и послелога *һар* «более, свыше», *шаху* «около, почти», например: *зун шаху кун* «около ста человек», *миһн һар хэн* «свыше тысячи овец» и т. д. В качестве послелога при количественно-возрастном числительном выступает и слово *эргн* «около»: *дөчн эргн насн* «возраст около сорока лет». *Дөчн эргн нас күрэд, дөрвн үзгин дээс дарм сэн залу болһмч* (Х.т., 24) «Достигнув, примерно, 40 лет, ты станешь добрым молодцем, способным уничтожить врагов четырех сторон».

Возрастные числительные, образованные от количественных числительных с помощью суффикса *-та, -тэ*, указывают на возраст определяемого предмета и употребляются в роли примыкающего определения: *арвн зурһата аһа Шавдл* «шестнадцатилетняя принцесса Шавдал», *һучта залу* «тридцатилетний мужчина», *далта өвгн* «семидесятилетний старик».

Определение, выраженное количественным или неопределенно-количественным числительным в сочетании с существительным на *-та, -тэ*, функционирует как единый член предложения: *Жири наста ээжэ*

минь жириһ болжэ сангддг билэ (Х.а., 114). «Шестидесятилетняя мать моя вспомнилась мне как счастье». *Хойр амта бу хэр уга хана*. «Двуствольное ружье стреляет безотказно». *Кесг мөртэ цаһачуд өмнэсн зөрлүв* (Х.а., 274). «Много конных беляков выступило против него».

Примыкающие определения, выраженные местоимениями, обозначают указательно-определяющие признаки предмета: *Мөн иньгүдин дурнд эн сөңгүһэн эдлит* (Х.а., 113). «За любовь истинных друзей поднимите этот бокал». *Тиим үг нанд келхэр билчи?* «Такие слова ты хотел сказать мне?» *Тер көвүн йир альвн*. «Тот мальчик очень шаловливый». Указательные местоимения *эн* (тот), *тер* (тот), сочетаясь со служебным глаголом *гих* «говорить, молвить», выступают как один член предложения – определение: *Эн тер гих юмн уга*. *Бээсэри бээнэлвидн* (разг.) «Ничего особенного нет. Живем, как жили».

Указательные местоимения *иим* «этакий», *тиим* «такой» для выражения уподобительно-сравнительного значения сочетаются со словами *өңгтэ, бээдлтэ, зүстэ* и употребляются также в качестве одного члена примыкающего определения: *Иим өңгтэ альчур чамд бээнү?* «Есть ли у тебя такой (подобный этому) платок? *Тиим бээдлтэ пальто хулдэж авх санатав*. «Намерен приобрести такое (подобное) пальто».

Функцию примыкающего определения несут также и вопросительные местоимения *ямаран?* «какой», *альк?* «который», *кедү?* «сколько». *Ямаран күмбт?* «Какой вы человек?» *Та альк хотнд бээдвт?* «В каком хотоне вы живете?» *Я, ях. Цотн авһ, ямр үг келжэ бээхмт?* (Х.а., 59). «Ай-я-я. Какие слова говорите вы, дядя Цотон?».

Посредством примыкания сочетаются с определяемым словом определения-причастия. Причастное определение характеризует предмет как с точки зрения действия, которому он подвергается или состояния, в котором пребывает предмет. В роли определения могут употребляться почти все причастные формы:

а) однократные: *күндлгч медэтнр* «почтенные старцы», *мандлгч Бумбин орн* «цветущая страна Бумба», *агч модиг нээхлүлгч эргин хар салькн* «береговой, порывистый (букв. черный) ветер, раскачивающий кленовые деревья», *иргч жиһ* «будущий год»;

б) многократные: *уудг усн* «питьевая вода», *өмсдг хувцн* «носильные вещи»; *Дээрэс татдг дел уга, дораснь татдг сүл уга* (Х.ү.). «Нет гри-вы, чтобы сверху потянуть, нет хвоста, чтобы снизу потянуть». *Хатрдг мөрнэ эзн санамр* (Х.ү.) «Хозяин рысистой лошади беспечен».

в) причастие прошедшего времени: *шаазһа эс суусн модн уга* (Х.ү.)

«Нет дерева, на котором бы не сидела сорока». *ширвисн сахл* «щетиная борода», *шарлсн буурлда* «пожелтевшая полынь»;

г) причастие будущего времени: *Унх шүднд бүүль туслдог* (Х.ү.). «Зубу, который должен выпасть, десна не поможет». *Бэах цагт темэ өскдг, угарх цагт яма өскдг* (Х.ү.) «Когда живут в достатке – разводят верблюдов, когда живут в бедности – разводят коз».

д) страдательные причастия: *ачата тергн* «нагруженная телега», *архлата ажрһ* «привязанный жеребец», *сөөлһатэ мөрн* «лошадь с закинутыми за луку седла поводьями», *бичэтэ цаасн* «написанная бумага».

В калмыцком языке в позиции примыкающего определения употребляются и причастия возможности: *келм үг* «слово, которое можно сказать», *ирм күн* «человек, который может прийти».

Значение потенциальной возможности того или иного действия усиливается, когда причастие на -м и -мар выступает с послеложными словами *чигэ, дүңгэ*: *болмар чигэ үг* «подходящее, соответствующее слово», *өгм чигэ хэрү* «подходящий, сообразный чему-либо ответ». *Бовргин эн үгд өгм чигэ хэрү Песецкий экн автан олж чадсн уга* (Доржин Б., Ч.х., 77). «Песецкий поначалу не смог найти подходящего ответа на эти слова Боврыка».

Следует особо отметить, что определение, выраженное причастием возможности, чаще всего бывает представлено сочетанием фразеологического характера. Такое определение обычно состоит из причастия на -м, -мар и зависимого имени существительного в форме винительного нулевого: *нүд чичм харһу* «кромешная тьма, хоть в глаз коли», *ясн яарм үг* «беспощадное, жестокое слово» (букв. «слово, от которого кость может заныть»), *куч үзүлм күн* «человек, способный на физическую расправу».

Причастное определение, связанное с определяемым словом способом примыкания, может быть выражено и другими типами сочетаний, например:

1) сочетанием причастия с именем в форме именительного, винительного нулевого, орудного и родительного падежей: *күн унтдг орн* «кровать, на которой спят люди», *шовун бээршдг һазр* «местность, где обитают птицы», *көдлми кедг стол* «рабочий стол; стол, за которым работают»; *Краматорскд, Горловкд, Ростовд машид кех заводмуд баргдэжэлэ* (Доржин Б., Ч.х., 90). «Строились машиностроительные заводы в Краматорске, Горловке и Ростове». *Бамб тергэр йовжэ болиго гижэ тоолад, эмалэр йовх хойр сэн мөр белдүлв* (Там же, 254). «Решив,

что на телеге не проехать, Бамба велел готовить двух хороших верховых лошадей». *Тос цоксн күн һаран доладг* (Х.ү.). «Человек, взбивающий масло, облизывает пальцы».

2) сочетанием близких по значению (парных) причастий: *өмсх-зүүх хувин* «носильные вещи; одежда»; *уух-идх хот* «продукты питания» (букв. «пить-есть пища»;

3) сочетанием деепричастия и причастия: *тогляд гүүжэ йовх гөрэсн* «скачущий вприпрыжку сайгак», *хулдэж авсн дегтр* «купленная книга»;

4) сочетанием причастной формы вспомогательного глагола *гих* с изобразительными и междометными словами: *сер-сер гисн салькта, бүр-бүр гисн хурта* Бумбин орн «Со свежим приятным ветерком, с теплым мелким дождем страна Бумба», *урн-урн гисн шамин герл* «слабо мерцающий свет лампы».

Премыкающее определение может быть представлено атрибутивным сочетанием из имени прилагательного и служебно-вспомогательного глагола *гих*. Подобного рода сочетания выделяются своими модально-оценочными значениями: *сэн гидг ирг* «отборный, отличный валух», *тоомсрта гисн улс* «самые уважаемые люди», *ик гидг хортн моһа* «большая-пребольшая ядовитая змея»: *Ик гидг хортн моһа модна ора деер һарчксн, һазрур буужэ йовна* (Х.т., 67). «Большая-пребольшая ядовитая змея спускается с верхушки дерева».

Управляемые определения

В отличие от примыкающих определений, для которых характерно простое соположение с определяемым словом, управляемые определения имеют генитивную форму выражения. Причем такого рода определение может быть выражено родительным падежом любого субстантивированного слова.

Определение в родительном падеже реализует ряд значений, однако главным является значение принадлежности. В сочетаниях с управляемым определением предмет, обозначенный определяемым словом, характеризуется по его принадлежности или отношению к какому-либо другому предмету. Чаще всего в роли определения по принадлежности выступают имена существительные и притяжательные местоимения: *колхозин мал* «колхозный скот», *хаана куукн* «ханская дочь», *шовуна өрвэлг* «птичье перо», *хөөнэ ноосн* «овечья шерсть», *эцкин девл* «отцов-

ская шуба», *манахна нутг* «наш нутук (кочевье)», *чини альчур* «твой платок», *тадна дамилт* «ваш опыт».

Необходимо обратить внимание на тот факт, что категория принадлежности может определенным образом конкретизироваться. Так, например, управляемые определения могут: 1) выражать отношения целого и части: *бодгун соя* «клык вепря (дикого кабана)», *темэнэ зогдр* «загривок верблюда», *аратын сул* «лисий хвост», *уулын ора* «вершина горы», *туһлын арси* «шкура теленка», *герин өрк* «отверстие в верхней части юрты (дымник)»;

2) указывать на предназначение предмета: *сөнгин дун* «застольная песня», *саалин үкр* «дойная корова», *школын гер* «школьное здание», *хөөнэ хаша* «загон для овец; овчарня»;

3) указывать на отношение предмета к месту: *селэнэ эдл-аху* «сельское хозяйство», *балһсна кун* «городской человек», *теегин цецг* «степной цветок»;

4) обозначают временной признак предмета: *намрин сө* «осенняя ночь», *үвлин зад* «зимняя стихия». Определения, указывающие на временной признак предмета, могут быть выражены словосочетанием: *һурвн хоңга болзг* «трехдневный срок», *дөрвн сара һазр* «местность на расстоянии в четыре месяца пути»;

5) выражать значение отнесенности определяемого предмета к чему-либо: *улускомин элчнр* «улускомовские представители», *комсомолын жисэн* «комсомольское движение», *Советин йосн* «Советская власть».

Определение в форме родительного падежа может обозначать и личную (индивидуальную) принадлежность. В таком случае имя в форме генитива присоединяет частицу личного притяжания: *Адунантн чинэн ямаран?* «Какова упитанность ваших коней?».

Управляемые определения имеют тенденцию к осложнению. Нередко к тому или иному определяемому слову относится целая группа последовательно подчиненных друг другу определений – существительных в генитиве¹⁴. *Алтн-Худгин сельсоветин ахлачин гер* «дом председателя Алтан-Худукского сельсовета». Как отмечает У.У. Очиров, число компонентов таких определительных словосочетаний может быть практически не ограниченным. Однако большинство из них состоят из

¹⁴ Б.Х. Тодаева справедливо указывает, что подобного рода цепь определений делает речь иногда трудно воспринимаемой. В подтверждении она приводит следующий пример: *Мини герин эзнэ көвүнэ куукнэ дегтр.* «Книга дочери сына хозяина моего дома» [Тодаева 1960: 170].

двух-трех слов и в сочетаниях данного типа наблюдается строгий порядок слов [Очиров 1963: 121].

При наличии одного или нескольких примыкающих определений управляемое определение в форме родительного падежа занимает первое место: *Хөрн йисдгч жилин намрин чилгр сээхн өдр билэ* (Доржин Б., Ч.х., 92). «Был ясный погожий день осени 1929 года». Ср. еще: *булгин цевр усн* «чистая родниковая вода», *эмалин бор мөрн* «серый конь для верховой езды».

В калмыцком литературном языке и в живой речи нередко наблюдается параллельное употребление двух различных формативов родительного падежа при одной и той же основе. Ср., например: *Торһудын һазр* «земля торгутов; торгутская земля» – *торһуда Манжэ* «Манджи из торгутов; торгутский Манджи». *Хурлын кун* «человек из хурула; служащий хурула» – *хурла кун* «хурульный человек», в переносном значении – «лежебока, разгильдяй».

В связи с приведенными примерами уместно сослаться на наблюдения Б.Б. Бадмаева о способах выражения категории принадлежности в калмыцком языке. Он первый из исследователей грамматического строя калмыцкого языка заметил, что использование разных формативов родительного падежа зависит не столько от характера конечного звука основы, сколько от тех смысловых отношений, которые существуют между определением и определяемым словом. Так, например, «когда между определением и определяемым имеются отношения принадлежности, обязательно употребляется форма родительного падежа на *-ин*, при отношениях, обозначающих происхождение, назначение или цель, а также место – употребляется либо форма родительного падежа на *-а*, *-э*, либо нулевая форма» [Бадмаев 1962: 150].

Приложение

Приложением называется особый тип определения, выраженный именем существительным в форме именительного падежа. Как разновидность определения приложение служит целям конкретизации и характеристики предмета в отношении пола, возраста, родства, социальной принадлежности, профессии и т. д.

В калмыцком языке приложение бывает двух видов: препозитивным, т. е. стоящим перед определяемым словом, и постпозитивным, стоящим за определяемым словом. Например: *Бригадын тооч өвгн*

болн Амбуш мотоциклд сундлад *һарһава* (З.т., 86). «Бригадный старик-бухгалтер и Амбуш выехали вдвоем на мотоцикле». *Хальмг республикин тоомсрта артистк Лиэжин Улан «Төгрэшиг» дуулад орхлань, соңсн эмтн уйдад, альчурарн нүдэн арчлдна* (Там же, 106). «Когда «Тегряш» исполняет Заслуженная артистка Калмыцкой республики Улан Лиджиева, расстроганные песней люди вытирают слезы». *Цаста күүкн Батаг дораһар хэләһэд, шинжлэд бээнә* (Эрнжәнә К., Н.х., 65). «Девушка Цаста незаметно для присутствующих следит за Батой». *Намса* - *А чи Теекә гелңд яһжэ эмнүлсэн мартчквчи?* (Басңга Б., Б.о., 161) «Намса. - А ты забыла, как лечилась у Текия-гелюнга?»

Определяя предмет, приложение может присоединяться к определяемому слову либо непосредственно, либо при помощи пояснительно-служебных слов *гидг, гижэ, гисн*: *Санжэ Элстэс Булгт селәнүр күрч ирв.* «Санджи прибыл в село Булугта из Элисты». *Кезәнә «Ишкмдг» биһитн иигжэ биһлдо билә* (З.т., 115). «Когда-то танец «Ишкмдг» плясали не так». *Тер кевәр «Чапаев» гидг совхозд шин жисән делгрв* (З.т., 31). «Вот так в совхозе «Чапаев» получило размах новое движение. *Бас нег у, архун цагт көгшин эктә Буудя Мергн гижэ баатр бэәжэ* (Х.т., 30). «В давние-давние времена жил со своей старушкой матерью богатырь Будя Мерген». *Ардан прицептә «ЗИЛ-зун хөрн» гисн машин Санжэин герин һаза зогсжана.* «Возле дома Санджи стоит машина «ЗИЛ-120» с прицепом».

В качестве приложения могут употребляться слова, обозначающие: 1) род занятий, профессию и специальность, например: *үкрч Нимгр* «пастух Нимгр», *хөөч Церн* «чабан Церен», *залач Намрун Колр* «управляющий Намруев Колор», *бригадир Бембә* «бригадир Бембя», *Нәәмин ахлач* «председатель Наймин», *эмч күүкн* «девушка-врач»;

2) отношения родства: *зе-күүкн Керми* «племянница (по линии дочери) Кермен», *нахц-эгч Булһн* «тетя Булгун (по материнской линии)», *Бакдга күргн Морхша* «Морхаш, зять Бакдыка»;

3) социальную принадлежность: *зарһч гергн* «женщина-судья», *пенсционер Бадм* «пенсционер Бадма», *кулакуд-баячуд* «богачи-кулаки»;

4) возраст и пол: *Ноһан эмгн* «старушка Ноган», *Ольда өвгн* «старик Ольга», *Кеәмә күүкн* «девушка Кемя»;

5) названия учреждений, предприятий, организаций, а также названия газет, журналов, книг и т.п. «*Чик хаалһ*», «*Ольдан күүкн*», «*Манц хол*», «*Һалан хадһл*» *гидг романмуд.* Романы «Верный путь», «Дочь Ольды», «Река Маныч», «Береги огонь»; «*ДТ-54*» *гидг трактор* «трак-

тор «ДТ-54»; «*Ленинә ачнр*» *гидг газет* «газета «Ленинские внучата», «*Теегин герл*» *альманах* «альманах «Свет в степи», «*Чик хаалһ*» *гидг колхоз* «колхоз «Верный путь».

б) названия рек, гор, населенных пунктов: *Ижл хол* «река Волга», *Тең хол* «река Дон», *Ховң хол* «река Кубань», *Алта уул* «гора Алтай», *Элт балһсн* «город Элиста», *Яшкуль селән* «село Яшкуль».

В отличие от препозитивных, постпозитивные приложения имеют тенденцию к слиянию с определяемым словом. Поэтому часть таких приложений пишется через дефис. Например, дефис употребляется в случае, если нарицательное существительное стоит после собственных имен людей: *Нимгр-бичәч* «писатель Нимгр», *Болха-хөөч* «чабан Болха», *Нәәмин-ахлач* «председатель Наймин», *Кичг-байн* «богач Кичик».

Дефисное написание имеет место и в калькированных с русского языка сочетаниях: *Деернь ик-ик үзгүдәр «Ээж Төрскн дууджана» – гижэ барлата* (Бембин Т., Б.ц., 84). Сверху большими буквами напечатано: «Родина-мать зовет». *Кулакудиг-баячудиг яах-кехинь тадн эврән бийстн күүнджэ, шиидвр һарһхмт* (Доржин Б., Ч.х., 198). «Вы сами должны договориться и вынести решение о том, что делать и как быть с богачами-кулаками».

Приложение в калмыцком языке может передаваться не только одним словом, но и словосочетанием, например: *Бидн Пиитр оржэ, Павл цаһан хаанд оч бараһхсн биһий* (Басңга Б., Б.о., 271). «Не мы ли ездили в Питер и были на аудиенции у белого царя Павла» (букв. «у Павла-белого хана»).

Будучи особой разновидностью определения, приложение всегда строится на атрибутивных отношениях и тем самым конкретизирует какой-либо предмет в рамках рассмотренных выше отношений.

Дополнение

Второстепенный член предложения, выступающий со значением объекта или субъекта действия и выраженный косвенными падежами имен при глаголе и качественных прилагательных, называется дополнением. Например: *Колхозникуд малдан тежәл белдәжәнә.* «Колхозники заготавливают корм для скота». *Теднәс мана авсн мал: хойр үкр, тавн хөн.* «Изытый нами у них скот: две коровы и пять овец». *Өгснднь заргддг, эс өгснәснь зүлдг.* «Работают на того, кто дает, убегают от того, кто не дает». В первом из приведенных предложений имеется два дополнения

– *малдан* «своему скоту», выраженный существительным в дательном падеже с возвратным притяжением, и *тежгал* «корм», выраженный также именем существительным, но в форме основы. Оба дополнения употреблены при глагольном сказуемом *белджэна* «заготавливают». Во втором предложении наличествуют два местоименных дополнения: первый оформлен в исходном падеже – *теднэс* «от них, у них», а второй – *мана* в родительном падеже. Причем оба дополнения управляются со стороны одного и того же члена – причастного определения *авсн* «взятый, взявший». Но разница заключается в том, что второе дополнение обозначает реального исполнителя действия (субъект), тогда как первое выступает со значением объекта. В последнем предложении дополнения выражены причастием на *-сн* в дательном падеже с частицей притяжания *-нь*.

Как было отмечено, дополнение может зависеть не только от членов предложения, выраженных глагольными формами, но и от тех, которые выражаются качественными прилагательными, например: *Хальмг тег малар байн*. «Калмыцкая степь богата скотом». *Гернь күүкдэр дүүрч* «Дом их полон детьми». Здесь дополнения *малар* «скотом» и *күүкдэр* «детьми» выражены существительными в орудном падеже и управляются прилагательными *байн* «богатый» и *дүүрч* «полный».

Дополнения бывают выражены именами существительными, местоимениями и субстантивированными частями речи (прилагательными, причастиями и числительными). Примеры: *Мууһин үг мэнгэрснэс һашун* (Х.ү.). «Слово плохого человека горче лука». В данном предложении дополнение *мууһин* относится к подлежащему *үг* и выражено субстантивированным прилагательным; дополнение *мэнгэрснэс* выражено существительным в исходном падеже и зависит от сказуемого – прилагательного *һашун*. *Угатыя улс кенэн, юуһан негдүлхмб?* (Доржин Б., Ч.х., 77). «Кого и что будут обобществлять бедняки?» Однородные дополнения выражены вопросительными местоимениями *кенэн* и *юуһан*.

Бамбл хана Хар Нүдн гидг күүкн сээнд, сээнд соңсгэдад бээнэ (Х.т., 215). «Дочь Бамбал-хана по имени Хар Нидун слывет хорошей и прекрасной». Здесь однородные дополнения выражены субстантивированными прилагательными *сэн* и *сээхн* в дательном падеже.

Холыг өөрдүлдг мөрн – эрднь, хойриг таньдүлдг күүкн – эрднь (Х.ү.). «Приближающийся далекое конь – драгоценность, знакомящая двух людей девушка – драгоценность». Дополнение *холыг* выражено субстантивированным прилагательным, а дополнение *хойриг* – количественным числительным.

Хээкрснэс олзта юмн уга (Х.ү.). «От крика нет пользы». Дополнение здесь выражено субстантивированным причастием в исходном падеже.

В роли дополнения могут выступать парные слова, синтаксически нечленимые словосочетания и фразеологизмы: *Эрдм-сурһульд көгшин уга* (Х.ү.). «Учению возраст не помеха». Дополнение выражено парными существительными *эрдм-сурһуль* «знание-учеба». *Наадк-цаадкинь сээнар йилһэж келтн*. «Говорите, разобравшись толком, в чем дело». Дополнение выражено парным субстантивированным наречным прилагательным. *Бичкдүд. Нег-негнэсн дегтрэн бичэ булалдтн*. «Малыши. Не отбирайте друг у друга книжки». Дополнение выражено парным числительным. *Тер асхн мини эмнд орлүснтн кезэд чигн мартишгов* (З.т., 206). «Никогда не забуду, как в тот вечер вы спасли мою жизнь». Дополнение выражено фразеологическим сочетанием.

По типу грамматической связи дополнения в своем большинстве являются управляемыми. На примыкании базируются только те дополнения, которые выражены именами в формах основы, а так же родительного, дательного и исходного падежей с послелогоми, не имеющими пространственного и временного значения: *Улгүрмүдт олна эжирһлин тускар келгднэ*. «В пословицах говорится о жизни народа». *Чамас кэлтэ көдлмитэн оратжэсанав*. «Из-за тебя опаздываю на работу». *Эцкчнь нанд орхнь (нам дорхнь) насарн баһ*. «Отец твой по возрасту младше меня».

Виды дополнений по значению

В зависимости от падежной формы имени и его лексического содержания дополнение может приобретать довольно широкий круг значений. Многообразие значений дополнения зависит и от того, какой частью речи выражен господствующий член предложения, к которому оно относится. Поэтому необходимо рассмотреть семантику дополнений с учетом конкретных форм имени существительного и субстантивированных слов.

Дополнение в родительном падеже

1. Дополнение в родительном падеже выступает в значении субъекта действия при причастии прошедшего времени. При этом родительный падеж субъекта выступает лишь тогда, когда обозначает живое существо [Тодаева 1960: 168]: - *А, Санж, тана нанд өгсн көшүр йир му*

бээж (Манжин Н., К.х., 15). «Ай, Санджи. Ось, которую дали вы мне, оказалась плохой». *Зурхана хэрүлжэ йовси хөөнэс нег хурһар күр тэвх боле* (Там же, 19). «Из овец, которых пас Зурган, решили нарезать одного ягненка на кюр».

Дополнение в родительном падеже со значением субъекта может выступать и при причастии будущего времени: *Хэлэ. Эн умкэн келжэх үгинь. Күүнэ көшүр хамхлжэ орквчи?* (Манжин Н., К.х., 15). «Смотри, что говорит этот вонючка. Ты сломал чужую ось?».

2. Дополнение в родительном падеже может обозначать предмет, который характеризуется в отношении какого-либо признака, выраженного поясняемым прилагательным, в том числе и субстантивированным: *Насна утнь сэн, нээрин ахрнь сэн* (Х.ү.). «Продолжительность жизни хороша, краткость пира хороша».

3. Дополнение, выраженное именем или причастием в форме родительного падежа с послелогом *төлэ* «для, за», обозначает объект, являющийся назначением и целью действия: *Наснань туршарт советин йосна төлэ наадад ноолдад йовлу тер?* (Манжин Н., К.х., 118). «Думаете, зря он всю свою жизнь боролся за советскую власть?». *Бидн олна төлэ шин жырһл төсхжэнавидн.* «Мы строим новую жизнь для народа». *Балһс орхин төлэ би эрт босув.* «Чтобы поехать в город, я встал рано». *Көдлхин төлэ кергэн сэгэнэр медх йоста.* «Чтобы работать, надо хорошо знать свое дело».

4. Дополнение, выраженное именем или причастием в родительном падеже с послелогом *туск, тускар, туст* «о, про, в отношении» чаще всего обозначает предмет речи: *Өдр болһн радиоһар терүнэ тускар келэд бээнэ* (Балакан А., Зөөр, 239). «Каждый день по радио говорят о нем». *Мергн-цецнэ туск улгүрмүдт оln-эмтнэ санан күслнь шткгдэжэнэ.* «В пословицах и поговорках о мудрости выражаются помыслы и чаяния народа». *Нанд яһжэ нер өгснэ тускар мини эцк шим туужэ келдг билэ* (Городовиков О., Тодлвр, 9). «О том, как мне дали имя, отец мой рассказал такую историю». *Көдлмишин туст Долда йир кинэн күүкн* (Инжин Л., О.к., 219). «В отношении работы Долда очень старательная девушка».

Дополнение в винительном падеже

В отличие от других падежей имени, винительный всегда выступает как падеж дополнения. Основными значениями дополнения в винительном падеже являются:

1) выражение прямого объекта при переходных глаголах. Дополнение в таких случаях называется прямым;

2) выражение субъекта действия в причастных и деепричастных оборотах. Примеры предложений с дополнением в значении прямого объекта: *Саак цаһан яман салык хавлад, хө дахулад, шурһад һарв* (Манжин Н., К.х., 17). «Опять эта белая коза ринулась на встречу ветру и повела за собой овец». *Мөрч Бор Маңгна зеердиг аваад күрч ирв* (Х.т., 92). «Конюх Бор Мангна привел Рыжко». *Өгси сэн, өгсиг эс авси улм сэн* (Х.ү.). «Давать хорошо, а еще лучше не брать, что дают».

Предложения с дополнением в значении субъекта действия: *Намаг хурһ алжэ идсиг меднэ гилч эдн?* (Манжин Н., К.х., 21). «Знают ли они, что я зарезал и скушал ягненка?». *Зурһаниг худгин эрг деер ирэд зогхла, эзнэ ач көвүн болдг баахн хар залу күлэжэсн бээжэ* (Там же, 18). «Когда Зурган подошел и остановился на возвышении у колодца, его поджидал небольшой смуглый мужчина, племянник хозяина». *Эдниг амд-менд эргэд ирл, тер бурас урһа модд болжэ шавих болна* (З.т., 10). «Пока они возвратятся в здравии и благополучии, эти прутики вырастут и станут развесистыми деревьями».

Дополнение со значением прямого объекта обнаруживает очень тесную семантическую связь с глаголом, когда последний представляет собой слово одного и того же корня, например: *зүүд зүүдлх* «видеть сон», *бичг бичх* «писать письмо», *уха ухалх* «думать думу» и т.д.

Что касается дополнения, употребляющегося в значении субъекта действия, то оно может находиться, главным образом, при непереходных глаголах, а в случаях, когда выступает при переходном глаголе, то оно зависит от него не прямо, а опосредованно, через другое объектное дополнение: *Батаг школан чилэхд, би баһ наста бичкн көвүн билэв.* «Когда Бата заканчивал школу, я был маленьким».

Дополнение может выражаться нулевой и ненулевой формой винительного падежа. Дополнения со значением прямого объекта принимают суффикс данного падежа преимущественно в случае их логического выделения, что чаще всего наблюдается при наличии различных определений – местоименных, причастных и т.д. [Санжеев 1959: 89]. *Бешин амнд кевтсн арһсиг һалд тэвжэ оркв* (З.т., 61). «Положил в огонь кизяк, лежавший возле печки». *Хойр үүдиг татх болжэ һарв* (Там же, 67). «Пришлось открывать обе двери». *Эн салдсиг та меднэлмт.* «Вы же знаете этого солдата».

Кроме того, дополнение получает суффиксальное оформление в

следующих случаях: 1) когда выражается местоимением или числительным, например: *Энүг зер-зев угаһар нан тал илгэти* (З.т., 90). «Пришлите его ко мне безоружным». *Маниг парть уралан дуудна*. «Партия зовет нас вперед». *Би эврэн хойр хө өгчэнэв. Би бас хойриг өгчэнэв, - гиж Очр келв* (З.т., 71). «Я сам даю две овцы. «Я тоже даю две», - сказал Очир». 2) когда выражается именем собственным или субстантивированным прилагательным и причастием: *Нанд Алта Тээжин курнгиг авад иртин* (Х.т., 6). «Приведите мне темно-рыжего (коня), принадлежащего Алтн Тайджи». *Баһиг сурһ, медэгтэг күндл* (Х.ү.). «Молодого поучай, старого уважай».

Дополнение в дательном падеже

Дополнение в дательном падеже имеет целый ряд значений, из которых основными являются:

1) Значение адресата действия, например: - *Босхмэж, эн малан Укрчд тоолад өг* (Манжин Н., К.х., 133). « - Босхмджи, этот скот передай по счету Укюрче». *Би Витяд бичкдүд нааддг маши хулдэж авх боллав*. «Я обещал Вите купить детскую машину».

2) Значение субъекта действия при глаголе в форме страдательного залога: *Шүрүн салыкнд көөгдсн үүлн дарунь тарад уга болэж одв*. «Гонимые сильным ветром тучи, тотчас же рассеявшись, исчезли». *Түүмрт бэргдсн хөд ик шарх-шав авсн бээнэ* (З.т., 64). «Попавшие под огонь овцы получили сильные ожоги». Дополнение в дательном падеже выступает в значении собственно субъекта действия только в конструкциях, где субъект оказывается предметом активным [Тодаева 1960: 173]. *Хулһн миист бэргдв*. «Мышь поймана кошкой». *Туһл үкрт мөргүлв*. «Теленок забодан коровой» и т.п.

3) Значение цели действия: *Цэгд одсн Санжэ цэгһән авад ирвэ* (Манжин Н., К.х., 32). «Пошедший за чаем Санджи принес чай». *Дотрт хурсн улс адһлго күүндцхэв*. «Собравшиеся на дотур люди беседовали не спеша».

4) Значение объекта, который в зависимости от семантики глагольной формы выступает то как пункт проявления действия, то как предел его досягаемости: *Уснд орх хөд тогтнэж идлго мел гүүлдэд йовна* (Манжин Н., К.х., 16). «Овцы, которые должны идти на водопой, никак не пасутся спокойно, только знают бегать». *Чамаг иигэд келэд бээхлэ, нарнд күрсиг күн итхн уга* (Х.т., 23). «Когда вот так говоришь ты, люди не поверят, что ты достиг солнца».

5) Значение объекта превращения или перевоплощения: *Тер куужн аршан ус авад хуунд хувлэд, Хоһрт оч ус өгв* (Х.т., 97). «Та девушка, набрав целебной воды и превратившись в лебедя, явилась к Хонгору и дала воды». *Тер цагт би миист хувлэд, чиннэд кевтхв* (Х.т., 106). «В то время я, превратившись в кошку, буду лежать и слушать».

6) Значение лица, в пользу или во вред которому совершается действие: *Нег байнд хө хэрүлдг арвн дөрвн наста өнчн көвүн бээж* (Х.т., 59). «Жил-был четырнадцатилетний мальчик-сирота, который пас овец одного богача». *Тим йовдл һанцхн Бадмд биш, нань чигн улст тасгдхш* (З.т., 119). «Такие явления не нравятся не только одному Бадме, но и другим людям».

7) Значение места действия при глаголах достижения и некоторых других: *Удл уга мөртэ улс кошарт күрч ирцхэв* (Манжин Н., К.х., 66). «Вскоре всадники добрались до кошары». *Хурет тэвгдэжх төр зөвар зүткэтэ*. «Проблема, поставленная на повестку собрания, довольно спорная».

8) Значение причиной обусловленности действия: *Күн өнчндэн үкдго, ноха гүрадэн үкдго* (Х.ү.). «Человек не умирает от того, что сирота, собака не умирает от того, что тощая».

9) Значение меры и цены предмета: *Эн альчуриг арвн арслцгд хулдэж аввдн*. «Этот платок мы купили за десять рублей». *Эн девлиг тавн пуд буудяд авв*. «Приобрел этот тулуп за пять пудов зерна».

Некоторые дополнения в дательном падеже совмещают в себе обстоятельственные значения, таковы, например, дополнения со значением места, причины и цели.

Дополнение в орудном падеже

Дополнение в орудном падеже характеризуется большим разнообразием выражаемых значений. Оно может обозначать:

1) Орудие совершения действия. Это значение является ведущим, например: *Хойр көвүн босад бөөргин ташуд одад хар утхар нүк малтна* (Манжин Н., К.х., 19). «Двое мальчиков, поднявшись с места и подойдя к склону оврага, начали копать черным ножом ямку». *Зурһан кишгән тэглэж авад, суулһар киитн ус бий деерән асхад нег баахн зуур серүцнэ* (Там же, 18). «Сняв с себя рубаху и, обливаясь холодной водой из ведра, Зурган немного освежается».

2) Субъект действия при глаголе в форме побудительного залога: *Хойр нүднчн хун керәһәр цокулхв* (Х.т., 88). «Твои глаза дам выклевывать».

кречету». *Арвн наста манжсар ха суулчкв. Манжш ширэ деер хан болад суучкв* (Х.т., 29). «Десятилетнего манджика посадили ханом. Манджи, сделавшись ханом, занял престол». *Нанар бичг бичүлв.* «Мне поручили написать письмо».

3) Место действия или пространство, в котором перемещается предмет: *Удл уга Темэнг хурлар орад ирв* (Манжин Н., К.х., 140). «Вскоре Темяник вошел в монастырское подворье». *Цецн хойр нөкдтэһэн Кичгин хотар орад ирв* (Там же, 130). «Цецен с двумя товарищами вошел в Кичиковский хотон». *Хаалһар кесг машин йовжэ йовна.* «По дороге едет много машин».

4) Материал, из которого изготовлен предмет: *Кезэнэ ямана арсар уйсн шалвр өмсдг бээсмн.* «Раньше носили штаны, сшитые из козьей шкуры». *Модар бэрсн гер йир дулан болдг.* «Дом, построенный из дерева, бывает очень теплым».

5) Средство передвижения: *Би өйкулдур Элстэс самолетар ирв.* «Я прибыл вчера из Элисты самолетом». *Бидн маһндур мөрн тергэр город орн гижээнэвдн.* «Завтра мы собираемся поехать на конной телеге в город».

6) Мера, объем или количество предмета: *Гергн һаһаһас ик далһа цаһан шаазнгар дүүргэд ээрг авч ирв* (З.т., 163). «Женщина принесла с улицы айрак в белой большой пиале с широкими краями». *Нег дэжэж өвгн мишкэр дүүрцэ һаһс авч ирнэ.* «Однажды старик привез полный мешок рыбы».

7) Объект, в отношении которого характеризуется предмет: *Авдрнь алтар чикэтэ.* «Сундук его набит золотом». *Эн һазр өвс, усар элвг.* «Эта земля обильна травами и водой». *Тег садар кеерсн бээнэ.* «Степь украсилась садами».

Дополнение в исходном падеже

Основные значения дополнения в исходном падеже:

1. Субъект действия, например: *Хуучн хар модн көшүрэс көлтэ эрк шилтэ байн Санжас гүвдүлэд авбч* (Манжин Н., К.х., 15). «Из-за старой дубовой оси ты получил побои от всемогущего богача Сагаджи».

2. Источник, исходный пункт действия: *Нег үлү директорин келсн үг мини чеежэс һариго* (З.т., 198). «Тем более слова директора не забудутся» (букв. «из груди не выйдут»). Дополнение со значением исходного пункта может употребляться в форме двойного падежа – дательного-исходного:

«*Нэ, би йовад хэлэһэд ирсв*», – *гижэ келэд эн гертэс һарв* (Там же, 187). «Со словами: «Ну, я схожу посмотрю и приду, – сказал он и вышел из дома».

3. Части целого или чего-либо совокупного: *Һурвн кууки суржэ бээнэ: «Тер идснэсн маһнд өгтн»* (Х.т., 33). «Три девушки спрашивают: «Дайте нам из того, что кушаете». *Кууки дун угаһар иргд бээсн арһснас һулмтин көвэд авч ирэд зерглв* (Манжин Н., К.х., 30). «Девушка молча взяла кизяк, лежавший в углу, принесла его и затопила печку».

4. Предмет сравнения: *Мана колхоз танаһас күс-дундур холван ик* (Манжин Н., К.х., 134). «Наш колхоз в полтора раза больше вашего». *Эрдмэс үлү эрдни уга* (Х.ү.). «Нет большей драгоценности, чем знания». *Бадмаһас ав.* «Я старше Бадмы».

5. Предмет, способствующий осуществлению того или иного действия. При этом дополнение в исходном падеже употребляется с отрицанием *биш*: *Таднас биш эн көдлмишг дуусч чадшго билэв.* «Если бы не вы, я не смог бы закончить эту работу».

6. Предмет, вызывающий то или иное состояние. В этом случае дополнение в исходном падеже стоит при глаголах чувственного восприятия: *Өахэс ээсн – цецнэ темдг, ээшигоһас ээсн – муһгин темдг* (Х.ү.). «Боязнь того, чего положено бояться – признак мудрости, боязнь того, чего не следует бояться – признак глупости».

7. Причинная обусловленность, значение которой выражается дополнением в исходном падеже в сочетании с послеложным словом *көлтэ*: *Нохаһас көлтэ мөрн деерэс унв.* «Упал с лошади из-за собаки». *Чамас көлтэ багшасн шоодвр авбв.* «Из-за тебя получил нагоняй от учителя».

Дополнение в совместном и соединительном падежах

1. Дополнение в совместном и соединительном падежах обозначает лицо или предмет, являющийся соучастником совершения действия. Например: *Манжэ өөрк үкрчиртэһэн маһниг тосжэ ирв* (З.т., 318). «Манджи вместе со своими пастухами встретил нас». *Би Ноһанла хамдан өр цэгтл мал маннав.* «Я вместе с Ноган буду до рассвета сторожить скот». В форме этих падежей дополнение часто сопровождается послелогом *хамдан*, который специально указывает на совместность совершаемого действия: *Бата маһндур Цастата хамдан кино хэлэхэр бээнэ.* «Бата собирается завтра вместе с Цастой посмотреть кино». *Чи нанла хамдан бичэ йов.* «Ты вместе со мной не ходи».

2. Дополнение в формах совместного и соединительного падежей обозначает также предмет, с которым соотносится другой предмет: *Мадн хойриг ирхлэ, Делэ һалла һанцарн ноолдад суужэ* (З.т., 68). «Когда мы (двое) пришли, Деля одна возилась с огнем». *Цаһан оржэ ирсн куукдла мөндлө*. «Цаган поздоровалась с вошедшими девушками».

3. Дополнение в соединительном (реже в совместном) падеже может обозначать предмет сравнения, что зависит от семантики глагольной формы, к которому оно относится: *Надя суусн куукд куунур ширтад, энүг экләһән дүңцүләд бәәнэ* (З.т., 281). «Надя, вглядываясь в сидящую женщину, сравнивает ее со своей матерью».

Сравнительное значение выражается и тогда, когда дополнение зависит от слова *эдл* «одинаковый, равный», являющегося именным сказуемым или его компонентом. Например: *Санжэ нурһарн тана Гиләштэ (Гиләшлэ) эдл*. «Санджи одинаков с вашей Гиляш по росту». *Сар сарул болв чигн, өдрлэ эдл болдо* (Котвич, Заг., 73). «Хоть луна и ясно светит, но ей не сравниться с дневным светом».

4. Дополнение, зависящее от сказуемого, выраженного прилагательным, обозначает предмет в отношении какого-либо признака: *Эн куукн экләһән йир ээлтэ*. «Эта девочка очень ласкова с матерью».

Дополнение в направительном и предельном падежах

1. Дополнение в направительном падеже при глаголах движения обозначает объект, к которому направлено то или иное действие: *Бакдэ чигн эврэ герүрн орв* (Доржин Б., Ч.х., 80). «Бакдыг тоже зашел в свой дом». *Дөчн хойрдгч жәилд мана шахтас кесг улсиг Караганда балһснур йовулв* (З.т., 165). «В 1942 году многих людей с нашей шахты отправили в город Караганду». *Цецн нүднүрн мелмәлсн нульмсиг эрә бәржэ арһул келв* (Там же, 142). «Цецен, едва сдерживая подступившие к глазам слезы, тихо произнес».

Значение направительности передается также сочетанием имени в падеже основы и послелога *тал, талан, талакшан*: *Көвүн аратан һанһлэжэ авад, гер талакшан һарад йовв* (Х.т., 50). «Приторочив лису к седлу, мальчик направился в сторону дома». *Хөөнэ хош тал гүүжэ йовсн улс түүмр унтрахар адһжэ йовна*. «Бегущие в сторону кошары люди спешат потушить пожар».

2. Дополнение со значением направительности нередко обозначает объект обозрения и ориентации: *Бадм терз тал нүдән залад, холур*

ширтов (Доржин Б., Ч.х., 248). «Бадма, устремив взгляд в сторону окна, посмотрел в даль». *Бальжэр нульмсан арчл уга, уульн инәжэ Харли тал эвлун жәөөлн халәцән залв* (Там же, 253). «Бальджр, не вытирая слез, плача и улыбаясь, посмотрела в сторону Харли нежно и ласково».

Дополнение с указанным выше значением может передаваться неразложимым сочетанием, употребляющимся в роли термина пространственной ориентации: *Куукән күзүн деер мордулад, гергнь нарн һархур йовад одв* (Х.т., 6). «Посадив дочку верхом на шею, жена его подалась на восток (букв. «к восходу солнца»). *Бө чон келжэ бәәнэ: «Йовуд болхм. Нарн орхур йовхм»* (Там же, 5). «Волк-шаман говорит: «Двинем в путь. Пойдем на запад».

Обстоятельство

Второстепенный член предложения, подчиненный другому члену, выраженному глаголом (причастием, деепричастием, личной формой), наречием или прилагательным и, обозначающий способ совершения действия, степень проявления состояния или признака, их причинно-целевую характеристику, а также пространственно-временную локализацию действия, – называется обстоятельством. Например: *Саахна орсн часн хәәләд уга болжэ одв*. «Недавно выпавший снег растаял и исчез». *Саальч гергчүд үкр саахар һарцхав*. «Женщины – доярки пошли доить коров». *Хургиц Батнасна Боврг бийнь толһалжэ секв* (Доржин Б., Ч.х., 85). «Собрание возглавил и открыл Батнасунов Боврык лично». *Энтн куунә келсн үг төрүц соңсхи*. «Он совершенно не слушает, что ему говорят». *Хойр нүднь таг сохр*. «Оба глаза его абсолютно слепы». *Колхоз бурдәх заавр деерәс ирв* (Доржин Б., Ч.х., 81). «Сверху пришло указание организовать колхоз».

Зависимость обстоятельства от другого члена предложения может выражаться как при помощи примыкания, которое является основным видом синтаксической связи для обстоятельств, так и посредством управления.

Примыкающие обстоятельства

1. В качестве примыкающего обстоятельства выступают наречия в форме основы, например: *Ода халһжэ колхоз тәрә эс тәрхлэ, кеза тәрхмб?* (Куукан А., Төлжлһн, 67). «Если колхоз не вспашет и не засеет сейчас, то когда будет сеять?» *Үвлә Әәдрх орад ирвт. Тер бийнь гемитн тәвжэ*

өглэвидн (Там же, 67). «Зимою вы съездили в Астрахань. Тем не менее, мы вам это простили». *Нөкэдур мана партийн организацин хург болхмн.* «Послезавтра состоится собрание нашей партийной организации».

2. В роли примыкающего обстоятельства употребляются и адвербиализованные прилагательные в падеже основы: *Хөөдин ардас хурһд арһул көндржс харв* (Куукан А., Төлжлһн, 71). «Вслед за овцами медленно тронулись ягнята». *Хальмг күн күүнэ герт орн мөнд сурлго бээдо, Түмд төрүг сээхн меднэ.* «Не бывает так, чтобы калмык, зайдя в чужой дом, не поздоровался. И это хорошо знает Тумед». *Этни буру та хажһр келжэнэт.* «Это неверно, вы говорите ошибочно».

3. Примыкающим обстоятельством являются все деепричастные формы, причем как одиночные, так и со своими зависимыми словами. Например: *Этни ниржснэд инэлдн энүг дахн харв* (Доржин Б., Ч.х., 192). «Люди раскатило засмеялись и вышли за ним». *Тиигжс ухалн, көвүн, мөрдэн хайчкад, залун ардас йовв* (Х.т., 13). «Подумав так, мальчик, бросив своих лошадей, пошел за мужчиной». *Көвүн һарад йовв. Күрсэр күрч ирв* (Там же, 22). «Мальчик двинулся. И как шел, так и пришел».

4. Примыкающими обстоятельствами служат изобразительные слова (простые, удвоенные и парные) в сочетании с глаголом *гих*: *Тавн хун һан-һун гихэд ду һарч нисч йовдг* (Х.т., 103). «Пять лебедей летят с криком «гаг-гуг»». *Ишкэ герин үүдн хард гихэд секгдв* (Доржин Б., Ч.х., 64). «Дверь войлочной юрты открылась с резким хлопаньем». *Бакдг тииср Ваньк тал үсс гижс хэлэв* (Там же, 73). «Бакдык метнул взгляд в сторону писаря Ваньки».

Как можно видеть из примеров, обстоятельства примыкают чаще к глагольному слову в его личной форме, или сказуемому.

5. Однако определенная часть обстоятельств, а именно те из них, которые характеризуют признак по степени и качеству его проявления, примыкают не к глаголу-сказуемому, а к другим членам предложения: определению и обстоятельству. Например: *Хашам дегд му, ясжс өгтн* (Куукан А., Төлжлһн, 46). «Загон мой очень плохой, прошу починить». *Бокта мел чик келжэнэ:* «Бокта совершенно правильно говорит». *Сурна гидгчн ик хату йовдл болжсана* (Там же, 15). «Учеба – это трудное дело». *Салькн үлм һандглад, цасн үлм немгдэд, юмн үзгдхи.* «Ветер еще больше расвирипел, повалил сильнее снег – ничего не разобрать». *Терүг мууха түргэр мартчквч, Хожса?* «Почему, Ходжа, ты так быстро забыл это?».

Примыкающие обстоятельства данного типа выражаются усилитель-

ными наречиями, преимущественно непроизводными, а также именами прилагательными. Г.Д. Санжеев именует их определительными наречиями, если они находятся при глаголе (напр., *хамх цокх* «разбить», *тас норх* «промокнуть насквозь, до нитки») и количественными, если употребляются при количественных прилагательных (напр., *маш хурдн* «очень быстрый», *йир сэн* «очень, весьма хороший») [Санжеев 1959, 76-77].

Управляемые обстоятельства

1. К числу управляемых обстоятельств в первую очередь относятся имена существительные в дательном-местном, исходном и орудном падежах, подвергшиеся процессу адвербиализации – частичной или полной. Такие «онареченные» имена обладают значением места и времени. Например:

Сүл өдрмүдт Делгр өрүнд эрт босад, асхнд ора көдлмигсн ирнэ (Куукан А., Төлжлһн, 110).

Маңкр кесг дакжс Делгриг гертэн бээдг болх гихэд асхлад ирв (Там же). «Манкар несколько раз приходил вечером, полагая, что Делгир будет дома». *Бога Эддрхнэс ирв.* «Бога прибыл из Астрахани».

Мана селэнд хойр машин немшир ирэд малымдн күчнэс булаһад авч одв. «В наше село прибыли две машины немцев и силой угнали наш скот». *Хажуһас күн үзквзэ.* «Как бы не увидел кто-нибудь со стороны». *Өгьяһар авсн мөңгэн цагтнь хэрүлх йоста.* «Взятые займы деньги следует возвращать своевременно».

Сурһульчнр шүлгүд дасад чеежсэр умина. «Ученики учат стихи и читают их наизусть». *Намрар шовуд дулан һазр хээһэд ниснэ.* «Осенью птицы улетают в поисках теплых мест».

2. В функции управляемых обстоятельств употребляются также качественные прилагательные в форме орудного, исходного и дательного-местного падежей. Например: *Тер сөөһән эдн йир сэгнар көдлхэв* (Куукан А., Төлжлһн, 93). «В ту ночь они очень хорошо работали». *Икл холд хайрсн бомбин дун хая нег соңсгднэ.* «Изредка слышатся звуки разорвавшихся вдалеке бомб». *Эртаснь медсн болхнь үлдэд нээрт орхм сәнжс* (Куукан А., Төлжлһн, 100). «Если бы знали заранее, можно было остаться на вечеринке». *Холас иржс йовсн мөрн тергн үзгдв.* «Показалась конная подвода, едущая из далеких мест». *Үнн үг шлднь һооднь келх кергтэ.* «Правдивое слово надо говорить прямо и откровенно».

3. Управляемыми обстоятельствами являются имена с двойными падежными формами. Например, «имена существительные, обозначающие отвлеченные понятия, присоединяя аффиксы совместного и орудного падежей, выступают в функции обстоятельства образа действия» [Монраев 1975, 11-12]. *Мадниг эмтнлэ күүндэд хувц-хунр уйтл йостатар киитрж одх* (Куукан А., Төлжлн, 17). «Пока мы, переговорив с людьми, начнем шить одежду, по-настоящему похолодает». *Шүүврэн өгсэн байрматар медулв*. «Радостно сообщил о том, что сдал экзамены».

Как управляемые обстоятельства функционируют также имена существительные (в том числе имена собственные), принимающие аффиксы родительного и орудного падежей и употребляющиеся со значением уподобления [Очиров 1964, 138]. *Долан туулиг жаңһрчинэр келнэ*. «Долан сказку рассказывает, как джангарчи».

4. Причастие многократное в форме дательного-местного падежа с частицей притяжания или без нее, а также причастие будущего времени в орудном падеже являются управляемыми обстоятельствами. Они обозначают причину и цель совершения действия: *Бичкдүдин таалыг эс меддгт эн тоомсрта болдм биш*. «Поскольку он не знает детских забав, дети не уважают его». *Нег көгин гелң байн белвсн гергнэ герт ирэд, хонхар седнэ* (Х.т., 208). «Один старый гелюнг, придя в юрту богатой вдовы, хотел переночевать».

5. В роли управляемых обстоятельств выступают местоименные и другие наречия в форме исходного падежа: *Чи, көвүн, хаманас йовжэ йовнач?* (Там же). «Ты, мальчик, откуда идешь?» «*Чик, чик... тиигхмн*», *гисн дуд энд-тендэс харлдв* (Доржин Б., Ч.х., 89). «Правильно, правильно... так и поступим» – раздались голоса с разных сторон». *Та альдас ирвт?* «Вы откуда пришли?». *Күүкд һарад гүүцхэнэ. Эмгн балган хэврэд ардаснь һарад көөнэ* (Х.т., 146). «Девушки бросились бежать. Старуха, точа свой нож, погналась за ними». *Генткн өмнэснь кеңу сээхн күүкн һарч ирв* (Х.т., 73). «Вдруг навстречу ему появилась несказанно красивая девушка».

6. Группу управляемых обстоятельств составляют существительные с отрицанием *уга* «нет, не, без», которые, выступая в орудном падеже, часто подвергаются фонетическому стяжению в одно цельное слово. Ср.: *Хаалһ угаһар* (*хаалһгоһар*), *һоолад йовх*. «Идти напрямик, по бездорожью». *Көдлмишэн адһм угаһар* (*адһмгоһар*) *кетн*. «Делайте свою работу неспеша».

К управляемым обстоятельствам относятся также имена суще-

ствительные в форме предельного падежа на *-ца, -цэ* с наращением показателя возвратного притяжания. Такого рода имена употребляются в функции обстоятельства меры и предела действия: *Жаңһрин Арнэл Зеердин хойр өмнк көлнь өвдгүцәһән һазрт булгадад, хойр ардк көлнь бөрвүцәһән булгадад йовб* (Х.т., 93). «Передние ноги джангаровского Аранзала-рыжко погружались в землю по колено, а задние – по самый сгиб колена». *Бичкдүд шилвүцәһән уснд орчкад, зогсад бээнэ*. «Мальши зашли по щиколотку в воду и стоят».

7. Сочетания с послелогоми в форме косвенных падежей также выступает в качестве управляемых обстоятельств. Например: *Күүкд уган уригар Санжэ хойрдад гер буулһсн*. «По причине отсутствия детей, Санджи женился вторично». *Эс болх юмн деерэс уулад яахв*. «Зачем плакать из-за пустяков». *Удин алднд зун талас мөртэ церг һарч ирв*. «Около полудня с восточной стороны появилась конница». «*Партизанмуд альд бээхнь келжэ ас!*» – *гижэ стол һатцас тарһн шар немш хэәкрнэ*. «Говори где партизаны!» – кричит из-за стола толстый рыжий немец».

Разряды обстоятельств по значению и способы их выражения

В зависимости от того, в каком отношении характеризуется то или иное действие, состояние или признак, – различаются следующие разряды обстоятельств

I. Обстоятельства образа действия обозначают качественную характеристику действия (состояния) и указывают на способ их совершения. Обстоятельства со значением образа действия могут выражаться:

1) Собственно наречиями, напр.: *арэ торх* «едва держаться, быть еле живым», *хая ирх* «приходить изредка», *зөрү кех* «делать нарочно, назло», *тагчг кевтх* «лежать молча», *генткн уга болх* «внезапно, неожиданно исчезнуть», *йирдән келх* «сказать вообще, просто к слову» и т.д.

2) Наречными словами именного и глагольного происхождения: *шинэс бэрх* «строить заново», *оларн өскх* «растить сообща всем коллективом», *нежэдар ирх* «приходить по-одному», *һанцарн суух* «сидеть наедине с собой, сидеть в одиночку», *икэр өлсх* «сильно проголодаться», *шулуһар гүүх* «быстро бежать»; *Йигэд кех кергтэ*. «Так надобно делать»; *Тиигжэ бичэ кел*. «Так не говори» и т.п.

3) Деепричастиями в форме на *-жэ, -ч, -н, -ад, -эд, -сар, -сэр*, например: *адһжэ келх* «говорить торопливо», *цәәлһжэ умих* «читать с объ-

яснениями», *сун унтх* «сидя уснуть», *ирн харх* «выйти сразу как только вошел»; *цадад босх* «наевшись, встать», *эһэд бултх* «спрятаться с испугу»; *эс медсар сурх* «спросить с видом незнающего».

4) Причастием в форме на *-сн* и *-мар*, *-мэр* при глагольной форме: *уульсн ирх* «прийти плачущим», *күүндсн суух* «сидеть беседа»; *медгдмар келжэ өгх* «объяснить доходчиво, понятно». *Күргчн гүүг арһмэж күүмэр харһад ас* (Бадмин А., Булг, 95). «Подгони-ка пегую так, чтобы можно было достать арканом».

5) Устойчивыми сочетаниями, имеющими наречное значение, напр.: *нег зерг халэх* «посмотреть одновременно, взглянуть разом», *му бишэр эклх* «неплохо начать», *нег дууһар шиидх* «единогласно решить», *түргчн гидгар йовулх* «отправить спешно»; *үклин мууһар үкх* «умереть наихудшей смертью».

6) Устойчивыми сочетаниями редупликативного типа, выступающими с общим наречным значением. Например: *мусг-мусг инэх* «смеяться с ухмылкой», *ард-ардасн цувлдх* «идти гуськом, друг за другом», *алс-булс кех* «делать небрежно, с пятое на десятое», *шулу-шулуһар давтх* «повторять быстро, скороговоркой», *чаһ-чаһһар цокх* «бить крепко-крепко», *бүкл-бүклднь (бүкл-бүклэр) идх* «кушать целиком, кусками». Редупликативность как способ образования наречий является одним из продуктивных [Монраев 1975: 17].

7) Фразеологическими сочетаниями разной степени семантической спаянности, но обладающие в целом значением наречия. Например: *нег куһһар уух* «пить без передышки, залпом», *һанһан улаһһэж ирх* «вернуться с удачей», *таг-яг хаах* «плотно, наглухо закрыть», *үкн хурдарн гүүх* «бежать что есть мочи» (букв. «смертельно быстро») *күч авч орх* «идти с силой (напр., о снеге или дожде)», *муудан күрч цуглрх* «с горем пополам, кое-как собраться» и т.п.

8) Непроизводными усилительно-определенными наречиями, являющимися неизменяемыми основами глаголов, например: *хамх цокх* «разбивать вдребезги», *таг уга кех* «уничтожить на-нет», *сүһ татх* «вырывать, тянуть рывком», *молт өсрх* «отлететь, отскочить рикошетом» и т.д.

9) Сочетаниями имени или причастия на *-сн* с послелогоми *кевтэн*, *кеварн*: *нег кеварн бээх* «находиться без изменения, пребывать в одном состоянии»; *Көвүн йовад йовсн кевтэн балһснд ирв* (Х.т., 13). «Мальчик как шел, так и пришел в город».

II. Обстоятельства сравнения и уподобления характеризуют и

определяют действие или состояние по способу их совершения и проявления. Значение сравнения и уподобления передается посредством послелогов *мет (метэр)*, *адль (эдл)*, *кевтэ*, *дүңгэ*, *чиңгэ*, которые употребляются в сочетании с именем существительным или причастием, например: *ялһн мет өсрэд йовх* «скакать, подобно тушканчику», *хадсн мет гедргэн унх* «упасть, как подкошенный», *туула кевтэ бүлткэлжэ халэх* «смотреть, выпучив глаза, словно заяц», *эмтһлэ эдл бээх* «жить наравне с другими, как другие». *Зара метэр хээчлүсн буурл үстэ барун хартан ик утхта һарад ирв* (Балакан А., Булг, 42). «Седовласый человек, подстриженный под ежика, вышел навстречу с большой ножом в правой руке».

Сравнительно-уподобительное значение обстоятельства передается и посредством частицы *-һн*, развившегося из послелога *шиг*, и выступающего в сочетании с именем существительным: *чонһн халэх* «глядеть, смотреть по-волчьи».

III. Обстоятельства меры и степени характеризуют действие, состояние или признак с количественной стороны. Они выражаются:

1) Непроизводными определительно-количественными числительными при именах качественных и глаголах, например: *мел усн* «мокрый до нитки», *дегэд олн* «слишком многочисленный», *элдв (йир, маш) сээхн* «очень, весьма красивый», «прекрасный», *мел чик* «абсолютно правильно», «совершенно верно», *таг мартх* «совершенно забыть», *ара күрх* «едва дотягиваться, доставать» и т.п.

2) Адвербиализованными прилагательными, определяющими какой-либо признак по качеству: *ик хол* «очень далеко», *берк хурдн* «на редкость быстрый, резвый», *күчтэ (эвртэ) сээхн* «исключительно красивый» и т.д.

3) Наречным сочетанием, состоящим из количественного числительного (*нег*, *хойр* и т.д.) или неопределенного числительного *ол* «много раз», *кесг* «несколько» и слова *дакжэ (дэжэ)* «сделать повторно, повторить»: *нег дакжэ* «однажды», *хойр дакжэ* «дважды» и т.д. *ол дакжэ* «много раз, неоднократно», *кесг дакжэ* «несколько раз». В роли количественного наречия, а следовательно, – обстоятельства меры и степени выступают и другие формы указанного глагола – деепричастие на *-н* и *-ад*, *-эд*: *дакн дуудх* «снова позвать»; *дакн-дакн давтх* «повторять снова и снова», *дакад сурх* «опять, снова спрашивать».

4) Разделительными и неопределенными числительными, например: *Далн күн дамжэдгэ далһа шар-цоохр ааһар дараһар дал уув* (Джангар).

«Выпил арзы семьдесят раз подряд по желто-пестрой широкой чаше, что поддерживают семьдесят человек». *Көвүн хувцан тээлэд хаяд, нэг хээснд орв, хойр хээснд орв, хурв орад сээхн залу болад харв* (Х.т., 24). «Мальчик один раз вошел в котел, другой раз вошел, третий раз войдя, вышел распрекрасным молодцем». *Хошадар-хурвадар онцдсн улс энд-тенд үзгднэ*. «То там, то сям видны уединившиеся по-двое и по-трое люди». *Сууж кедг дала керг уга* (Доржин Б., Ч.х., 72). «Нет много дел, за которые надо бы засесть».

5) Наречными фразеологическими сочетаниями, второй компонент которых употреблен в форме деепричастия предела с возвратной частицей *-ан, -эн* или без нее: *жэе гитлэн муурх* «уоставать до изнеможения», *ухахан аддтлан ээх* «смертельно перепугаться», *хоолан тасртд хээжрх* «кричать во все горло», *укн-уктлэн мартгдшго* «до смерти не забудется».

6) Деепричастиями предела с возвратной частицей *-ан, -эн*, или притяжательной частицей *-нь*: *унтлан бишлх* «плясать до упаду», *уктлнь цокх* «избить до смерти».

7) Именами существительными в форме предельного падежа с частицей притяжания или без нее, например: *белкүсцэһэн уснд орх* «войти в воду по пояс», *өөдгизэ урһсн өвсн* «по колено выросшая трава».

IV. Обстоятельство времени характеризует действие или состояние в отношении времени их проявления. Данный разряд обстоятельств отличается исключительно разнообразием средств выражения. Обстоятельные члены предложения со значением времени выражаются:

1) Адвербиализованным существительным как в форме основы, так и с различными морфологическими показателями. Например: *асхн* «вечер», *сө* «ночь», *өрүн* «утро», *өдр* «день», *хавр* «весна», *намр* «осень», *увл* «зима» и т.д. Эти же слова-наречия могут выступать и в некоторых изолированных падежных формах, так, например, в локативном, или местном: *асхна* «вечером», *сөөнэ* «ночью», *хаврар* «весной»; в дательном падеже с возвратной или притяжательной частицей: *асхндан, сөөдэн, хавртан* – в тех же значениях: *асхнднь* «по вечерам», *сөөднь* «по ночам», и в орудном: *асхар, сөөһэр, хаврар* и т.п.

2) Собственно наречиями времени: *ода* «сейчас», *урд* «раньше», *дарунь* «затем, после, сразу», *шидр* «недавно, поблизости», *манһдур* «завтра», *некэдур* «послезавтра», *иргчдэн* «на будущий год», *хөөтндэн* «в будущем году», *урзнин (ниднин)* «в прошлом году», *эртингэ* «тогда», *саахна* «только что, недавно», *кезэнэ* «давно», *тиикд* «тогда», *зэрмдэн* «иногда» и т.п.;

3) Количественно-возрастным числительным в форме дательного падежа с личными и возвратными частицами: *Тавтадм эцкм дээнд мордж*. «Отец уехал на фронт, когда мне было пять лет». *Долатадан көвүм школд орв*. «Мой сын пошел в школу, когда ему было семь лет»;

4) Адвербиализованным прилагательным в исходном падеже: *бахасн* «с малолетства», *бичкнэсн* «с раннего возраста, с детства», *эртэс* «заранее»;

5) Сочетанием количественного числительного в именительном падеже с существительным в исходном и дательном падеже, обозначающими временное понятие: *хойр хонгт* «за двое суток; в два дня», *тавн хонгас* «через пять дней»;

6) Сочетанием прилагательного или существительного в родительном падеже с другими существительными в форме соединительного падежа: *сэн өдрлэ* «в выходной день (букв. «в хороший день»), *сүлдхврин сарла* «в отпускной месяц», *көдлмишин цагла* «в рабочее время» и т.д.

7) Сочетанием имени существительного с временным значением в форме основы и отглагольного существительного в соединительном падеже: *өр шарһнла (цээллһнэ)* «с рассветом, с зарей», *бүрүл болһнла* «при сумерках». Первый компонент в таких обстоятельственных сочетаниях может быть представлен деепричастием на *-ад, -эд*: *өөрдэд ирһнлэ* «когда приблизился», *һарад йовһнла* «когда выходил» и т.д.

8) Аналитическим глагольным сочетанием, конечный компонент которых выступает в форме деепричастий на *-жэ, -эд, -ад, -хла, -лэ* и *-тл*: *Бидн йова йовжэ худнр болн гижэһэнэвдн* (Балакан А., Булг, 9). «В конце концов мы станем сватами». *Өрүн босад тиигжэ-түүгжэһэд гергнэ залудан келжэ бээдг* (Х.т., 16). «Наутро, встав и немного повременив, жена и говорит мужу». *Тиигэд йовхлань хурвн мөртэ залу күрэд ирв* (Там же, 9). «Когда они так ехали, их нагнали трое конных мужчин». *Тиигжэ суутд хурвн хун нисжэ ирэд, келжэ бээдг...* (Там же, 96). «Пока так сидели, прилетели три лебедя и говорят...» *Тиигэд бээһэ бээтлнэ герин эзн залу ирв*. «Пока они так пребывали явился хозяин дома».

9) Адвербиализованным деепричастием на *-ад, -эд*: *түрүлэд халһх төр* «вопрос, который нужно решать сперва, сначала», *бээжэһэд ирх* «прийти немного погодя» (*бээжэ бээһэд ирх*), *түүгжэһэд босх* «потом, затем вставать» (*түүгжэ бээһэд босх*).

10) Фразеологическими наречными сочетаниями с временным значением: *Нүд ирмтд мөрнэ эзн эмгнэд күрэд ирв* (Х.т., 49). «Хозяин ло-

шади мигом прибыл к старухе». *Хар дунгала босад ю кехмч?* «Что же ты будешь делать, встав ни свет ни заря?» *Олна нүдн цуһар тракторур загдв. Кесгнь күн болсара энүг үзэд уга бээсмн* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 169). «Взоры всех были обращены к трактору. Многие из них с тех пор как появились на свет не видели его».

11) Сочетанием имени или причастия (прошедшего и будущего) с послелогоми пространственно-временного значения: *хургин хөөн* «после собрания», *сар өмн* «месяцем раньше, на месяц раньше», *ирхин урд (өмн)* «прежде чем прийти; до того, как прийти», *йовсн (йовсна) хөөн* «после того, как ушел; после ухода»; *авсн (авсна) дару* «после того, как взял; после взятия», *ода деерэн* «пока что; сейчас», *ора шидр* «к вечеру, вечером», *кесг эсигэс нааран* «несколько лет назад», *сөөни өрэллин чигт* «около полуночи» и т.п.

В роли послелогов, управляющих именами существительными, выступают также некоторые «застывшие» формы глаголов, указывающие либо на начало и конец действия, либо на весь период времени, в течение которого он совершается. Например: *өрүнас авн* «начиная с утра», *ора күртл* «допоздна», *өдрин дуусн* «весь день», *сөөни дуусн* «всю ночь», *өдрин тес* «весь день» и т.д. Подобного рода сочетания выступают в качестве сложных наречий времени, выполняя функцию обстоятельства времени.

V. Обстоятельства места характеризуют действие или состояние в отношении места его совершения и проявления, а так же с точки зрения направленности действия. Обстоятельственный член со значением места может быть выражен:

1) Наречиями места: *деер* «наверху», *дор* «внизу, под», *энд* «здесь, тут», *тенд* «там», *өмн* «впереди, перед», *ард* «сзади», «за», *өөр* «возле, около, вблизи», *эндэн* «везде, повсюду», *эргэндэн* «кругом, вокруг», *ура-лан* «вперед», и т.п.

2) Авербиализованным существительным и прилагательным в формах «застывших» пространственных падежей: *һаза* «на улице, на дворе; снаружи», *кеер* «в степи», *хажуд* «сбоку», *холд* «вдали», *өөрхнд* «вблизи», *шидрт* «поблизости, около».

3) Именем существительным с предметно-пространственным значением в дательном-местном падеже. Обычно такие имена существительные в функции обстоятельства места отвечают на вопрос *хама?* или *альд?* «где»: *Усн уга һазрт цусн уга дэн дээлдэж* (Котвич, Заг., 54). «В безводной местности шла бескровная война». *Теегт кесг зүсн өвсн*

урһна. «В степи растут всякие травы». *Бидн олн эсиг селэнд бээлэвидн*. «Мы много лет жили в селе».

4) Сочетанием одного и того же существительного в форме основы и дательного-местного падежа с частицей возвратного или личного притяжения, например: *гер-гертэн бээх* «находиться в своих домах», *хаша-хашадан орх* «расходиться по своим загонам», *һазр-һазртнь овалх* «сгребать в кучу по своим местам».

5) Сочетанием имени существительного или личного местоимения в родительном падеже и послелога с локативным значением: *герин өмн* «перед домом», *мини ард* «за мной», позади меня», *үүдн өөр* «около двери», *һолын на* «по эту сторону реки», *орна хажуд* «возле кровати, рядом с кроватью».

6) Сочетанием имени существительного в форме основы и послелогов *деер, дор, дотр* и *хоорнд* в пространственном значении: *тергн деер* «на телеге», *худг деер* «у колодца», *цасн дор* «под снегом», *ширэ дор* «под столом», *хаалһ дунд* «посреди дороги», в середине пути», *ө-модн дотр* «в лесу», *улс дотр* «среди людей», *үүдн хоорнд* «у порога, около двери».

Обстоятельства места, указывающие на характер направленности действия, выражаются:

1. Наречиями со значением направления движения: *өмэрэн* «вперед», *хооран* «назад», *һазаран* «на улицу», *нааран* «сюда», *цааран* «туда», дальше», *тиигэрэн* «туда», *шигэрэн* «сюда», *хажукушан* «в сторону», *кеерэгшэн* «в степь», *барукушан* «на запад; направо»; *деерэс* «сверху», *дорас* «снизу», *хажуһас* «сбоку», *өмнэсн* «навстречу», *ардаснь* «сзади, с тылу» и т.п.

2. Сочетанием имени существительного с предметно-пространственным значением и послелогов локативной семантики в форме исходного падежа: *хаша талас* «со стороны загона (кошары)», *худг дотрас* «изнутри колодца» и т.п.

VI. Обстоятельства цели обозначают цель совершения действия и выражаются весьма ограниченными средствами, а именно:

1) Причастиями будущего времени в форме орудного падежа: *аср-хар авх* «брать на прокорм с целью вырастить», *чиһхэр суух* «сидеть, чтобы слушать», *аһуцхар һарх* «выйти поохотиться»;

2) Сочетаниями причастия будущего времени в родительном падеже и послелога *төлэ*: *өрнэсн һархин төлэ* «чтобы выйти из долгов», *медрлэн өөдлүлхин төлэ* «чтобы повисить свои знания» и т.д.;

3) Фразеологическими сочетаниями, в котором последний компонент – причастие будущего времени употребляется в форме орудного падежа: *Колхоз бүрдэсн нер авхар ахлач шиидв* (Доржин Б., Ч.х., 85). «Председатель решил прослыть организатором колхоза (букв. «имя получить»). *Шунмһа улсин тоод орхар седх*. «Иметь желание войти в число активистов».

VII. Обстоятельства причины указывают на причинную обоснованность действия, состояния или признака. Обстоятельства причины выражаются главным образом сочетаниями имени или причастия с послелогами *учрар (учрас), уршгар* «по причине, по случаю», *деерас* и *көлтэ* «из-за». Например: *шавин уршгар өңгрх* «умереть по причине ранения», *эс болх юмн деерас цүүгдх* «из-за пустяков поссориться», *ямана ишк деерас ноолдх* «подраться из-за козленка». *Чамас көлтэ школдан оратв*. «Из-за тебя опоздал в школу». *Гиичир ирсн учрар нар кех*. «Устроить веселье по поводу прибытия гостей».

Обстоятельства причины могут иногда выражаться адвербиальными словами, в частности, наречиями, образованными от прилагательных с помощью аффикса орудного падежа: *ноормүһэр кү эс таньх* «спросонья не узнать человека», *согтүһар хажыр үг келх* «спяну говорить неприятные слова». Обстоятельства причины в отдельных случаях могут выражаться и формой разделительного деепричастия: *Халурхад байн күүнэс бийэн гүвдүлт* (Манжин Н., К.х., 42). «Из-за своей горячности вы (Манджи) избиты богачом».

VIII. Обстоятельства условия указывают на те условия, в которых происходят или будут происходить действия и выражаются преимущественно формами условного деепричастия на *-хла (-хлә)*: *Бичхлә бичг*. «Пусть пишет, если желает писать». *Ирхлә ир* «Приходи, если хочешь»; Обстоятельство условия может быть выражено сочетанием ведущего деепричастия с зависимыми словами: *Сэгнар гүжрдад көдлхлә тавн хонгт көдлмшэн дуусхвидн*: «Если хорошенько, напряженно поработать, то закончим свою работу за пять дней». *Учр тиим болхла дала үг келэд керг уга* (З.т., 72). «Если так, то нечего разглазговать».

Обстоятельство условия может выражаться причастием будущего времени в исходном падеже, если оно управляется глаголом того же корня в форме повелительного наклонения: *йовхас йов* «если хочешь идти, так иди», *келхас кел* «если хочешь говорить, говори».

IX. Обстоятельство уступки обозначает тот или иной факт, несмо-

тря на которое действие продолжает совершаться. Обстоятельство во значением уступительности выражается:

1) Глаголом прошедшего времени в сочетании с союзом-частицей *-чи* и *-чигн*: *цоквчи ээшго* «хоть бей, не испугается», *сүрвчи (чигн) өгшиго* «хоть проси, не даст». *Бадм ирв чигн, эс ирв чигн бидн йовх болжсанавидн*. «Хоть придет, хоть не придет Бадма, мы должны будем пойти».

2) Причастием прошедшего времени в сочетании с послелогом *бийнь*: *Уви, бичг авсн бийнь, умил уга бээнэ* (З.т., 72). «Убуш, несмотря на то, что получил письмо, не читает его».

Однородные члены предложения

Члены предложения являются однородными, если они объединяются синтаксически равноправной, сочинительной связью (союзной или бессоюзной) и одинаково относятся к какому-нибудь другому, общему для них члену. Например, в предложении *Көгшн ээжс, тер цаадк залата бурхнасн, эн күзүндэн өлгэтэ эркнэсн, эн күрдэсн ээхнтн* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 189). «Бабушка, побойтесь того бурхана, что на вашей божнице, этих четков, висящих у вас на шее, этого молитвенного цилиндра» – мы имеем три однородных дополнения *бурхнасн, эркнэсн, күрдэсн*, которые образуют сочинительный ряд с интонацией перечисления и которые связаны общим для них сказуемым *ээхнтн*.

Синтаксическая однотипность, а следовательно, и функциональная однозначность однородных членов достигается в калмыцком языке набором различных средств: 1. общими связующими элементами (союзами, послелогами, частицами, групповыми падежными суффиксами); 2. обобщающим словом или словосочетанием; 3. связками при сказуемых (глагольных или именных).

Наличие именно этих формальных признаков, по мнению монголистов, является основным условием однородности двух или нескольких членов предложения. Обратимся к следующим примерам: *Нина хаалһин туршарт оч йовх селэнэ болн зуурнь харһсн селэдин тускар хажудан суусн шоферас сурад йовна* (Бадмин А., Булг, 20). «Всю дорогу Нина расспрашивала у сидящего рядом шофера о селе, в которое они едут и о селах, попадающихся им на пути».

В этом предложении показателями однородности дополнений *селэнэ* и *селэдин* выступают общий для них послелог *тускар* «о, про»

и соединительный союз *болн* «и». *Инцхэсн мөрдн э, оркжэ мөөрсн цармудин дун, хуцсн нохасин шууган, цуһар нишлэд, ээдмг-хөөрмг болжэ хольгдв* (Доржин Б., Ч.х., 185). «Ржание лошадей, рев и мычание волов, лай собак, – все слилось и смешалось в невообразимый шум и гам» (букв. в творог-простоквашу). Здесь однородные подлежащие *э, дун, шууган* синтаксически объединены обобщающим словом *цуһар* при одном общем сказуемом *хольгдв*. *Хойр баатр мөрдэн хайчкад, тэж кевтэхэр һэрэдлэд, бух кевтэхэр ташалдад ноолдв* (Х.т., 122). «Два богатыря, бросив своих коней, сошлись, прыгая словно туры, сшибаясь, словно быки». В данном предложении обнаруживается два ряда однородных обстоятельств с параллельной связью. С одной стороны, имеются однородные обстоятельства образа действия, выраженные морфологически однотипными деепричастиями *хайчкад, һэрэдлэд, ташалдад* и относящиеся непосредственно к сказуемому *ноолдв*. С другой стороны – однородные обстоятельства сравнения *тэж кевтэхэр, бух кевтэхэр*, синтаксическая однозначность которых достигается употреблением повторяющегося послелого *кевтэхэр*. Эта группа обстоятельств находится не в прямой зависимости от сказуемого *ноолдв*, а в опосредованной – через обстоятельства *һэрэдлэд, ташалдад*.

Однородные члены предложения (как главные, так и второстепенные) могут строиться по принципу открытого или закрытого сочинительного ряда. Открытый ряд однородных членов создается тогда, когда они вступают в бессюжную сочинительную связь, характеризующуюся интонацией перечисления, или связаны повторяющейся выделительной частицей *чигн*. Например: *Колхозин правляна өөр мөртэ, темэтэ, тергтэ улс үзгднэ* (Куукан А., Төлжлһн, 14). «Возле правления колхоза видны люди, прибывшие на конях, верблюдах и телегах».

Здесь однородные определения *мөртэ, темэтэ, тергтэ* морфологически одинаково оформлены: они, находясь между собой в сочинительных отношениях, характеризуются перечислительной интонацией и тем самым образуют открытый ряд, который может быть продолжен. В предложении *Күн болһила Бамба эвэр чигн, шүүрүһэр чигн, йосар чигн, йосн бишэр чигн, сурад чигн, сүрдэһэд чигн күүндв* (Доржин Б., Ч.х., 220). «Бамба разговаривал с каждым человеком и ласково, и круто, по закону и не по закону, упрасывая и угрожая» – открытый ряд однородных обстоятельств создается путем повторения при каждом из них выделительной частицы *чигн*, а также благодаря общей интонации перечисления.

Открытый ряд однородных членов ограничивается в практике упо-

ребления тем, что при его продолжении перечислительная интонация постепенно утрачивается. О лексической протяженности открытого ряда однородных членов может свидетельствовать следующее предложение, взятое из романа «*Чик хаалһ*» (Верный путь) Басанга Дорджиева: *Алти худгин сельсоветин олна хург асхн нарн шухиһэд, хурдндан орад одсн дүңгэ цагла төгсжэ хаагдад, өмтн цур-цур гижэ шуугжэ бослдад, хорма-хотан сажлджэ цеврлэдэ, эврэ көлгн бээсн бээрд темцлэдэ, хоорндан шуугжэ күүндэд, зүтклэдэ, зөвшэрлэдэ, инэлдэд, такчкрлэдэ, ханялдад, хоолан яслдад, алцтрлэдэ, өврлэдэ, бахтлэдэ тарлдв* (Доржин Б., Ч.х., 209). «Собрание жителей Алтан-худукского сельсовета закончилось приблизительно к вечеру, когда солнце уже склонилось и быстро шло на закат. Люди, поднимаясь с шумом, отряхивали, очищая подолы, и, направляясь к домам, где стояли их подводы, шумно беседовали меж собой, споря и соглашаясь, смеясь и замолкая, откашливаясь, сомневаясь, удивляясь и восхищаясь, расходились». В этом предложении насчитывается свыше десяти однородных обстоятельств образа действия, выраженных разделительными деепричастиями и объединенных общим для них сказуемым *тарлдв*.

Закрытый ряд однородных членов всегда заканчивается либо общим для всех членов ряда связующим элементом типа послелого, частицы, падежного аффикса; либо обобщающим словом, вбирающим в себя содержание всего ряда, либо союзом и союзным словом, связывающим два или несколько членов одного и того же ряда. Так, например, в предложении *Парвляна чледт дала улү үг, шууган, зүткэн угаһар Бадмин Ларлу, Батнасна Боврг, Муутан Жал, Бадаша Довдн дөрвн орулгдв* (Доржин Б., Ч.х., 208). «В члены правления без лишних слов, пререканий и шума были избраны Ларлу Бадмаев, Боврык Батнасунов, Джал Мутаев и Довдон Бадашиев», – налицо два ряда однородных членов. Первый из них является обстоятельственным и замыкается групповой отрицательной частицей в форме орудного падежа, а второй ряд является подлежащим и заканчивается он количественным числительным, выступающим в роли обобщающего слова. На эту синтаксическую особенность числительных обратил в свое время Т.А. Бертагаев, который пишет: «Обобщающими словами однородных членов предложения являются и числительные два, три, четыре и т.д., т.е. то число, которое соответствует количеству перечисляемых слов. Такие числительные только обобщающие слова, а не союзы» [Бертагаев 1964: 228].

В калмыцком языке в роли обобщающих слов чаще всего употребляются различные местоименные и наречные слова: *цуг, цуһар, цугтан* «все», *кенчн, кен чигн* «любой, каждый», *алькнь* «какой, который из них», *кеза чигн, кезачн* «всегда, постоянно», *эңдән* «езде, всюду», *эргдән* «кругом, вокруг», *эду мет, эду чигэ* «такого рода, подобные», *нань чигн* «и другие» и т.п.

В большинстве случаев обобщающие слова находятся в постпозиции к однородным членам. Однако в определенных конструкциях предложения обобщающее слово занимает предшествующее место по отношению к членам однородного синтаксического ряда. Например: *Эмдән күрлдсн саамд амтнтн кениг болв чигн: намаг чигн, таниг чигн, эн зогсэсах Манэжиг чигн хармниго* (Доржин Б., Ч.х., 216). «Когда дело дойдет до жизни или смерти, то люди не пожалеют ни меня, ни тебя, ни этого стоящего Манджи».

Выше отмечалось, что однородными могут быть как главные члены, так и второстепенные. Поэтому необходимо рассмотреть их отдельно.

Однородные главные члены

I. Однородные подлежащие. Два или несколько подлежащих при одном сказуемом являются однородными. Например:

Көрән шууган, харулин шуукрлһн, сүкин эжинлһн, харһа шуурлһн хамдан нишлхләрн өвәри айс болж ниргв (Эрнжәнә К., Ш.к., 120). «Скрежет пилы, шум рубанка, звон топора, треск досок – слившись вместе, звучат какой-то особенной мелодией».

Тедн дунд хот иджәхнь, газет, дегтр умижсахнь бәәнә (Бадмин А., Булг, 7). «Среди них есть такие, которые кушают и такие, которые читают газеты, книги».

Эс медгдгчнь, маһдлүгчнь дала (Доржин Б., Ч.х., 179). «Непонятного и сомнительного много».

Нууриг төгәләд өндр-өндр шар харһас, мөңгн уласд, цаһан хүсм, бүрһсн семрү урһж (Эрнжәнә К., Келвмүд, 137). «Вокруг озера вперемежку растут высокие-превысокие сосны, серебристые тополя, белые березы и ивы».

Во всех этих предложениях однородные подлежащие соединены между собой бессоюзной сочинительной связью с характерной для нее перечислительной интонацией и объединены соответствующим сказуемым, глагольным или именным.

Однородные подлежащие могут объединяться при помощи соединительных, противительных и разделительных союзов:

Наадк ик хораднь диван, буфет, стол болн дөрвн стулмүд бәәнә (Бадмин А., Булг, 22). «В другой, большой комнате находятся диван, буфет, стол и четыре стула».

Шулмс болн гуулгачнр эвцлго ноолдихана (Х.т., 172). «Черти и торговцы не поладили и подрались».

Та эврә бийтн эс гижэ эн нүдтн элг-саднаш кенән дураж (З.т., 7). «Вы сами или эти ваши глаза на кого из родственников похожи?».

Однородные подлежащие часто связываются обобщающим числительным, который стоит в конце ряда: *Дарунь һаза мәрдин ә һарад, колхозин ахлач Темәнг, Бата, Муута һурвн орад ирцхәв* (Эрнжәнә К., Келвмүд, 188). «Вскоре на дворе раздался топот лошадей и в комнату вошли председатель колхоза Темяник, Бата и Мута».

Однородность подлежащих может выражаться и специальным показателем подлежащего: *Бөкүнс, батһнс, делһчс болхла то-томж уга, толһа деер хурлдэж багилдһна* (Эрнжәнә К., Келвмүд, 137). «Комары, мухи и мошкара в несметном количестве носятся роем над головой».

Однородные подлежащие объединяются также обобщающими словами *цуг, цуһар, цугтан, кевтән* «все» и др. Например: *Эмгд, өвгд, гертән бәэдг олн куудтә геггд, – цугтан хальмг ду-бийтнн ансамблин концерт халахәр ирв*. «Старики, старухи, многодетные домохозяйки, – все пришли посмотреть концерт калмыцкого ансамбля песни и пляски».

В калмыцком языке групповой суффикс множественного числа при однородных членах, в том числе и подлежащих, не употребляется. Обычно показатель числа повторяется при каждом члене одного и того же ряда:

Негдгч сегләтрин хораһур колхозин, совхозин ахлачнр, партбюрон сегләтрмүд, бюрон чледүд шуулгдәд оржә ирцхәв (Куукан А., Төлжлһн, 84). «В кабинет первого секретаря шумно вошли руководители колхозов, совхозов, секретари партбюро и члены бюро».

Барун-өмн үзгтһнь баглад зогсачкн комбайнс, плүгс, машид архалдһна (Эрнжәнә К., Келвмүд, 145). «На юго-западной стороне громоздятся собранные в одном месте комбайны, плуги и машины».

II. Однородные сказуемые. Сказуемые являются однородными, если они, относясь к одному подлежащему, имеют или могут иметь общую связку или объединяющий их союз (частицу), а иногда и общий для них второстепенный член. При однородных составных именных

и глагольных сказуемых может иметь место не одна, а две или более связки, которые также располагаются при последнем компоненте и относятся ко всем членам ряда. Примеры:

Эн күүкн ут наста бат кишгтэ болг (Эрнжэнэ К., Келврумд, 103). «Пусть эта девушка проживет много лет и будет счастливой».

Хар Күүкн үнтэ өлг-эд, кесг кергтэ цаасд, дегтрмүд баглад, бооһад, яришглад бээнэ (Там же, 111). «Хар Кюкен собирает, связывает и упаковывает в ящик ценные вещи и множество нужных книг и бумаг».

Эдн Бакдга келсинь тагчгар кеһад күүчкэд, эс медсн, эс үзсн боллдад бээдг билэ (Доржин Б., Ч.х., 72). Они, молча исполнив наказания Бакдыка, делали вид, будто ничего не знают, ничего не видели».

Однородные составные сказуемые глагольного типа могут иметь общий для них служебно-вспомогательный глагол. Например, в предложении *Шавшн ноһан шарлж хуврэд, көк шилвснь хумхарлдад, бамбулан цецгэсинь бүрнь бүрглдэд ирж* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 85). «Пышная зелень трав пожелтела и увяла, их зеленые стебли посохли и лепестки алых тюльпанов осыпались» – однородные сказуемые *хуврэд, хумхарлдад, бүрглдэд ирж* располагают общим вспомогательным глаголом *ирж*. В предложении *Эмтн цуһар хээкрлдэд, нирглдэд одихав* «Люди все закричали, зашумели» – два однородных сказуемых объединены общим вспомогательным глаголом *одихав*.

Однородные сказуемые часто объединяются различными сочинительными союзами, например, такими, как: *болн* «и», *болв, зуг, зүгар, хэрнь* «но, однако», *эсклэ, эс гижэ, аль* «или» и т.д. Примеры:

Байн зээсн Оңкра Бегал тер цагтан закрач болн зарһч бээсмн (З.т., 296). «Богатый зайсанг Онкоров Бегал был в то время управителем и судьей».

Оли дала үг уга, болв келсн үгмүднь цөн, гивчн ца-цааһан нигт... (Там же, 300). «Народ немногословен, и сказанные им слова хотя и лаконичны, но зато глубоки по содержанию».

Эн ормин ар үзгин ташуень өргн болн уужсм (Эрнжэнэ К., Келврумд, 18). «Северные склоны этой местности широки и просторны».

Тана көвүтнн тосхачв, аль шоферв? «Ваш сын строитель или шофер?».

Школан чилгәһэд, бидн институтд орхвдн, эс гижэ заводт көдлхвдн. «Закончив школу, мы поступим в институт или будем работать на заводе».

Чон ик чидлтэ, зүг дэмтхэ. «Волк очень силен, однако труслив».

Сказуемые бывают однородными, если они, кроме общего подлежащего, имеют какой-нибудь общий второстепенный член. Например, в предложении *Шорһлжн дегд демч, көдлмиш, ни*. «Муравьи очень трудолюбивы, дружны и услужливы» – однородные именные сказуемые *демч, көдлмиш, ни* имеют, помимо общего подлежащего *шорһлжн* обстоятельство меры и степени *дегд*, относящееся в равной мере к каждому из однородных сказуемых.

Сказуемые всегда являются однородными, если они, находясь при одном подлежащем, выражены одинаковой формой. Например:

Колхозин ахлач тегг нурһта, тэв һарсн наста, ивтркэ хури нүдтэ, хол тоолврта, хури келтэ (Эрнжэнэ К., Келврумд, 193). «Председатель колхоза человек невысокого роста, по возрасту больше пятидесяти лет, с пронизательными глазами, острый на язык и с умом».

Би һазрар йовдгов, өөдән хальдгов, үр ясдгов - үрд һарһдөв (Котвич, Заг., 53). «Я по земле не хожу, в вышине не парю, гнезда не вью, а детей рожаю (рыба)».

Сурһуль дасхд кергтэ юмнь күүц. Зулг сур, мед, дас (Доржин Б., М.о., 57). «Все необходимое для учебы имеется. Только учись, постигай, изучай».

Однородные сказуемые могут быть грамматически неоднотипными. В таком случае они обязательно должны сопровождаться каким-либо общим, объединяющим их в один ряд, словом: *Мана Советин төрскнд багтэж бээх оли сай кели-эмтн цуг нишцнһу таарта* (Эрнжэнэ К., Келврумд, 110). «Миллионы людей, проживающие в нашей Советской стране, – все дружны и едины». В этом предложении именные сказуемые оформлены неодинаково, но они являются однородными, так как связаны одним обобщающим словом *цуг*, употребленным в той же функции, что и подлежащее *кели-эмтн* «народы, люди».

Однородные второстепенные члены

I. Однородные дополнения. Дополнения являются однородными, если зависят от одного и того же члена предложения (главного или второстепенного) и употребляются в форме одного и того же падежа: *Өдгэ цагт колхоз фронтд мах, тос, ус, ноос, көвц орулжэ өгх зураһан цаглянь күүцәх йоста* (Куукан А., Төлжлһн, 26). «В настоящее время колхоз должен своевременно выполнить план поставки фронту мяса, масла, молока, шерсти и хлопка». В этом предложении однородные дополнения,

образующие бессоюзный сочинительный ряд, стоят в форме винительного падежа и относятся к определению, выраженному аналитическим сочетанием *оруулж өгх*.

Как и другие однородные члены, дополнения могут иметь обобщающие слова. Например: *Командир Санжэ көвүдэн дахулад, багцан немшид идүлхин орчд тарвс. ну хавг - цугтаһинь таслэж-таслэж хайчкад, гүүлдэд һарихав* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 111). «Чтобы не досталась немцам багча, командир Санджи вместе со своими ребятами повыврав и разбросав все арбузы, дыни и капусту, убежали». Однородные дополнения могут объединяться общим союзом или частицей, которая заключает весь ряд:

Эмч Муутл урднь яһжэ йовсан болн эн жырһлд ирсн хаалһан санад оркв (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 85). «Врач Мутул вспомнил о том, как жил раньше и о пути, по которому пришел в эту жизнь».

Хан зэрлг болжэ бээнэ: «Танд алт, мөңг, мал чигн өгнэв» (Х.т., 66). «Хан изволил говорить: «Дам вам и золото, и деньги, и скотину».

Показателем однородных дополнений служат также групповые надежные аффиксы. Приведем несколько примеров:

Өлзэт ахдан хот хувцар дөң өгдг билэ (Бадмин А., Булг, 17). «Эльза помогала своему брату питанием и одеждой». Здесь падежный аффикс принимает второе дополнение, однако не исключается вероятность и раздельного оформления. Ср.: *Хотар хувцар дөң өгдг билэ*.

Хад нойдудин көвүд марһанд ирсн бээдг (Х.т., 102). «На состязание прибыли ханские и нойонские сынки».

Ода һарад йовхч ик гидг уул, акчмар (Х.т., 48). «Теперь ты пойдешь по огромным горам и кручам».

II. Однородные определения. Определения являются однородными, если они поясняют одно и то же определяемое слово, выступающее в функции главного или второстепенного члена предложения.

Однородные определения выступают в сочинительную связь друг с другом либо при помощи союзов, либо посредством интонации перечисления:

Һал үд. Харһаһар хавчад кесн утувир болн маштг гер (Бадмин А., Булг, 7). «Ровно полдень. Сколоченный из досок длинный и низкий дом». *Нина ухата, төвшүн, сэн күүкн* (Там же, 16). «Нина умная, спокойная, хорошая девушка».

Бат зүрктэ байн седклтэ, гүн ухата Ануфрий Ивановичэс эн бэрмжтэ дамилт авсмн (Там же, 43). «Этот полезный опыт перенял он у мужественного, очень душевного и умного Ануфрия Ивановича».

Однородные определения обозначают разные признаки одного и того же предмета и находятся между собой в отношениях перечисления: *Баатрин аав Бульжэ жыр һарсн наста, буурл сахлта өндр нурһта, үр-киң уга номһн хар өвгн* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 9). «Отец Батыра Бульджа смуглый старик лет за шестьдесят, высокого роста, с седой бородой, спокойный и несердитый». В этом предложении из ряда однородных определений, большинство которых выражено словосочетаниями, выпадает определение *хар* «смуглый, черный», т.к. оно стоит вне перечислительной интонации и характеризует предмет с иной стороны.

Определения являются неоднородными, если они не прямо соотносятся с определяемым словом, а путем последовательного подчинения друг с другом. В таких случаях они не характеризуются перечислительной интонацией, между ними отсутствуют паузы. И самое главное: они раскрывают предмет с разных сторон. Например, в предложении *Хотна өмн бээсн ик цаһан ишкэ герүр эмгн өргэрн заңһв* (Доржин Б., Ч.х., 4). «Старуха кивнула подбородком на большую белую войлочную юрту, стоящую перед хотоном» – определение *цаһан* относится к сочетанию *ишкэ гер*, а определение *ик* уже к распространенному словосочетанию *цаһан ишкэ гер*.

Кроме того, предмет определяется с различных сторон по цвету, размеру и материалу. *Ленина ца чанжэ уудг улан мөңгн ченэньг ода бийһн харшмгин өөр дүүжлэтэ бээнэ* (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 140). «Медный чайник, в котором готовил чай Ленин, сейчас еще висит возле его шалаша». Здесь определения, выраженные словосочетанием *ца чанжэ уудг* и *улан мөңгн* неоднородны, т.к. указывают на независимые и разные признаки: назначения предмета и материал, из которого он сделан.

Эмгн усн гүүсн уутьхн нүдэрн шилтн халэв (Бадмин А., Булг, 8). «Старуха пристально посмотрела своими водянистыми узкими глазами». В этом предложении определения *усн гүүсн* и *уутьхн* также являются неоднородными: они обозначают свойство и форму предмета.

В отличие от неоднородных определений, однородные могут иметь при себе обобщающее слово. Например: *Тегш биш садргта, – тишм һазр* (Бембин Т., Б.ц., 7). «Неровная с балками, – такая местность».

III. Однородные обстоятельства. Два или несколько обстоятельств являются однородными, если они зависят от одного и того же члена и принадлежат к одному семантическому разряду (место, время, причина, способ, условия и т.д.):

Манжэ түдлго йовад, Ямана һаза уята бээсн мөрнүрн ирэд, герин

бүсэс жолоһинь тэглэж авад, шурд мордад, герэн халгәһад һарад одө (Доржин Б., Ч.х., 63). Здесь пять однородных обстоятельств образа действия, выраженных разделительным деепричастием и связанных между собой соединительными паузами.

Энүгинь соңссн эмтн пиш хәһрлдэж, ниргэж инәлдө (Там же, 200). «Слышавшие это люди так и приснули от смеха». В данном предложении два обстоятельства образа действия в форме деепричастия на -ж.

Однородные обстоятельства могут соединяться союзами, в том числе и повторяющимися: Негт батхнин чингә болад, негт харадан чингә болад барлзад йовб (Х.т., 93). «То казался величиной с муху, то с ласточку». Здесь два однородных обстоятельства меры и степени объединяются повторяющимися союзами негт... негт «то... то». Ср. еще: Санжэ нег алхмнад, нег мөлкәд, негт сун дошад хотхрт өөрдәд ирв (Эрнжәнэ К., Келвмүд, 114). «То шагая, то ползя, то сидя скатываясь, Санджи приблизился к ложбине».

Однородные обстоятельства могут иметь общий групповой показатель (послелог или частицу). Например:

Мөрнә көлин ишкдләс өсрсн шавр богшадан, керән чингә арднь үлдәд йовна (Х.т., 101). «Комья земли величиной с воробья и ворону остаются позади, отлетая из-под ног коня».

Көвүд, күүкд, берәд арһта гисн хувцарн кеерсн, хошад-һурвадар хая нежәһад чигн Бакдга герүр хурв (Доржин Б., Ч.х., 58). «Парни, девушки и невестки, нарядившись в самое лучшее, сходились к дому Бакдыка по двое-трое, изредка по одному».

Обстоятельства не являются однородными, если они находятся в отношениях пояснения и уточнения: Бакдг үкс босад Бовргин өөр, ширдг деер зерглад суув (Там же, 60). «Бакдык быстро встал и сел рядышком возле Боврыка на кошме».

Уточняющие члены

Уточняющие члены выполняют роль поясняющих и конкретизирующих слов или словосочетаний. Их синтаксическая функция такова же, что и у поясняемых ими членов. Они могут функционировать в качестве любого члена предложения.

Уточняющие члены несут дополнительную семантическую нагрузку, раскрывая в каком-либо отношении более общее понятие, передаваемое тем или иным членом предложения. Например, в предложении

Бичкдән Цернаһн эн хотна ар захд, зөвәр үүхнд, бәәдг билә (Эрнжәнэ К., Келвмүд, 93). «Семейство Церена Бичкилдеева проживало на северной окраине этого хотона, на значительном отдалении» сочетание зөвәр үүхнд уточняет и конкретизирует обстоятельство захд. Экләнь хамдан би, Төмр-лаң хан, бас күләһад суухв (Басңа Б., Б.о., 106). «Вместе с матерью буду сидеть в ожидании и я, Темирлан-хан». Здесь подлежащее, выраженное личным местоимением би уточняется собственным именем Төмр-лаң, в сочетании со словом-приложением хан, обозначающим высший титул правителя.

В современном калмыцком языке уточняющие слова и словосочетания характеризуются специфической выделительной интонацией, которая подчеркивает значимость добавочной информации. Поэтому на письме уточняющие слова и словосочетания, как правило, обособляются. Примеры:

Маңһдур совхоз орад машиһән, шин машиһән дарг уга авч ир (З.т., 20). «Завтра поезжай в совхоз и немедленно доставь свою машину, новую машину».

Мини шин таньл гергнә, Толһа өвгнә ач-күүкнә, нерн Кермн бәәж (З.т., 8). «Имя моей новой знакомой, племянницы деда Толга, оказалась Кермен».

Беринь, – тер суусн Болхаг, цуг таньнат (Эрнжәнэ К., Келвмүд, 190). «Его невестку, (вон) ту сидящую Болху, все вы знаете».

В калмыцком языке очень часто уточняются подлежащие, обстоятельства и дополнения, реже – определения и сказуемые. Приведем примеры на уточнение разных членов предложения:

1) **Обстоятельства** – Цеңи, өөрчи, радиоприемникин тумбочкд бичкн коробк дотр, градусник бәәнә (З.т., 137). «Цецен, возле тебя, в тумбочке для радиоприемника, в маленькой коробке, лежит градусник». Мини үр Элстд, нег министрствд көдлжәнә. «Мой друг работает в Элисте, в одном министерстве».

2) **Дополнения** – Теегм, хотл балһсн Элстм теднә, хортна һарт авс ... (Х.а., 276). «Степь моя, Элиста моя запылала огнем в их, вражеских руках». Тавн жилин эргцд нанд, Төмр-лаң хаанд, эдү дүңгә үни нег чигн кун келәд уга билә (Басңа Б., Б.о., 106). «В течение пяти лет мне, Тамирлан-хану подобную правду не говорил еще ни один человек».

3) **Подлежащего** – Цаман залу Инжә, эн күүкдиннь эцкнь, германа дәәнд үксми... (Доржин Б., Ч.х., 7). «Муж Цамы Инджи, отец этих детей, погиб в германскую войну». Тер хоорнд пошт зөөдг күүнә гергн, мах-

люн чирэтэ маштг хар-улан күүд кун, даальгта цаасд бэрсн оржс ирв (Там же, 76). «Тем временем вошла жена почтальона, женщина низкого роста с мясистым лицом темно-красного цвета, держа сумку с бумажками».

4) Сказуемого – Экм бээнэ, экинм дү бээнэ, мини наһих Тавда (З.т., 6). «У меня есть мать, есть младший брат матери, дядя Тавда».

Уточняющие слова и словосочетания при главном члене – подлежащем во многих случаях имеют характер обособленного приложения. Например:

Манжун көвүн Санжэ эн жил Элстин арвн негн жсилэ школ төгсэв (З.т., 16). «Санджи, сын Манджи, окончил в этом году Элистинскую школу-одиннадцатилетку».

Би, партин Танһчин комитетин эркн даалһврта элч кун, танд дөң болхан иткулжээнэв (Доржин Б., Ч.х., 208). «Я, чрезвычайный полномочный представитель областного комитета партии, заверяю в том, что буду вам помогать».

Суммируя сказанное в отношении уточняющих членов или, по терминологии Т.А. Бертагаева, «членов-уточнителей», необходимо отметить, что они наряду с конкретизацией и дополнительной характеристикой того или иного члена предложения «выделяют и подчеркивают какой-то акт или явление» [Бертагаев 1964: 230]. В силу этого они обладают отделяющей паузой, что пунктуационно выражается в их обособлении.

Причастные и деепричастные обороты

Причастным или деепричастным оборотом называется вид глагольных сочетаний слов, в которых структурно-организующим компонентом является форма причастия или деепричастия. Выступая в качестве ведущего слова оборота, причастие или деепричастие подчиняет себе все другие члены и вместе с ними относится к какому-нибудь члену предложения или ко всему предложению в целом. В предложении *Тер хоорнд балһсн талас ирсн автобус аэропортин герин өөр ирэд зогсв* (Бадмин А., Булг, 10). «Тем временем автобус, прибывший со стороны города, подъехал и остановился около здания аэропорта» причастие *ирсн* с синтаксически зависимым послеложно-именным обстоятельством членом *балһсн талас* образует определительный причастный оборот, который относится к подлежащему предложения *автобус*. В

предложении *Өрүн цэгһин хөөн Цаган хойр суулһ авад, худг орад, уснд одв* (Баснга Б., Б.о., 140). «После утреннего чая Цаган, взяв два ведра, пошла к колодцу за водой». Деепричастия *авад* и *орад* с соответствующими поясняющими их словами составляют однородные обстоятельные деепричастные обороты, относящиеся к сказуемому *одв*.

По своей структуре и составу причастные и деепричастные обороты бывают далеко не одинаковы. Прежде всего, выделяются так называемые субъектные обороты, в которых параллельно с ведущим словом – причастием или деепричастием, выступает другой существенно важный элемент – имя, обозначающее носителя действия. Рассмотрим два следующих примера: *Көвүн, багшин келсиг төртөн авл уга, сумкан шүүрч авад, һарад гүүв* (З.т., 142). «Мальчик, не обращая внимания на слова учителя, схватил сумку и выбежал». *Бидн яһад болв чигн Богдиг иртл теслх зөвтэвидн* (Баснга Б., Б.о., 50). «Мы во чтобы то ни стало должны выдержать, пока не придет Богдык».

В приведенных предложениях причастный оборот *багшин келсиг* и деепричастный оборот *Богдиг иртл* в своем составе имеют субъект действия, выраженный именами существительными (нарицательным и собственным именем) в форме родительного и винительного падежей.

Подобного рода обороты характеризуются в смысловом и формальном отношении определенной самостоятельностью и близостью к придаточным предложениям.

В силу своеобразия структуры и значения причастных и деепричастных оборотов у монголистов нет единого мнения в отношении их квалификации. Часть монголистов называет их вслед за А. Бобровниковым [Бобровников 1849: 264-266] «второстепенными, или членными предложениями», особенно те обороты, в которых есть субъектное имя [Орчин цагийн хэлзүй 1970: 7]. Другие считают обороты с субъектным именем специфической формой выражения придаточных предложений [Касьяненко 1966: 3-10]. Г.Д. Санжеев рассматривает обороты в синтаксическом плане как «развернутые члены» и в то же время трактует их как «предложение в предложении» [Санжеев 1941: 87; 1959]. Однако наиболее приемлемой является точка зрения Т.А. Бертагаева, который подходит к этим очень разнохарактерным конструкциям дифференцированно [Бертагаев 1962: 117-118]. Предложенное им деление оборотов на простые, самостоятельные и обороты-предложения более всего соответствует фактам монгольских языков, в том числе и калмыцкого.

Субъект оборота и его падежное оформление

Категория субъекта, обозначая реального производителя действия, не всегда, а только при определенных условиях может совпадать с грамматическим подлежащим. Под субъектом языковеды подразумевают понятие о лице или олицетворенном предмете, выполняющем действие во всех его возможных видах. Будучи в своей основе логической категорией, субъект того или иного действия может выражаться формами самых разных падежей имени существительного.

Субъектное имя оборота (причастного и деепричастного) чаще всего оформляется именительным, винительным и родительным падежами. Причем в винительном и родительном падежах субъекта может иметь место как аффиксальная (ненулевая) форма, так и безаффиксальная (нулевая). Выбор той или иной падежной формы зависит от разных факторов. Так, например, ненулевая форма винительного падежа субъекта употребляется, когда ведущим словом является: 1) причастие на *-сн* в винительном падеже; 2) причастие на *-х* в дательном падеже; 3) деепричастие на *-тл*, *-хла*, *-хлэ* с частицей *-нь*. Примеры:

Санжиг комсомолд орсиг хургин ахлач соңсхв (Инжин Л., О.к., 170). «Председатель объявил о вступлении Санджи в комсомол».

Тер хоорнд Манжиг теңгэд хасиг үзсн Гара хэкржэ йовна (Баснга Б., Б.о., 526). «Тем временем Гаря, видевший, как Манджи выстрелил в небо, поднял крик».

Булһниг эмч болж көдлхд Бокта негдгч класст эклэд оржсала (З.т., 203). «Когда Булгун работала врачом, Бокта начал ходить в первый класс».

Намаг ирлэ чи энд күлэжэ. «Ты подожди здесь, пока я приду».

Гучниг оржэ ирхлэнь Яца зөв-учринь күргэд келв (Баснга Б., Б.о., 538), «Когда вошел Гучин, Яца все ему объяснила».

Винительный падеж субъекта употребляется также во всех случаях, когда причастие выступает вместе с послелогом. Примеры:

Чамаг байжхин төлэ ю чигн хармниггов (Баснга Б., Б.о., 401). «Ничего не пожалею, ради твоего обогащения».

Гичиг мордсна арднь Доржэ күүндэн үг орулжэ ирсинь келв. «После отъезда гостя Дорджи сказал о том, что приезжали сватать дочь».

Көвүг келх дутм дядя Мишан чирэнь сольгдад, маңнаднь ут хурнахн нарч ирв. «По мере того, как говорил мальчик, лицо дяди Миши изменилось, и на лбу его выступили длинные морщинки».

Тиигжэ Манжиковиг келм цацу Сергей торл уга нарч ирлэ (Бадмин А., Булг, 306). «Как только так сказал Манжиков, Сергей, не задерживаясь, вышел».

Нулевая форма винительного субъекта имеет место, когда причастие на *-сн* употребляется в винительном падеже с частицей притяжания *-нь*, а также в случае употребления причастия с послелогом. Например:

Колр нааран яһжэ ирсинь, яһжэ фермин залач болсинь совхозин улс меднэ (З.т., 78). «Жители совхоза знают, как приехал к ним Колор и как он стал управляющим фермой».

Хөн ямаран бээхин тускар хоорндан күүндн йовжэ, эдн кошар эргжэ хэлэв (Там же, 84). «Разговаривая между собой о том, как обстоит дело с овцами, они осмотрели кошару».

В этих предложениях субъекты оборотов стоят в нулевой форме винительного падежа и могут быть легко замещены полной (ненулевой) формой того же падежа. Ср.: *Колриг ... яһжэ ирсинь, Хөөг ямаран бээхин тускар...*

Субъект причастного и деепричастного оборота бывает оформлен в родительном падеже, если причастие на *-сн* употребляется форме дательного падежа с частицами личного притяжания или без них, или когда причастие на *-дг* сопровождается теми же частицами. Родительный субъекта предпочтителен и в оборотах с причастиями на *-х* и *-сн* в форме исходного падежа. Примеры:

Чини келсидчнь ханжсана. «Благодарен за твои слова (за сказанное тобой)».

Тана хээкрснэс күн йир эгшгол (разг.). «Никто не испугается вашего крика».

Бичкдудин альвдгнь келхм биш. «Шалостям малышей нет предела».

Нег гостиницд иржэ эднэ буудгнь йирин харһх хув (З.т., 279). «То, что они приехали и остановились в одной гостинице, значит судьба им встретиться».

Родительный падеж субъекта выступает и в оборотах с причастием на *-гч* и *-х*, если они снабжены лично-притяжательными частицами. В таких случаях на первый план выдвигаются отношения принадлежности:

Мини чамаг сургчм Михаил Антонович тускар мини өөр бичэ үг кел (Бадмин А., Булг, 26). «Моя просьба к тебе: не говори при мне о Михаиле Антоновиче».

Колян босжахань Батад соңсгдэд бээнэ (Эрнжэнэ К., Келврумд, 1971). «Бат слышит, как встает Коля».

Субъект причастного оборота обязательно оформляется родительным падежом в том случае, когда между ним и каким-либо словом в составе оборота или за его пределами устанавливаются поссессивные отношения: *Орн дор Колян хайчкхн боднцг харһжэ авад, Бата цаһан хала ааһдан хальслв* (Эрнжэнэ К., Там же). «Бата, достав картофель, брошенный Колей под кровать, стал чистить его в алюминиевой миске». Нулевая форма родительного падежа обязательна, когда причастие на *-сн* также выражено формой родительного падежа. Такие случаи свидетельствуют о наличии своеобразного согласования субъектного имени и причастия в падеже. Например: *Теднэ ирсн маңдураснь авн дядя Миша шигэн-тиигэн цаас цуцрлт уга бичв, зуг тер бичгүдэс хэрү уга* (Бадмин А., Булг, 25). «На другой день после их приезда дядя Миша стал непрерывно писать в разные места, но ответа не последовало».

В некоторых случаях наблюдается безразличное употребление родительного и винительного падежей. Ср.:

Цастан шаазңгин амнд күрхин алднд... и Цастаг... күрхин алднд... (З.т., 56). «В тот момент, когда Цаста прикасается к краю пиалы...».

Теднэ ирхинь би меднэв и Тедниг ирхинь би меднэв. «Я знаю о том, что они приедут». В этих двух примерах вполне возможно оформление субъекта и в нулевой форме, соответствующей по значению именительному и родительному падежам: Ср.: *Цаста шаазңгин амнд күрхин алднд... Тедн ирхинь би меднэв.* Говоря о наличии нулевой формы трудно сказать, какому именно падежу (родительному или винительному) она соответствует.

Собственно именительный падеж в причастных и деепричастных оборотах встречается чаще всего, когда в роли ведущего слова выступают причастия на *-х*, *-сн*, *-дг* с частицей притяжания *-нь* и деепричастия на *-н*, *-жэ*, *-хла*, *-хлэ* без частиц притяжания. Приведем примеры с этими причастными и деепричастными формами:

Тер цагт кен деерлхнь темдг уга (Басңга Б., Б.о., 70). «Неизвестно, кто тогда одержит верх».

Кесгнь хоорндан күүндснь соңсгдв (З.т., 71). «Было слышно, как многие переговаривались между собой».

Маңһс ук хаадуд маниг дархар хээдгнь үнн болхий? (Х.т., 102). «Правда ли то, что нас хотят покорить великие ханы?».

Сергей мөрнәннь жсола бэрн, Делэн хажуд дахв (Бадмин А., Булг, 59). «Сергей, держа вожжи, пошел рядом с Делей».

Тегэд энд күлэжэсн амтс көвүнэ баэдл меджэ, зармнь сана зовв (Там же). «Ожидавшие здесь люди поняли положение парня, некоторые почувствовали ему».

Мана фермин улс цуһарн тиигжэ көдлхлэ келдг үг билү (З.т., 24). «Если бы так работали все люди нашей фермы, разве стоило говорить».

В современном калмыцком языке проявляется тенденция к постепенной номинативизации оборотов, т.е. в них происходит процесс забвения, невосприятия нулевых форм косвенных падежей субъекта и замены их именительным падежом. Так, например, в предложении *Тер ирснд чи яһад байрлэжэхмч?* (Бадмин А., Булг, 19). «Отчего ты радуешься его приезду?» Субъект оборота, выраженный указательным местоимением *тер*, с точки зрения современного состояния калмыцкого языка, оформлен в именительном падеже, а не в нулевой форме винительного или родительного падежа, хотя исторически это было наоборот.

Другой особенностью процесса номинативизации причастных и деепричастных оборотов в современном калмыцком языке является трансформация ведущего причастия и полный переход его в отглагольное имя на *-лһн*. Для сравнения приведем несколько примеров:

Нара үкс гижэ хатрлһнла (хатрад хархла), наадк хойрнь бас шавдлад харв (З.т., 313). «Как только Гаря поехал быстрой рысью, остальные двое, настигивая коней, тоже последовали за ним».

Намаг һазрас бослһнла (босхд, босхла, босм цацу) герин булцд ахрхн модн үзгдв (Бадмин А., Булг, 112). «Когда я поднялся с земли, то увидел в углу дома короткую палку».

Мадниг иржэ зогслһнла (зогсхд, зогсм цацу) дундин нурһта хар залу тосжэ иржэ мөндлв (З.т., 313). «Как только мы подъехали и остановились, подошел среднего роста смуглый мужчина и приветствовал нас».

Подобное явление, видимо, объясняется активным влиянием русского языка, в котором очень развиты отглагольно-именные конструкции.

Типы причастных и деепричастных оборотов

Как и в других монгольских языках, в калмыцком языке различаются два основных типа оборота: 1) простой и 2) самостоятельный.

Они противостоят друг другу по двум признакам: простой оборот представляет всегда открытый развернутый член предложения, в нем нет субъектного имени; самостоятельный же оборот является закрытым развернутым членом и в нем всегда присутствует субъектное имя. Таким образом, в простом обороте всего лишь один ведущий член: причастие или деепричастие, а в самостоятельном – два: причастие или деепричастие и субъект оборота. Если в простом обороте только причастие «обрастает» зависимыми от него поясняющими членами, то в самостоятельном обороте каждый из двух организующих центров группирует вокруг себя те или иные поясняемые члены. Возьмем, например, следующее предложение: *Дөрвн сард хурһ көкүлсн хөөдиг адгтан нег сард асрад амрах кергтэ* (Бадмин А., Булг, 297). «Овцематкам, кормившим в течение четырех месяцев ягнят, надо дать хотя бы месячный отдых».

В нем имеем один простой причастный оборот *дөрвн сар хурһ көкүлсн*, который относится к дополнению предложения, выраженному существительным *хөөдиг* и один простой деепричастный оборот *адгтан нег сард асрад*, относящийся к знаменательной части составного сказуемого – причастию *амрах*. Первый оборот является развернутым членом предложения – определением, а второй – развернутым обстоятельством. Простые обороты могут легко свертываться и распадаться, становясь обычным членом предложения, представленным в виде одиночного причастия или деепричастия. В простом обороте субъект действия находится за рамками самого оборота – в составе предложения:

Хошт хурдар өөрдэж йовсн мотоциклиг нохас шуугатаһар тосж ирчхэв (З.т., 82). «Мотоцикл, приближающийся на скорости к кошаре, собаки встретили с шумом и лаем». Здесь субъект причастного оборота выражен существительным *мотоциклиг*, являющимся дополнением предложения. *Адуч георгэн, теңер хэләһэд кевтчкэд, уха туңһаһад бэев* (Бадмин А., Булг, 525). «Адучи, лежа на спине и смотря на небо, задумался». В этом предложении субъект простого деепричастного оборота совпадает с субъектом предложения – подлежащим *Адуч*.

Самостоятельный причастный оборот (или деепричастный оборот) не подвержен распаду, поскольку он носит замкнутый характер. Примеры:

Экэн өңгрхд би нилх күүкн билгэв (З.т., 280). «Когда умерла мать моя, я была грудным ребенком».

Даваг күүктәһән аэропортас Элстд иртл үд болж одв (Бадмин А., Булг, 20). «Пока Дава приехал с дочерью из аэропорта в Элисту, насту-

пило время обеда». В первом предложении причастный оборот является самостоятельным (*экэн өңгрхд*), в нем есть свой субъект действия, и по своему лексическому объему он минимален, т.к. оба конструктивных члена не имеют своих зависимых слов. Во втором – деепричастный оборот *Даваг...иртл* имеет в своем составе группу зависимых от деепричастия слов – *күүктәһән аэропортас Элстд*, а поэтому данный оборот предстает как осложненный.

В качестве самостоятельных выступают и такие обороты, в которых субъект выражен не отдельным словом, а лично-притяжательной частицей при самом причастии или деепричастии. Примеры:

Үксн болад хаалһин көрэд кевтхдм нег күн ирэд намаг цокв (Х.т., 16). «Когда я, притворившись мертвым, лежал на обочине дороги, пришел какой-то человек и стал бить меня». Субъект оборота выражен здесь частицей личного притяжания *-м* при форме причастия будущего времени в дательном падеже.

Намаг сурдәхәр бәэх аль сурһхар бәэхитн медгдәжәхи (Х.т., 96). «Непонятно: то ли собираетесь угрожать мне, то ли поучать». Субъект оборота выражен частицей личного притяжания *-тн* также при форме причастия будущего времени, но употребленном в винительном падеже.

Доржҗин Санжҗин гер сурхар ирхләмдн Санжҗ бийһь бәәж (З.т., 307). «Когда мы пришли спросить, где дом Санджи Дорджиева, он сам оказался дома». На субъект деепричастного оборота указывает частица *-мдн*, которая сопровождает форму условного деепричастия на *-хла, -хлэ*.

Самостоятельный оборот в зависимости от формы выражения субъектного имени бывает нескольких видов:

1) аккузативным – с субъектом в винительном падеже; 2) генитивным – с субъектом в родительном падеже и 3) номинативным – с субъектом в именительном падеже.

Эти виды оборотов очень распространены в калмыцком языке. Однако самым частотным и употребительным является первый вид оборота, т.е. аккузативный.

Выше отмечалось, что генитивный и аккузативный оборот может допускать нулевой вариант субъектного имени. Ср. например:

Эмчиг (эмч) ирхд Манжҗ толһаһан бәрсн орн деер суула (З.т., 278). «Когда пришел врач, Манджи, поддерживая голову, сидел на своей кровати»

Кроме указанных видов оборотов в калмыцком языке изредка встречается и аблативный оборот, субъект которого оформлен в исходном падеже:

Зурханас мeнд гисн э харснь ирсн күүнэ дотркин уутъруль (Баснга Б., Б.о., 534). «То, что Зурган ответила приветствием, вселило надежду и ободрило пришедшего».

Место оборота в предложении

Причастный или деепричастный оборот независимо от того, является он самостоятельным или простым, в предложении может занимать как начальную позицию, так и срединную:

Гиинжэ байрлад харэдсн баргиг хэрү түлкчкэд, гертэн оржэ ирв (З.т., 61). «Оттолкнув прыгающего и радостно повизгивающего пса, он вошел в дом».

Зун хөрн һунжэнас һучинь авсар дала һару болх юмн уга (Бадмин А., Булг, 304). «От того, что из ста двадцати нетелей возьмут тридцать голов, ущерба много не будет».

Нарн орх үзг темцэд гүүлгв (Х.т., 101). «Поскакал в направлении захода солнца».

Би гер авчасн болхла кезэнэһэ арһинь олчкх биһэв (Баснга Б., Б.о., 135). «Если бы женился я, то давно уже нашел бы выход».

Намаг тиигжэ кeлм цагу Нoһан үкс доран эргэд одв (З.т., 24). «Как только я так сказал, Ноган быстро повернулась на месте».

Хан таниг йовснас нааран эрүл бээнэ (Х.т., 195). «После вашего отъезда хан находится в здравии и рассудке».

Һазр, нариг мөңкрүлжэ мeндлжэх метэр тосв (Доржин Б., Ч.х., 255). «Земля встретила солнце, как будто приветствовала его навеки».

Нередко причастный оборот может находиться в составе деепричастного оборота. Например: *Тер хург дeер совхозин механик машиг хойр сменар кeдлгх, нег машинд хошад шофер кeдлх төр тэвхлэ, – Манжэ хар хулһн болжэ кeлрэд халу дөрлэ* (З.т., 17). «Когда на том собрании механик совхоза поставил вопрос о том, чтобы на одной машине работали по два шофера и чтобы использовать машину в две смены, – Манджи весь вспыхнул и облился потом». В данном примере в составе условного деепричастного оборота, являющегося самостоятельным, имеется два простых однородных определительных причастных оборота с ведущим словом *кeдлгх* и *кeдлх*.

В калмыцком языке (литературном и разговорном) причастные и деепричастные обороты иногда располагаются в конце предложения. В таком случае они всегда обособляются, приобретая более предцирированный характер:

Хан отг-алвтаһан шиидвр кеһэд, нүүх болжэ һарв, сэн өвстэ, уста, модта һазр хээжэ бүүрлхэр (Х.т., 62). «Посоветовавшись со своими подданными, хан решил кочевать, чтобы поселиться на землях, где хорошие травы и вода, где есть лес».

Яһжэ медхв, тер ода чигн гeмд бээх билэ, кемр кулакуд эс алсн болхла (Балакан А., А.б.з., 276). «Как знать, может он и сейчас был бы жив, если не убили бы его кулаки».

Күүкм ирсн бээнэ... институт чиләһэд (Бадмин А., Булг, 36). «Моя дочь приехала, закончив институт».

Я, бичэ келтн, тер дэн ямр зовлң эдлүлсиг (З.т., 26). «Да, не говори-те, сколько горя заставила хлебнуть та война». *Юуна бээдлтэ юмб энчи, зер-цоохр, зерлг аңгин бээдл харчкад* (Бадмин А., Булг, 10). «На кого он похож: с видом рыже-пестрого зверя».

Связь между оборотами

В составе предложения может быть не один, а несколько оборотов: причастных или деепричастных. Нередко они образуют синтаксический ряд однородных членов. Например:

Зармдэн гeрeсдин көгшин оон хөөдүр өөрджэ ирэд, мархһр хамрта толһаһан өндәлһэд, бүлтхр хойр нүдэн сольвэж халәһэд, хамран көндәһэд кесгтэн зогсна (Очра У., Синт., 190). «Иногда старый сайгак-рогаль, подняв голову с горбатым носом, кося выпученными глазами и пошевеливая ноздрями, подолгу стоит, приблизившись к овцам». В этом предложении четыре простых деепричастных оборота, которые находятся между собой в сочинительных связях, все они являются однородными обстоятельствами образа действия, относясь к сказуемому *зогсна*.

Два или несколько оборота могут иметь какой-нибудь общий вспомогательный глагол или субъектное слово, например, послелог: *Булһна зүркн удад унтсн нөөрeс серсн мет, күгдлжэ цокв* (Баснга Б., Б.о., 118) «Сердце Булгун сильно стучало, будто проснулось от долгого сна». Здесь послелог *мет* в одинаковой мере относится к первому и второму обороту с причастием на *-сн*.

В сочинительную, однородную связь вступают между собой не только

простые обороты, но и самостоятельные: *Эмсхльн давхцж, зуркнь менрж, амнь хармар цоснь буслв* (Доржин Б., М.у., 34). «Так разгневался, что дыхание перехватило, сердце заныло и душа чуть не выскочила». В данном случае однородными являются два самостоятельных оборота с деепричастием на -ж и один самостоятельный оборот с причастием возможности на -мар. Все они выполняют функцию обстоятельства образа действия.

Связь между оборотами может быть и подчинительной, что бывает, когда один оборот зависит от другого, образуя последовательную цепь развернутых членов. Например: *Тер тоотин үнн, худлинь медхэр эцкэсн нег сурхлам эцк – наад бэрв бийим* (Баснга Б., Б.о., 65). «Когда однажды спросил я у отца, намереваясь узнать правду обо всем, что случилось, он стал смеяться надо мной». Здесь первый оборот зависит от второго и поясняет его в отношении цели.

Рассмотрим еще один пример: *Хар барг цаһан хурһ шу татад иджэсиг үзжэ оркад, Манжэ ноха тал гүүжэ ирэд, нохаг көөһэд, хурһан алдулжэ авв* (Манжин Н., К.х., 83). «Увидев, как черный волкодав задрал белого ягненка и ест, Манджи подбежал к нему и, отогнав его, отобрал ягненка».

В этом предложении самостоятельный оборот с причастием *иджэсиг* подчиняется аналитической деепричастной форме *үзжэ оркад*, а остальные два оборота с деепричастием *ирэд* и *көөһэд* связаны между собой связью сочинения: они однородны. Следовательно, связь между оборотами в одном и том же предложении может быть сочинительной и подчинительной, т.е. смешанной.

Синтаксические функции причастных и деепричастных оборотов

Аналогично одиночным причастным и деепричастным формам обороты с ведущим причастием или деепричастием выполняют функции разных членов предложения, отличаясь от обычных лишь своим развернутым характером. В калмыцком языке функционально различаются подлежащные, определительные, дополнительные, обстоятельственные и сказуемые.

I. Подлежащие обороты. В данной функции употребляются только обороты, ведущий словом которых являются причастия, чаще всего имеющие при себе показатели личного притяжания. Примеры:

Үдн харжцнад, күн аашхнь медгдв (З.т., 273). «Скрипнула дверь и стало понятно, что кто-то идет».

Чини келжэхчнь, хэамнь, шаяг авьяста зэрм баавһасин келдг үг

болжана (З.т., 76). «То, что ты говоришь, дружок, – это слова, которые произносят некоторые женщины распущенного нрава».

Сереж тиигэн көдлмиит харснь бас сэн болв (Бадмин А., Булг, 18). «То, что Сережа поехал туда работать, хорошо».

Мини эднд авхулсм камб шарлжн гидг өвсн (Х.т., 244). «То, что я для них заказал – трава «перекати-поле».

Оборот с причастием может выступать в функции подлежащего и без частицы личного притяжания: *Мууһин келсн чик болж харчана* (Х.т., 244). «То, что сказал Му, выходит правда». Подлежащий оборот относится к числу небособлюемых.

II. Определительные обороты. Данный тип оборотов всегда занимает позицию перед именем, являющимся членом предложения. В качестве ведущего слова определительного оборота употребляются причастия на -сн, -дг и -х. Примеры:

Бата Цастан келсн үгд ханад толһаһан гекв (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 15). «Бата в знак благодарности за слова, которые сказала Цаста, кивнул головой».

Цецг урһад шавшад бээдг һазрт делгүднь буудя тэрүлх билэв (Бадмин А., Булг, 21). «В местах, где буйно цветут цветы, я бы повсюду велела засеять хлеба».

Өвгнэ келжэ өгсн оһи келвр урднь бичжэ авад, кесг саажэ барлаав (З.т., 8). «Раньше я записывал многочисленные рассказы деда и несколько раз их опубликовывал».

Батан байрлжэ, йовсн зуркн күрд гинһэд уһси болад одв (Эрнжэнэ К., Келвмүд, 112). «Сердце Баты, испытывавшее радость, екнуло и будто упало».

III. Дополнительные обороты. В функции дополнения употребляются обороты, причастие которых оформлено в винительном падеже:

Эн хоорнд герэр дүүрч эһтн цуглрсиг би нам оньһсн угав (З.т., 24). «Я даже не заметил, как тем временем собралось полный дом народу».

Күн аашсиг медэд, Манжэ толһаһан өндэлһв (З.т., 278). «Поняв, что кто-то идет, Манджи приподнял голову».

Энүнас хооран эһтн ю өгчэхинь халэжэ эдл (Там же, 44). «С этой поры, прежде чем кушать, посмотри, что тебе дают люди».

Оборот с причастием, завершающимся послелогом *тускар* также функционирует как дополнение:

Тер арат ирснэ тускар кесг дэжэ би соңслав (Манжин Н., К.х., 67). «О том, что приходила та лиса я много раз слышал».

Эндр мана колхозникүд хург болхин тускар нанд келүлжэ (Очра У., Синт., 226). «Мне передали, что сегодня состоится собрание наших колхозников»

Обстоятельственные обороты

Обороты с обстоятельными значениями являются самыми распространенными. Из числа причастных оборотов в функции обстоятельства причины употребляются те, в которых причастие выступает в дательном, исходном и орудном падежах:

Үүдн арһулхн эшигэд секдснэс би серв. «Я проснулся из-за того, что дверь потихоньку скрипнула и приоткрылась».

Тегэд тер хан нег шлвч бээснд дү көвүһән илв сурһулхар түүнд өгч (Х.т., 203). «И тогда тот хан отдал в обучение ему, человеку, являющемуся фокусником, своего младшего брата».

Булһн ирсн хаалһан эс темдгэлж авсндан уйн төрэд, халун хар нуль-мсан асхад бээв (Баснга Б., Б.о.). «Оттого, что не заметила дорогу по которой пришла, Булгун запечалилась и стала горько рыдать».

Особенно часто в значении обстоятельства времени употребляются обороты, ведущее слово которых – причастие будущего времени оформляется дательным падежом или управляется послелогом с пространственно-временным значением типа *өмн, хөөн, урд*. Например:

Маниг арвн класс төгсэхд цаг иим биш билэ (З.т., 192). «Когда мы заканчивали десять классов, тогда время было не такое».

Өүклдүр чамаг ирхдчнь уульж бээсн бийм медүлл уга һарһлав (Баснга Б., Б.о., 535). «Когда ты пришел вчера, я хоть и плакала, но проводила тебя так, чтобы ты не заметил».

Эдниг һарсна хөөн күн ирэд уга бээдлтэ (З.т., 56). «После их ухода, кажется, никто не приходил».

Эн хойр орндан орхин алднд Коля сүл трамвайд сууж ирв (З.т., 47). «Когда они собрались лечь в постель, приехал последним трамваем Коля».

Миниһәр болхнь, талдан көвүд шидрхэс урд зуркин бий талан кецэлһэд авчхмн (Там же, 46). «По-моему, прежде чем подойдут к ней другие ребята, нам надо завладеть ее сердцем и склонить (Цасту) на свою сторону».

В значении обстоятельства времени выступает оборот с причастием

будущего времени, имеющим частицу притяжания *-нь*. Такой причастный оборот вполне заменим оборотом с причастием будущего времени, но уже в дательном падеже и с частицей *-нь*:

Деля теднэ герт орж ирхнь (ирхднь) одак хойр хот ууж сууна (Бадмин А., Булг, 321). «Когда Деля вошла в их дом, те двое кушали». В подобных случаях причастный оборот может также синонимизировать с деепричастным оборотом на *-хла, -хла*. Ср.: Нег дэжэс күүкн эскалаторар деегийн һарч йовхнь (йовхла) хажсудк эскалаторар одак көвүн бууж йовна (Бадмин А., Булг, 77). «Однажды, когда девушка поднималась по эскалатору наверх, тот парень спускался по рядом идущему эскалатору вниз».

Со значением обстоятельства цели выступает оборот, причастие которого употребляется с послелогом *төлэд*: Эрэ киитэ үлдсн эк көвүн хойриг үклэс харсэж авхин төлэд Өлзэт сөөни дуусн һанцарн гишн но-олдв (Бадмин А., Булг, 13). «Для того, чтобы спасти от смерти едва живых мать и сына, Эльзята всю ночь провозилась почти одна».

Обстоятельственный оборот со значением цели может выражаться и деепричастием на *-хар, -хэр* с зависимыми от него словами:

Саальчир бээрндан орж ирсн үкрмүд саахар һарицав. «Доярки вышли подоить коров, которые пришли на место своей лежки».

Среди деепричастных оборотов с обстоятельными значениями наиболее частотными являются обороты со значением времени. Обычно в них господствующее положение занимают формы условного и предельного деепричастий:

Увшин Манэжиг көдлмиэснь эрт ирхла, гегнь алң болв (З.т., 274). «Когда Убушиев Манджи пришел с работы рано, жена была удивлена».

Хашан үүд тээлэд орхар седхлэ барун бийд уята бээсн ик хар ноха залу тал һэрэдв (Там же, 60). «Когда мужчина, хотел войти, открыв двери загона, на него набросилась большая черная собака, привязанная у правой стены».

Гелңиг цээһән уужатл Шовара ирж терздинь татв (Х.т., 201). «В то время, когда гелюнг пил чай, пришел Шовара и открыл ставни».

Эдниг цаг-эжил болад амд-менд эргэд иртл тер бурас урһа модд болж, шавих болна (Х.т., 135). «Когда они по истечении длительного времени возвратились живы-здоровы, те прутики выросли и стали большими развесистыми деревьями».

В обстоятельных деепричастных оборотах со значением вре-

мени формы условного и предельного деепричастий могут принимать лично-притяжательные частицы. Например: *Чамаг ширтэд оркхлачн нүдэн хааран кехэн олдэж өгхи...* (Баснга Б., Б.о., 130). «Когда ты пристально взглянешь, не знаю, куда девать глаза». Иногда деепричастие на *-хла*, *-хла* в значении условия совершения действия оформляется суффиксом винительного падежа *-г*:

Цаста та хойриг одх болхлаг, би бас однав (З.т., 45). «Если вы с Цастой пойдете в кино, я тоже пойду».

Обстоятельственное значение образа действия передается оборотом с деепричастием на *-ад*, *-эд*, *-ж* и *-н*. Эта группа обстоятельственных оборотов также является одной из многочисленных в калмыцком языке. Примеры:

Тишгэ бээтл нарн зөвар дорагшан орад, үүрмг-үүрмг цасн киисэд, назр цэгнэд одв (Баснга Б., Б.о., 524). «Тем временем солнце заметно склонилось к закату, повалил мелкий-мелкий снег, и земля побелела». В этом предложении два однородных самостоятельных деепричастных оборота со значением образа действия. Оба оборота поясняют сказуемое предложения.

Бюро деер шинэс «Уралан» колхозин ахлагчиг хэлэж, партийн засгла харһулх болж шиидихэв (Бадмин А., Булг, 91). «На бюро решили, чтобы дело председателя колхоза «Уралан» рассмотреть заново и принять меры партийного взыскания».

Хойр күүкэр дөң авад, Сергейин утан харсн, усн хоожжэсн күлтиг тээлж авдн (Там же). «С помощью двух девушек мы сняли с Сергея дымящуюся и мокрую фуфайку». Здесь деепричастный оборот со значением образа действия, заканчивается слитным деепричастием и зависит непосредственно от определительного причастного оборота *усн хоожжэсн*.

Нег бички хар баран нарч үзгди негт икдэд, негт баһрад йовна (Очра У., Синт., 189). «Показавшийся на горизонте какой-то маленький силуэт, стал то увеличиваться, то уменьшаться».

Значение обстоятельства образа действия передается оборотом с продолжительным деепричастием на *-сар*, *-сар*: *Эдн хэржэ ирэд, Мууһин келсар кечкнэ* (Х.т., 250). «Возвратившись домой, они сделали так, как сказал Му».

Обстоятельственное значение причины может выражать оборот с разделительным деепричастием и оборот, в котором имеется вспомогательный глагол *болх* в форме *болад* и *болсар*. Примеры:

Хойр хонгт хур орад, арһс харһсн угавдн (Бадмин А., Булг, 64). «Из-за того, что два дня шел дождь, мы не заготавливали кизяк».

Одахн болсн ик салькнд иштэн үлдсн буудя асхрад, тер эдл-ахус ик харута болхав (Там же, 40). «Эти хозяйства понесли большой ущерб, так как оставшийся на корню хлеб осыпался».

Хаалһ му болсар машидин эвдрлт ик болна (Х.үнн). «Из-за того, что дороги плохие, поломка машин велика».

Манж, көшүр уга болад түрэд бээнэ (Манжин Н., Х.х., 13). «Манджи страдает из-за того, что у него нет (тележной) оси».

СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Сложные предложения в монгольских языках длительное время оставались в стороне от обсуждения. Как, справедливо заметил Г.Д. Санжеев, изучение их даже избегалось, а в лучшем случае они упоминались мимоходом [Санжеев 1934: 3; 1962: 6].

Проблемы сложного предложения впервые со всей актуальностью были поставлены и теоретически разработаны в исследованиях Т.А. Бертагаева [Бертагаев 1982: 178-293]. В результате проведенных им серий наблюдений над особенностями структурной организации сложных предложений монгольских языков было опровергнуто традиционное мнение об отсутствии в них подлинно придаточных предложений, а также союзов и союзных слов, типичных для сложных предложений индоевропейских языков.

Ошибочность этого взгляда подтверждается теперь и на материале калмыцкого языка. В частности, факты, изложенные в синтаксических исследованиях У.У. Очирова, а также в данной работе, свидетельствуют о том, что монгольские языки не ограничиваются применением одних только конструкций с «второстепенными предложениями» (оборотами), а широко используют разнообразные конструкции, вполне отвечающие требованиям истинно сложных предложений союзного и бессоюзного типа.

Общие сведения

Сложное предложение – это синтаксическое образование, состоящее из двух или нескольких компонентов-частей¹⁵, построенных по моделям простых предложений – двусоставных или односоставных. Являясь цельной синтаксической структурой, сложное предложение характеризуется смысловым единством и интонацией законченности.

Составные части сложного предложения в основном соотносительны с простыми предложениями: они имеют свой модально-временной план, т. е. являются предикативными. Рассмотрим, для примера, два разных по структуре сложных предложения:

1) *Харту Бадиевич Кануковин харһсн дуд олн, тедн нурһлж, гилта даэни туск дуд* (Сян-Белгин Х., ФВ, 12). «Песен, созданных Харту Бадиевичем Кануковым, много, и почти все они военные».

¹⁵ Термины «компонент», «часть», «ингредиент», «составляющее» весьма часто встречаются в синтаксических работах: они призваны подчеркнуть специфику простых предложений в составе сложных.

2) *Кесг жил болад, кемжэн уга цаг өңгүнэ, эмгн өвгн хойр эдлвр-ууврар түрэд ирнэ* (Х. ф.). «Прошло много лет, минуло бесчисленное количество времени, и старик со старухой стали терпеть недостаток в питании».

Первое из этих сложных предложений состоит из двусоставных предложений, главными членами которых соответственно являются: *дуд олн* – в первой части и *тедн... даэни туск дуд* – во второй части. Оба предложения как компоненты единого целого находятся в определенной взаимосвязи: интонационной, грамматической и смысловой. В отношении интонации данное предложение характеризуется некоторым повышением голоса в первой части с постепенным ослаблением его во второй. Такая интонация, не допуская большой паузы между частями, сохраняет целостность всего предложения. Грамматическая связь данного сложного предложения выражается в том, что один из членов второй части, а именно, подлежащее *тедн*, выраженное указательным местоимением, замещает член предшествующей части – подлежащее *дуд*. Смысловая же цельность рассматриваемого предложения объясняется единством темы – *Кануковин харһсн дуд*, – которая раскрывается в первой части и дополняется в последующей.

Второй пример представляет собой сложносочиненное бессоюзное предложение. Связь между компонентами этого сложного предложения еще слабее, чем в предыдущем. Поэтому состав рассматриваемого предложения при изменении его интонационного рисунка легко распадается на два простых предложения:

Кесг жил болад, кемжэн уга цаг өңгүнэ. Эмгн өвгн хойр эдлвр-ууврар түрэд ирнэ. «Прошло много лет, минуло бесчисленное количество времени. Старик со старухой стали терпеть недостаток в питании». Находясь в составе сложной бессоюзной структуры, обе части состоят в отношениях семантической зависимости. Содержание второго предложения в известной мере мыслится как следствие или результат, вытекающий из предыдущего предложения. Причинно-следственная связь между компонентами-предложениями диктует фиксированный порядок их расположения: перестановка частей невозможна. С точки зрения грамматического оформления приведенное сложное предложение включает в свой состав простые предложения, сказуемые которых *өңгүнэ* и *түрэд ирнэ* выражены морфологически однотипно: формой настоящего времени изъявительного наклонения.

По степени смысловой целостности или спаянности, сложные пред-

ложения бывают неодинаковы. Одни фигурируют как слабо связанные единства, части которых склонны к разрыву и выделению в самостоятельные предложения, а другие, как более тесно связанные единства, не поддаются разъединению и распаду. В качестве слабо связанных чаще всего выступают сложносочиненные предложения союзного и бессоюзного типа, например, предложения, выражающие одновременность действий, предложения соединительно-распространительного типа с союзными словами *эн, тер, энүнд, терүнд* и т.д. во второй части; предложения присоединительного характера и др.

Следует заметить, что в бессоюзных сложносочиненных предложениях, компоненты которых выражают отношения одновременности, порядок размещения частей иногда бывает несущественным. Ср.:

Домбрчирнь домбран цокна, биичирнь бишнэ, үг келдг шогчирнь шогин үгэн келнэ (Х. ф.). «Домбристы играют на домбре, танцоры танцуют, шутники рассказывают анекдоты».

Үг келдг шогчирнь шогин үгэн келнэ, домбрчирнь домбран цокна, биичирнь бишнэ. «Шутники рассказывают анекдоты, домбристы играют на домбре, танцоры танцуют».

Тесная связь характерна в основном для сложноподчиненных предложений, а также для отдельных сложносочиненных предложений, части которых вступают в отношения сопоставления, противопоставления и разделения. Примеры:

Одачн цасн хээлэд уга, болв цасн дорас цецгэ бултана (Бадмин Б., Х.к.у., 105). «Снег еще не растаял, а из-под него уже выглядывают цветы».

Фронтд ямаран чаңһ ноолдан болж йовна, тиигхлэ арднь бээснь бас көдлмиэн өдр сө уга кехми (Куукан А., Н.т., 12). «Раз на фронте идет такая ожесточенная борьба, то мы, находящиеся в тылу, должны работать день и ночь»;

Бамбуш икэр көшв, зуг түүнэнь тускар кенд чигн тер келжэ бээхи (Балакан А., А.б.з., 242). «Бамбуш очень устал, но об этом он никому не говорит».

В этих сложносочиненных предложениях наблюдается определенная зависимость: первая часть в них относительно самостоятельная, зато вторая - несвободная - содержание ее находится в более или менее тесной связи с содержанием предшествующего компонента, с которым оно составляет одно целое.

Показателями грамматической взаимосвязи частей в данных пред-

ложениях являются союзы *болв* - в первом, *ттигхлэ* - во втором и *зуг* - в третьем. В последнем предложении, кроме противительного союза *зуг*, имеется местоименно-последложное сочетание *түүнэнь тускар*, выполняющее функцию дополнения и указывающее на связь второй части с первой.

Все упомянутые выше сложносочиненные предложения при известных условиях могут подвергнуться распаду или дезинтеграции и образовать цепь простых предложений¹⁶.

Совершенно по-иному обстоит дело со сложноподчиненными предложениями: они не поддаются расчленению на отдельные самостоятельные части. Это особенно характерно для сложноподчиненных предложений с двусторонней зависимостью частей:

Һурв марһа кен шүүсннн, тер күүким авхми (Х.т.). «Кто из вас трижды выиграет состязания, тот и получит мою дочь».

Эмд күүнэ чирэ ямаран оһи зүсэр хүвржэ, аһи болмар сольгдэж сээхрдэ болна, тиимар Борян дүр нэри беркэр үзүлднэ (Нуура В., ФВ, 101). «Насколько живое человеческое лицо способно к многообразным изменениям и совершенству, настолько и образ Бори нарисован тонко, мастерски».

Части этих предложений структурно взаимообусловлены: сами по себе существовать они не могут, хотя имеют свои собственные центры - подлежащие и сказуемые. В грамматическом плане особенностью таких предложений является наличие в обеих частях соотносительных (коррелятивных) союзных слов - членов предложений: *кен... тер, ямаран... тиимэр* и т. п.

В сложноподчиненном предложении с односторонней зависимостью придаточная часть в отрыве от главного вообще не мыслится. Так, например, в предложении: *Эн жшмүдт тиим киитн болад уга төлэд, хөөнд кун өвс тэвжэ өгчэхш* (Куукан А., Н.т., 15). «Так как (поскольку) в эти годы не было таких сильных холодов, то овцам никто не дает сено» - придаточная часть с союзом причины *төлэд* вне состава главного выглядит нарушенным: она не обладает интонацией законченности.

Нерасторжимое структурно-грамматическое единство представляют собой и сложноподчиненные предложения с речевыми (дицендиальными) союзами и союзными словами:

¹⁶ Такому процессу могут подвергнуться и некоторые типы сложноподчиненных предложений. Явление образования сложных синтаксических целых на базе разъединения частей сложных предложений специально рассматривается Т.А. Бертагаевым [Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 293-296].

Орн-нутгимдн хортн дишлэд, эзлэд орквзго гижэ зовдг билэвдн (Доржин Б., М.о., 90). «Страдали и мучились мы оттого, как бы враг не одолел и не захватил нашу родную землю».

Көдлх улст өгдг жалвин мөңг олхд кецу билэ гинэд, би деер келчкн бээсн биший (Доржин Б., М.о., 120). «Я выше уже сказал, что найти деньги для оплаты рабочим было трудно».

В приведенных предложениях придаточные части *орн-нутгимдн хортн дишлэд, эзлэд орквзго гижэ и көдлх улст өгдг жалвин мөңг олхд кецу гинэд* вне сочетания с главными *зовдг билэвдн* и *би деер келчкн бээсн биший* предстают ущербными, несамостоятельными.

Таким образом, вполне очевидно, что в пределах сложного предложения смысловая и грамматическая спаянность компонентов бывает разной силы.

О характере компонентного состава и минимуме сложного предложения

Компоненты или составные части сложных предложений, как уже отмечалось, в той или иной степени соответствует моделям простых предложений. С этой точки зрения любое сложное предложение в своем минимальном объеме состоит либо из двух двусоставных, либо из двух односоставных, либо из одного двусоставного и одного односоставного. Например, сложное предложение *Келчкн үг – мини эзн, келэд уга үгин эзн – бив* (Х. т.). «Сказанное слово надо мной хозяин, несказанному слову я хозяин» – включает два простых распространенных предложения, предикативными центрами которых выступают в первом *үг – эзн*, во втором *эзн – бив*.

В сложном предложении *Дуулич, хээмнь, соңссув* (разг. быт.). «Пойка, милый, я послушаю» имеются два двусоставных нераспространенных простых предложения с опущенными подлежащими: *чи* – в первом и *би* – во втором. Показателями их являются лично-предикативные частицы *-ч* (2-ое лицо, ед. ч.) и *-в* (1-ое лицо, ед. ч.).

Сложное предложение, построенное по модели «двусоставное + двусоставное», может лишиться своего статуса, если в одном из частей будет отсутствовать подлежащее. В таком, случае сложное предложение переходит в простое осложнённое предложение. Обратимся к сложному предложению *Алмацж бээсн Киштэ кезэнь Намруһин келсн күүкнь болла, кезэнь тер Намруд үгэн өглэ* (Корсункин Ц., Күүнэ телэ..., 90).

«Когда же терзавшаяся сомнениями Киштя успела стать невестой Намру, когда она успела дать ему согласие».

Подлежащим первой части этого сложного предложения является имя собственное Киштя, а подлежащим второй части указательное местоимение *тер*, заменяющее грамматический субъект *Киштя*. Если исключить подлежащее второй части *тер* «она», то анализируемое сложное предложение качественно изменится: в итоге мы будем иметь одно двусоставное предложение с однородными сказуемыми. В пользу такого «опущения» говорит и наличие повторяющегося обстоятельного члена *кезэнь* «когда же» в первой и второй части.

В сложных предложениях, объединяющих двусоставное и односоставное предложение, последнее имеет только один главный член – сказуемое или подлежащее, которые могут иметь при себе второстепенные члены. Рассмотрим несколько примеров:

Эндр чилгр өдр болх бээдлтэ, зуг теңгрин деед хормад тов-тов үүлн харгдна (Балакан А., Э.м.о., 251). «Сегодня, кажется, будет погожий день, но на западном небосклоне виднеются редкие облачка». Здесь первый компонент представляет собой односоставное (безличное) предложение: в нем отсутствие подлежащего объясняется нормой языка. Второй компонент этого сложносочиненного предложения является двусоставным предложением.

Болв саак шинкэһн хаврин нар үзсн, хорха бууһад уга цецгэ болсн бээдлнь ода чигн бэһнэ гижэ келхд хату (Басңга Б., Булһн). «Трудно сказать, что ее прежний вид, напоминавший цветок, только что увидевший солнце и еще не испорченный червем, сохранился». В этом сложноподчиненном предложении в роли главного выступает бесподлежащее предложение, переданное в форме безличного сказуемого *келхд хату*, а придаточное *Болв саак шинкэһн хаврин нар үзсн, хорха бууһад уга цецгэ болсн бээдлнь ода чигн бэһнэ гижэ* – является двусоставным, распространенным.

Ирсн цааснд хальмгин бичэчирин I-гч сьездд дуудулгдэжанат гижэ келгдэжэнэ (Доржин Б., М.о., 67). «В присланной бумаге говорится, что приглашаетесь на I съезд калмыцких писателей». В этом сложном предложении главная часть *Ирсн цааснд... келгдэжэнэ* является односоставным распространенным безличным предложением, сказуемое которого выражено формой страдательного залога от глагола *келх*. Придаточная часть, размещаясь внутри главного, выступает как двусоставное с опущенным подлежащим *та* «вы». Об этом свидетельствует лично-предикативная частица *-т* (2-ое лицо ед. ч.).

По сравнению с рассмотренными сложными предложениями модель «односоставное + односоставное» в отношении употребительности несколько ограничена. Чаще всего сложные предложения указанной модели наблюдаются в пословицах и поговорках: *Келсиг меддг, сурсиг өгдг* (Х. т.). «Что говорят, то понимают, чего спросят, то дают». Оба компонента данного сложносочиненного бессоюзного предложения являются односоставными неопределенно-личными предложениями: в них действие не относится к какому-либо конкретному лицу. В союзном сложносочиненном предложении *Көдлмишг сэгэнэр кехми, эс гижэ көдлэд керг уга* (Очра У., Х.к.у., 91). «Работу следует выполнять хорошо, иначе не стоит ее делать» – первый компонент является односоставным обобщенно-личным предложением, а второй – односоставным безличным.

Сложные предложения, состоящие из односоставных обобщенно-личных, неопределенно-личных и безличных, можно встретить в немалом количестве и в произведениях художественной литературы. Сошлемся на ряд примеров: *Хээдгэри хээнэ – олдхи* (Сян-Белгин Х., Э.э.в, 75). «Ищут-поищут, не находят». *Эдл-ахун малан хэлэх кергтэ, теднд хот-хол белдх кергтэ* (Доржин Б., М.о., 92). «Надо ухаживать за колхозным скотом, надо заготавливать им корм». *Деер цаһан, дор цаһан* (Очра У., Х.к.у.). «Вверху бело, внизу бело».

Гораздо реже встречаются сложные предложения, включающие в свой состав назывные предложения, которые могут быть как распространенными, так и нераспространенными, например: *Шурун салькнд көөгдэд, бархлад, тасрад-тасрад, тунтрад туугдси үүлн, терүг буулад-буулад, деерэс элдэж ирэд, халун сумар зег татад, ард-ардаси цувлдад одси фашистск самолётс* (Доржин Б., М. о., 76). «Гонимые сильным ветром, то громоздящиеся, то разрывающиеся в клочки тучи; поливая огненным смерчем, наваливающиеся сверху фашистские самолёты. *Харһу сө, нам-чим* (Эрнжэнэ К., Т.ш., 146). «Темная ночь, тишина».

О структурных признаках сложных предложений

1) *Открытость и закрытость*. По своей структуре сложные предложения могут быть открытыми и закрытыми. Сложные предложения открытой структуры, объединяя два или несколько предложений, допускают расширение своего состава путем подключения новых компонентов. Например: *Нанд кирим кен уһахм, цээһим кен болһхм, үсим кен*

асржэ өгхм? (Х.т.). «Кто мне стирать будет, кто чай готовить, кто воду носить?»

В зависимости от коммуникативного задания, т.е. от цели информации, состав предложений подобного типа может быть увеличен. Специфическая особенность предложений открытой структуры – однородность или однотипность построения частей. Она выражается не только в одинаковой грамматической оформленности сказуемых, но и в лексическом параллелизме частей сложного предложения. Так, например, в них часто повторяются те или иные слова, или группы слов; воспроизводятся также и строевые элементы, создающие определенную соотносительную связь между частями:

Негнэ зуг шүлгүд, зармдэн позм бичнэ, наадкснь шүлгэр тууль бичнэ, һурвдгчнь шүлгэмэжин наад бичнэ, дөрвдгчнь шүлгэр тежгүд, хөкрлт бичнэ. (Сян-Белгин Х., ФВ, 15). «Одни (поэты) пишут только стихи, иногда поэмы, другие – сказки в стихах, третьи – пьесы, четвертые – басни, юморески и шаржи».

Негдвэр болхла, хуцмуд ода бийнь эцин, хойрдвар болхла, февраль, март сард хурһисн хөд хурһдан эрэ асржэсана (Бадмин А., У.э.б., 297). «Во-первых, бараны пока еще худые, во-вторых, овцематки, объегнившиеся в феврале и марте, едва кормят своих ягнят».

Некоторая общность лексического состава компонентов сложных предложений открытой структуры может выражаться и в наличии единого для обеих частей члена предложения. Так, в предложении *Кеер сө гөрэснэ гүүсн э соңсгднэ, туулачн машинэ шамд үзгднэ* (Очра У., Х.к.у.). «Ночью в степи слышен топот бегущих сайгаков, в свете автомобильных фар появляются и зайцы», – общим для первой и второй части является обстоятельственный член – *кеер сө* «ночью в степи».

Предложения открытой структуры выделяются и характером своей интонации, которая, как правило, бывает перечислительной и реже разделительной:

Үүлн бархлзна, салькн шүүкрнэ, теңер дуһарна (разг.). «Громоздятся тучи, неистовствует ветер, гремит гром»;

Эн эркиг эс гихлә күзүндэн өлгчкэд бэ, эс гихлә зун һариннь баһлиц ораһад зүүчкэд бэ, эс гихлә зун һартан бэрчкэд эргүләд йов (Х.т.). «Эти четки носи, либо повесив на шею, либо намотав на запястье левой руки, либо держа в левой руке, и перебирай их».

Сложные предложения открытой структуры не характеризуются разнообразием смысловых отношений. Соответственно этому в общем

ряду сложных предложений им отводится довольно скромное место, да и то в сфере сочинения – бессоюзного и союзного.

Сложные предложения закрытой структуры в противоположность предложениям открытого типа состоят всегда из двух частей, которые не допускают расширения состава без существенного изменения характера сложного предложения в целом. Включение последующих частей ведет прежде всего не к количественному увеличению той же самой структуры, как в случае открытости, а вызывает качественное изменение. Сравним для примера предложения: 1) *Болв гергн Эрницэс тас хаһцжэ эс бээнэ, зуг залуһан «харсэж авхар һарчана»*. «Но жена не совсем расстается с Эренценом, а уходит, чтобы «спасти своего мужа» и 2) *Болв гергн Эрницэс тас хаһцжэ эс бээнэ, зуг залуһан «харсэж авхар һарчана», юңгад гихлә толһаднь элдв тоолвр орулх, ухаһинь үүмүлх йовдл кергтэ* (Корсункин Ц., ФВ, 14). «Но жена не совсем расстается с Эренценом, а уходит, чтобы «спасти своего мужа», потому что необходим поступок, который взбудоражил бы мысли Эренцена, заставив его задуматься (о жизни)».

Первое из сравниваемых предложений является сложносочиненным предложением закрытой структуры. Присоединение к нему подчинительной причинной конструкции с союзом *юңгад гихлә* делает его сложным предложением смешанного типа, т.е. с сочинением и подчинением.

В предложениях закрытой структуры семантические отношения между компонентами могут быть самыми различными. Например, в предложении *Эн төрэс Лагана куч-көлсчнр сулдхгдв, юңгад гихлә бэрсн заһсиг комбинат күццэд-бод кежэ чаджэ бээхн, бас көдлдг улс күртлго генүлжэдг болжана* (Бембин Т., Б.ц., 14). «От этого дела трудящиеся Лаганы были освобождены, потому что комбинат не справлялся с переработкой выловленной рыбы, к тому же не хватало рабочих», – имеется причинная (подчинительная) и присоединительная (сочинительная) связь.

2) *Союзность и бессоюзность*. В зависимости от наличия или отсутствия связующих элементов – союзов и союзных слов – сложные предложения делятся на союзные и бессоюзные.

Конструктивной особенностью союзных сложных предложений является то, что в них характер взаимоотношений составных частей предопределяется значением соответствующих показателей связи. Обеспечивая целостность сложного предложения, союзы и союзные слова, как правило, выражают определенный тип отношения.

В отличие от союзных структур бессоюзные сложные предложения не имеют в своем составе таких специальных, эксплицитно выраженных средств связи как союзы и союзные слова.

В бессоюзных сложных предложениях широко используются факторы иного характера: определенное соотношение форм сказуемых, специфика лексического наполнения, интонация и порядок следования частей.

Бессоюзные сложные предложения соотносятся и сопоставляются либо со сложносочиненными предложениями, либо со сложноподчиненными. Связь бессоюзных сложных предложений выражается имплицитно.

3) *Полнота и неполнота*. Поскольку компоненты или части, образующие сложное предложение, находятся не в отрыве друг от друга, а в определенных отношениях, то, естественно, наполнение происходит с учетом их лексико-семантического состава. Причем нередко имеет место сокращение или сжатие состава сложного предложения за счет опущения одного или нескольких членов в одном из его частей. Возможность устранения отдельных элементов в одной из частей сложного предложения объясняется тем, что они могут либо возмещаться составом другой части, либо семантически поддерживаться ею:

Түрүләд хорта хо һалзн моһа хаана куукиг, намаг авх, дарунь - тер уульжасн хот, дарунь ингэжэсн хот (Х.т.). «Сначала ядовитый пестрый змей возьмет ханскую дочь и меня, затем - тот плачущий хотон, а уж потом – тот смеющийся хотон».

В этом бессоюзном сложносочиненном предложении во избежание повторения опущены во второй части главные члены: подлежащее *моһа* (или *хо һалзн моһа*) и сказуемое *авх*. *Негнднь – бидн арвн хойр күн, наадкднь хөрн күн орулдгв* (Доржин Б., М.о., 116). «В один (отряд) вошло нас двенадцать человек, в другой – двадцать один». Здесь в первой части опущен главный член – сказуемое *орулдгв*, которое восстанавливается из второй части.

Если в сложносочиненных предложениях выпадение тех или иных членов наблюдается чаще всего во второй части, то в сложноподчиненных – главным образом в придаточной части, которая в большинстве случаев бывает препозитивной.

Иногда в придаточном предложении могут одновременно отсутствовать и подлежащее и сказуемое. Вследствие чего наличный второстепенный член является как бы представителем всего придаточного,

сосредоточив в сжатом и обобщенном виде содержание опущенных главных членов: *Болв көшсән медули угаһар, чамаг гижэ араһан зууһад йовна* (Балакан А., А.б.з., 241). «Но чтобы не показать своей усталости, стиснув зубы, думает: «выдержу»».

В данном сложноподчиненном предложении придаточное, представленное одним второстепенным членом *чамаг* (дополнение), выглядит явно нарушенным: в нем оказались выпавшими подлежащее *би* «я» и сказуемое *яһдгэж* «что сделаю». В главном предложении опущено подлежащее *тер* «он»: в тексте произведения речь идет о мальчике по имени *Бамбуш*.

В сложном предложении часто наблюдается пропуск связки при именном или глагольном сказуемом. Такого рода случаи имеют место в основном, когда два или несколько предложений однородны по составу и оформлению:

Сүл жидмүдт хөөчирин ик зунь мотоциклта, зэрмнь машитэ болухав (Бадмин А., У.э.б., 302). «В последние годы большинство чабанов приобрело мотоциклы, некоторые заимели машины».

Кезәнәһәс нааран негнь деернь һара, наадкнь дорнь ора, негнь заргда, негнь зара юмн (Басңга Б., Б.о., 206). «С испокон (повелось так), что один властью выше, другой – под ним; один гнет спину, другой повелевает».

В этих сложных предложениях связки *болухав* и *юмн* опущены в каждой из предшествующих частей. Они присутствуют только в заключительной части.

Пропуск связки вызывается не только требованием стиля (нежелательность повторения), но и необходимостью наглядно показать грамматическую и структурную целостность частей сложного предложения.

Отсутствие связки при сказуемых сложных предложений приобретает в калмыцком языке черты нормы.

4) *Сочинение и подчинение*. По характеру смысловой связи частей и особенностям их соединения сложные предложения распадаются на сочинительные и подчинительные.

К первым относятся сложные предложения, части которых, являясь относительно независимыми, в своих отношениях не выходят за рамки равноправия, равнозначности и соответствия.

Ко вторым относятся сложные предложения, части которых, будучи неравноценными, вступают в такую связь, при которой одна часть

подчиняется другой, поясняя, дополняя и раскрывая ее содержание. Соответственно этому зависимая, подчиненная часть называется придаточной, а господствующая, подчиняющая часть – главной.

Сложносочиненные и сложноподчиненные предложения противопоставляются и по характеру средств связи. Так, в сложных сочинительных структурах используются в основном те же союзы, которые встречаются в простых предложениях и словосочетаниях: *болв, зуг, хэрнь, эсклэ* и т. д. В сложных подчинительных структурах употребляются союзы и союзные слова, которые непоказательны для простых предложений и словосочетаний. Например, дицендиальные союзы и союзные слова *гижэ, гисн, гихэд* и т. п., соотносительные союзные слова типа *кен... тер, ямаран... тилим*, риторические союзы *учрнь юмб гихлэ, учрнь юмб, учрнь юундэ*; причинные *яһад гихлэ, юңгад гихлэ* и многие другие характерны только для сложноподчиненных предложений.

Кроме этих формальных различий, сложносочиненные и сложноподчиненные предложения различаются по местоположению связующих слов. Так, в сложных сочинительных предложениях союзы и союзные слова располагаются во второй части, причем не обязательно в ее начале. Иная картина наблюдается в сложноподчиненных предложениях: в них союзы и союзные слова (за исключением риторических) помещаются в первой части и в большинстве своем замыкают придаточное. Только в сложноподчиненных предложениях с соотносительными местоименными словами, а также в предложениях с союзами условно-временного значения, придаточная часть открывается союзным элементом.

Средства союзной связи в сложных предложениях

Высказанное в свое время акад. Я. Шмидтом мнение о том, что монгольским языкам якобы «не достает союзов [Шмидт 1832: 66] упорно и очень долго держалось в монголистике. И только с появлением ряда исследований этот глубоко укоренившийся взгляд начинает постепенно изживаться. Сейчас уже трудно усомниться в наличии разнообразных связующих слов в таких языках, как халха-монгольский, бурятский и калмыцкий.

Однако, как ни странно, и теперь можно услышать от некоторых ученых заявление о «бедности, скудности» и даже отсутствии союзов в тех или иных монгольских языках.

Калмыковед Б.Б. Бадмаев утверждает что «союзы в калмыцком языке появились только в последнее время как дополнение к причастным и деепричастным формам» [Бадмаев 1964: 111]. Аналогичного характера высказывание принадлежит И.Д. Амоголонову: «Бурятский язык беден союзами... Нормальное сочинение в бурятском бессоюзное» [Амоголонов 1958: 304]. В «Грамматике современного монгольского языка», изданной в Монголии, сообщается, что «подлинных союзов, связывающих между собой члены предложения и предложения, в монгольском языке мало [Орчин цагийн монгол хэлзүй 1966: 232, 319].

Подобная точка зрения не соответствует языковой действительности. Факты, относящиеся к употреблению союзов и союзных слов в монгольских языках, весьма многочисленны и разнообразны по структуре и функциям. Арсенал союзных средств в монгольских языках является более или менее общим, т. к. происхождение их, примерно, одинаковое. Большинство из них восходит либо к деепричастным и причастным формам, либо к местоименным наречиям и числительным. Некоторая часть союзов появилась на базе расширения функций обычных частиц и послелогов.

В калмыцком языке степень грамматизованности связующих слов бывает неодинаковой. На этом основании они подразделяются на союзы, полусоюзы и союзные слова¹⁷. Основное их различие состоит в том, что функция союзов сводится только к соединению предложений или их членов, а функция полусоюзов и союзных слов двойкая: они могут одновременно выступать и как показатели связи и как члены предложения.

В синтаксическом плане полусоюзы отграничиваются от союзных слов тем, что они не замещают какой-либо член придаточной части, а представляют его в целом.

Для иллюстрации обратимся к следующим примерам:

Зермг баатрар Деликов Эрднь эмнэсн хаҗсн цагас авн дала удав болад уга, болв туурсн бахмэнь мөңкинд нерн болхми (Сян-Белгин Х., ФВ, 8). «Прошло не так уж много времени с момента героической смерти Эрдни Деликова, но гордая слава будет вечной ему памятью». В этом сложносочиненном предложении союз *болв* связывает два предложения. Выражая противительные отношения между частями этого сложного предложения, он не является его членом.

Хальмг таңһчин аһуд толһа, кеҗс, сала-садргуд то уга олн, тедниг

¹⁷ В делении связующих средств на указанные категории мы придерживаемся критериев, выдвинутых Т.А. Бертагаевым [Бертагаев, Цыдендамбаев 1961: 207-210; 228-232].

Санчр темдгтэ сэгнар меднэ (Сян-Белгин Х., ФВ, 12). «В просторах Калмыкии курганов, крутых яров и оврагов неисчислимое множество, их Санчир знает прекрасно».

Здесь второй компонент сложносочиненного предложения связывается с первым при помощи союзного (местоименного) слова *тедниг*, которое, будучи дополнением, замещает во второй части однородные подлежащие первого предложения: *толһа, кеҗс, сала-садргуд*.

В семантическом отношении союзы предстают как элементы с предельно отвлеченным значением. У полусоюзов же степень обобщенности значения гораздо слабее. По этому признаку они стоят ближе к союзным словам, которые употребляются в лексически конкретном лексическом значении.

По составу и особенностям структуры, связующие слова калмыцкого языка можно разбить на следующие группы:

1) простые или одиночные союзы и союзные слова *болв, зуг, зүгэр, хэрнь, бас, тегэд, тиигхлэ, тиигжэ* и др.;

2) сложные или составные союзы и союзные слова, которые могут быть нерасчлененными *тедү дүцгэ, гисн кевтэ, тиигсн бийнь, тер төлэд, тийм болсн хөөн* и расчлененными *кедү... тер бийнь, кемр... чигн, альдаһур... чигн, хамаран... чигн*;

3) сдвоенные *хэрнь тегэд, тиигчкэд тегэд, болв зуг*;

4) повторяющиеся *эс гиҗ... эс гиҗ, аль... аль* и т. п.;

5) соотносительные или коррелятивные союзные слова *кедү... тедү, альдаран... тиигэн, хама... тенд, ямаран кевэр... тийм метар* и пр.

В современном калмыцком языке идет интенсивный процесс образования союзов и союзных слов. Осуществляется он как за счет некоторых разрядов служебных частей речи – частиц, послелогов, так и нередко путем использования модели отдельных союзных слов. Это относится, например, к коррелятивным союзам, которые получают широкое распространение в калмыцком литературном языке.

В союзной функции выступают и лексические элементы, в основном наречного характера *бас, дэҗэд, учр, уриг*.

По сфере применения, т. е. в зависимости от того, связывают ли они предложения или только члены, союзы калмыцкого языка распределяются по четырем разрядам:

1) союзы, соединяющие однородные члены и употребляющиеся только в простом предложении;

2) союзы, употребляющиеся в простом и сложном предложениях;

3) союзы, соединяющие оборот и предложение и употребляющиеся в осложненном простом предложении;

4) союзы, употребляющиеся исключительно в сложных предложениях.

Примерами союзов первого разряда являются *болн* и *болад*. *Кезэнэ бээжэ туула, арат болн чон йовжэ* (Х.т.). «Давно это было: шли заяц, лиса и волк». *Манжэин эмсэж бээсн халаста болн киртэ хар бүшмүд...* (Манжэин Н., К.х. 76). «Залатанный и грязный черный бешмет, который носил Манджи».

Примерами второго разряда служат все союзы сложносочиненных предложений. К связующим словам третьего разряда можно причислить союзы *кемр* и *кемржээн*, которые связывают условный деепричастный оборот с простым предложением: *Кемр буркэ өдриг сөөд тоолхла, сонь олн болжэ харна* (Х.т.). «Если пасмурные дни принимать за ночи, то ночей оказывается больше».

В четвертый разряд входят все союзы сложноподчиненных предложений: они выражают грамматически неоднородную связь компонентов предложений.

Архаические «книжные» союзы *ба* и *бөгөөд*, свойственные старокалмыцкому письменному языку, в современном языке уже не встречаются.

Относительно занимаемого положения союзы бывают также разными. Так, большинство сочинительных союзов и союзных слов помещаются либо непосредственно в начале второй части, либо поблизости от него. Но иногда подвижность их может оказаться весьма активной.

Что касается места подчинительных союзов и союзных слов, то они, за исключением отдельных, размещаются в первой части и почти в большинстве случаев замыкают ее. При этом все они характеризуются, как правило, позиционной устойчивостью, неподвижностью.

По характеру выражаемых отношений и синтаксическим свойствам связующие слова делятся на две категории: сочинительные и подчинительные. Однако такое противопоставление союзов и союзных слов в калмыцком языке носит далеко не строгий характер. Исследователями синтаксиса монгольских языков уже отмечалось, что некоторые союзы не обладают «явно очерченной сочинительной или подчинительной функцией, обнаруживая элементы обеих функций» [Бертагаев 1964: 214]. Например, в калмыцком языке сочинительные союзы (точнее полусоюзы) *тегэд*, *тер бийнь*, *тигсн бийнь* и др. выражают и значение подчинения. В пределах сложносочиненных предложений они переда-

ют оттенки причинно-следственной и уступительной связи. К категории сочинительных эти и подобные им «синкретические» союзы относятся на основании формального критерия: как сочинительные союзы, они занимают место во второй части.

Таким образом, при разграничении сочинительных и подчинительных союзов нужно обращать внимание на то: 1) передают ли они значение синтаксической зависимости (независимости);

2) располагаются ли в первой или во второй части;

3) употребляются ли для связи элементов предложений или соединяют целые предложения.

Вне пределов сочинительной связи стоят коррелятивные союзы и союзные слова типа *кен... тер*, а также дицендиальные союзы и союзные слова *гижэ*, *гисн*, *гих*, *гунэд*, *гисэр* и т.д. Как средства связи они составляют монополию сложноподчиненных предложений.

Сочинительные и подчинительные союзы и союзные слова, употребляемые в сфере калмыцких сложных предложений, достаточно подробно охарактеризованы при описании конкретных типов сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

Союзные сложносочиненные предложения

Предложения, объединяющие в своем составе два или несколько относительно независимых друг от друга простых предложений, которые находятся в одной синтаксической плоскости и связаны между собой союзами и союзными словами, называются сложносочиненными.

Исходя из характера смысловых отношений частей и значения связующих слов, сложносочиненные предложения принято делить на три типа: соединительные, противительные и разделительные.

В связи с тем, что указанные типы отношений в рамках сочинительных сложных предложений являются слишком общими, они на основе конкретных значений связующих слов могут быть детализированы. Так, например, сложносочиненные предложения соединительного типа включают пять разновидностей, сложносочиненные предложения противительного типа охватывают шесть подтипов, а разделительные предложения – четыре подтипа.

Ниже освещаются структурно-грамматические и лексико-семантические особенности союзных сложносочиненных предложений, которые дифференцированы на ряд групп.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОЕДИНИТЕЛЬНОГО ТИПА

Соединительно-распространительные предложения

Предложения данной разновидности по широте употребления во всех стилях книжной и разговорной речи занимают в калмыцком языке основное место. В сложносочиненных предложениях с соединительно-распространительными отношениями показателями формальной связи выступают обычно указательные местоименные слова *эн*, *тер*, *эди*, *теди*, а также их падежные формы *энуг*, *терүг* (*түүг*), *түүнд*, *терүндэ*, *эди*, *теди* и т.д.

Характерной чертой сложносочиненных предложений, в которых наблюдаются отношения рассматриваемого типа, является то, что они состоят из двух простых предложений. При этом второе из них, соединяясь с предыдущим с помощью указательных местоимений, выполняющих функцию союзных слов (а следовательно, членов предложения), служит естественным продолжением сообщения. Примеры:

Нарн харх үзгт маңдин Күдр Хар гидг баатр бээдг, түүг би оч алх зөвтэв (Х. т.). «На востоке (букв. в стороне, где восходит солнце) проживает мангутский богатырь Кюдер Хар, я должен поехать и убить его».

Удл уга барун талахиан харси бичкн хаалһ үзгдх, түүнд би буухв (Инжин Л., О.к., 175). «Скоро покажется дорожка, сворачивающая направо, там я и сойду».

Машинэс цеггэ хувцта хойр күн буув, тедин сельсоветур орж одихав (Зүркни таалар, 252). «С машины слезли двое в военной форме, они зашли в сельсовет».

Все указательные местоимения в роли союзных слов позиционно обусловлены: они, как правило, начинают вторую часть и обязательно соотносятся с каким-нибудь членом первой части (подлежащим, дополнением, определением или обстоятельством), замещая их функционально. Так, формы *эн*, *тер*, *эди*, *теди*, связывая воедино обе части, указывают в то же время на подлежащее первой части и замещая его во второй. Косвенные формы названных местоимений, будучи союзными словами-членами предложений, замещают либо дополнения первой части (*терүг*, *түүг*, *түүнд*, *терүндэ*), либо определения (*теднэ*, *түүнэ*, *энуна*). Приведем несколько примеров, в которых обнаруживаются данные соотношения:

Дамилтта партизанмудас бүрдэгдсн багмуд болн отрядмуд Чехословакур, Польшур, Румынюр болн нань чигн орн – нутгудур йовулгдсми, тедин партизанск жисэнэ делгритд дөң болсми (Х. үнн). «Организованные из числа опытных партизан группы и отряды были заброшены на территорию Чехословакии, Польши, Румынии и других государств, они оказали помощь в расширении партизанского движения».

Мана партин райком Цэвдэра Борин дамилтиг таасв, совхоз, колхоз болһнд терүг тархахар бээнэ (Бадмин А., У.э.б, 297). «Наш райком партии одобрил опыт Боры Цавдилова и собирается распространить его».

Тана аав угатя улсин сэ хээдг билэ, тединэ зөв тер харсдг билэ (Балакан А., А.б.з, 268). «Ваш отец искал лучшую долю для бедных, он защищал их права».

Необходимо иметь в виду, что местоименные союзные слова, располагаясь во второй части сложносочиненного предложения, не всегда выполняют ту же синтаксическую функцию, что и слово, которое они заменяют: *Эн школд ботаник заадг өвгн бээнэ, терүндэ намаг эндүрж чадигонь лавта* (Инжин Л., О.к., 57). «В этой школе есть один старик, преподающий ботанику, с ним меня никто не перепутает - это точно».

В данном предложении союзное слово *терүндэ*, стоящее во второй части, хотя и соотносится с подлежащим первого предложения *өвгн*, но несет функцию другого члена, в частности дополнения. Ср. еще: *Хонһр Артад докъя өгнэ, тернь Шовт Хариг авад харч одна* (Баснга Б., Б.о., 50). «Хонгор дает знак Артау, и тот уводит Шовт Хара».

В некоторых случаях местоименное союзное слово может представлять содержание первой части в целом: *Мотоциклин хурдн гүүдлд салькн чикнд дуулна, тернь Андрейин зүркнд таалта* (Инжин Л., О.к., 112). «Из-за большой скорости мотоцикла в ушах поет ветер и это приятно сердцу Андрея».

В предложениях соединительно-распространительного типа вторая часть может допускать повторение слов из предшествующей части.

К сложносочиненным предложениям, в которых вторая часть находится в соединительных отношениях с первой, тесно примыкают предложения с анафорическими союзными словами *тедү дүңгэ*, *тедү мет*, *тедү чиңгэ*, *тер мет*. Они вносят количественно-усилительные и сравнительно-уподобительные значения: Примеры:

Цаган ахрхн ханцта нимгн торһн бүшмүдтэ нисэд харн гисн болад бээнэ, тедү дүңгэ гииггч болж медгднэ (Бембин Т., Б.ц., 109). «Цаган в

белом с короткими рукавами шелковым платье вот-вот готова взлететь, настолько кажется легкой».

Болв харин тавн хурһи эдл болдог, тер мет өрк-бүл дотрк улс чигн эдл биш (Бадмин А., А.ш.д., 197). «Но как пять пальцев на руке бывают неодинаковы, точно также люди в семье неодинаковы».

Такие предложения внешне напоминают сложноподчиненные предложения с придаточными сравнения, уподобления, однако качествами последних они всё-таки не обладают: выражаемые ими отношения распространения и добавления не выходят за рамки сочинительных связей. Союзные слова *тер мет, теду дүңгэ, теду чиңгэ*, употребляясь в роли обстоятельственных членов, придают второй части сложносочиненного предложения характер комментария по поводу содержания первой части.

Отождествительно-соединительные предложения

Сложносочиненные предложения, в которых имеют место отождествительно-соединительные отношения, предстают как объединения двух простых предложений. Для сложных предложений рассматриваемого типа характерно то, что содержание второй части несет аналогичную тождественную информацию о событии, сообщаемом в первой части. Средством соединения частей является союз *бас* «и, тоже, также»:

Хойр тергн Яртин өндр хэлэһэд харв, Бемб бас йовхар белдв (Балакан А., А.б.з., 152). «Две подводы двинулись в сторону Яртинской высьоты, Бембя тоже (также) приготовился ехать».

Шин иржэ кэдлмит орсн Зояг кесгнь үзн темдгв, Светлов бас теднэ негнь бишэ (Бадмин А., А.ш.д., 127). «Только что поступившую на работу Зою многие заметили сразу, Светлов был также одним из них».

В отождествительно-соединительных предложениях место союза *бас* определяется словом, на которое делается логическое ударение. Например:

Гелң ном эклэд умиш, манжэ терүг дураһад бас бүржэңнүлв (Х. т.). «Гелюнг приступил к чтению молитвенника, послушник, подражая ему, также забубнил».

Хортн чигн э хархи, манахс бас тагчг (Бембин Т., Б.ц., 111). «Противник молчит, наши тоже молчат».

Чаще всего союз *бас* следует непосредственно за словом, благода-

ря которому и выражается сходство или общность содержания обеих частей.

Союз *бас* может начинать вторую часть лишь в том случае, когда отождествительно-соединительное отношение, выражаемое его содержанием, сильно ослаблено и на первый план выдвигается чисто присоединительное отношение:

Дөрвн күн бээдг бичкн хорад һурвн күн бээна, бас кел-һарнь шарклдг эмгн боли һуч һарсн нег күүкд күн эн хорад бээна (Бадмин А., У.э.б., 219). «В маленькой, рассчитанной на четверых, комнате находятся три человека, а также старушка с ревматическими болями в суставах и какая-то женщина – лет за тридцать».

В структуре отождествительно-соединительных предложений наблюдаются следующие типичные особенности:

- 1) лексическое совпадение сказуемых;
- 2) повторение во второй части слов и словосочетаний предшествующей части;
- 3) наращение к союзу *бас* частицы *-л*, усиливающей отождествительно-соединительный характер второй части. Примеры:

Бидн хойр үкр саадг, мана өөрк гер бас хойр үкр саадмн (Бадмин А., У.э.б., 22). «Мы держим две дойные коровы, соседняя семья тоже держит две дойные коровы».

Та мал өскэч болжсанат, би басл мал өскэч болхар седжэһэнэв (Инжин Л., О.к., 60). «Вы являетесь животноводом, я тоже хочу им стать».

Соединительно-дополнительные предложения

В сложносочиненных предложениях данной разновидности вторая часть по отношению к первой играет роль уточняющего дополнения и добавочного замечания с оттенком заключения, вывода. Выразителем указанного значения выступает союз *дэкад* (*дакад*) «к тому же, кроме того, при том», союзы-частицы *нам* «да и, даже», *таир* «к тому же». Примеры:

Арлтан Босха хоюрн комсомольцур, дэкад Босхань бюрон член (Бадмин А., У.э.б., 311). «Аралтан и Босха оба комсомольцы, к тому же Босха член бюро».

Миниһар, ар бийэснь кесн сэн болх. Һазрнь маштг, дэкад бульдозер хаалһ һарһчкэж (Балакан А., Э.м.о., 68). «По-моему, лучше делать с

северной (тыльной) стороны. Земля (там) ниже, да к тому же бульдозер проложил дорогу».

Пүрвэhim бичэ көндэти, нам би көндэлхи чигн угав (Баснга Б., Б.о., 95). «Не трогайте моего Пюрвю, да и не позволю я трогать».

Өөмжэ йовихах улсин шууган Дольганд улм икэр соңсгэв, нам теднэ хоорндан куундсн үгмүднэ чигн цуһар соңсгдихадэ болв (Инжин Л., О.к., 217). «Шум купающихся людей послышался Дольган, да и все слова, которыми переговаривались они, стали слышны еще явственней».

Ниднаһэ эрднэ-иш баһар тэргдэж тауш тернь сэгэнэр нэгһинь оллһн угаһар тэргдэж (Инжин Л., О.к., 87). «В прошлом году кукурузы было посажено мало, к тому же она была посажена без учета всех ее тонкостей».

Специфическую особенность многих соединительно-дополнительных предложений составляет наличие одного общего подлежащего, которое располагается в первой части:

Хажуһаснь халэхлэ, хоюрн йосндан дурта бээдлтэ, дэкад айта гидэ бул болхми (Бадмин А., У.э.б., 225). «Если смотреть со стороны оба настоящему влюблены и к тому же, кажется, будет прекрасная семья».

Эн тоотиг би һанихарн кесн угав, нам кежэ чадх уга билэв (Баснга Б., Б.о., 438). «Все это не один я сделал, да и не смог бы один».

В соединительно-дополнительных предложениях союз *дэкад* (*дакад*) и союзы-частицы *тауш*, *нам* помещаются в самом начале второй части, подчеркивая тем самым ее присоединительный характер.

Вторая часть в таких предложениях может включать, помимо указанных связующих слов, и некоторые другие союзные элементы, например, *бас*, *чигн*, призванные усиливать смысловые и синтаксические связи между обеими частями сложного предложения. При этом следует заметить, что, если вторую часть открывает союз *дэкад* (*дакад*), то употребляется близкий по значению союз *бас*. Если же вторая часть начинается с союза-частицы *нам*, то вводится союз-частица *чигн*. Место дополнительных показателей связи *бас* и *чигн* полностью определяется словом, на которое падает логическое ударение:

Мана Соятд нэгһин класс чилэһэд уга көвүд, күүкд дала, дэкад дундын сурһулян күцэ эс чилэсн эмтн бас бэгнэ (Бадмин А., У.э.б., 258). «В наших Соятах много девушек и ребят, не окончивших восемь классов, к тому же есть еще и люди, не закончившие среднее образование».

Училищд бээхд кесг көвүд намаг дахдэ билэ, нам институтд сурчасн көвүд чигн бийдм үг келлэ (Бадмин А., У.э.б., 127). «Когда я училась

в училище, за мной ухаживало много мальчиков, да и институтские ребята объяснялись мне».

Предложения следования

В сложносочиненных предложениях со значением следования, действия, о которых сообщается в каждой из частей, совершаются в строго временной последовательности. Значение последовательного завершения событий и явлений в предложениях данного типа создается, главным образом, употреблением полусоюзов *тиигчкэд*, *тиигжэһэд*, *тиигэд*, *тегэд*, которые, являясь наречно-глагольными образованиями, обладают временной семантикой и выступают в функции членов предложения – обстоятельства времени. Примеры:

Радист ормасн өсрэд босв, тиигчкэд радион э тасрад одв (Доржин Б., М.о., 82). «Радист вскочил с места, потом голос радио прервался».

Шардаг хальмгар келэд орхсла, таньдго залуһин нүдн гилс-гилс гижэ энүн тал тусна, тиигжэһэд зэрмдэн тер инэн гисн болна (Инжин Л., О.к., 95). «Как только Шарда заговорит по-калмыцки, так сразу же глаза незнакомого мужчины, излучая блеск, обращаются к ней, а потом он, кажется, готов рассмеяться».

Не, күүкд, цуһар нүдэн аньжэ бээтн, тегэд би тана амнд альм тэвнэв (Х.т.). «Ну, девушки, закройте глаза, и тогда я положу вам в рот по яблоку».

Увиш хан тер зун мөртэ күн хэрү иртхэ гихэд зэңгэд оркв, тегэд тас цуһар цуглард, Цевг Доржжин нойна цогцинь хурав (Х.т.). «Убуш-хан известил, чтобы конная сотня возвращалась назад, затем, собравшись все до единого, предали земле тело Цевг Дорджи-нойна».

В сложносочиненных предложениях анализируемого типа значение последовательности совершения действий может передаваться и лексическими средствами: словами *эклэд*, *түрүләд* «сначала, сперва», которые обязательно располагаются в начале первой части. Например:

Эклэд бидн һарч йовхвидн, тегэд невчк бээжэһэд тадн көндрэд һартн (разг.). «Сначала мы выступим, а потом (затем) через некоторое время и вы трогайтесь».

Түрүләд йосаң батлэж авх кергтэ, тиигчкэд сурһулин ард оржэ болжэсана (Доржин Б., Ч.х., 78). «Сперва надо укрепить свою власть, а потом нужно братья и за учебу».

Поскольку действия частей в сложном предложении следования осуществляются в разных плоскостях, то о едином временном плане предложения не может быть и речи. Связь частей в предложениях следования носит односторонне зависимый характер: вторая часть по отношению к первой всегда строится на соединительных началах.

Предложения причинно-следственной связи

В сфере сложносочиненных предложений распространены предложения, в которых между частями имеют место причинно-следственные отношения.

Для выражения их используется целая серия союзов и полусоюзов – простых и сложных, которые за небольшим исключением помещаются в абсолютном начале второй части. Самыми употребительными из них являются *тегэд*, *тегэд чигн*, *хэрнь тегэд*, *тиигхлэ*, (*теклэ*, *тииклэ*) *тер төлэд*, *тер учрар*, *иигэд*. Полусоюзные сочетания *тиим болхла*, *тиим болсн хөөн*, *тиим болсн учрар*, выполняя функцию связующих элементов, способны выступить в роли обстоятельственных членов предложения.

Особенностью союзов *тиигхлэ* (*тииклэ*) и полусоюзных сочетаний *тиим болсн хөөн*, *тиим болхла*, соответствующих по значению русским союзам «коль (если, раз) так, то...» является то, что они привносят в содержание второй части значение обобщения и вывода.

Первая группа союзов: *тегэд*, *тегэд чигн*, *хэрнь тегэд*, *тиигхлэ*, (*тииклэ*) *иигэд*, восходит к глагольно-местоименным образованиям, в которых значение указательности проявляется довольно четко. Союз *тегэд* часто сопровождается частицей *чигн*, а нередко и союзом *хэрнь*, которые усиливают значение следствия, сосредоточенного в заключительной (второй) части сложносочиненного предложения. Поэтому союзы *тегэд чигн*, *хэрнь тегэд* можно рассматривать как варианты союза *тегэд*. Примеры предложений с причинно-следственной связью:

1) С союзами *тегэд* (*тегэд чигн*, *хэрнь тегэд*):

Тадн мана района түшгт, тегэд би таниг селвгитн соңсхар дуудув (Бадмин А., У.э.б., 223). «Вы – опора нашего района, поэтому я вызвал вас послушать ваши предложения и советы».

Намаг гер угаг та меднэт, тегэд би танла күүндхэр седлэв (Бадмин А., У.э.б., 256). «Вы знаете, что у меня нет квартиры, поэтому я хотел поговорить с вами».

Пурвэ эн уульнициг дегд сээнэр меднэ, тегэд чигн харцхуд бүдрл уга

йовна (Балакан А., Э.м.о., 11). «Пюрвя очень хорошо знает эту улицу, только поэтому он идет не спотыкаясь в темноте».

Болха залуһиннь эрки нөкднь, тегэд чигн Харцх дотран хадһлэж йовсн тоолвран гергедэн харһэж келв (Балакан А., А.б.з., 31). «Болха самый близкий друг мужа, только поэтому Харцха рассказал жене о своих сокровенных думах».

2) С союзом *хэрнь тегэд*:

Күдр машид ода элвг, хэрнь тегэд каналмуд кежэ болхл мөн (Инжин Л., О.к., 36). «Сейчас много мощных машин, поэтому-то можно строить каналы».

Ветеринар – сэн специальность, хэрнь тегэд та басл мал өскэч болжсанат (Инжин Л., О.к., 60). «Ветеринар – хорошая специальность, вот поэтому-то вы тоже являетесь животноводом».

3) С союзом *тиигхлэ* (*тииклэ*):

Мана республик төрлһэрн Эрәсэд негдгч орм элжэна, тиикла бидн төрлһнә герт икәр оньган өгх зөвтәвдн (Балакан А., Э.м.о., 198). «Наша республика по рождаемости занимает первое место в России, поэтому мы должны больше уделять внимания родильным домам».

Та белвснт, би суврхав, тиигхлэ ман хойрт негдхд кен хаг болдмб (Басцага Б., Б.о., 230). «Вы вдова, я бобыль, а коль так, кто же нам мешает сойтись».

4) С союзом *тер төлэд*:

Немиһр һатлһн деер иржэ бомб хайхнь лавта, тер төлэд ик гидг сагар һатлэж һарх – мадна төр (Куукан А., Н.т., 85). «Что немцы будут бомбить переправу – это точно, поэтому наша задача – переправиться с величайшей осторожностью».

Мана района күч-көлсчнр эврәннь газетмүдт йир дурта, тер төлэд ниднәһә мана районд 960 өрк-бул «Хальмг үнн», 1530 «Советская Калмыкия» бичүлэж авв (Х. үнн). «Труженики нашего района очень любят свои газеты, поэтому в прошлом году 960 семей подписалось на «Правду Калмыкии» и 1530 – на «Советскую Калмыкию».

5) С полусоюзом *тер учрар*: *Колхозин жисэнд кулакуд хорлтан күргэжэна, тер учрар тедниг эн бээрнәс хольжулэж йовулхмн* (Доржин Б., Ч.х., 237). «Кулаки причиняют вред колхозному движению, поэтому отправим их куда-нибудь отсюда подальше».

6) С полусоюзом *иигэд*: *Эн отг-алвддан цуһараһаснь му хувцта, угатя, тавн үртә, иигэд би энүг му гийһэд авч ирүв танд* (Х. т.). «Среди жителей своего отока он самый плохо одетый, бедный и многодетный

(у него пятеро детей), вот я и считал его за самого плохого человека и привел его к вам».

7) С полусююзными сочетаниями *тиим болсн хөөн*, *тиим болхла*, *иим болсн учрар*:

Мини тоолврар болхла, мана мал үвдэн түрхн уга, тиим болсн хөөн чамд эс их учр аавд уга (Инжин Л., О.к., 90). «По моим расчетам наш скот зимой не пострадает, а если так, то у отца нет оснований не верить тебе».

Мана ут туулиг авад хэлэхлэ, байн, элэг дээрэн, соньн, оln зүснь ил, иим болсн учрар үүнэ чинрнь өөдэн (Х.т.). «Если взять наши сказки, то их много, они интересны и своеобразны, а потому их содержание высокое».

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПРОТИВИТЕЛЬНОГО ТИПА

Противительно-сопоставительные предложения с союзом *зуг* «но, да»

Предложения этого вида характеризуются тем, что составляющие их части находятся в отношениях противительного сопоставления:

Чон жил болһн хагзлдг, зуг зацнь хуврдог (Х. т.). «Волк каждый год сбрасывает шерсть, но от этого повадки его не меняются».

Энүг һаһань эврәннь көдлжэх заводт орулхар седлэ, зуг Мара орж өгсн уга (Инжин Л., О.к., 124). «Тетя хотела устроить её на завод, где работала сама, но Мара не захотела».

Отношения противопоставления в таких предложениях обычно осложняются значением несоответствия явлений и событий, о которых сообщается в первой и второй части. Например:

Байрта тал хэлэхмн бээж зуг болшго, үзгдхдэн ичжэнэв (Зүркни таалар, 239). «Посмотреть бы в сторону Байрты, но нельзя, стыдно показаться».

Үүлн нигтрэд, нариг бүтэхэд ирв, зуг дорд ар бий сээхн көкрңгү өңгэн алдад уга (Басңга Б., Б.о., 481). «Туча сгустившись, закрыла солнце, но северо-западная часть неба не потеряла еще свой красивый голубой цвет».

Вторая часть противительно-сопоставительных предложений с союзом *зуг* иногда выступает в виде бессоюзных или союзных сложных предложений:

Бидн тер нээрт орх санам уга билэвидн, зуг тенд көвүдин шууган болхла кесг улс тиигэрэн гүүлдихэв, тегэд бидн чигн одчихавдн (Инжин Л., О.к., 81). «Мы не имели намерения участвовать в той вечеринке, но, когда началась потасовка ребят и туда побежало много людей, тогда и мы тоже пошли (туда)».

Каютд шам шатна, зуг терзнь цаһан ширэр ширдчкн, һаза герл үзгдхи (Бембин Т., Б.ц., 130). «В каюте горит лампа, но из-за того, что окно покрашено, света с улицы не видно».

В сложносочиненных предложениях с окраской разговорной речи союз *зуг* может повторяться, но это исключительно редкое явление: *Ода би долан шар маңһсин эмин ик ахднь бээнэв, зуг нанас һарсн һурвн сар болсн нег көвүн бээнэ, зуг тер чамаг зовах* (Х.т.). «Сейчас я живу у самого старшего из семи братьев-мангасов, но у него есть рожденный от меня трехмесячный мальчик, тебя он и будет мучить».

В предложениях подобного рода повторяющийся союз *зуг* несколько ослабляет свою союзную функцию, переходя на роль частицы. Доказывается это возможностью ее безболезненного опущения. Ср.: *Ода би долан шар маңһсин эмин ик ахднь бээнэв, зуг нанас һарсн һурвн сар болсн нег көвүн бээнэ, тер чамаг зовах*.

Предложения ограниченного противопоставления с союзом *зугл* «только, лишь»

Союз *зугл*, располагаясь в абсолютном начале второй части, тесно связан в своем происхождении с союзом *зуг*. От последнего отличается он тем, что присоединяет к себе частицу *-л*, которая, сливаясь с союзом, сообщает ему дополнительный оттенок утверждения. Поэтому по своим семантико-синтаксическим функциям он отходит от чисто противительного значения *зуг*.

Отношение ограниченного противопоставления в предложениях данной разновидности строится на противопоставлении содержания первой части, как более общего и широкого, содержанию второй части, как более частного и узкого. При этом действия и явления, о которых сообщается во второй части, свидетельствуют о неполном его проявлении в первой части, например:

Деерэс нарн шатасн һазрин өвсн һанд диилгэдэд нуһрсн, цунцгт ижлдсн зурмн күртлэн цоонгтан бултсн зугл һанихн хар тарвжэ темдг тэвсн бэ кевтэ, хөн толһа деер үрглэд сууна (Бадмин А., У.э.б.,

45). «Травы поникли под зноем палящего сверху солнца; даже при-
выкшие к жаре суслики и те спрятались в свои укрытия-норки, только
один черный орел, словно чучело, дремлет на маленьком холмике».

*Өкэр цаһан чирэнь өгнь хуврад болвсрж, зугд гилгр хар нүднэнь
герль улм хури болж* (Бадмин А., У.э.б., 76). «Черты ее милovidного
лица изменились и возмужали, и только свет ее черных глаз стал еще
более проницательным».

*Бурхнд шүтлһн гисиг далаһар иткдго, зугд йорин төлэд нер һарһад
санж болжана* (Доржин Б., М.о., 23). «Он особенно не верил в бурхана,
и только для соблюдения обычая делал такую видимость».

Противопоставительные предложения с союзами

болв, болв зуг, гивчн (гив чигн) «но, однако»

Наиболее отчетливо противопоставительные отношения с союзом
болв проявляются в предложениях, где действия, события и явления но-
сят противоречивый характер:

Өдртнь нарн ээнэ, часн хээлнэ, болв асхнднь серүн орад, көрч одна
(Х.Үнн). «Днем прогревает солнце, тает снег, но вечером становится
свежо, и земля подмерзает».

Намр хурта болна, болв зармдэн нартад, алтрад бээнэ (Инжин Л.,
О.к., 104). «Осень бывает дождливой, но иногда бывает солнечной, зо-
лотой».

Предложения с противопоставительными отношениями широко
распространены в повествовательных жанрах. Они, в частности, ис-
пользуются при описании картин природы.

В сложносочиненных предложениях с союзом *болв* противопостав-
ление идет по линии сказуемых:

Үүрмүднь цуһар инэлднэ, болв мана Аюш ацг авдмн биш (Инжин Л.,
О.к., 72). «Все товарищи его смеются, но наш Аюш не обращает ника-
кого внимания».

*Бүрүлин бүтцү харцһуд тер күүнэ чирэ тодрхаһар үзгдэжәхи,
болв терүг медэтэ күүһинь Пурга сэгнар медв* (Балакан А., Э.м.о., 10).
«В сумерках лицо того человека нельзя было разглядеть, но, что он по-
жилой, Пюрва хорошо понял».

Части противопоставительных предложений с союзом *болв* в от-
дельных случаях имеют структуру сложных предложений.

Среди предложений с союзом *болв* заметно выделяется группа

предложений, у которых в первой части излагается желание, намере-
ние, готовность что-либо сделать. Например:

*Ковун эцктан дала сурврумуд тэвхар седлэ, болв тер бийән барэд
йовна* (Балакан А., А.б.з., 45). «Мальчик хочет задать отцу много во-
просов, но он сдерживает себя». Противопоставительные отношения
в предложениях с союзом *болв* могут усиливаться, благодаря введению
второго, синонимичного ему союза *зуг*. Удвоенный, или парный союз
болв зуг встречается весьма редко:

*Өнчн Генди орчлцгин заясн эврэнь күчн-чидлдэн ицнэ, болв зуг
эндэн хуучна йосн догшин* (Х. үнн). «Сирота Генден надеется на свою
силу, дарованную ему природой, но, однако, законы старины повсюду
жестоки: (правда в руках богатого)».

В современном калмыцком языке союз *гивчн (гив чигн)* отмечен
крайне редкой употребительностью. Используется он исключительно
в книжном языке, характеризуя в какой-то мере индивидуальный стиль
писателя:

*Шуһрцахна эңгин Үмкән Нимэ өвги тер цүүгәнлэ Каакнахна кениг
үнэр толһадсан келлэ, гив чигн эн бийнь бас хэрүһинь Каакнахнас авсн
санж* (Доржин Б., М.о., 29). «Старик Умкеев Нимя из рода Шунгарцук
рассказывал, кого из Какуновцев в той драке действительно ударил по
голове, но, оказывается, он сам тоже получил от них».

Предложения общего противопоставления с союзом *хэрнь*

Союз *хэрнь* в сравнении с другими противительными союзами (*зуг,
зугд, болв, гивчн* и др.) обладает более широким, недифференцирован-
ным значением противопоставления. Поэтому сложные предложения с
союзом *хэрнь* в зависимости от контекста и ситуации речи могут при-
обретать то ослабленные («а, но, да, однако»), то усиленные противо-
поставительные отношения («а еще, а наоборот, но даже, а даже»). Зна-
чение усиленного противопоставления выражается тогда, когда союз
хэрнь сопровождается наречными частицами *нам, улм* и вторая часть
по отношению к первой носит противопоставительный характер:

Үгсг, күүрсг болсн Анжса мууһин седкл уга, хэрнь нам цаһан саната
(Инжин Л., О.к., 45). «У словоохотливой, общительной Анджи нет пло-
хих мыслей, наоборот, она добра и чистосердечна».

Инэлдэн номһржәхши, хэрнь улм чацһрад бээнэ (Бембин Т., Б.ц.,
144). «Смех не затихает, а, наоборот, еще больше усиливается».

Эн хойр нег-негэн юуһарн чигн дураһн биш, хэрнь нам нег-негэһн эдн ик өвэрц улс (З.т., 48). «Эти двое ничем не похожи друг на друга и даже очень разные люди».

Ослабленное, неотчетливое противопоставление выражается союзом хэрнь и в тех случаях, когда он или начинает первую часть или, размещаясь во второй части, не получает со стороны его лексического состава необходимой поддержки:

Хэрнь эн көвүн нег цөөкн хонгас нааран атхр болад йовла, энүг тедн наад кеһад йовдог бээжэ (Эрнжэнэ К., Н.х., 131). «Так вот почему этот мальчик несколько дней ходил невеселым: они потешались над ним».

Би танас суржанаһ, хэрнь мартол уга авад иртн (Эрнжэнэ К., Н.х., 85). «Я вас прошу, не забудьте принести книжки».

В предложениях подобного типа хэрнь выполняет не столько функцию чистого союза, сколько функцию союзной частицы. Именно этим и можно объяснить ослабление и даже утрату им общего противопоставительного значения.

Предложения уступительного противопоставления с союзом зүгэр (зугар) и союзными словами тер бийнь, тийгсн бийнь, тийгв чигн

Особенность предложений этой разновидности заключается в том, что излагаемое во второй части не соответствует тому, что должно было явиться закономерным следствием, вытекающим из содержания первой части. Примеры:

Эрнцн бас эврэннь һарһсн буру йовдлан ухалад хэлэнэ, зүгэр тер йовдлнь бийднь хажһр болж медгдхи (Балакан А., Э.м.о., 123). «Эрнцен тоже обдумывает и взвешивает свои неправильные поступки, но, несмотря на это (тем не менее) они кажутся ему верными».

Дандр эн зеерд үрәһән Дольганд өгчәһн уга билә, зүгэр өцклдүр Дольган ахасн эвртә гидгәр сура-эрә бээжэ үгдән орулад, энүгинь тохулжэ унад, нааран һарла (Инжин Л., О.к., 187). «Дандар не давал Дольгане своего молодого коня-трехлетку, но тем не менее вчера, когда она стала умолять брата он сдался, и вот она, оседлав коня, выехала сюда».

В предложениях с союзом зүгэр (зугар) противопоставление сосредоточено, как правило, на всем сообщаемом:

Иим болн эдү мет кедү үг Андрей баһдан экәһн соңсһн болхв, зүгэр теднәһ алькнь чигн энүнә сананд ордган уурад, кесг жһил өңгрв

(Инжин Л., О.к., 113). «Сколько таких и подобных им слов приходилось в детстве Андрею слышать от матери, но тем не менее прошло уже много лет, а ни одно из них не приходило ему на ум».

Хальмг теегт мини эс одһн һазр уга болх, зүгэр иим, зесәр цутхад һарһсһла эдл цогцта, кевлц сәәһн чирәтә, тийм хурц нүдтә күүкд кү үзәд угав (Бадмин А., Р.д., 34). «Вероятно, нет в калмыцкой степи места, где бы я не побывал, однако (но) женщину с такой, будто отлитой из меди, фигурой, с таким чеканным красивым лицом и такими пронзительными глазами я не видел».

Хоңһрин теднд ицх зөв, зүгәр тедниг босжэ иртлнь хойр үзгәһм бидн хомһн цокчкн гижәһнә (Басңга Б., Б.о., 32). «Хонгор прав, надеюсь на них, однако пока они (войска) придут, нас могут разбить ударом с двух сторон».

Предложения уступительного противопоставления могут вводиться с союзными словами тийгсн бийнь, тер бийнь, тийгв чигн «но тем не менее, но несмотря на», которые выполняют роль обстоятельственных членов:

Чи намаг жә гитлән му келвч, тийгсн бийнь би чамд ду һарһн угав (Очра У., Х.к.у., 128). «Ты меня всячески обругал, но тем не менее я тебе не сказал ни слова».

Чи кесг эндү һарһлач, тийгв чигн чамаг бидн комсомолын бюрон сегләртт суңһжанаһдн (Инжин Л., О.к., 65). «Ты совершила много ошибок, но все же мы выбираем тебя секретарем бюро комсомола».

Союзные слова тер бийнь, тийгсн бийнь, тийгв чигн характеризуются строгой позиционной обусловленностью: они всегда открывают вторую часть.

СЛОЖНОСОЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ РАЗДЕЛИТЕЛЬНОГО ТИПА

Предложения разделительного противопоставления с союзами аль, аль... аль

В сложносочиненных предложениях с одиночными или повторяющимся союзом аль составные части находятся в отношении разделительного противопоставления с оттенком предположительности. По характеру высказывания предложения, соединяемые союзом аль, строго однотипны: они всегда вопросительны. Например:

Конторт юңгад герл уга болжәһмб, аль электростанц

көдлэжэхий? (Бадмин А., А.ш.д., 267). «Почему в конторе нет света, или не работает электростанция?».

Дөрвөн өөрдлэ дэ босххар харлч, аль Хар Булгин көвэд амрг-жирһл кехэр харлч? (Басңга Б., Б.о., 281). «Ты выехал воевать с четырьмя ойратами или выехал наслаждаться на берег Хар Булука?».

Особенность последнего предложения состоит в том, что, хотя субъект действия в обеих частях один и тот же, но грамматически он выражен в каждой из них через личное окончание. Такие предложения мы относим не к простым предложениям с однородными сказуемыми, а к сложным.

Союз *аль*, будучи одиночным, находится в начале второй части, а когда повторяется, то ставится в начале каждой части. И в том и в другом случае в структуре обеих частей наблюдается лексическая и грамматическая общность, выражающаяся в повторении одинаковых или близких по смыслу слов и в единстве временного плана:

Кесг зун жилин туршарт таниг зарад, дажрад йовсн эзн цаһан хаана эркн түшг хазг кергтэй, аль һазр-уситн һарттн атхулсн ондан келн-амтһлэ дүңцү бээх йос авч өгсн Совет кергтэй? (Бадмин А., Р.д., 72). «Нужны ли вам казаки, которые являются первой опорой белого царя, угнетавшего и притеснявшего вас на протяжении нескольких веков, или необходимы Советы, давшие вам в руки землю и обеспечившие равноправие с другими народами?».

Сложноподчиненные предложения с повторяющимся союзом *аль... аль* могут состоять либо из двух или трех простых предложений, либо из простого и сложного:

Тегэд эн һурвн машинд эмтн багтэж чадхм, аль хойрдад ирж авхар бээхм (Инжин Л., О.к., 38). «Так смогут ли вестись люди в эти три машины, или они приедут еще раз?».

Аль намаг бийичнь кун кевэр тежэж, хувилэж чадх уга гижээнч, аль ялчдан одв гих орчлңгин хорта келнэс ээжээнч (Басңга Б., Б.о., 182). «Или ты думаешь, что я не смогу содержать тебя по-человечески и одевать, или боишься злых языков, которые будут говорить, что вышла за своего батрака».

В сложносочиненных предложениях разделительного противопоставления с союзами *аль, аль... аль* вопросительная интонация частей характеризуется известной риторичностью. Этому способствуют частицы *-би -ви, -и, -ий*, которые полностью сливаются с формой сказуемого: *Аль намаг ю келхинь күләжэдг болхий, аль зөрц эмтнэ бээдл*

халахэр ирсн болхий? (Бадмин А., Р.д., 14). «То ли ждет он, что я скажу, то ли просто пришел посмотреть на настроение людей».

Различие между повторяющимся союзом *аль... аль* и одиночным *аль* заключается не в передаваемых ими значениях разделения и противопоставления, а в том, что первый из них, употребляясь перед каждой частью, выполняет еще и экспрессивную функцию.

Предложения разделительного взаимоисключения с союзами *эс*

гижэ... эс гижэ, эсклэ... эсклэ, эс гихлэ... эс гихлэ

Части сложносочиненных предложений, находясь в разделительных отношениях, могут выражать значение взаимоисключения и несовместимости одного события или явления с другим. Например:

Эс гижэ Жаңһр эн делкэ эзлх зөвтэ, эс гижэ би эн делкэ эзлх зөвтэв. Хойран негн (Басңга Б., Б.о., 71). «Или Джангар должен покорить этот мир, или я. Одно из двух».

Эс гижэ бидн цуһар ни-негн, эврәннь сансарн бээгхэх, эс гижэ бидн күүнэ мухлэст хувригхэх... (Басңга Б., Б.о., 109). «Либо мы все, как один, будем жить как хотим, либо мы сделаемся рабами других».

Эсклэ боднигин экар крестьян улсиг государств тетктхэ, эсклэ боднигин налоган уурултха (Инжин Л., О.к., 243). «Или государство пусть обеспечит крестьян семенами картофеля, или пусть снимает картофельный налог».

Предложения со значением разделительного взаимоисключения строятся всегда на базе повторяющихся союзов *эс гижэ... эс гижэ, эсклэ... эсклэ*. Их семантика и функции совпадают полностью. Однако в этимологическом плане некоторой специфичностью выделяется союз *эсклэ... Эсклэ* к форме условного деепричастия на *-хла, -хлэ (-клэ)* от архаического глагола *эсэ*. Союзы *эс гижэ... эс гихлэ, эс гихлэ...*, являясь сочетаниями частицы отрицания и соответствующих деепричастных форм речевого глагола *гих* по сфере употребления абсолютно одинаковы. Причем из перечисленных союзов наибольшей частностью обладает *эс гижэ ... эс гижэ*.

Конструктивной особенностью предложений является то, что сказуемые в них получают одинаковое лексическое выражение, а действия обеих частей направлены только в будущее. Например:

Эс гижэ тер чамаг диилх, эс гижэ чи түүг диилх зөвтэч (Басңга Б., Б.о., 216). «Либо он тебя победит, либо ты его должен победить».

Эс гижэ Босха гертэ-бүлтэһэн намд заргдх зөвтэ, эс гижэ би гертэ-

бүлтэһэн, тантаһан, дала ухата көвүн минь, Босхад заргдх зөвтөв (Баснга Б., Б.о., 206). «Или Босха со всем своим семейством должна работать на меня, или я со своей семьей и с вами, мой умник, должен прислуживать Босхе».

Повторяющиеся союзы *эс гижэ...* *эс гихлэ...* *эс гихлэ, эсклэ...* *эсклэ* почти всегда располагаются в начале каждой части. Но иногда первый член пары может следовать за словом, на которое падает логическое ударение. Это случается обычно тогда, когда обе части сложносочиненного предложения имеют одно общее подлежащее:

Тер эс гижэ дээнд алгдэж одсн болжсана, эс гижэ кел бэргдэж оджэ кевтэ (Куукан А., Н.т., 68). «Он либо погиб в бою, либо попал, вероятно, в плен».

Предложения альтернативной мотивации с одиночными союзами

эс гижэ, эс гихлэ, эсклэ

В сложносочиненных предложениях с одиночными союзами разделительные отношения между частями нередко бывают настолько ослабленными, что способны быть только фоном, на котором начинают вырисовываться отношения взаимообусловленности или детерминации.

Вторая часть, как мотивирующая, в предложениях с названными союзами содержит указание на возможные последствия неосуществления действия (события), обозначенного в первой части:

Хэрнь салькн ахрар татад зогсснь мини кишиг, эс гижэ эн хөд тарх билэ (Зүркни таалар, 188). «Мое счастье, что поднявшийся ветер быстро утих, а не то овцы разбежались бы».

Тээлхнчн эн үүдэн, эс гижэ хамхлчкхв (Баснга Б., Б.о., 197). «Открой же дверь, а не то сломаю».

Хойр харарн унсм сэн болв, эс гижэ хувцан кевтнь будх билэв (Балакан А., Э.м.о., 13). «Хорошо, что упал на обе руки, а не то запачкал бы одежду».

По структурно-семантическим признакам разделительные предложения альтернативной мотивации в какой-то мере близки к сложносочиненным предложениям с придаточным причинной мотивации, вводимым союзом *юңгад гихлэ*¹⁸. Доказывается это тем, что в отдельных случаях создается возможность замены союзов *эс гижэ, эс гихлэ, эсклэ* союзом *юңгад гихлэ*. Ср.:

¹⁸ О том, что некоторые союзы монгольского языка бывают синкретическими, т.е. четко не дифференцированными по сферам употребления, замечено Т.А. Бертагаевым [Бертагаев 1964:214].

1) *Бичкнэр ус цац, эс гижэ тоосн харх.* 2) *Бичкнэр ус цац, юңгад гихлэ тоосн харх.* «Брызгай воду понемногу, а не то (так как) может подняться пыль».

1) *Эн арат ирхлэнь идхмн, эс гихлэ тер маниг меклчкх.* 2) *Эн арат ирхлэнь идхмн, юңгад гихлэ тер маниг меклчкх.* «Когда эта лиса заявится, (мясо) съедим, а то (потому что) она может обмануть нас».

1) *Эн гергиг цокад алчкхм, эс гихлэ келн харч одх.* 2) *Эн гергиг цокад алчкхм, юңгад гихлэ келн харч одх.* «Эту женщину убьем, а не то (ибо, так как) может пойти молва».

Предложения разделительного перечисления с союзом *негт... негт*

В сложносочиненных предложениях с повторяющимся союзом *негт... негт* перечисляются последовательно сменяющие друг друга действия и явления:

Негт хальмг чигэнэ ишкнэ үнр харсн болна, негт хээлсн тосна үнр харсн болна (Эрнжэнэ К., Н.х.). «То кажется, что раздается кислый запах калмыцкого кумыса, то кажется, что пахнет топленным маслом».

Негт нарн харад, йоста кевэр дуларад одна, негт хару киштрэд одна (разг.). «То выглянет солнце и по-настоящему станет тепло, то снова похолодает». *Негт ил сээхн медгдсн болна, негт меднэв гид чирмэхэд бээсн бийнь төрүц юмн медгдэж өгхи* (Балакан А., Э.м.о., 182). «То кажется хорошо и ясно различимым, то, несмотря на старания и усилия, ничего не разберешь».

Предложения разделительного перечисления характеризуются, во-первых, тем, что в них глаголы-сказуемые употребляются преимущественно в форме настоящего времени и выражают значение длительного действия. Во-вторых, компоненты таких сложносочиненных предложений очень часто имеют одно общее подлежащее.

Союз *негт... негт* обычно повторяется перед каждой частью. Но нередко его первый член может стоять и в середине первой части. Общим структурным признаком предложений со значением разделительного перечисления (или чередования) является параллелизм в построении частей, выражающийся либо в повторениях сказуемых, либо в грамматической однотипности лексически разных сказуемых.

СОЮЗНЫЕ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложные предложения, объединяющие в своем составе, как минимум, два предложения, из которых одно (придаточное) синтаксически зависит и подчиняется другому (главное) и связывается с ним посредством союзов и союзных слов, называются сложноподчиненными.

Основная масса придаточных предложений в калмыцком языке соединяется с главным с помощью разнообразных форм речевого глагола *гих* «говорить, сказывать». Поэтому необходимо специально рассмотреть значение и функции этого дицендиального глагола, как в составе всевозможных словосочетаний, так и в системе сложных предложений.

Семантика и синтаксические функции глагола *гих*

Речевой или дицендиальный глагол *гих* играет исключительно важную роль в синтаксической системе монгольских языков. Причастные и деепричастные формы этого глагола благодаря своей полисемантической способности способны выступать не только в функции связи частей сложноподчиненных предложений, но и в качестве служебных слов, выполняющих иные функции.

Несоюзные функции глагола *гих*

I. Одна из основных функций различных форм глагола *гих*, включая причастные и деепричастные, – это выражение разнообразных модальных значений и оттенков при указании на какой-либо предмет, действие или признак. В таких случаях формы глагола *гих* употребляются:

1) в значении субъективно-оценочных частиц, передающих высшую меру проявления качества (признака): *хамгин яду гисн улс* «беднейшие, самые бедные из всех людей»; *тоомсрта гисн медатнр* «почтеннейшие старцы»; *кучр гисн дэн* «тяжелейшая война»; *ончта гисн темдг* «самый яркий, специфический признак»; *кецу гидг бээдл* «весьма трудное положение»; *эвртэ гидг залу* «здоровенный мужчина, верзила»; *ик гидг даалһвр* «очень большое и ответственное поручение»; *йоста гидг дээлдэн* «самая настоящая война», *кучтэ гидг дууч* «замечательный певец (букв. сильнейший)»;

2) в значении частицы, накладывающей определенные ограничения

на тот или иной предмет, явление или признак: *букл өрэл жилд гилта*¹⁹ «чуть ли не полгода», *букл сардан гилта* «чуть ли не целый месяц», *гер болһнд гилта* «чуть ли не в каждом доме»; *нөөрмү гилта* «чуть ли не сонный», *Әрәсә кевтән гишиң* «чуть ли не вся Россия»;

3) в значении частицы, передающей негативные эмоции (недовольство, неудовлетворенность, несогласие). При этом частица относится к глаголу, а все сочетание характеризуется вопросительной интонацией: *Сууна гидг юмб?* «Что значит сидеть? Зачем же сидеть?». *Йовхив гисн юмб?* «Что значит не пойду?». *Юн гисн үг келжәхмч?* «Что за слова говоришь?» или «К чему такие слова говоришь?»;

4) в значении частицы, выражающей оттенки иронии и некоторой фамильярности: *Авһин гих нерәдлһтә хашиң бор мөрн*. «Так называемый дядин ленивый Серко». *Хувцн гисн* - *халаста бүшмүд, киртсн бөс килг*. «Одежонка (его) - бишмет с заплатками да грязная бязевая рубашка»; *Школ гиж*²⁰ *һанихн өртә бичкн модн гер*. «Школа-то всего-навсего маленький деревянный домик в одну комнату»;

5) в значении утвердительной частицы, подчеркивающей объективность повествования: *Ууһнь Очр гиж отхнь Менк гиж бээл*. «Старший Очиром назывался, а младший Монкой». *Үзгл гиж нанд йирин уга билә*. «Букваря же у меня не было вовсе»;

6) в значении междометно-модального слова с оттенком удивления, иронического замечания: *Ямаран гихум*. «Скажите, какой (какая). *Нам гихум!* «Скажите, на милость!»;

7) в значении стилистически нейтральной частицы, вносящей некоторую долю уточнения, подтверждения: *Ээж Парнас гиснни Греций гидг орнд бээх уул болдмн* (Баснга Б., Б.о., 94). «Мама, так называемый Парнас, - это гора, находящаяся в Греции»;

8) в значении частицы, указывающей на лицо, в угоду которого совершается какое-либо действие: *Күүкндән гиж (гилһәд) авч ирсн альчур* «Платок, привезенный для дочери». *Бийдән гихәс биш йовиго биләв* «Если бы не ради себя, то не пошел бы»;

9) в значении частицы, выражающей в сочетании с глаголом полную неожиданность: *тиигн гихнь* «между тем оказалось (оказывается)».

II. Формы глагола *гих*, кроме функций модально-экспрессивных частиц, могут выполнять роль более специализированных частиц, ко-

¹⁹ Частица *г и л т а* одновременно сообщает высказыванию оттенок предположительности и неуверенности.

²⁰ *Гиж* выступает здесь и как показатель подлежащего.

торым присущи функции грамматических средств связи. Здесь формы *гих* употребляются:

1) в значении приименной частицы, которая связывает определяемое слово с его приложением: *Утнасн гидг өвгн* «старик Утнасун»; *«Төрскнэ дун» гидг газет* «Газета «Голос Родины»; *богшурһа гидг шовун* «птица воробей». В роли приименной частицы изредка выступают формы *гидһад* и *гисн*, которые употребляются с окраской некоторой фамильярности: *Занда гидһад нег күүкн күләһад бээдгэж гижгэлу* (Эрнжэнэ К., Н.х., 122). «Говорили, что ждет (его) одна девушка по имени Занда»; *Дүүрэн гисн көвүн* «мальчик Дурян»;

2) в значении обобщающей частицы при однородных членах - именах собственных:

Му-көвүнэ Аала, Нүүдлч, Коорч, Муутл гидһад Шунһрцахнд йовсн юмн билэ (Доржин Б., М.о., 50). «В Шунгарцуках проживали Мукебе-нов Ала, Нюделчи и Корчи.

Жаһр, Хан-Төлс, Чөөжэ Эрэгин тууж, Чикнэ хужр гидһад зая-пандит үзгэр бичэтэ үүдэврмүд бээдгэж (Эрнжэнэ К., Н.х., 39). «Оказывается, на заяпандитском письменном языке есть «Джангар», «Хан-Телбус», «История Чойджи Арага», «Услаждение слуха» и другие произведения»;

3) в значении частицы, являющейся собственно показателем подлежащего: *Бийнэ гихла улм чаһрад, ээм-далнь дардаһад, нурһ-турунь өсэд-өргэжэд иржэ* (Бембин Т., Түүмр). «Сам же он еще более окреп, раздался в плечах и заметно вырос»; *Мини гэмт болн хуврлт гисн эн цуг мана Хальмгин теегт болсн хуврлт болжсана* (Доржин Б., М.о., 3). «Изменения, которые произошли в моем аймаке, – это изменения, свершившиеся во всей нашей Калмыцкой степи»;

4) в значении частицы, указывающей на то, что высказываемая мысль (сообщение) принадлежит неопределенному лицу. В результате создается впечатление объективности повествования: *Бат юмн бат. Батин ээж уульдго гидг* (Х.ү.). «Что крепко, то крепко. Мать крепыша, говорят, не плачет».

Употребление частицы *гидг* в вышеуказанном значении очень характерно для фразеологических выражений, а также для пословиц и поговорок. Приведем примеры: *Хахсн дегер мах булана гидг* «Как говорят, отбирать мясо, когда поперхнулся»; *Шаврт унсн царин ээн күчтэ гидг* (Х.ү.). «Говорят, хозяин, увязшего в грязи быка, бывает силен».

Все перечисленные формы глагола *гих*, будучи в роли той или иной

частицы, могут быть легко устранимы из контекста, так как любая частица вносит в значение слова или словосочетания только добавочные оттенки. Опускание их не влечет за собой нарушения семантики того слова, к которому оно относится. Ср.: *Терүнд олна лавк гижэ харв* - *Терүнд олна лавк харв* (Доржин Б., М.о., 58). «Там открылась общественная лавка (магазин)». *Эрк-чаһр гижэ амндан авдго* - *Эрк-чаһр амндан авдго*. «Никаких спиртных напитков в рот не берет». *Бамба гидг өвгн* - *Бамба өвгн* «старик Бамба» и т.д.

III. Формы глагола *гих* употребляются в роли компонентов устойчивых выражений: лексических и синтаксических фразеологизмов.²¹ Деление это основано на том, что первые из них соотносительны со словом, а вторые лишены такой соотнесенности, но как и первые имеют типовую структурную схему. Примеры лексических фразеологизмов: *цэб гисн* (*кун*) «аккуратный; благоразумный (человек)»; *же гижэ, же гитлэн* «очень, сильно, здорово»; *эрэ гижэ* «кое-как, едва»; *укс гижэ* «быстро, спешно»; *бив гисн* «самонадеянный, эгоистичный».

Примеры синтаксических фразеологизмов: *чама (чамаг) гижэ (гидһад)*²² *санх* «Думать: «ну, подожди, задам тебе»; *Эн гих зэңг уга* «Нет вести, достойной интереса и внимания»; *тер гих керг* «дело, достойное внимания»; *Болв чама гижэ санад, дотран батлад орксн киху Утнаснд үлдэ* (Доржин Б., М.о., 15). «Выношенная втайне мысль о мести так и осталась в душе Утнасуна». *Эн эрм цаһан көдэд эн гижэ соньмсх зэңг берк, тер гижэ келх керг хатяр* (Доржин Б., М.о., 11). «В этой пустынной степи редки вести, заслуживающие интереса, редки дела, заслуживающие того, чтобы о них говорить».

IV. Формы глагола *гих* выполняют функцию изменяемого служебного слова при производных глаголах с наречным значением. Такие сочетания выражают неполноту значения быстро совершающегося действия: *өндс гих (гидһад, гитл, гихлэнь)* «приподняться»; *адһс гих (гижэ, гидһад)* «поспешно, расторопно что-л. делать»; *тольс гижэ (гих, гидһад, гисн)* «мелькнуть»; *түдс гих (гижэ, гидһад)* «неожиданно, внезапно приостановиться»; *жирд гих (гидһад, гисн, гижэ)* «пронестись, промчатся, пролететь, промелькнуть».

Формы *гихла, гихнь* в сочетании со слитным деепричастием передают значение неожиданно совершившегося действия: *хэлэн гихнь (гихла)*

²¹ Об этом смотри подробнее: Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 194-200.

²² Такие выражения Т.А. Бертагаев рассматривает как придаточные предложения нарушенной конструкции или придаточные фразеологического типа [Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 194-200].

«как только посмотрел, поглядел»; *ирн гихнь (гихлэ)* «как только пришел» и т.п.

Форма *гижэ*, сочетаясь со слитным деепричастием, передает значение длительности и постоянности обозначаемого действия: *йовн гижэ муурх* «устать от хождения», *күлэн гижэ цөкрх* «от долгого ожидания терять надежду».

Форма *гив* в комплексе со слитным деепричастием передает значение такого действия, которое чуть было не совершилось, например: *цокн гив* «чуть не избил; хотел избить», *уульн гив* «едва не заплакал; хотел заплакать». Подобные сочетания могут выражать и значение осуществленного действия, но не достигшего в своем развитии кульминационной точки: *али гив* «чуть (едва) не убил»; *үкн гив* «чуть (едва) не умер». Смысл двух последних примеров такой: «кто-то, избивая кого-то, чуть ли не убил» и «кто-то сильно болел или страдал чем-то и едва остался жив».

Во всех рассмотренных случаях формы глагола *гих*, являясь служебными изменяемыми словами, активно участвуют в формировании лексико-грамматического значения слов, к которым они относятся, а поэтому не могут быть опущены.

V. В собственно глагольном значении формы *гих*, будучи словами-предложениями, подчиняют по способу примыкания другое сказуемое, состав которого может быть расширен до полного предложения: *Ас-хндан гиичлэж иртн гина (гилэ, гив)* «Говорит, чтобы вечером приходили в гости». Примыкающее предложение может быть реализовано в виде прямой речи, что зависит от интонации. *Дун-шун угаһар эртн, - гинэв.* «Убирайтесь прочь без всяких слов, - говорю».

Структуры такого типа выступают как бессоюзные сложные предложения. Формы их в собственно глагольном значении принимают лично-предикативные частицы 1-го и 2-го лица обоих чисел, а также частицы вопроса.

Союзные функции глагола *гих*

Для форм глагола *гих*, выступающих в функции связующих средств (союзов и союзных слов) характерно то, что они, являясь показателями синтаксических отношений между частями сложноподчиненного предложения, составляют важнейший элемент его структуры. Поэтому опущение их невозможно. Для доказательства обратимся к сравнению

двух конструкций: *Шулгчир гисн жигтэл улс* (Сян-Белгин Х., ФВ, 9). «Поэты - удивительный народ» и *Бийиннь тускар эн өвгн эс болх үг Олдад келэд оркн болвзго гижэ санад, Андрей чочсн болад одв* (Инжин Л., О.к., 122). «Андрей даже вздрогнул при мысли, – не рассказал ли Ольде этот старик, что не следует о нем».

Первая конструкция представляет собой простое предложение, в котором форма *гисн*, выступая в функции частицы-показателя подлежащего, без всякого ущерба смыслу предложения может быть опущенной. Во второй же конструкции форма *гижэ*, устанавливает связь между компонентами сложного подчинительного предложения: придаточным и главным. Здесь уже *гижэ* выполняет функцию союза и потому ее нельзя опустить.

Дицендиальные связующие слова по своему составу бывают простыми одиночными и сложными аналитическими. К группе простых связующих слов относятся например, *гижэ, гих, гисн, гидэ, гихэд, гед, гихэр, гихлэ*, а к группе сложных – *гисн мет, гисн эдл, гисн чиңгэ; гихэ бээжэ, гихэ бээтл, гихэс биш, гихэс даву, гисн бийнь* и др.

К простым следует отнести и формы *гижэтл, гижэсн, гижэһэд*, которые образовались из сложных (аналитических): *гижэ бээтл, гижэ бээһэд* и *гижэ бээсн*.

По стилистическим особенностям дицендиальные связующие слова делятся на нейтральные и риторически-вопросительные. В число последних входят всего несколько форм, преимущественно сложных: *учр юмб гихлэ, учр юундв гихлэ, юмб гихнь, юн гихнь; яһад гихлэ, юңгад гихлэ*.

Учитывая, что дицендиальные связующие слова в сложноподчиненном предложении выполняют неодинаковую роль, их принято дифференцировать на союзы и союзные слова. В функции чистого союза формы *гих* полностью лишены лексического значения и, не являясь членами предложения, служат только для соединения частей сложноподчиненного предложения. Если же формы *гих* обнаруживают в контексте свое вещественное значение, то они, сохраняя функцию связующего средства, одновременно выступают и как члены предложения. В таком качестве они играют роль союзных слов.

Чтобы установить, является ли форма *гих* союзом или союзным словом, применяется метод постановки вопроса. Формы *гих*, будучи употребленными в роли союзных слов, а следовательно, членов предложения - допускают постановку вопроса непосредственно к ним. Когда же

формы *гих* функционируют как союзы, то они исключают эту возможность. Вопрос может быть поставлен только ко всему составу главного или придаточного, или же к сказуемому последнего. При этом нужно отметить объединяющий структурный признак союзов и союзных слов (за исключением риторических) – это обязательная принадлежность их к составу придаточного. Приведем пример: *Асхн шидр хаалһар йовжэ йовсн немшин хойр танк кукуруз дотр партизанмуд бээнэ гижэ медихэв* (Бадмин А., А.ш.д., 199). «Экипаж двух немецких танков, проходивших под вечер по дороге, догадался, что в кукурузе находятся партизаны».

В заключение отметим, что формы *гих* в роли союза до некоторой степени ведут себя безразлично к тому, какой вид придаточного они вводят²³. Так, например, форма *гижэ* может в одинаковой мере вводить субъектные, объектные, номинативные и даже уступительные придаточные; *гисн* – субъектные, атрибутивные, *гих* и *гидг* – субъектные и атрибутивные придаточные.

В отношении форм *гих*, употребляющихся в роли союзного слова, этого сказать нельзя: они не столь универсальны. Например, *гихэр* и *гижэх* встречаются только при атрибутивных, *гив чигн* (*гивчн*) – при уступительных придаточных и т. д.

Подчинительные союзы специального характера

Из других средств связи, кроме дицендиальных связующих слов, в калмыцком сложноподчиненном предложении довольно часто употребляются соотносительные или коррелятивные союзные слова, союзы-частицы, союзы-послелогии, а также ряд специфических союзов, которые функционируют исключительно в сфере подчинительных связей. Кратко остановимся на их характеристике.

К соотносительным словам, выполняющим роль союзных слов – членов предложения, относятся следующие основные пары: *кен...тер*, *кедү... тедү*, *кедү дүңгэ...*, *тедү дүңгэ...*, *ямаран кевэр ... тиим кевэр* (*тиим метэр*), *ямаран... тиим*, *альд* (*хама*)... *тенд*, *альдаран* (*хамаран*)... *тиигэн* и т. п.

Особенность употребления соотносительных союзных слов заключается в том, что первый компонент пары, будучи вопросительным местоимением, лишен интонации вопроса. Располагаясь в первой (под-

чиненной) части, он раскрывает смысл другого компонента – указательного местоимения в главном предложении. В семантическом и синтаксическом плане члены соотносительных пар несут обычно неодинаковую нагрузку. Первый из них является опорным, стержневым: его место фиксировано, он всегда начинает придаточную часть, и он не может быть опущен. Второй же член пары проявляет признак подвижности и часто (по нормам языка) опускается, т. к. подсказывается смыслом придаточной части. Ср.: *Кен дуулна, тер дуулг* и *Кен дуулна, дуулг*. «Кто желает петь, (тот) пусть поет».

Существенную черту некоторых коррелятивных союзных слов составляет их аналитичность: каждое местоимение сопровождается частицами типа *дүңгэ*, *чиңгэ* (*чигэ*), *мет* (*метэр*), *кевэр* и т. п.

В современном калмыцком языке имеется ряд частиц, способных выполнять союзную функцию в предложениях подчинительного типа. К таким частицам-союзам принадлежат: *чигн*, выступающая при глагольных формах, *бийнь* – при причастии на *-сн*; *кевтэ*, *мет*, *дүңгэ*, вводящие придаточные сравнения: *бол* – при сказуемом-отрицании *уга* в придаточных условиях. В отличие от обычных частиц, выражающих различные оттенки отношения субъекта к действительности, указанная группа частиц, сохраняя свои функции, может передавать и определенные логико-грамматические отношения между частями сложноподчиненных предложений: условность, уступительность, уподобительность.

В роли союзов употребляются и послелогии, которые чаще выступают в определенных падежных формах, например, в дательном, исходном: *төлэд*, *деерэс*. Послелогии участвуют в союзных сочетаниях, которые встречаются как в сочинительных, так и подчинительных предложениях. Таковы, например, союзные сочетания *учр деерэс*, *учр им болсн хөөн*, *тер төлэд*, *гисн хөөн* и т. п.

Часть подчинительных союзов носит специфический, обособленный характер. К ним в первую очередь относятся риторически-вопросительные союзы *учр юмб гихлэ*, *учр юундв*, *учр юмб*; причинные союзы *юңгад гихлэ*, *яһад гихлэ*. Специфика последних состоит в том, что они, в противоположность другим союзам подчинения, располагаются во второй части сложноподчиненного предложения. Риторические союзы, связывая обе части, остаются как бы в нейтральном положении: они не примыкают тесно ни к первой, ни ко второй части.

К подчинительным союзам относятся: 1) простые – *учрар*, *уригар*; *кемр*, *кемржэн*; 2) сложные расчлененные союзы *кемр ... чигн*, *кедү ...*

²³ Кроме рассмотренных функций, формы *г и х* выполняют и роль вводящих слов при прямой речи. Об этом см. в разделе «Прямая речь».

чигн, кеду ... бийнь, кемр ... цагт; 3) составные дистантные союзы кеду дүңгэ ... тер бийнь.

Отличие составных дистантных союзов от сложных расчлененных состоит в том, что первые по характеру расположения смыкаются с соотносительными союзными словами, т. е. первый компонент находится в придаточной части, а второй – в главной. Сложные расчлененные союзы как бы обрамляют придаточное предложение: их первый компонент открывает его, а второй замыкает.

Более подробный анализ союзных средств связи будет дан в ходе описания типов придаточных предложений. Поэтому ограничимся вышеизложенным.

Некоторые особенности размещения придаточных предложений

Известно, что в построении сложных предложений порядок следования частей, их расположение играют конструктивную роль. Так, например, в монгольских языках, в частности в калмыцком, сложноподчиненные предложения строятся обычно по принципу «определение – определяемое». Иначе говоря, придаточная часть, раскрывая и поясняя содержание главного предложения, предшествует ему. Однако это условие соблюдается не всегда и не во всех типах придаточных. Строго постпозитивными являются придаточные с риторическими союзами причины *юңгад гихлэ, яһад гихлэ*. Попытка изменения и перестановки их влечет полное нарушение структуры всего предложения в целом. Например:

Эн фразин утхинь зарм умиачнр бичэчин санснас талданар чигн тэглэд бээхм, яһад гихлэ (юңгад гихлэ) бичэч энүнд үгин нээрүллһ кинэн угаһар бичжэ (Корсункин Ц., ФВ, 10). «Смысл этой фразы читатели могут понять иначе, чем писатель, потому что автор здесь поступил стилистически небрежно».

Наблюдения над особенностями размещения придаточных и главных в составе сложноподчиненных предложений позволяют сказать, что в калмыцком языке в зависимости от контекстуальных условий порядок их следования может меняться. Причем для придаточных наиболее характерны препозиция и интерпозиция.

В отношении же сложноподчиненных предложений с соотносительными союзными словами, куда входят пространственные, отождествительные, а также часть субъектных, объектных и атрибутивных

придаточных предложений, необходимо указать, что они в силу специфики коррелятов всегда препозитивны.

ТИПЫ ПРИДАТОЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

При разграничении придаточных предложений принимаются во внимание следующие особенности сложноподчиненных предложений:

- 1) характер смысловых отношений между частями – главным и придаточным;
- 2) характер связующих элементов;
- 3) характер структуры и грамматическое оформление частей;
- 4) функция придаточного.

Дифференцированное применение этих признаков дает возможность выделить в современном калмыцком языке тринадцать типов придаточных предложений: 1) субъектные; 2) объектные; 3) атрибутивные; 4) причинные; 5) целевые; 6) условные; 7) уступительные; 8) сравнительные; 9), отождествительные; 10) квалификативные; 11) пространственные; 12) изъяснительные; 13) временные.

Ниже предлагается обзор каждого из названных типов, раскрываются специфические черты их структуры, особенности лексического и грамматического порядка, характер формальных показателей связи и т. д.

Придаточные субъектные

Придаточными субъектными называются такие предложения, которые или раскрывают и разъясняют содержание подлежащего главного предложения, выраженного указательным местоимением, или сами выполняют функцию подлежащего при сказуемом главного предложения. К таким придаточным возможна постановка двух вопросов: *кен?* «кто?» и *юн?* «что?», которые разграничивают понятия одушевленности (неодушевленности) предмета в широком смысле слова.

По формальным средствам подчинения главному придаточные субъектные делятся на две группы или разновидности. К первой группе относятся придаточные с коррелятивной связью или соотносительными союзными словами: *кен... тер, кен... тернь, кенэ... тер, алькнь... тер*.

Вторую группу составляют придаточные, средством подчинения которых являются отдельные формы речевого глагола *гих*, а именно: *гижэ, гисн, гиснь, гидгнь, гидг, гих*.

В придаточных предложениях первой группы компоненты соотносительных пар несут вполне конкретные синтаксические функции. Так, союзное слово *тер*, являющееся субстантивированным указательным местоимением, всегда выступает подлежащим главного предложения. А соотносительное с ним вопросительное местоимение *кен* в зависимости от падежной формы может выполнять не только функцию подлежащего в составе придаточного, но и функцию какого-нибудь другого члена, например, определения (см. отношение *кенә... тер*). Как видно из примеров, в роли соотносительного слова может быть употреблена и субстантивированная форма определительного местоимения *алькнь* «который из них». Функция его также изменчива, подвижна и зависит, как и предыдущие пары от практически возможных соотношений. В калмыцком языке, кроме исходной коррелятивной пары *кен ... тер*, *алькнь ... тер*, допустимы и такие комбинации: *кениг ... тер*, *кенә ... тер*; *алькинъ ... тер*; помимо этого исходная пара может иметь при себе аффиксы личного притяжания 1-го и 2-го лица множественного числа: *кемдн ... термдн*, *кентн ... тертн*, *альктн ... тертн*.

Однако из всех существующих и теоретически возможных комбинаций этих пар наиболее широкое употребление получило соотношение *кен ... тер*, *кен ... тернь*. Обратимся к примерам:

Тегэд кен түрүлж зар тархана, тернь хуц хэрүлх зөв авдг бээсмн (Доржин Б., М.о., 34). «Кто объявлял первым, тот и получал право пасти баранов».

Кенә селвг сэн болна, тер кун диилвр бэржэнә (Бембин Т., Б.ц., 187). «Чей совет окажется лучшим, тот и одержит победу».

Кен марһа шүүнә, тер эзн болад, хан болад бэг (Х. т.). «Кто выигрывает спор, тот пусть станет владыкой, ханом».

Һурв марһа кен шүүнә, тер күүким авхмн. (Х. т.). «Кто трижды выигрывает состязания, тот получит мою дочь».

Бидн урлда тэвий. Алькнь һарна, тернь чини болх (Х. т.). «Давай состязаться на лошадях. Которая из них придет первой, та и будет твоей».

Во всех перечисленных примерах придаточная часть с вопросительным местоимением *кен* служит целям пояснения и раскрытия подлежащего главной части – местоимения *тер*. Другая особенность субъектных придаточных, включая и главное предложение, состоит в характере оформления их сказуемых. Во-первых, глаголы-сказуемые в обеих частях обозначают чаще всего действия, долженствующие совер-

шиться в будущем в строгой последовательности. Сказуемое придаточных в своем выражении никогда не выходит за пределы форм изъявительного наклонения, тогда как в главном оно может стоять и в форме повелительно-желательного наклонения.

Сказуемое придаточного предложения может выражаться именной частью речи. В таких случаях оно наращивается предикативно-выделительной частицей *-нь*.

Продуктивность предложений, придаточная часть которых присоединяется с помощью соотносительных союзных слов к главному, невелика. Однако они получают все большее распространение и в живой разговорной речи, и в языке художественных произведений²⁴.

В сравнении с только что рассмотренной группой, придаточные субъектные, присоединяемые к главному подчинительными союзами и союзными словами дигендиального происхождения, встречаются несколько чаще и более разнообразны по средствам связи. Как уже упоминалось, в их роли употребляется часть форм глагола *гих*. Функциональная специфика придаточных субъектных этой группы заключается в том, что они заменяют отсутствующее в главной части подлежащее. Будучи бесподлежащими главные предложения выступают как односоставные – безличные или обобщенно-личные.

Примеры:

Эн нүцкн һазрт партизанмуд бэрнә гисн юн күнд болхви (Бембин Т., Б.ц., 165). «Поймать партизан на этой голой (открытой) местности не составит особого труда».

Куүкән дүүжлжэсн Янхл эн мөн билә гижэ иткэж санхд кецу (Доржин Б., Ч.х., 37). «Трудно подумать и поверить, что эта и есть та самая Янхал, которая пыталась повесить свою дочь».

Зун машин тосхлтин материалта салан цаад амнд ачлһтаһан бээнә гидг бас хату уүлтә юмн (Балакан А., Э.м.о., 234). «Досадная вещь, что по ту сторону оврага вынуждены стоять сто машин с грузом строительных материалов».

Эңкр һазрин сәәхртд чини чигн нилч бээнә гисн седклд ямаран таалта, ямаран байрта болх (Инжин Л., О.к., 61). «Как приятно и радостно сознавать, что в процветании родной земли есть и твоя заслуга».

²⁴ О том, что конструкции с соотносительными словами не чужды монгольским языкам, в том числе и калмыцкому, свидетельствует тот факт, что они довольно часто встречаются в фольклорных текстах, отражающих нормы живой речи монголоязычных народов.

Хоңһриг тиим бээдлтэ болваза гих төруц санандм уга билэ (Баснга Б., Б.о., 66). «Совершенно не было в мыслях, что Хонгор примет такой вид».

Из примеров видно, что сказуемые главной части сложных предложений данного типа передаются глаголами, обозначающими чувственное восприятие, модально-предикативными наречиями, глаголами с общим значением выявления и обнаружения, например:

Иигэд ода йовжэ-йовжэ эрм цаһан теегт арслнд идүләд үкнэ гидгнь эн бээжл (Х. т.). «Вот так идя-брёдя по дикой безлюдной пустыне, оказывается, можно быть съеденным львом».

Шораһас нигт цегтэ гиснь үнн бээжл (Баснга Б., Б.о., 51). «Оказалось и вправду, что у них несметное войско».

Таким образом, условие возникновения и существования придаточных субъектных – это или неконкретность подлежащего главного предложения, или его грамматическое отсутствие. Место придаточных субъектных в составе сложноподчиненных предложений всегда строго обусловлено: придаточное субъектное стоит в препозиции к главному независимо от того, какими средствами оно присоединяется.

Придаточные атрибутивные

Придаточными атрибутивными называются такие предложения, постоянная функция которых – быть развернутым определением к какому-нибудь члену главного предложения (подлежащего, дополнения, реже обстоятельства), выраженного существительным или местоимением.

Придаточные атрибутивные допускают постановку вопросов *ямаран?* (ямп?) и *яһси?*

Как зависимая, поясняющая часть, придаточные атрибутивные соединяются с главным посредством таких союзов как *гисн, гих, гидг* и в очень редких случаях с помощью союзных слов *гихэр* и *гижэх*. Из всех связующих слов самым частотным и употребительным является союз *гисн*, за ним следует *гих*. Так например, из 30 атрибутивных придаточных предложений, выявленных нами в ходе отбора материала, 16 употреблены с союзом *гисн*, 10 – с *гих*, по одному случаю с союзными словами *гихэр*, *гижэх* и *гидг*. Необходимо отметить некоторую специфику употребления связующих слов *гижэх* и *гихэр*. Первое из них обязательно относится к члену главного предложения, выраженного именем существительным в форме двойного падежа: совместного на *-та, -тэ* и

орудного на *-һар, -һэр*. Союзное слово *гихэр* требует еще и включения причастной формы на *-х*. Подтвердим это примерами:

Делвржэх халун седклэн, үлүджэх чидлэн хамаран кехмби гижэх дүртәһэр буудкин өөгүр эн (Дольган) гүүжэхэд, нег ормдан зогсад, гимнастикин олин зүсн номермуд кезжэнэ (Инжин Л., О.к., 188). «С видом, выражающим, куда деваться от разбушевавшихся чувств, куда устремить свои лишние силы, Дольган, побегав вокруг будки, остановилась и приступила к выполнению разных гимнастических номеров»;

Мууха дашката бээдлтэ күүкн бээсмб энчнь гихэр седжэх дүртәһэр Церн энүг бас нег хэлэчкэд инэж зогсв (Инжин Л., О.к., 153). «Церн с видом, говорившим о желании сказать: «Ишь, какая боевитая девушка», – глянул еще раз на нее и, остановившись, рассмеялся».

Вообще можно выделить ряд существительных, которые, вступая в тесную связь с формами *гисн, гих* и упомянутыми выше – *гихэр, гижэх, гидг*, непременно сопровождаются аффиксами совместно-орудного падежа. Такими являются: *бээдлтәһэр* «с видом, с выражением»; *докъятаһар* «с сигналом, с знаком»; *дүртәһэр* «с видом, с образом», *өңгтәһэр* «с видом, с обликом», *янзтаһар* «с подобием, с формой» и т. д. Значения таких слов очень ослаблены, вследствие чего у них намечается тенденция к превращению в компонент союза, а это способствует усилению взаимозависимости придаточного и главного предложения:

Цуһар дахтн, көндртн гисн докъятаһар нег һарарн хурулчкэд, эн күүкн бийнь көндрэд һарв (Инжин Л., О.к., 149). «Дав знать взмахом одной руки: «Все следуйте за мной», – она сама двинулась вперед».

Цааранднь чигн келтн гисн бээдлтәһэр шилтэж хэлэжэсн комсорг бас нег саналдв (Инжин Л., О.к., 69). «Комсорг, уставившись внимательным взглядом (на неё) и делая вид: «можете говорить и дальше», – еще раз тяжело вздохнул».

Придаточные атрибутивные, относящиеся к члену главного предложения, выраженному существительным в форме совместно-орудного падежа, тяготеют к обстоятельственному типу предложений и отвечают главным образом на вопрос *яһси* «какой?».

Основную, характерную черту придаточных атрибутивных, присоединяемых к главному союзами *гисн, гих, гидг*, составляет то, что они определяют и раскрывают внутреннее содержание того члена главного предложения, которому непосредственно они подчиняются. Обычно поясняемый член главной части бывает выражен словом с отвлечен-

ным значением типа *седкл*, *ухан*, *тоолвр* «мысль, дума, мнение»; *төр* «вопрос, проблема»; *шиидвр* «решение», *заавр* «указание», *зэңг* «слух, молва» и т. д.

Примеры атрибутивных придаточных предложений с дицендиальными союзами

гидг: *Уүрмүд, нег эжилд хойр давтэж хө хурһуллһн цааранднь делгерж чадхий гидг төр эн хургт тэвхмн* (Бадмин А., У.э.б., 296). «Товарищи, на этом собрании поставим вопрос о том, может ли получить дальнейшее распространение двухразовый окот овцематок в течение года».

гисн: *Машин хажуһар давад һархнь сән болх билэһн гисн седкл күүкнә толһад торс орв* (Инжин Л., О.к., 172). «Хорошо бы, если машина промчалась мимо», – мелькнуло в голове девушки». *Тер хургтан школын сурһульчһриг цугтнь эн керг күүцәлһнд дуудхмн гисн шиидвр авх кергтә* (Инжин Л., О.к., 69). «На том собрании надо принять решение о том, чтобы призвать всех учащихся школы включиться в дело выполнения этой задачи». *Шин ирсн һазр ямаран болна, әмтн яһжә тосна гисн тоолвр терүг эзлнә* (Бадмин А., А.ш.д., 132). «Его занимала мысль о том, какой окажется новая земля и как встретят его люди».

гих: *Яһжә тег бүрксн малмуд өсксә гих ховдг үхан орад, чеежнь ууһрад, өрчнь севркәдән хавчгадад дотаран орад одв* (Эрнжәнә К., Н.х., 26). «При алчной мысли о том, как бы вырастить столько скота, чтобы покрыть всю степь, на душе стало тяжело, грудь его сжалась».

Хан күүкән өгчәдиж гих зәңг соңсад, хаанад күүкнә марһанд ирләв (Х. т.). «Услышав, что хан выдает замуж свою дочь, я прибыл к хану на состязания в честь его дочери».

Та учринь суртн гих нүдәр аав талан хәләчкәд, Цаһан һулмтан шиләһәд, һал зерглв (Эрнжәнә К., Н.х., 81). «Цаган, посмотрев в сторону отца, дала взглядом намек: «Спросите причину (его приезда)», – и начала растапливать печку».

Часть атрибутивных придаточных предложений функционирует с соотносительными союзными словами: *ямаран... тер*, *ямаран... тедн*, *ямр... тер*, *ямаран ... тиим*. Союзное слово *ямаран* (*ямр*) всегда выступает в неизменной форме и выполняет, за редким исключением, функцию определения в придаточном, а соотносительные слова *тер*, *тедн*, *тиим*, употребляясь в главном предложении, в своих исходных формах перед именем существительным выступают в роли определения. Во

всех остальных случаях, будучи в косвенных падежах, они играют роль дополнений. Приведем примеры:

Ямаран беш кергтә гинәч, тиим беш тәвәдл бәәхгов (Эрнжәнә К., Т.ш., 97). «Какую печь закажешь, такую печь и поставлю».

Би, Нүүдлә, чамд дурна тускар келдә ямр үгмүд бәәнә, тер үгмүдиг цуһараһинь авад нег киһһәр келжә өгх биләв (Куукан А., Н.т., 80). «Я, Нюдля, готов тебе одним разом высказать все те слова, которые говорят о любви».

Нанд ямаран улс өгнә, тедниг авх болжәнав (Балакан А., Э.м.о., 39). «Каких людей мне дадут, тех и буду брать».

Когда соотносительные союзные слова в придаточном и главном стоят в исходных формах, а, следовательно, выполняют чисто определительные функции, – постановка вопроса *ямаран?* или *ямр?* не встречает никаких препятствий со стороны главного. Если же второй компонент коррелятивной пары выполняет функцию не определения, а, например, дополнения, то постановка вопроса *ямаран?*, *ямр?*, на первый взгляд, кажется невозможной, ибо автоматически возникает вопрос, воспроизводящий форму соответствующего косвенного дополнения. Ср.: *Ямаран күүнлә эдн үүрлхәнә, тиим заң-бәәр дасихана* (Очра У., Синтаксис). «С какими людьми они дружат, такие привычки перенимают».

Придаточные объектные

Придаточные предложения, которые зависят и поясняют член главного предложения, выраженный переходной формой глагола, и отвечают на вопросы *ю гижж?* *юн гижж?* *ю гихәд?* *юн гихәд?* и *юуна тускар?* – называются объектными.

При кажущейся одинаковости и безразличии вопросы *ю гижж?* // *юн гижж?* и *ю гихәд?* // *юн гихәд?* выступают как грамматически дифференцированные. Вопросы *ю гижж?* и *ю гихәд?* подчеркивают, что придаточное имеет значение сильно выраженной объектности, а вопросы *юн гижж?* и *юн гихәд?* указывают на слабо выраженную объектность придаточного. Именно в таких случаях и возникают в них оттенки других типов придаточных, например, обстоятельственных и даже субъектных.

Средствами соединения придаточных объектных с главными являются как дицендиальные союзы и союзные слова, так и соотносительно-местоименные союзные слова, которые очень характерны для данного типа предложения.

Из форм речевого глагола *гих* активностью отличается *гижэ*, гораздо реже употребляются формы *гисиг*, *болжэ*, *гигэд* и крайне редко – *гижэ*, *гед*. Союз *гед*, показательный для разговорно-диалектной речи, представляет собой фонетически стяженную форму союза *гигэд*. Семантических различий между ними не наблюдается.

Поясняемый член главного предложения (сказуемое, обстоятельство), будучи выражен каким-либо переходным глаголом, всегда обозначает процесс, связанный с определенным видом деятельности человека – речевой, зрительно-слуховой и чувственно-мыслительной. Такими словами являются: *келх* «говорить»; *зэңгх* «сообщать»; *медх* «знать, ведать»; *соңсх* «слушать, слышать»; *санх* «думать»; *тоолх* «полагать, считать, думать».

Примеры:

Күүкд йир сэн, теднэ көдлмишь чигн йир сэн гижэ Антон Семеновичд келсвдн (Инжин Л., О.к., 202). «Мы Антону Семеновичу скажем, что ребята очень хорошие и что работа их также хорошая».

Негхн одрин туршарт иим ик байр учрх гижэ кезэ Адуч санси болхэ (Бадмин А., А.ш.д., 312). «Думал ли когда Адучи, что в один день придется испытать столько радости».

Эн хойр сэн залустн ханзхан улалһсн аашна гижэ ааш-шанһ тэвжэ йовси Цаган зэңглэ (Эрнжэнэ К., Т.ш., 226). «Эти два добрых молодца едут с добычей», – заметила убиравшая посуду Цаган».

Кулакудиг класс болдг үндсинь таслхми гисиг юн гижэ медхмб? (Доржин Б., Ч.х., 137). «Как понимать (выражение)? «уничтожить кулаков как класс».

Член главного предложения (обычно сказуемое), поясняемый придаточным объектным, может выражаться устойчивым фразеологическим сочетанием:

Намаг энд орс ик балһснд йовна гижэ санаһан бичэ зовтн (Эрнжэнэ К., Н.х., 146). «Не беспокойтесь, что я нахожусь здесь, в далеком русском городе».

Ах-дү бэрлджэ гигэд зэңг харна (Бадмин А., А.ш.д., 88). «Ходят слухи, что братья подрались».

Совершенно особого упоминания заслуживают случаи постпозиции придаточных объектных. Это наблюдается в сложных предложениях, придаточные которых соединяются только союзами *гижэ* и *гигэд* (*гед*). По нашим подсчетам и наблюдениям, из 19 придаточных объектных с *гижэ* 6 предложений оказались постпозитивными.

Придаточные объектные с дицеднальными союзами и союзными словами

гижэ: Маниг Хар Булг тал өвс зөөжэнэ гижэ ээжд бичэ келтн (Балакан А., А.б.з., 93). «Не говорите матери о том, что мы возим сено в Хара Булук».

Баги босв гилч, уга гилч гижэ санжсаһад, Зунгру барун хариннь хумха хурһна үйэр таң-таң гилгэд цокв (Эрнжэнэ К., Н.х., 50). «Зунгру подумав: «Встал или нет баги», – постучал в дверь указательным пальцем правой руки».

гисиг: Үүнэ бийнь, дэн өөрджэ йовна гисиг соңсчкэд, шуд оңдаржэ одв (Эрнжэнэ К., Т.ш., 110). «Даже он, прослышав о приближении войны, резко изменился».

гед: Мөңгн күклтэ күүкн, алтн чеежтэ, алтн күклтэ көвүн харв гед келчкэд, залу өврэн уудлад, цаас харһад өгв (Х. т.). «Сказав, что родилась девочка с серебряной челкой, родился мальчик с золотой грудью и золотым чубом, – мужчина вытащил из-за пазухи бумагу и подал ее».

гилджэ: Удл уга хөөнэ хурһлһн эклхми гилджэ хөөчир сахньжэ бээцхэлэ (Балакан А., А.б.з., 16). «Чабаны проявляли суетливое беспокойство в ожидании, что скоро начнется окот овец».

Придаточные объектные, присоединяемые к главному предложению с помощью соотносительных союзных слов, широко употребляются как в разговорном языке, так и в книжном. Основные соотношения связующих средств этого типа таковы: *кен ... терунэ* (*терунд*, *тууг*, *терүгэн*, *терунэс*), *юн ... цугинь*, *ю... терүг* (*терүгинь*, *терүнас*, *терүгэр*). Примеры:

Кен юнд эңкр болна, тер түүгэн сэгнэр меддг мөн (Инжин Л., О.к., 260). «Кто что любит, то и хорошо знает».

Кен марһа шүүдг болна, терунд күүкэн өгх зөвтэ (Х. т.). «Кто выигрывает в состязании, тому и отдаст хан свою дочь».

Бадм, Сожэ ю кенэ, терүг дахдг күн (Балакан А., Э.м.о., 45). «Что делает Содж, то повторяет (тому следует) Бадма».

Эмтн ю кецхэнэ, терүг Эрнцн Сожэ хойр кецхэдг болв (Балакан А., Э.м.о., 216). «Что делали люди, то стали делать Эренцен и Содж».

Колхозд юн кергтэ болна, цугинь кеһэд, үнн седклэри көдлнэв (Доржин Б., Ч.х., 201). «Что нужно колхозу, – все буду делать, работая от чистого сердца».

Бригадир ю ухална, терунэс хэрү цухрхи (Балакан А., 3.м.о., 42). «Бригадир что задумает, от того не отступает».

Очень часто второй элемент соотносительной пары - союзное указательное слово опускается. В таких случаях его позицию занимает соответствующая форма того слова, которое выступает в роли сказуемого придаточной части. Ср.: *Данзи, Бадм ю кенэ, түүгинь (теругинь) дахад кедг* (Басца Б., Б.о., 514). и *Данзи, Бадм ю кенэ, кесинь дахад кедг*. «Что делает Бадма, то, обычно, делает и Данзан».

Особенность построения такого типа сложноподчиненных предложений составляет то, что подлежащее главного предложения может располагаться дистантно, предшествуя придаточному, в частности, его подлежащему. В результате такого перемещения придаточная часть оказывается внутри состава главного предложения, т. е. в интерпозиции.

В оформлении сказуемого придаточного предложения наблюдается известное ограничение: оно выражается главным образом формой настоящего времени.

Придаточные причинные

Предложения, в которых содержится указание на причину или логическое обоснование того, о чем сообщается в главном, называются придаточными причинными. Отвечают они на вопросы *юңгад? яһад? юн учрар? юн учр деерэс?*

Богатство и разнообразие причинных связей, наблюдаемых в калмыцком языке, выражается в наличии серии специальных причинных союзов. К ним относятся: *юңгад гихлә, яһад гихлә, учрар, уршгар, учр деерэс, деерэс, төләд (төлэдэн, төләднь)*.

Кроме этой группы союзов, в роли причинных средств связи могут выступать отдельные формы глагола *гих*: *гихэд, гилдэд, гиснд*. Однако значение причинности носит у них слабо дифференцированный характер. О соотношении частотности употребления того или иного причинного союза можно судить из следующих данных. Так, из 32 придаточных предложений случаев употребления с союзом *юңгад гихлә* – 7, *яһад гихлә* – 3, *учрар* – 7, *уршгар* – 1, *төлэд* – 3, *деерэс* – 3; с союзным словом *гихэд (гигэд)* – 4, *гилдэд* – 3, *гиснд* – 1. Таким образом, по активности употребления выделяются союзы логического обоснования *юңгад гихлә, яһад гихлә* и собственно причинный союз *учрар*.

В зависимости от того, замыкают или открывают придаточную

часть причинные союзы делятся на: 1) допускающие препозицию вводимой ими части и 2) не допускающие такой препозиции. К первым относятся все окказиональные союзы (т. е. формы *гих*) и абсолютное большинство специальных причинных союзов, а именно: *гихэд, гилдэд, гиснд; учрар, уршгар, төләд; деерэс*. К союзам второго разряда, не допускающим препозиции придаточной части, относятся союзы логического обоснования *юңгад гихлә* и *яһад гихлә*.

В сложных предложениях, придаточная часть которых вводится союзами *юңгад гихлә* и *яһад гихлә*, причинные отношения приобретают особый характер. В них содержание придаточной части всегда служит мотивацией и обоснованием того действия или явления, о котором говорится в главном.

Примеры:

Экнрт дэн керг уга мөн, юңгад гихлә тедн кезэд болв чигн дээнэс келтэ үрдүдэрн шорда юмн (Басца Б., Б.о., 99). «Матерям война не нужна, потому что они всегда расплачиваются за нее детьми».

Мария Улюмджиевна эн сурһульчнриг цуһараһинь негн күртл меднэ, яһад гихлә эдниг 5-гч класст сурчатл эн школд иржэ директор орла (Зүркни таалар, 192). «Всех этих учеников Мария Улюмджиевна знает хорошо, потому что она стала работать директором школы, когда все они учились только в 5-м классе».

Пүрвэ терүглэ зөвшэрсн уга, юңгад гихлә олн гериг нег һазр босхдг чидл уга (Балакан А., Э.м.о., 29). «Пюрвя с ним не согласился, потому что возводить разом несколько зданий не было сил и возможности».

Бас невчк йовчкад, хойрдад хэрү эргэж хэлэсинь би йлһэж үзэж чадсн угав, яһад гихлә минн хойр нүдиг дүүргэд нульмсн һарч ирсн цаг билэ (Доржин Б., М.о., 42). «Как он, пройдя немного вперед, оглянулся еще раз, я не разглядел, потому что в это самое время слезы застелили мои глаза».

Бетона көдлми хооран сааж болшго, юңгад гихлә халуни цаг олзлх кергтэ (Балакан А., Э.м.о., 229). «Бетонные работы нельзя приостанавливать, потому что надо воспользоваться жаркой погодой».

Придаточные предложения с союзами *юңгад гихлә* и *яһад гихлә* склонны к полному разрыву с главной частью и приобретению таким образом прав самостоятельного предложения. Это явление имеет место в тех случаях, когда смещается интонационная пауза и резко увеличивается время ее выдержки. Так, например, в предложении *Көвүд цуһар инәлдв, юңгад гихлә энүнә келснь зү уга үг болжэ эднд медгдв* (Инжин Л.,

О.к., 73). «Ребята все рассмеялись, потому что его рассуждения оказались им нелепыми» - главная часть завершается едва заметной паузой, зато после риторического союза *юңгад гихлэ* следует кульминационная, выжидательная пауза, которая и открывает придаточную часть. Таким образом, здесь налицо интонационный рисунок сложного предложения.

Если же в рассматриваемом предложении после главной части перед союзом выдерживается длительная пауза, то тем самым изменяется общая структура предложения: союз полностью отрывается от главного, а придаточная часть, утратив прямую зависимость от нее, получает статус самостоятельной единицы. И тогда приведенное выше сложное предложение будет иметь такой вид: *Көвүд цуһар инэлдв. Юңгад гихлэ энүнэ келснь зү уга болж эднд медгдв.*

Указанные союзы в силу своей риторичности употребляются преимущественно в публицистическом, научном и художественно-беллетристическом стилях. В разговорной речи они используются с определенной стилистической целью.

Союзы *учрар*, *уршгар* и *учр деерэс* имеют ту специфическую особенность, что они, будучи лексемами, сохраняющими некоторую связь со своим вещественным значением, выступают в чисто служебной функции – для передачи причинных связей внутри сложноподчиненного предложения.

Придаточные предложения с союзами *учрар*, *уршгар* и *учр деерэс* характеризуются тем, что сказуемые в них, почти без исключения, выражаются формами прошедшего причастия на *-сн* и несколько реже передаются формами будущего причастия на *-х* и существительными в совместном падеже со значением обладания. Примеры:

Кесг жылэс нааран болад уга һаң өңгрсн зун болсн учрар. «Победа» колхоз малдан күрх күмс белдэж чадсн уга (Бадман А., А.ш.д., 5). «Так как прошлым летом случилась небывалая за многие годы засуха, то колхоз «Победа» не сумел подготовить достаточного количества кормов для скота».

Эн жыл һаң болсн уршгар, мана тарэнэ урһц ниднэкэр холд баһ болснь тадна кесгнь медихэнэт (Бадман А., А.ш.д., 274). «Так как в этом году была засуха, то многие из вас хорошо знают, что наш урожай нынешнего года намного меньше прошлогоднего».

Эцкнь, наснь ирад бээсн учрар, көвүһән кү кехэр седнэ (Балакан А., Э.м.о., 45). «Отец, ввиду приближения старости, думает женить сына».

Сумр уул теңгрин кишн деер бээх учрар, кен чигн күн Алтн һасар үзгән чиклдмн (Балакан А., А.б.з., 18). «Так как гора Сумэр расположена на самой вершине небесного купола, то всякий ориентируется по созвездию «Полярная звезда».

Союзы *деерэс*, *толэд* (*толэднь*, *толэдән*) вводят придаточные причинные предложения, сказуемое которых выражается либо причастием многократности на *-дг*, либо именем прилагательным и существительным:

Эн жылмүдт тиим киштн үвл болад уга толэд, хөөнд күн өвс тэвжэ өгчәхи (Куукан А., Н. т., 15). «Так как в этом году еще не было больших морозов, то сено овцам никто не дает».

Умкэ Төрлт хаани отг-алвт иигэд жирһэд бээдг деерэс, манд амрзаян уга (Х. т.). «Нам нет ни счастья, ни покоя, поскольку блаженствуют подданные хана Умка Терелту».

Во всех этих предложениях собственно причинные отношения проявляются в недифференцированном виде, поскольку они сопровождаются и осложняются оттенками других отношений: следствия, мотивации и объяснения.

Придаточные причинные с дицендиальными союзными словами

гилһэд:

Бүкл асхни дуусн гилһэд ирх гилһэд Болха герэн ясад, хотан белдв (Бадмин А., У.э.б., 273). «Целый вечер Болха прибирала в доме и готовила еду, так как ожидала гостей».

(Пүрвэ керг угаһар удан йовдг күн биш). Тиим болсар Элзэт одал юн керг харһад, юн учрар одв гилһэд седкләр зовад һарна (Балакан А., Э.м.о., 5). «(Пюрвя не тот человек, чтобы задерживаться без дела). А потому Эльзята беспокоит о том, что же случилось с ним, какие дела задержали его».

гилдэд: Чамд нег сәәхн зургта дегтр бәәнэ гилдэд мана ачнр нам амр өгчәхи (Эрнжәнэ К., Н.х., 64). «Наши внуки не дают мне покоя, говоря, что у тебя есть какая-то книга с красивыми картинками».

Кезәнэ эмтн гелһц иткэд, теднэ үлмэд орад дала бәрц бәрх, һазр тәкх гилдэд, дала һаруд унад, теднд меклгдэд йовсмн (Эрнжәнэ К., Т.ш., 108). «Раньше люди, веря гелюнгам, впадали в зависимость от них и поскольку надо было совершать жертвоприношения, то несли большие расходы, подвергаясь обману».

гиснд: Манахн бийд нег хан гемтснд оона махар шөл уутха гиснд оон хээж йовнавдн гив (Х. т.). «В нашем краю заболел хан и ему рекомендовали пить бульон из мяса сайгака-рогаля, – вот я и ишу этого рогаля».

Придаточные цели

Придаточными цели называются такие предложения, в которых сообщается о цели или назначении совершаемого действия, выраженного главной частью. Придаточные цели отвечают на вопросы *яахар?* *яахм гиж?* *юуна төл?* (*юн төл?*) и *яһад?*

Последний из перечисленных вопросов ставится обычно к тем предложениям, которые наряду с целевыми отношениями обнаруживают и оттенки причинной обусловленности. В таких случаях характер отношений между придаточной и главной частью уточняется с помощью других вопросов. Например, в сложном предложении *Өлзэт, күүкнэ седклиг аадрулнав гихэд, хамгин жаңһрта сурвр өгв* (Балакан А., Э.м.о., 103). «Эльзята, чтобы как-то задеть ее душу, обратилась к девушке с самым сложным вопросом».

Придаточная часть находится в причинно-целевых связях с главным, а поэтому допускает возможность постановки вопроса *яһад?* «по какой причине? с какой целью?». Для окончательного установления, с каким видом отношений (причины или цели) мы имеем дело, привлекаем вопросы *яахар?* «с каким намерением и целью?» *юуна төл?* «зачем? для чего?» и выясняем, что здесь преобладает значение цели. Следовательно придаточная часть является целевым предложением.

Строевыми, связующими элементами придаточных предложений цели являются формы глагола *гих*. Число их очень ограничено и не превышает 3-4 союзов, это: *гихэд*, *гисэр* и *гиж*. Вообще следует заметить, что собственно целевых придаточных предложений мало, поэтому в известной мере прав Т.А. Бертагаев, когда говорит, что, «исходя из смысловых признаков, можно было бы выделить единый тип (разрядка наша – Г. П.) причинно-целевого предложения ... [Бертагаев, Цыдендамбаев 1962: 250]

гихэд: *Бийән үзтхэ гихэд, Пүрвэ нам хойр-һурв дэжэ зогсжасн орман соляд хэлэв* (Балакан А., Э.м.о., 36). «Чтобы его увидели, Пюрва даже два или три поменял место, где он стоял».

гисэр: *Экиннь үй күүкн болгч эмгн иртхэ гисэр Шарда келв* (Инжин Л., О.к., 86). «Шарда сказала, чтобы старушка, которая была сверстни-

цей ее отца, пришла в гости». *Хоңһр бичкэ хээкртхэ гисэр, Зандн-Зул һаран өргэд инэмсклнэ* (Баснга Б., Б.о., 45). «Зандан Зул подняла руку и засмеялась с той целью, чтобы Хонгор не закричал».

гед: *Ода нег сэн-сээхн юмн соңсгдн гижэнэ гед арвн наста хаанад ирв* (Х. т.). «Явился к десятилетнему хану с намерением (целью) услышать о том, что скоро случится нечто прекрасное».

гиж: *Маңһдур өрүн өрлэ мөрн тергэрн фермд бийән кургтхэ гижэ эцкэсн сурх болжэ эдн хойр шийдцхэв* (Инжин Л., О.к., 33). «Они решили вдвоем просить) отца о том, чтобы завтра, на рассвете он отвез их на ферму на своей лошади».

Хур-чиигин нилчар эн мана бодниг урһтхэ гижэ чирмэлдх зөвтэвдн (Инжин Л., О.к., 6). «Мы должны стараться, чтобы наш картофель рос, благодаря осадкам и влаге».

Препозиция придаточных цели актуализирует их содержание. Так, например, в предложении *Ду көвүһән танад бээлһхар ирлэв гижэ Музра Богзгт келв* (Эрнжэнэ К., Т.ш., 194). «Музра сказал Бокзыку, что пришел отдать ему в работники своего братишку» актуальным является содержание первой, т. е. придаточной части, где непосредственно излагается намерение, цель и сам факт прибытия Музры к Бокзыку.

В связи с тем, что в дицендиальных союзах *гихэд*, *гед*, *гисэр* и *гиж* значение цели представлено окказионально или ситуативно, то в дифференцированном выражении ими целевых отношений особую роль играет соотношение форм глаголов-сказуемых. Так, в качестве сказуемых придаточных цели преимущественно выступают формы изъявительного наклонения (недавно прошедшее, настоящее) и гораздо реже формы повелительно-желательного наклонения.

Придаточные условия

Предложения, содержащие указание на условие, от которого зависит осуществление действия, обозначенного в главной части, называются придаточными условными. Все придаточные предложения условия отвечают на вопрос *яхла?*

Из числа союзов и союзных слов, выражающих условные отношения, самым популярным является дицендиальное союзное слово *гихлэ*. Другими, довольно употребительными средствами связи являются расчлененные союзные сочетания *кемр...* *гихлэ* и простой союз *кемржэн*. Союзное сочетание *гисн хөөн* также малоупотребительно. *Ирнэв гисн*

хөөн ирлго яахмби (разг.). «Как же не прийти, если обещал прийти».

В придаточных условных предложениях все дицендиальные союзные средства связи до некоторой степени обнажают свои первоначальные лексические значения: намерение, желание, предположение, договоренность, решение и т. д. Поэтому они выступают в роли соответствующих членов предложения (чаще обстоятельственных).

Расчлененные союзные сочетания типа *кемр... гихлэ* «коль... если» представляют особый вид связующих элементов, цель которых поддерживать и предельно выразить значение условности, заключенное в придаточном предложении. В связи с этим уместно упомянуть о специфике употребления союза *кемр* в оборотах (причастных и деепричастных) и придаточных частях сложного предложения. Если союз *кемр* не сопровождается дицендиальным словом *гихлэ*, замыкающим придаточную часть сложного предложения, то он функционирует всего лишь как представитель того или иного оборота, а, если он для реализации условных отношений между частями сложного предложения, принимает подкрепление в виде компонента *гихлэ*, то он выступает уже структурным элементом предложения.

В зависимости от характера условия и форм его выражения придаточные условные предложения делятся на: предложения с реальным условием и предложения с нереальным условием. В сложноподчиненных предложениях с придаточным реальным условием действие или явление, обозначенное в главной части, представляется как действительно осуществимое и вполне возможное в аспекте всех форм времени изъявительного наклонения: прошедшего, настоящего и будущего. Примеры:

Кен йовхм, кен чадхм гихлэ, Бадмас нань кун чадш уга, Бадм чадх (Х. Үнн). «Если сказать: «Кто пойдет, кто сможет», – то кроме Бадмы никому, Бадма справится».

(Насанов ик өвэри кун). Хальмг республикд терүнэ бригад түрүн болж коммунистическ күч-көлснэ бригадин нер зүүлэ гихлэ, нам ит-киго (Балакан А., Э.м.о., 42). «(Насанов очень своеобразный человек). Если сказать, что, его бригада первой в Калмыкии получила звание коммунистического труда, то даже не поверят».

Кемр Төрскм кергтэ гихлэ, энүнэс үлү ямаран чигн берк даалһвр күцэхдэн белм (Эрнжэнэ К., Т.ш., 170). «Если Родина скажет надо, то готов выполнить любое поручение, даже труднее, чем это».

Тенд нег һазрт бичкн күүкд тиим гемэр гемтэ гихлэ, энд бээсн

Бемб тосж авад гемтчкдг билэ (Балакан А., А.б.з., 175). «Если говорили, что где-то какой-то болезнью заболел маленький ребенок, то здесь находящийся Бемб моментально заболел».

Кемр хаалһас хажэй гихлэ, белкүсцэһэн көрт булхэдна (Балакан А., Э.м.о., 9). «Как только надумаешь свернуть с дороги, сразу же по пояс проваливаешься в снег».

К сложным предложениям с придаточным реальным условием относятся и минимальные конструкции типа *Ор гихлэ шаһадг, ид гихлэ доладг* (Х.ү.). «Если говоришь заходи – заглядывает, если говоришь ешь – облизывает», в которых действия совершаются постоянно, безотносительно к конкретному времени (прошлому, настоящему, будущему). В таких сложных предложениях главная часть почти всегда является односоставным, нераспространенным. Аналогичным примером является: *Ид гихлэ амсдг, у гихлэ оочлдг* (Х.ү.). «Говоришь ешь – пробует, говоришь пей – отпивает маленькими глотками».

В сложных предложениях с нереальным условием сообщается о таких действиях и явлениях, которые, с точки зрения говорящего, мыслятся лишь как идеально возможные и которые не осуществились в прошлом и не осуществляются в будущем. Например:

Кемржэн бидн нэгэн хортна һазрт разведкд йовад, Кортк шавтж одв, тиигхлэ яһий? (Бадмин А., У.э.б., 222). «Допустим, мы восьмером оказались на вражеской территории в разведке и Кортока вдруг ранило, что тогда делать?».

Кемржэн мадн доланиг дэгэнд орулх болад, нэгмдүлэд Корткиг дахулжана, тииклэ яһий? (Бадмин А., У.э.б., 222). «Допустим, нас семерых решают послать в бой, и вдруг восьмым дают Кортока, тогда что делать?».

Иногда можно столкнуться с такими сложными предложениями, в которых наряду с условными отношениями выступают оттенки причинно-следственных, целевых и временных значений. Например, в предложении *Юңгад дөрвн гижж келгдсмб гихлэ, Овш гидг хан дөрвн хаадуд хамгий толһалад, ишн үйдэн хан суусн бээж* (Х. т.). «Если спросить, почему назывались (они) дербен-ойратами, то оттого, что хан Убуш, возглавив четырех ханов, правил, оказывается, на протяжении девяти поколений» - условные отношения тесно переплетаются с причинными и риторически-объяснительными.

Придаточные уступительные

Предложения, в которых сообщается о каком-нибудь факте, которое, вопреки ожиданию не препятствует, а уступает действию, обозначенному в главном, называются придаточными уступительными.

Придаточные уступительные отвечают на вопросы *яһе чигн? ямаран чигн? ямаранчн?*²⁵

Значение уступительности в составе сложноподчиненных предложений передается рядом специальных союзов, происхождение которых различно. Главными выразителями уступительных отношений между главным и придаточными частями являются частицы-союзы *чигн* и *бийинь*:

Шоглэсахнь медгдв чигн, Долдан сүл үгмүдинь соңсхд Андрейд талта болж тоолгдихав (Инжин Л., О.к., 60). «Хотя понятно было, что она шутит, тем не менее последние слова Долды показались Андрею приятными».

Газа бээсн малын то хасгдв чигн, герт бүшмүдин хавтх зузарх (Доржин Б., Ч.х., 18). «Хотя и сократится численность скота на дворе, зато в доме кошелек станет тугим».

Частица-союз *чигн* очень часто фигурирует в фонетически стяженном виде *-чн < чигн*. В таких случаях она теряет самостоятельность и сливается с предшествующей ей глагольной формой на *-в* (недавно прошедшее время изъявительного наклонения). Ср.: *Бидн клуб орв чигн, кино үзсн угавдн* (разг.). «Хотя мы ходили в клуб, но кино не смотрели» и *Бидн клуб орвчн, кино үзсн угавдн*. Когда в придаточном уступительном перед частицей *чигн* стоит вспомогательный глагол *болв*, относящийся к причастию на *-сн* или *-дг*, то наблюдается тенденция их объединения в одно уступительное союзное сочетание. Объясняется это следующим обстоятельством: частица *чигн*, выступая, прежде всего средством усиления и подчеркивания действия придаточного предложения, не всегда способна выразить в полной мере значение уступительности. Таким образом, становится понятным ее стремление примкнуть к *болв* как к слову с наиболее отвлеченным значением и на этой основе выполнять четкую союзную функцию:

Каролина көвүнэ авч ирсн конфетиг холдг болв чигн, hazаран һарһж шивдмн биш (Балакан А., Э.м.о., 93). «Хотя Каролине и не нравились

конфеты, которые дарил ей молодой человек, тем не менее она не выбрасывала их».

Күүкнэ тускар Андрейд ямаран седкл бээхиг медхэр өвгн мөшкхн болв чигн, Андрейд келдг тодрха үг уга билэ (Инжин Л., О.к., 48). «Хотя старик всячески пытался разузнать о чувствах Андрея к девушке, но Андрей ничего конкретного не сказал».

Для того, чтобы ярче показать уступительный характер отношений между частями сложного предложения, в состав придаточного вводятся частицы с количественно-усилительным значением: *кедү* «сколько ни» и *кедү дүңгэ* «сколько ни, как ни», *яһжэ* «как бы ни». *Керэ кедү ду һарв чигн, хавр ирдг уга* (Х. ү.). «Ворона сколько бы ни каркала, весна не придет».

Вообще в сложных предложениях с придаточными уступительными, включающими в свой состав слова с уступительно-выделительным значением, главная часть носит характер обобщающего заключения.

Придаточное предложение с частицей-союзом *чигн* может содержать и показатель условных отношений – союз *кемр* и *кемржээн*. Наличие двух показателей связи, причем различных по характеру, говорит о том, что придаточное совмещает одновременно и значение условия, и значение уступки:

Кемр эдн намаг комсомолас һарһв чигн, райком эсклэ обком чикэр йһлһх (Инжин Л., О.к., 139). «Если даже они исключат меня из комсомола, то райком и обком разберутся правильно».

Существует значительное количество сложных предложений с придаточными уступительными, в которых союзы являются составными, расчлененными, например: *кедү... тер бийнь, кедү дүңгэ... тер бийнь*. Компонент *кедү* или *кедү дүңгэ* располагается в придаточной части, а компонент *тер бийнь* – в главной:

Кедү эжил хамдан бээжэхвдн, тер бийнь кезэ, ямаран хот иддгинь үзэд угавдн (Х. т.). «Сколько лет живем вместе, тем не менее, когда и что они едят, мы не видели».

Кедү күчр-күнд харһна, тер бийнь газетчик йир хооран цухрхи (Бембин Т., Б.ц., 17). «Сколько бы трудностей не встречалось, тем не менее, газетчик не отстывает».

Кедү хату-мөтү харһж, өлсэд-түрэдчн йовсн, даарад-көрэдчн йовсн, тер бийнь теслэцэд, оһн-эмтндэн хүвтэ жирһл делдсн социалистическ Төрскн бээнм (Бембин Т., Б.ц., 84). «Какие только трудности не встречались, приходилось бедствовать и голодать, страдать от холода и

²⁵ Последние два вопроса, как правило, выступают в осложненном виде: *ямаран болв чигн? ямаран болвчн?*

морозов, однако все вытерпели, и есть теперь социалистическая Родина, построившая счастливую жизнь для своих народов».

Уступительные придаточные предложения с союзами-частицами *чигн* могут предшествовать и вставляться в середину главного и тогда оно носит характер вставного предложения, цель которого сообщить какие-то дополнительные факты в форме попутного замечания:

Сурһульчир киитн йир догшн болв чигн, конькиһар дошдган уури-хахи (Очра У., Синтаксис, 217). «Хотя мороз был очень сильный, учащиеся не переставали кататься на коньках».

Сложные предложения с придаточными уступительными не следует путать со сложносочиненными предложениями, в которых наблюдаются противительные-сопоставительные и противительные-уступительные отношения. Для того чтобы их не смешивать, нужно обратить внимание на то, где, в какой части размещается союз. Так, если мы имеем перед собой сложносочиненное предложение, то союз *болв чигн* должен стоять перед второй частью. И в таких случаях он может допускать впереди себя постановку указательной частицы *тиим*:

Урдк жцилмүдәр болхла, дала ик һазр хәһлгдсар келихәнә, (тиим) болв чигн эмиг һазр теңс мет элвг кевтән бәһә бәһә (Инжин Л., О.к., 233). «По сравнению с прошлыми годами, говорят много земли вспахано, но, тем не менее, целина по-прежнему безбрежно расстилается, как море».

В сложноподчиненных предложениях союзы *гив чигн*, *болв чигн*, *чигн* и *бийнь*, находясь после сказуемого, всегда завершают придаточную часть, независимо от его местоположения. Примеры:

Маңһдур Богзгад бә гив чигн²⁶, Бата белн (Эрнжәнә К., Ы.х., 80). «Если завтра скажут, хоть у Бокзыка живи, то Бата готов».

Зәрм сурһульчир, мана багшиг сәәнәр цәәһв чигн, терүнә келсиг мууһар медихәнә (Очра У., Синтаксис, 217). «Как бы хорошо учитель нам ни рассказывал, некоторые учащиеся плохо понимают его рассказ».

Для соединения придаточного уступительного с главным предложением может использоваться дицендиальный союз *гиж*. Интересно, что значение уступительности союз *гиж* реализует только в определенных контекстах:

Һалв кедү күчтә гижә һаңхсн өвсн хуһрдг уга (Х.ү.). «Какой бы силы ни был ураган, качающаяся трава не ломается».

²⁶ Союз *гив чигн* имеет общее недифференцированное значение уступительности, благодаря чему в нем уживаются оттенки условно-следственных отношений.

Көдә ик гижә өвсн уга йовна, дала ик гижә усн уга йовна (Дж.). «Хотя степь огромна, травы не хватает; хотя океан велик, воды не хватает».

Придаточные пространственные

Предложения, в которых сообщается о том, где происходит или куда и откуда направлено действие, обозначенное сказуемым главной части, называются придаточными пространственными. Отвечают они на вопросы *хама? альд? хамаран? альдаран? хамаһас? альдас? хамаһар? альдаһар?*

Для установления пространственных отношений между частями сложноподчиненного предложения используются соотносительные союзные слова: *хама... тенд, альд... тенд, хама... түүнд, хамаран... тиигән, альдаран... тиигән, хамаһас... тендәс (түүнәс), хамаһар... тендәһәр* и некоторые другие.

Примеры:

Герин эзн хама ор ясна, тенд унтад бәәтн (Бадмин А., Булг). «Где постелит хозяин, там и спите».

Салькн альдаран үләнә, тиигән оңһц туугдәна (Балакан А., Э.м.о., 120). «Куда дует ветер, туда гонит лодку».

(Тосхач улсиг салдсмудла әдлиг та меддгл болжсахговт). Альдаран илгәнә, тиигән йовх кергтә (Балакан А., Э.м.о., 203). «(Что строители те же солдаты вы, наверное, знаете). Куда посылают, туда и надо идти».

Тек хамаран эргәнә, тиигән ямад йовна, ямадын ардас хөд цүврлднә (Балакан А., Э.м.о., 143). «Куда повернет козел, туда идут и козы, а следом за ним тянутся овцы».

Хамаһас алач-булач орж ирнә, тендәс кесг зовлң һарч ирнә (Х.т.). «Откуда появляются бандиты, оттуда приходит и множество бед».

Би альдаран одна, тиигән эн дахна (Балакан А., Э.м.о., 34). «Куда я иду, туда следует и он».

Хамаһас үүлн һарна, тендәс хур орна (Х.ү.). «Откуда тучи, оттуда и дождь».

Из числа других соотносительных слов можно указать на такие пары, как *хамаран... эргндән* «куда ни... везде (кругом)», *альдаран... әндән* «куда ни... всюду (везде)», *альк чигн... цуг* «какой (какую) ни... все». Примеры:

Хамаран хәләв чигн, эргндән наласн тег (Х. Үнн). «Куда ни посмотри, кругом раскинулась степь». *Альдаран эргәд хәләв чигн, әндән өвәри*

юмс (Балакан А., А.б.з., 42). «Куда ни обернись, всюду особенные (удивительные) вещи».

Альк эрсүрнэ хэлэв чигн, цуг намч, сишлэр (Эрнжэнэ К., Н.х., 50). «На какую стену ни посмотри, всё парча да резные украшения».

В разговорном языке случаи воспроизведения обоих компонентов соотносительных союзных слов наблюдаются редко, но тем не менее они имеют место и притом в чисто национальных оборотах речи, например, в пословицах и поговорках²⁷.

Очень часто соотносительные союзные слова бывают представлены в сложном предложении только первым компонентом, который является самым существенным для выражения пространственных отношений. Его присутствие в придаточной части строго обязательно, поскольку именно в придаточном содержится указание на место или пространство, где осуществляется действие главного предложения. При этом отсутствующий член соотносительной пары может легко подразумеваться: *Харачнь хамхрсн гермүд. Хамань куундв – соңсгдна*²⁸ (Кальян С., Д.б., 67). «Проклятые юрты. Где ни говори - слышится».

Широко употребительны предложения, в которых придаточная часть выступает с союзными словами *альд, хама, альдаран* и т. д., а главная соответственно включает какое-нибудь наречное слово или сочетание²⁹:

(*Би коммунист*). *Альд көдлтхэ гижэ партэ келнэ, келсн талнь йовжэ көдлх зөвтэв* (Куукан А., Н.т., 116). «(Я коммунист). И где мне прикажет работать партия, туда я и должен поехать».

Ноха мет аңһаһад, альдаран Рихтер заана, терун талнь Савельев һарад хурдлна (Бембин Т., Б.ц., 80). «Подобно собаке, разинув пасть, Савельев мчится туда, куда показывает Рихтер».

Эзнэ альд зогсана, тер ормасн Адучиг иртел мөрнэ түшчкн мет көндрхш (Бадмин А., А.ш.д., 94). «Где хозяин ее поставит, с того места, пока не придет Адучи, лошадь его не сдвинется, будто спутанная».

Эрцн альд унна, унсн һазртан хонна (Балакан А., Э.м.о., 123). «Эренцен, где упадет, там и ночует».

Таким образом, можно считать, что в подобных предложениях наречные слова и сочетания, выполняя пространственные отношения

²⁷ Это подмечено У.У. Очировым, который приводит ряд интересных пословично-поговорочных выражений [Очиров 1964: 220].

²⁸ Подразумевается тенднь «там».

²⁹ В предложениях такого типа принцип использования соотносительных слов с некоторым видоизменением сохраняется.

между главной и придаточной частями, одновременно скрепляют их в грамматическом отношении, поэтому их следует рассматривать как элементы с широкой анафорической функцией.

В сложных предложениях с придаточными пространственными, союзные соотносительные слова, а также анафорические элементы в главной части (наречные слова и сочетания) выполняют роль членов предложения, являясь обстоятельством места.

Придаточные сравнительные

Предложения, которые путем сравнения и указания на сходство поясняют и раскрывают то, о чем говорится в главном, называются придаточными сравнительными. Такие предложения отвечают на вопросы: *яһсн мет? яһсн кевтэ? яһжэхах мет? яһжэхах кевтэ? ямаран кевтэһэр? ямаран дүңгэһэр? юн гишн?*

Придаточные сравнения обладают большой продуктивностью и широко представлены разнообразными союзами. Сравнительные отношения в составе сложноподчиненного предложения выражаются посредством союзов: *мет, кевтэ, гишн, гисн кевтэ, гисн мет, гисн дүңгэ, гисн адл, кевтэһэр, дүңгэһэр*. Часть из указанных сравнительных союзов являются сложными, таковы: *гисн кевтэ, гисн мет* и *гисн дүңгэ*, состоящие из сочетания формы *гисн* дицендиального глагола *гих* и сравнительно-уподобительных частиц *кевтэ, мет, дүңгэ*³⁰.

Сказуемое придаточной части выражается, главным образом, формами причастий на *-сн, -х, -дг*. Сказуемое придаточного предложения с союзами *гишн, гисн мет* и *гисн кевтэ* реализуется в формах изъявительного наклонения (на *-жэ, -на, -нэ, -вэ*), а также именными частями речи с отрицанием *уга*. В главном же предложении сказуемое выступает во всех временных формах изъявительного наклонения. Примеры:

Сөөни өрэллэ генткн нарн һарсн мет, гергнэ чирэ герлтв (Бадмин А., У.э.б., 213). «Лицо женщины засияло, будто среди ночи взошло солнце».

Немшир ик-бичкн уга гүүлдэж ирэд, мээртэж йовх хөд худг дээр даридг мет, көөрлдэд, ниргэд бээнэ (Бембин Т., Б.ц., 163). «Немцы, подобно изжаждавшимся овцам, которые сгрудились у колодца, от мала до велика примчались, и все хвастливо шумят и толпятся».

³⁰ Частица *дүңгэ*, в отличие от других, ещё не совсем оторвалась от однокоренных слов с вещественно-лексическим значением. Ср. *дүңх* «сравнивать, взвешивать, сопоставлять».

Элстин корреспондентир Хар назрур нүүж йовх кевтэ, шигжэ яһжэ цугтан цуглрсн болхв (Х. Үнн). «Будто все элстинские корреспонденты едут на Черные земли, – как же так они все собрались».

Не, ода гэмиг уга гисн кевтэ, Церн невчк санамрдад, Кулминэ барун харинь сулдахад, зун хараснь кэтлэд йовхар седв (Инжин Л., О.к., 83). «Церен, будто опасность миновала, немного успокоился и, отпустив правую руку Кюлмена, хотел повести его за левую руку».

Тус кехлэ туша болжэ гишн, зармдэн Бадм ханлтин орчд чиглэ авна (Балакан А., Э.м.о., 196). «Как говорят, желая помочь, оказываешь препятствие, так и Бадма, вместо благодарности, иногда получает туманки».

Өмнин гэчксн керэ эврэ сүүдрэсн сүрднэ гишн, эднэ (немшин) зах мел көндрхи (Бембин Т., Б.ц., 213). «Как говорят, пуганая ворона своей тени боится, так и передний край немцев не шелохнется».

Нередко придаточные сравнения подчиняются одному определенному члену предложения, например, обстоятельству образа действия, выраженному деепричастием:

Хаврин эклэ хаза харси туһл үүдврэн харһдг мет, тоглад зүркнэ тук-тук гихэд өрчинь буулад, назаран алдрад харн чигн гисн болна (Бембин Т., Б.ц., 109). «Подобно тому как резвится теленок, выведенный в первый весенний день, так ее сердце прыгает, стучит и кажется, готово вот-вот вырваться наружу».

Пүрвэ тэрлэс талдан юмн орчлң дээр уга гисн кевтэ терүгэн хэлэхэд тагчг хотан ууһад бээнэ (Балакан А., Э.м.о., 14). «Пюрвя, будто кроме тарелки ничего не существует на свете, уставившись на нее, сидит молча и кушает».

Содержание придаточной части может пояснять и член главного предложения – дополнение, выраженное именем существительным в нулевой форме винительного падежа: Болв Маран бийнх делержэх чидлэн хамаран кехв гих дүңгэ бээдл харһад, энд-тенд харһсн көвүдиг авлгч нүдэр, эвртэ хурцар халэдг болв (Инжин Л., О.к., 134). «Мара уже сама, делая вид, будто некуда девать бьющую через край энергию, стала засматриваться на встречавшихся парней страстным жгучим взглядом».

В целях усиления сравнения в придаточную часть вводятся частицы негл, тиигтл (тиигтлэн), минь и др.:

Баахн күүкнэ зүркнэс бульгсн, таалта сарул болн тодрха дун аһарт алдржэ сальк дахжэ нисв, негл эртэснь белн бээгхэсн кевтэһар, наадкснь энүг хавлжэ хамц дөңнхэв (Инжин Л., О.к., 148). «Красивая,

светлая и чистая песня, вырвавшаяся из самого сердца молоденькой девушки, понеслась по ветру, остальные же, будто заранее были готовы, разом подхватили и поддержали ее».

Усилительные частицы могут употребляться и в главном предложении. Функции и задачи их те же, что и у частиц, выступающих в придаточной части, т. е. более выпукло подчеркнуть характер сходства, подобия или соответствия сравниваемых явлений. В роли таких частиц употребляются *шуд* «только», *ташр* «к тому же, сверх того», *нег чигн* «ни».

Придаточные отождествительные

Предложения, которые при своих связях с главным, выражают отношения уподобления и соответствия и отвечают на вопросы *ямр мет?* *ямр метэр?* *ямр кевэр?* *кедү мет?* *кедү дүңгэ?* *кедү?* – называются придаточными отождествительными.

Общее значение отождествительности может заключать в себе ряд оттенков, например, оттенок сравнения, уподобления соответствия и сопоставления. Чаще всего отождествительные отношения между частями сложноподчиненного предложения реализуются в плане их количественной соотносительности.

Указанные отношения передаются через весьма разнообразные соотносительные союзные слова. Основные соотношения таковы: *яһжэ... тер мет*, *яһжэ... тер метэр*, *яһжэ... тедү мет*, *ямр кевэр... тер мет*, *ямаран кевэр... тер метэр*, *кедү... тедү*, *кедү дүңгэ... тедү дүңгэ*, *ямаран... түүшлжэ*. Примеры:

Би түүндчн эврэн бийэн яһжэ иткнэв, тер мет иткжэнэв (Балакан А., Э.м.о., 141). «Я ему верю так, как верю самому себе».

Догшин дээлдэнд орхин өмн командир яһжэ белдвр кенэ, тер мет Пүрвэ бригадан эн ик дааврта эклүд белдв (Балакан А., Э.м.о., 251). «Подобно тому, как командир готовится к жестокому бою, так и Пюрвя начал готовить свою бригаду к этому очень ответственному делу».

Шарлсн нарни герлд шам яһжэ цээнэ, тедү мет ухани мөңк нарна өмн худл холһтржэ бөкнэ (Басңга Б., Б.о., 597). «Как бледнеет (свет) лампы в лучах яркого солнца, так и ложь отступает пред солнцем вечного разума».

Тер жирһлтэ отг-алвт яһжэ жирһжэсн болна, тер метэр жирһэд-дүргэд бээв (Х. т.). «Как жили в блаженстве и счастье люди того отока-владения, так и стали жить-поживать».

Экнь эн өдрт яһж белддг билэ, тер метэр кехэр Бадм бас тагчгар чирмэжс белдв (Зүркни таалар, 262). «Как мать готовилась к этому дню, так и сейчас Бадма старался незаметно (для дочери) готовиться (к дню ее рождения)».

Ямр кевэр сурһулян дасдг билэч, тер мет бээдл-жирһлдан сээнэр йов (Зүркни таалар, 93). «Как ты относилась к своей учебе, такой будь и в отношении к жизни».

Ода кедү тосхач кергтэ, кедү механизатор кергтэ болна, тедү дүңгэ тиим медрлтэ олн улс мана республикд бээнэ (Зүркни таалар, 214). «Сколько сейчас требуется строителей и механизаторов, столько людей и с таким знанием в нашей республике имеется».

Кедү дүңгэ редакцихн үкэд-тасрад, унтл-кевтл уга кехэд бээтхэ, тедү дүңгэ теднэ бичсн материалмуд соньн болтха (Бембин Т., Б.ц., 86). «Насколько работникам редакции придется работать, не зная усталости, без сна и отдыха, настолько пусть будут интересными написанные ими материалы».

Кедү кү үзвт, тедү күн бригадт көдлнэ (Балакан А., Э.м.о., 96). «Сколько людей вы видели, столько и работает в бригаде».

Аман медэд уга эмнэ теркэ мөр унсн дадмг адуч күн ямаран кевэр мөрэн залжс һанхулдг билэ, тер метэр көвүг зала йовжс эврэннь эртэрнь ухалсн хаалһдан орулжс авч ирсндэн этгәһэр байрлсн Дольган арһул инэлэ (Инжин Л., О.к., 194). «Подобно тому, как опытный табунщик подчиняет коня своей воле, так и Дольган, очень обрадованная тем, что сумела завладеть парнем и направить его по заранее намеченному пути, тихо рассмеялась».

Из перечисленных восьми соотношений коррелятивных слов наиболее частыми в смысле употребления являются яһж... тер мет и яһж... тер метэр... Сложные предложения с этими союзными словами имеют одинаковое распространение как в литературной, так и разговорной речи.

Придаточные отождествительные с союзными словами кедү дүңгэ... тедү дүңгэ, ямаран кевэр... тер метэр, ямаран... тиим кевэр, кедү... тедү употребляются преимущественно в языке художественных и научно-публицистических произведений. Если они встречаются в разговорной речи, то придают высказываемой мысли окраску нарочитой книжности. Однако в некоторых случаях употреблением подобных соотносительных слов говорящий стремится сознательно подчеркнуть значимость сообщаемого. Таким образом, союзные соотносительные слова, мало-

характерные для стилей разговорного языка, могут, в зависимости от коммуникативных целей, актуализироваться в речи говорящего.

Из числа редких соотносительных слов, выступающих в составе сложных предложений с придаточными отождествительными, можно назвать такие пары, как: ямаран... түүшлжс, яһж,... түүндэн орхнь:

Нилх хурһна, нилх туһлын махн ямаран эмтәхн, түүшлжс захсна нилх махн чигн эмтәхн болдг (Баснга Б., Б.о., 145). «Насколько нежно и вкусно мясо новорожденного ягненка и теленка, настолько мясо рыбешки бывает вкусным».

Шулм эм үкэд одхла, Нарн-Арслң хаана отг-алвт, мал күн уга, урд яһжс бээсн болна, түүндэн орхньс сээнэр, сәәхнар бәәһэд бәәжс (Х.т.). «Когда ведьма умерла, все живое, что было во владениях у хана Наран-Арслана – и люди и скот, – стали жить краше, лучше того, чем жили раньше».

Первое из приведенных предложений имеет ту специфическую особенность, что союзное слово ямаран в отличие от всех других, выступает распространителем не глагола-сказуемого, а прилагательного-сказуемого придаточной части.

Компоненты соотносительных союзных слов, являясь членами предложения, главным образом, обстоятельствами образа действия, обстоятельствами меры и степени, а также определениями - выполняют роль распространителей глаголов-сказуемых, предикативных прилагательных и существительных:

Мана олн-эмтн эврэннь орн-нутгтан ямаран (обст. меры и степ.) дурта болна, тедү мет (обст. меры и степ.) би бас орн-нутгтан дуртав (Х. үнн). «Как весь наш народ любит свою страну, также люблю свою страну и я».

Ямаран (опред.) заавр та манд өгнэт, тиим кевэр (обст. обр. действия) бидн көдләд бәәхговдн (Инжин Л., О.к., 116). «Какие указания вы нам дадите, так мы и будем работать».

Ямаран кевэр (обст. обр. действия) нааран ирсн болнач, тиим кевэр (обст. обр. действия) эндәс эрл (разг.). «Как ты сюда пришел, так и убирайся отсюда».

Нередко компоненты союзных соотносительных слов входят в состав сложных сказуемых, как правило, именных, например: (Тана дурнтн), намаг ямаран күн гижс саннат, би тиим чигн болсув (Инжин Л., О.к., 93). «Воля ваша, каким человеком меня считаете, пусть я и буду таким». В придаточной части союзное слово ямаран не является самостоятельным

членом-определением к существительному *кун*, а вместе с ним составляет сложное именное сказуемое придаточного дополнительного предложения.

В главной части рассматриваемого сложноподчиненного предложения соотносительное местоименное слово *тшим* также входит в состав сказуемого – *тшим болсув* букв. «буду таким же».

В сложных предложениях с отождествительными отношениями придаточное всегда предшествует главной части; разделение их посредством включения между ними каких-либо членов главного предложения невозможно. Объясняется это важностью того, о чем говорится в придаточном, поскольку с ним отождествляется, ему уподобляется и соответствует то действие, которое обозначено в главном. Придаточные и отождествительные принадлежат к числу распространенных и продуктивных типов.

Придаточные qualificative

Предложения, которые характеризуют действие, обозначенное в главной части со стороны признаков его проявления, или же со стороны его возможности, допустимости и исключительности, называются придаточными qualificative³¹. Такие предложения отвечают на вопросы, воспроизводящие форму тех или иных союзных слов (простых и сложных). Например, к союзным словам – обстоятельственным членам придаточных предложений – *гилдэд*, *гижэһэд* (< *гижэ бээһэд*), *гиһэ бээжэ* возможна постановка аналогичных по форме вопросов *яһлдад?* *яһа бээжэ?*

В качестве средств связи в придаточных qualificative предложениях употребляются только дицендиальные союзные слова. Ими являются: *гилдэд*, *гижэһэд*, *гиһэ бээжэ*, *гиһэ бээтл*, *гихэс даву*, *гихэс нань*, *гихэс биш*. Эти союзные слова, за исключением трех последних, будучи неразрывной составной частью придаточных предложений, могут сообщать, кроме общего значения qualificative, оттенки уступи-

³¹ Термин «придаточные qualificative», предложенный Т.А. Бертагаевым, понимается, здесь несколько уже. Так, в нашем представлении данный тип охватывает только такие предложения, которые показывают: 1) характер и способ совершения действия главной части и 2) допустимость, возможность, исключительность такого действия. А предложения, указывающие на меру и степень, уподобление и сравнение, рассматриваются нами в качестве самостоятельных, как обладающие собственными структурными признаками.

тельности, условности, объектности и цели. Например, значение слабовыраженной объектности обнаруживается, благодаря возможности поставить такие вопросы, как *ю (юн) гилдэд?* *ю (юн) гижэһэд?* *ю (юн) гиһэ бээжэ* и т. д. Целевые оттенки в придаточном qualificative выявляются с помощью вопроса *яһад?* Однако необходимо помнить, что они являются дополнительными, вторичными, а главными являются такие вопросы, которые, как уже было сказано выше, воспроизводят, копируют форму союзных слов и с помощью которых придаточные связываются с главным. Примеры:

Пиитрэс шажэн лам иржэ хурлан харсхмэжэ гилдэд, гелңгүд, бурх иткдг улс өдр сө уга шууглдад бээхэнэ (Эрнжэнэ К., Н.х., 124). «Гелюнги и верующие день и ночь твердят о том, что из самого Питера приедет верховный лама защищать свой хурул».

Яһжэ эн анднас хуурдг болхв гилдэд, залу гергэн хойр герүрн орихав (Эрнжэнэ К., Н.х., 82). «С мыслью о том, как бы избавиться от этого паршивца, муж и жена вошли в свой дом».

Нуухинь арчнав гижэһэд нудинь сохлэжэ (Х.т.). «Желая удалить гной из глаз, выколол их».

Укнэв, укнэв гижэһэд үкрэ мах бардг; йовनाव, йовनाव гижэһэд ямана мах бардг (Х.ү.). «Говоря «умру, умру» – съесть мясо целой коровы, говоря «пойду, пойду» – съесть мясо целой козы».

Нээрт орнавдн гиһэ бээтл юңгад эс дуудсн болжсахмб? (разг.). «Ведь мы постоянно говорили, что будут участвовать в свадьбе, так почему же не пригласили?».

Придаточные qualificative выступают чаще всего в препозиции к главному, однако нередки и случаи интерпозиции:

Меклә, уурий, уурий гиһэ бээжэ, өр цээлһэжэ (Х.ү.). «Лягушка, твердя «перестану, перестану», дотянула до рассвета». В этом сложном предложении придаточное *уурий, уурий гиһэ бээжэ* находится между подлежащим главного предложения *меклә* и его сказуемым, выраженным устойчивым сочетанием *өр цээлһэжэ*.

Хойр ахнь курч ирэд, хээмнь мана Нусха-Му тер хурвн мөртэ күүэд үкв чигн һундл уга бээжэ гилдэд, көвүг наад бэрэд бээдг болна (Х.т.). «Прибыв домой, два брата начинают потешаться над младшим, говоря, что-де нашему Нусхе-Му не было бы досадно умереть, если бы он хоть посмотрел на трех всадников».

Придаточные qualificative, вводимые союзными словами *гихэс даву*, *гихэс нань*, *гихэс биш* подчеркивают, что действия, выражен-

ные ими, представляются как единственно возможные, исключительные. Причем порядок препозитивного расположения для такого рода придаточных строго обязателен:

Ялынъ хойр холванар өгхмт, алжст гихэс даву юм тер меджэ өгхи (Доржин Б., М.о., 36). «Кроме как «зарезали, будете платить в двойном размере», - ничего признавать не желает».

Һанхн урдэн сана зовна гихэс биш талдан церт йовжахнь гем угал (Х.Үнн). «Разве только душа болит по единственному дитя, в остальном же ничего особенного, что он отправляется на службу в армию». *Даалһэран нээлвртәһэр күцәнэв гихэс нань арһ уга* (разг.-быт.). «Ничего не остается, как обещать, что задание (поручение) выполню с гарантией».

Батад ода намр эрт болхла болх билэ гихэс даву ухан орхи (Эрнжэнэ К., Һ.х., 110). «Сейчас Бате ничего в голову не идет, кроме мысли, чтобы скорее наступила осень».

Анан-саак салерха өрмг, хар довуньгин эзн бол гихэс даву ю келх билэ медн (Эрнжэнэ К., Һ.х., 66). «Что же они скажут, кроме того, как опять становись хозяином черной дубинки да все того же рваного армяка».

Придаточные изъяснительные

Сложные предложения с придаточными изъяснительными составляют совершенно особый тип. Необычность их структуры выражается в следующем:

1) главная часть всегда предшествует придаточной части;

2) союзное слово относится не к составу придаточного, как это свойственно всем другим типам сложноподчиненных предложений, а, примыкая к главному, завершает его;

3) союзное слово, заключая в себе риторический вопрос, требует раскрытия (изъяснения) в придаточной части. Таким образом, в сложных предложениях с придаточными изъяснительными имеет место диалогическая форма высказывания «вопрос - ответ».

Главным конституирующим признаком сложноподчиненных предложений с придаточными изъяснительными является наличие в главной части риторически-вопросительных союзных слов *учр юмб гихлэ, учр юмб (учрнь юмб), учрнь юундв, юмб гихлэ, юмб*.

Большинство придаточных изъяснительных предложений содержит ярко выраженные оттенки причинности и условия:

Малын хотын му юмб гихлэ, - уснд урһсн шуура гижэна (Энүг альк чигн мал иддмн биш) (Х.т.). «Спрашивается, какой же корм самый плохой для скота: говорят, осока, что растет в воде (Ее никакая скотина не ест)».

Теднэ күүндврнь юмб гихлэ, - тер зерлицж ирсн залу заячнь бээжэ (Х.т.). «В чем же заключалась суть их разговора? Да в том, что встретившийся мужчина оказался повелителем его судьбы».

Придаточные временные

Предложения, которые содержат указание на время совершения действия главного и отвечают на вопрос *кезэ?* - называются придаточными временными.

В сложных предложениях с придаточными временными между главной и зависимой частями устанавливается определенная соразмерность во времени протекания их действий. События, выраженные в главном и придаточном, могут совпадать, следовать друг за другом или совершаться в разные промежутки времени.

Средствами присоединения придаточных времени к главному являются:

1) соотносительные союзные слова *кезэ... тер цагт (тер цагла, тер цагларт), яһжэ... тер кевтән, юн гижэ... түүнэ хөөн, нег дэжжэ... тиигхд;*

2) сложные расчлененные союзы: *кемр... цагт (цагтнь), кемржээн... цагт;*

3) дигендиальные союзные слова (простые и аналитические): *гилһнлэ (гилһнлән), гижэгл (< гижэ бэатл), гисн цагт, гисн хөөн, гиснэс авн.*

Примеры:

Та кезэ мана сурвр күцәнэт, тер цагт бидн эгчиннь менд медн гижэнавдн (Бембин Т., Б.о., 77). «Когда вы исполните нашу просьбу, тогда мы сможем навестить свою сестрицу и справиться о ее здоровье».

Тана сулдхвр кезэ чилхмн билэ, тер цагларт манаһур күрэд иртн (Манжин Н., К.х., 94). «Когда ваш отпуск окончится, тогда (букв. тем временем) заходите к нам».

Комсомолын бюро чини тускар юн гижэ шиидлэ, түүнэ хөөн чамла нанд олн үг уга (Инжин Л., О.к., 132). «После того, что в отношении тебя решило бюро комсомола, мне с тобой не о чем говорить».

Основная масса придаточных предложений времени выступает с союзом (а точнее с полусоюзом) *цагт*, который может иметь и другие падежные формы, например, *цагла*, *цаглари*. Являясь по существу послелогом, служебное слово *цагт* в отличие от всех подобных ему структурных элементов сложного предложения наиболее абстрагировано и наиболее активно в своих связях с причастиями на *-сн*, *-х*, *-а*, *-дг*, которые в калмыцком языке фигурируют в качестве сказуемых как при наличии предикативных частиц, так и без них. Однако здесь следует иметь в виду некоторые ограничения. Во-первых, в роли сказуемых придаточных времени они могут выступать только в своих исходных, а не падежных формах; во-вторых, при сказуемых-причастиях на *-сн*, *-х*, *-а*, и *-дг* обязательно должно быть грамматическое подлежащее, выраженное именительным падежом. Поэтому все конструкции, в которых субъект действия выражен каким-либо косвенным падежом, относятся к оборотам.

Придаточные временные с дигенциальными союзными словами

гилһнлэ: *Балһсна харан тасрвий, угай гилһнлэ. Доланд то-тоомж уга олн зусн тоолврмуд орв* (Зүркни таалар, 173). «Еще не успели скрыться из виду очертания города, как Долана ододела бесчисленные и самые разные мысли».

гиснэс авн: *Күүнэ малын ард боожсн Бадм, балһснд одж сурһуль сурхмн гиснэс авн байрар делврэд, живр урһсн болад телүләд бэв* (Эрнжэнэ К., Н.х., 103). «Выросший, пася чужой скот, Бадма с тех пор, как узнал, что поедет в город учиться, находился в состоянии, переполняющей душу радости, будто выросли у него крылья».

гихлэ (гилһнлэ): *Хойр нүднәннь зовкснь харһлдв угай гихлэ³², амтәхн нөөрүр сүркрэд одна* (Эрнжэнэ К., Н.х., 105). «Как только (едва) смыкаются веки, (он) сразу же погружается в сладкий сон».

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Сложные бессоюзные предложения – это такие предикативные структуры, части которых лишены конкретных формальных показателей синтаксической связи (союзов, союзных слов). Ввиду отсутствия

³² Здесь союз *гихлэ* не сохраняет значение условия, а полностью переключается на выражение временного значения, что представляет собой редкое явление.

важнейших, с точки зрения союзных сложных предложений, элементов структурной организации – связующих слов, предложения этого типа дают повод к их различному осмыслению. Так, например, бессоюзное предложение *Киитн булгин уснь ширгв, көк девән өвснь хумхарв* (Бадмин А., А.ш.д., 90). «Родниковая вода иссякла, трава на зеленом лугу засохла» допускает возможность двоякой интерпретации: его можно рассматривать и как сложносочиненное предложение с отношением одновременности совершающихся действий в первой и второй части, и как сложноподчиненное, в котором обнаруживаются причинно-следственные отношения между частями.

Таким образом, те способы связи, которые четко выражены в кругу союзных структур (сочинение и подчинение) в сфере бессоюзия представлены скрыто, негативно. Это нередко ведет к стиранию контуров сочинительной и подчинительной связи внутри бессоюзного сложного предложения. Иногда встречаются такие бессоюзные сложные предложения, которые трудно сопоставить и соотнести с сочинительными или подчинительными предложениями.

Существенной чертой бессоюзных предложений является признак открытости - закрытости их структур. Бессоюзные предложения открытой структуры обладают всегда (реальной или потенциальной) возможностью увеличения и расширения своего состава. В этом смысле они, уподобляясь перечислительным, однородным членам предложения, образуют незамкнутые ряды. Например, предложения типа *Ээж Керми ю-бис келэд инәлһх, Пүрвә үзсн, медсн тоотан цәәлһж өгх* в количественном отношении могут быть увеличены за счет присоединения новых компонентов. Ср.:

Ээж Керми ю-бис келэд инәлһх, Пүрвә үзсн, медсн тоотан цәәлһж өгх, Өлзәт черүдт зогсәҗаһад соңсн хамган шог һарһж келх... (Балакан А., Э.м.о., 13). «Бабушка Кермен расскажет что-нибудь смешное, Пюрвя о том, что видел и узнал, Эльзята, сдабривая шуткой свой рассказ, поведает обо всем, что услышала, стоя в очередях...».

Зарм гермүдин улинь тавчксн, зармсиннь эрсинь босхчксн, зармсиннь деевринь бүркчксн бәәнә (Балакан А., Э.м.о., 11). «У некоторых домов заложен фундамент, у некоторых подняты стропила, у некоторых уже накрыты крыши».

Примечательно, что во втором предложении, в соответствии с нормами оформления однородных предложений, связка *бәәнә* употребляется только при сказуемом последнего предложения. Объем бессоюзных

предложений предполагает неопределенное количество образующих их частей и зависит от коммуникативных задач говорящего.

В противоположность бессоюзным предложениям открытой структуры бессоюзные предложения закрытой структуры не обладают свойством включения новых частей, а, если и присоединяют, то утрачивают прежнюю структуру и создают комбинацию разных типов предложений, т. е. сложные предложения смешанного типа. Поэтому бессоюзные предложения закрытой структуры всегда двукомпонентны. Проиллюстрируем данное положение на двух-трех примерах:

Тэмк эс татдгчн сэн. Би бас хайхар седнэв – болж өгхи (Балакан А., Э.м.о., 21). «Хорошо, что не куришь. Я тоже пытаюсь бросить – не получается».

Ухандь нанхн тоолер: Алтн. Алтн. Алтн (Балакан А., А.б.з., 185). «В голове одна мысль: Золото. Золото. Золото».

Угата билэв – эрлн эрсн уга билэв, өнчн билэв – өглн эрсн уга билэв (Баснга Б., Б.о., 22). «Был нищим - не просил милостыню, был сиротой - не просил подаюния».

Поскольку бессоюзные сложные предложения по признаку открытости-закрытости смыкаются, с одной стороны, со сложносочиненными, с другой – со сложноподчиненными, то при делении их нужно исходить из того, соотносятся они с первыми или вторыми.

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОЧИНИТЕЛЬНОГО ТИПА

Основной особенностью предложений этого типа является грамматическая и лексическая однородность частей: у них одинаковый модально-временной план, создаваемый формами сказуемых в сочетании с другими средствами, например, частицами. Они характеризуются наличием общих и повторяющихся в обеих частях слов, имеют более или менее одинаковый порядок в расположении частей. Все это говорит о некоторой симметрии и гармонии в структуре и составе таких предложений:

Босха бийнь укритн хэрүлнэ, гергнь хот-хоолитн кенэ, элд күүкнь геритн ахулна, кир-хуритн уһана; хойрдгч күүкнь ус-арһситн ачна, һурвдгч күүкнь саалитн саана, эрк, чигэһитн кенэ, дөрвдгч күүкнь туһл, хурһдитн хэрүлнэ (Баснга Б., Б.о., 205). «Сам Босха пасет ваших коров, жена его готовит вам пищу, старшая дочь убирает в доме и обстирывает вас, вторая дочь носит воду и грузит ваш кизяк, третья дочь доит ваших

коров и готовит напитки, четвертая – пасет ваших телят и ягнят».

Существует несколько разновидностей бессоюзных сложных предложений сочинительного типа, которые различаются характером соотношенности частей.

Предложения одновременности

Для бессоюзных сложных предложений этой разновидности обязательен единый временной план, который обеспечивается употреблением глаголов-сказуемых в определенных формах времени: настоящем, прошедшем, будущем. Сложные предложения одновременности со значением настоящего времени:

Тер өдрэн санхла, Пүрвэн зүркн күгдлж цокна, чееж байрар мелмлэж дүүрнэ, цоги омгар агсэж нигтрнэ (Балакан А., Э.м.о., 112). «При воспоминании о том дне сердце Пюрви бьется учащенно, грудь переполняется радостью, тело наливается упругостью».

Торлзсн хурдн машид тоос бүргүлж гүүлднэ, тенд-энднь трактормуд күржцнэж ниржцннэ (Инжин Л., О.к., 9). «Мчатся юркие быстрые машины, то там, то сям рокочут и гудят тракторы».

Тенгрин өткн цецкр будн дотр оддуд чирмлднэ, тедн дунд аңхун сар хумхл чирэһарн төвкнүн мелмэнэ (Инжин Л., О.к., 223). «В голубом туманном небе мерцают звезды, среди них старый месяц своим сухощавым ликом ровно струит свет».

Сложные предложения одновременности со значением прошедшего времени:

Генткн дуларад, хаврин тэрэнэ көдлми теегиг серүлв, малмуд шууглдад, үвлзгэсн эклэд һарв (Зүркни таалар, 216). «Вдруг стало тепло, весенние полевые работы оживили степь, скот с ревом и шумом потянулся из своих зимников».

Күрзмүд күүкдин һарт эһиңнэхэв, көдлми саак кевтэн буслв (Инжин Л., О.к., 20). «Загремели лопаты в руках девушек, работа закипела по-прежнему». *Тер нег көлэрн шавтла, би зүн ээмэрн шавтлав* (Инжин Л., О.к., 36). «Он был ранен в ногу, я – в левое плечо».

Сложные предложения одновременности со значением будущего времени:

Муңхг аң болхла минь ода идх, нэрн ухата аң болхла нэамн то тоолад идх (Х. т.). «Если (он) глупый зверь, (то) сейчас же съест, а если умный, (то) съест досчитав до восьми».

Намрин өдрмүд хурта-чиигтэ чигн болад бээх, эрт чигн киитн болж одх (Куукан А., Н.т., 30). «Осенние дни, возможно, выдадутся дождливыми и сырыми, а, возможно, рано наступят холода».

К бессоюзным предложениям одновременности следует отнести предикативные комплексы, в которых в качестве сказуемых употреблены глагольные и неглагольные формы в их расширенном временном значении, например:

Эрхи эргү эмэн магтдг, дунд эргү бийэн магтдг, адг эргү мөрэн магтдг (Х.ү.). «Самый глупый хвалит свою жену, средний глупец себя хвалит, последний из глупцов коня своего хвалит».

Кели дееркнь – бал, көврдг дотркнь – чолун (Х.ү.). «На языке – мед, а на душе – камень».

В каждом из перечисленных разновидностей бессоюзных предложений одновременности возможны переносные значения тех или иных форм времени, например, форма настоящего может выступать в значении будущего, форма прошедшего (несовершенного) в значении будущего. Однако комбинации такого рода сдерживаются общим временным фоном всего предложения в целом.

Сложные бессоюзные предложения одновременности очень часто встречаются в повествовательных и описательных контекстах, где подробно и детально прослеживается какое-то явление:

Сээтр шаврнь хагсад уга нүкнэннь өөр ар хойр көлэри ишкэд оркн зурми ишкрнэ, ики деер торһан дуд чилхи, буурдан һашувр унр эргндэн каңкнад хамр авна (Бембин Т., Б.ц., 10). «У своей норки, на не совсем еще высохшей земле, усевшись на задних лапках, посвистывает суслик, высоко в небе раздается нескончаемая песнь жаворонка, кругом отдает терпким запахом горьковатой полыни».

Предложения следования

В этих предложениях действия одного или нескольких субъектов совершаются в определенной временной последовательности и укладываются в рамках единого для обеих частей временного плана. Причем, действия могут совершаться быстро, сменяя друг друга почти в один и тот же отрезок времени, с оттенком внезапности:

Өр цэгһэд, нарн һарсн болла, удсн уга халун унв (Бембин Т., Б.ц., 47). «Рассвело и солнце только выглянуло, как сразу же упала жара».

Гентки һазрт күүнэ нудрмин чицгэ һал унад ирнэ, авад халалһа:

хумха хурһна алтн билцг болдг болна (Х.т.). «Вдруг на землю падает, с человеческий кулак, огнище (букв. «огонь»), приподнимает и смотрит - оказывается золотое кольцо с перста (т. е. указательного пальца)».

В предложениях следования действия могут совершаться замедленно, с некоторой отдаленностью во времени: Жил эргв, дү көвүн һарв, Аю Чикт гижэ нер өгв (Х.т.). «Год прошел, родился братишка, назвали Аю Чикт».

Идея последовательного совершения действий реализуется не только определенным соотношением временных форм и смысловым взаимодействием частей, но и через конкретные слова, например, наречные элементы эки авгтан «сначала», эклид «сначала», түрүләд – в том же значении, тер дарунь «затем, в тот же момент» и т. д.

Лексические показатели последовательности осуществления действий очень характерны для данной разновидности бессоюзных предложений, которые активно функционируют в разговорном языке и просторечии. Примеры:

Эклэд немн минометар хав, дарунь, невчк тогтисн бээдл һарчаһад, шуд мана окоп тал дэврв (Бембин Т., Б.ц., 115). «Сначала немцы обстреляли из минометов, затем, сделав короткую передышку, бросились прямо на наши окопы».

Би ода йовнав, чи ардасм күрэд ир (разг.). «Я сейчас пойду, ты следом приходи».

Результативные предложения

В бессоюзных предложениях анализируемого типа значение результата сосредоточено во втором компоненте, например:

Батальон кевтэд авчкад, серлт өгчәнэ, хортна хойр танкнь шатэжана (Бембин Т., Б.ц., 69). «Батальон залег и дает отпор – горят уже два вражеских танка».

Долан куукнэ, нег көвүнэ эк-эцкнь куләнэ-куләнэ, куукднь ирхи (Х.т.). «Родители семи девочек и одного мальчика ждут-пождут, дети не приходят».

Зачастую результативные отношения незаметно отходят на второй план, а на место их выдвигаются причинно-следственные отношения. Это обусловлено тем, что первое действие не только предшествует во времени, но и выступает основанием для исполнения другого: Мотор серси болж түргв, машин чочси болж ормасн көндрв (Инжин Л., О.к.,

183). «Мотор, будто проснувшись, взревел, машина вздрогнула и тронулась с места».

Если в бессоюзных предложениях приведенного типа результативность в какой-то мере ощутима, то в нижеследующих предложениях ее нет, – она замещается чистыми причинно- и условно-следственными связями.

Примеры:

Эн эжил мана районд йир күнд эжил болжана: һаң догшин, хур-чиг тату (Зүркни таалар, 289). «Этот год в нашем районе выдался очень тяжелым: свирепствует засуха, осадков и дождей мало».

Эн үзл қасн баһар орла, хавртнь хур-чиг ик болх зөвтә (Инжин Л., О.к., 7). «Этой зимой снегу выпало мало, весна должна быть дождливой и очень сырой».

В данных предложениях настолько четко выражены причинно- и условно-следственные отношения, что они по общему значению обусловленности не уступают детерминативным отношениям в подлинных сложноподчиненных предложениях с придаточными причины и следствия.

В отличие от результативных бессоюзных предложений, сказуемые которых оформлены однотипно, т. е. в формах только одного времени (настоящего, прошедшего или будущего), в бессоюзных предложениях с условно- и причинно-следственным значением глаголы-сказуемые стоят в различных временах. Ср.:

Өми буург шүүрв – өсрэд көвчгтән түсв (Калян С., Ө.м., 74). «Схватился за переднюю луку и уже вскочил в седло» и *Одахн хур орси, ноһан му биш девшжәнә* (Басңга Б., Б.о., 144). «Недавно прошел дождь (и уже) неплохо пробилась зелень».

С результативными предложениями сближаются и такие предложения, в которых то или иное событие, явление совершается неожиданно, в неуловимо короткий срок:

Цалмин арһмэжин хара цаглань үзнә – алдхи (Калян С., Ө.м., 35). «Достаточно увидеть (ему) очертания брошенного аркана – не упустит».

Монта ээмәснь авси болла – зөвәр тедүкнд хату пол деер яң гһһад түсв (Бадмин А., У.э.б., 112). «Монта, кажется, только что схватил за мои плечи – (как) я уже отлетела на почтительное расстояние и звонко шлепнулась на твердый пол».

Сопоставительные предложения

В сопоставительных бессоюзных предложениях выясняются различия между двумя или несколькими явлениями, допускающими некоторое подобие и даже сходство. Это в свою очередь сказывается на строении частей сопоставительных предложений, что выражается в употреблении общих элементов и контрастных по значению слов.

Примеры:

Чидлтәннь күрклдг, чидл угань ярклдг (Х.ү.). «Сильные рычаг, (а) слабые пищат».

Сән күн үзсн-соңссан, му күн идсн-уусан келдмн (Х.ү.). «Хороший человек говорит, обычно, о том, что видел и слышал, плохой человек – о том, что ел и пил».

В составе сопоставительных бессоюзных предложений могут быть вскрыты и другие виды отношений, в частности, противительные сопоставительные и противительные-уступительные.

Примеры:

Таднд – наадн-инәдн, нанд – зөвүр-зовлң (Балакан А., Э.м.о., 114). «Вам – смех и шутки, (а) мне – горе и мучение».

Күн - үрнәннь төлә, хән – сүүлиннь төлә (Х.ү.). «Человек – ради дитя своего, овца – ради хвоста своего».

Эртин ирхдән чамаг үзхән хәләв, чи уга бәәжч (Басңга Б., Б.о., 218). «В прошлый приезд хотел видеть тебя, но тебя не было» (с противит.-уступит. оттенком).

Хортн Верхне-Курмоярск, Романовск хоорндаһур Тең һатһар басл чигн зүтквә – юмн болж өгсн уга (Бембин Т., Б.ц., 47). «Как ни пытался враг переправиться через Дон между Верхне-Курмоярской и Романовской, ничего из этого не вышло» (с противит.-уступит. значением).

Заканчивая характеристику различных видов бессоюзных предложений, соотносительных со сложносочиненными предложениями, важно подчеркнуть их постоянную склонность к многозначности выражаемых отношений, их способность к совмещению различных видо-временных фонов в границах более общего плана времени, создаваемого содержанием предложения в целом.

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОДЧИНИТЕЛЬНОГО ТИПА

Выше уже отмечалось, что бессоюзные предложения, не имея формальных средств выражения между частями, наделены почти неограниченными возможностями имплицитной передачи их зависимости. Поэтому, кроме проанализированных в предыдущем разделе бессоюзных предложений сочинительного типа, существует весьма многочисленная группа бессоюзных предложений, отношения между частями которых максимально приближаются к подчинительному типу связи.

Предложения с изъяснительной частью

Общим признаком таких бессоюзных сложных предложений является особый характер их интонации: первая часть сопровождается предупредительной интонацией и выдержанной паузой. Кроме того, вторая часть в подобных предложениях предстает как конструктивно-обусловленная всем составом или отдельными членами первой части. По характеру соотношенности частей предложения рассматриваемого типа можно подразделить на несколько подгрупп:

- 1) предложения с причинным обоснованием во второй части;
- 2) предложения с пояснительной второй частью;
- 3) предложения с объяснительно-присоединительной частью.

Бессоюзные сложные предложения с причинным обоснованием во второй части

Характеризуются они тем, что первое предложение бывает всегда утвердительным: положительным или отрицательным.

Примеры:

Шачах һаң кучр: деерэс нарн шарна, дорас һазр хээрнэ, хажуһас халун сальки кишнэ (Бембин Т., Б.ц., 134). «Палящий зной невыносим: сверху печет солнце, снизу обжигает земля, сбоку обдает горячим ветром».

Тер көвүн танд дурта бәәдлтә: танас нүдән авхи (Балакан А., Э.м.о., 105). «Тот парень, вероятно, влюблен в вас: не сводит с вас глаз».

Тана совхоз райониг хооран татјах эдл-ахусин негнь: малнь ик,

идилүлдг болн өвс хаддг һазрнь ховр (Бадмин А., У.э.б., 51). «Ваш совхоз один из отсталых в районе: скота много, а пастбищ и сенокосных угодий имеете мало».

Предложения такого рода всегда могут быть заменены сложно-подчиненными. Достаточно восстановить между первой и второй частью причинный союз *юңгад гихлә*, как бессоюзные сложные предложения этого типа превращаются в сложноподчиненные союзные. Ср.:

1) *Өлн арат буһд үлү үзв: хама болв чигн ноһа олјқ идәд, буһ оньдиндән цадхлң ирнә* (Х. т.). «Голодная лиса позавидовала оленю: везде он находит траву и всегда приходит сытым»;

2) *Өлн арат буһд үлү үзв: юңгад гихлә, хама болв чигн ноһа олјқ идәд, буһ оньдиндән цадхлң ирнә.*

В бессоюзных сложных предложениях с причинным обоснованием сказуемые могут выражаться как глагольными формами, так и именными, причем обязательно в рамках изъяснительного наклонения. По наличию главных членов одна из частей таких бессоюзных предложений может быть односоставным распространенным и нераспространенным, например:

Урлл уга яах билә: әртә бортхсинь уста бортхсар сольчкад, үг орулјқ ирсн авһинь гүвдәд тәвхлә, яах билә (Басңга Б., Б.о., 156). «Как же не сердиться: бурдюки с водкой подменили бурдюками с водой, избили и отправили ни с чем старшего из сватов». В приведенном примере первое предложение является односоставным, безличным нераспространенным.

Бессоюзные сложные предложения с пояснительной второй частью

Названные предложения близки к только что рассмотренным. Однако зависимость второй части в них не так сильна как в предложениях с причинным обоснованием. Ср.:

Үлдсн көдлмишән минь ода эклјқ болшго: һазр дегд чигтә (Инжин Л., О.к., 144). «Оставшуюся работу нельзя сейчас продолжать: земля очень сырая».

Генткн Порошин үүмәтә зәңг өгв: «Маниг медчксн бәәдлтә» (Доржин Б., М.о., 82). «Вдруг Порошин сообщил тревожную весть: нас, вероятно, заметили».

В бессоюзных предложениях этой подгруппы вторая часть чаще всего выполняет по отношению к первой объектную функцию. Особенно четко проявляется это свойство, когда в первом предложении сказуемое передается глаголом со значением мыслительной деятельности и речи: (*санх* «думать», *келх* «говорить», *зэрлг болх* «повелеть», *медх* «знать, узнавать», *эрх, сурх* «просить»). Таким образом, второй компонент (или вторая часть) таких бессоюзных предложений как бы раскрывает и конкретизирует содержание перечисленных выше слов.

Примеры: *Пүрвэ дотран гейүртәһәр санв: юн хажһр би һарһад орхси болхув?* (Балакан А., Э.м.о., 114). «Пюрвя с печалью подумал: какую же ошибку я допустил?».

Танас эргчм: тер намаг суулһси летчикиг нанд үзүлтн (Басңга Б., Б.о., 121). «Моя просьба к вам: покажите того летчика, который меня посадил».

Ода халахла, медгдэд бәәхгов: кен холд хайдгнь, кен тухсадгнь (Бембин Т., Б.ц., 121). «Сейчас посмотрим и выяснится: кто дальше кинет и кто попадет».

Хан зэрлг болжана: «Би эврән одад бәрнәв» (Х.т.). Хан повелел: «Я самолично пойду и поймаю».

Бессоюзные предложения пояснительного типа нередко характеризуются тем, что вторая часть может находиться в определительных отношениях к одному из членов первого предложения, обычно, к дополнению и реже – к подлежащему, например: *Тер бийнь Темәнг школин көвүдт ик гидг сурһмж өгдг бәәсмн: бийән яһж бәрх, кү яһж күндлхин тускар, сурһулин ард орхин тускар оньдин келдг билә* (Эрнжәнә К., Н.х., 124). «Тем не менее, Темяник всегда говорил и давал очень полезные наставления: о том, как вести себя и проявлять уважение к человеку, как серьезно относиться к учебе».

В этом предложении вторая часть по отношению к дополнению в первой части *сурһмж*, выраженного нулевой формой вин. п. существительного, выполняет функцию определения. В связи с этим возможна постановка вопроса *ямаран?* «какой, какие?» *Харулчин нөөрнь әмтәхн, халәси зүүднь сәәхн: дан төгссн болна, дәәч герүрн хәрнә* (Калян С., Ө.м.). «Сладок сон караульного, сновидения его красивы: война будто кончилась, и он возвращается домой».

Здесь уже вторая часть, состоящая из двух однородных предложений, определяет содержание подлежащего *зүүднь* «сны, сновидения», расположенного в первой части бессоюзного сложного предложения.

Рассматриваемое предложение в смысле грамматического оформления совершенно разнотипно: сказуемые первой части выражены именами прилагательными, а сказуемые второй части – глаголами. Строгая лексическая симметрия внутри частей этого предложения продиктована требованиями поэтической формы.

Предложения с объяснительно-присоединительной частью

В бессоюзных предложениях объяснительно-присоединительными отношениями смысловая взаимозависимость частей ощущается слабо. В них первая часть коммуникативно более значима, так как именно в ней сообщается о каком-то событии, явлении, факте. Последующая часть содержит комментарий, уточнение и объяснение на правах присоединительно-дополнительных отношений к первой части. Замечания такого рода весьма существенны, ибо они семантически обогащают, наполняют определенным, конкретным содержанием первое предложение.

Примеры: *Зогсәжа зуг: чамаг яһдг чигн би* (Басңга Б., Б.о., 223). «Ну подожди: я тебе задам».

Нам эргнд әмтә-киитә юмн уга болж медгднә: зурмн чигн чичкнхи, элән бийнь үздхси, нам өвснә бүчр көндрхси (Бембин Т., Б.ц., 25). «Кажется, что вокруг ни души: не пропищит суслик, не покажется коршун, не колыхнутся даже стебельки травы».

Болв түүнә өгх эс өгхнь манд дала кергтә юмн биш: арһан бархларн би чамаг булаж авад чигн буулһхв (Басңга Б., Б.о., 183). «А мне нет никакого дела до того – хочет или не хочет она отдавать: в конце концов, я могу тебя и силой заставить выйти за меня».

Некоторые из бессоюзных предложений этой подгруппы содержат во второй части мотивирующее пояснение, например:

Икчүдин унтх цаг чигн болж одв: часин стрелк арвн хойрас давж һарад, шин суткин минутмуд тоолж йовна (Балакан А., Э.м.о., 122). «Вот наступило время сна и взрослых: стрелки часов, миновав двенадцать, отсчитывают минуты новых суток».

Өдртнь парк дотр серглң, жңиңси дун тасрдг уга: бичкдүд шуугад, көөлдэд, ноолдад бәәдг (Бембин Т., Б.ц., 62). «Днем в парке непрерывно раздаются веселые голоса: то шумят, гоняясь и затеявая борьбу, дети».

Иногда можно заметить, как в предложениях с присоединительными отношениями, сосуществуют оттенки других отношений, например, ре-

зультативных: *Нусха-Му хотна захд ирэд, бор килһсэн уңһдав: бас эмалта-хазарта, зертэ-зевтэ, хуви-хунрнь ханзһлата бор мөрн гүүжэ ирв* (Х.т.). «Нусха-Му, выйдя на край хотона, стал тереть серый волос: снова прибежал оседланный, с притороченным к седлу оружием и одеждой, сивка».

В бессоюзном сложном предложении *Адһад босхар седнэ... сердег хув уга – серки ханжал шигднэ* (Калян С., Э.м.). «Хочет быстро встать... но подняться уже не дано – вонзился черкесский кинжал», состоящем из трех предложений, обнаруживаются противительные (между первым и вторым) и причинные отношения (между вторым и третьим).

Объектное отношение к первой части и отношение одновременности между компонентами внутри второй части имеют место в следующем предложении: *Гертнь өөрдэж ирэд, иргэрнь шаһаһад узв: өвгн хөөнэ толһа хуухлэж сууна, эмгн цаһан мах көлврүлжэнэ, күүкнь боорце кежэнэ* (Х.т.). «Подойдя к юрте и, заглянув в щель, увидел: старик палит баранью голову, старуха обкатывает толстую кишку, начиняя ее мясом, дочь их, готовит борцыки».

УСЛОЖНЕННЫЕ ТИПЫ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

Сложноподчиненные предложения усложненного типа представляют особый интерес с точки зрения характера синтаксических связей между главным и придаточными, между самими придаточными предложениями. Немаловажно и выяснение возможностей их количественного объединения в пределах одного сложноподчиненного предложения, особенностей их группировки и расположения внутри последнего. Следует сразу заметить, что сложные предложения рассматриваемого типа широко употребляются в письменной речи. Степень продуктивности тех или иных видов сложноподчиненных предложений усложненного типа различна.

Итак, сложноподчиненные предложения усложненного типа - это такие сложные предложения, которые включают в свой состав несколько придаточных предложений, состоящих в различных взаимоотношениях между собой и главным. По способам подчинения придаточные части бывают:

- 1) с концентрированным подчинением;
- 2) с последовательным подчинением;
- 3) с параллельным подчинением.

Концентрированное подчинение придаточных

При концентрированном подчинении два или несколько придаточных предложений, находящиеся между собой в союзных или бессоюзных сочинительных связях, относятся или к одному какому-нибудь члену главного предложения, или ко всему главному в целом. Причем ведущим союзом, связывающим все такого рода придаточные предложения, является последний, т.е. стоящий непосредственно перед главным. В качестве такого союза выступают различные, чаще всего неосложненные частицами и послелогоми, формы дицендиального глагола *гич*, а именно: *гичжэ, гичһэд (гичгэд), гед, гилдэд*.

Примеры: *Эн йирин нег уга күн биш, йирин Нусха-Му болх, бидн үквчи теңгэд һарч чадш угавдн, энүгиг аду авч ирсн цагт булажэ авхмн гилдэд хойр күргн куундэд йовдг болна* (Х.т.). «Два жениха едут и разговаривают меж собой: это наверняка непростой человек, он и есть Нусха-Му; а нам, хоть убей, не подняться на небеса, а поэтому, когда он пригонит табун, мы и отберем (его коня)».

В тексте калмыцкого предложения имеется четыре придаточных однородных предложения при одном главном *Хойр күргн куундэд йовдг болна*. Подчиненность их главному передается через один общий союз (вернее, союзное слово) *гилдэд*.

Түүгинь хан соңсэжаһад, би чамаг дали хойр худл кел эс гилүв, чи дали һурвн худл келчквч, чи дегд ик худлч сэнжэч, күүкән чамд өгхив гичгэд, көөһэд һарһчкэжэ (Х.т.). «Послушав это, хан прогнал его, говоря: не я ли тебе приказал рассказать только 72 небылицы, а ты рассказал 73; ты, оказывается, слишком большой лжец, и дочь свою тебе не отдам».

В этом примере главное предложение *Түүгинь хан соңсэжаһад...* *көөһэд һарһчкэжэ* подчиняет себе четыре объектных придаточных предложения с концентрирующим (объединяющим) союзным словом *гичгэд*. В данном случае все придаточные, относясь в целом к главному предложению, уточняют обстоятельство *көөһэд*, выраженное разделительным деепричастием.

В тексте, который приводится ниже, два придаточных объектных предложения соединены между собой при помощи сочинительного союза *тегэд*, а с главным – союзом *гичжэ*:

Һәр-наадн дегд ик болад, хотан белдэжэ авч чадсн угав, теггэд чамд ирүв гичжэ меклэ келнэ (Х. т.). «Лягушка говорит: «Было много развлечений, – не успела заготовить себе еду, – вот и явилась к тебе».

Энунэс хооран таньл болый, бидн танд икэр ханжсанавди, танд нег күүкн бүрүһэр белг өгчэнэвди, тегэд маңһдур иржэ терүгэн автха гийһэд эн эзн орст келтн (Эрнжэнэ К., Н.х.). «Скажите этому русскому хозяину, что с этого дня будем знакомыми, что мы ему очень благодарны и что дарим ему одну телку, так что пусть завтра он приезжает за ней».

Текст калмыцкого предложения включает четыре придаточных, из которых только последнее связано с предшествующим ему придаточным союзным способом. Все придаточные соотносятся с главным при помощи союза *гийһэд* и подчинены непосредственно сказуемому *келтн*.

В сложноподчиненных предложениях усложненного типа с концентрированным подчинением придаточных наряду со случаями, когда последние, представляя однородную цепь, подчиняются главному через один и тот же союз, имеет место раздельное подчинение придаточных. Это значит, что каждое придаточное вводится в состав главного самостоятельно, через собственный союз. В таких случаях союзы бывают чаще всего одинаковыми. Примеры:

Көгшрх наснд бийэн хаяд эрлх гийһэд, бийэн һундаһад оркх гийһэд, Ноһан, чавгнь татата бу метэр, бээнэ (Балакан А., Э.м.о., 81). «Ноган, подобно взведенному на курок ружью, живет в постоянной тревоге, что на старости он бросит и уйдет от нее и что обидит ее».

Шарда эврэннь туужсан эртэр, генн баһдан медэд орквза гийһэд, медхлэрн генн бичкн күүкн саначрхад зовад бээх гийһэд, дээдэ аак хойр мел саглад бээцхэнэ (Инжин Л., О.к., 13). «Папа и мама очень беспокоятся о том, как бы Шарда слишком рано не узнала о своей (подлинной) судьбе, ведь, если это станет известно ей, то маленькая, во всем еще наивная девочка, начнет сильно переживать».

Особенность вышеприведенных предложений – это наличие идентичных союзов при первом и втором придаточном предложениях. Однако в речевой действительности очень часто избегается лишнее повторение союзов и союзных слов, что особенно показательно для лаконичного языка пословиц и поговорок. Ср.: *Хөөч күн дууч гижэ үкрч күн харалч гижэ келгддмн* и *Хөөч күн дууч, үкрч күн харалч гижэ келгддмн*. «Говорят, что человек, пасущий овец, песенник, а человек, пасущий коров, заклинитель».

В связи с этим нужно подчеркнуть особо, что в ряде предложений придаточные, разумеется, за исключением последнего, вообще лишены возможности выступать со своим союзом. Ограничение такого рода исходит от сказуемого самого придаточного предложения. Так, например,

если сказуемое неосновного придаточного выражено причастием будущего времени на -х и лично-притяжательной частицей -нь, то союз при таком придаточном противопоставлен, например: *Күрэд терүглэ барлдад халасн болхнь, тер кишго андн нохahas ата-марһаһан авх билэв гийһэд санад оркхла, дотрм киитрад бээнэ* (Бембин Т., Б.ц., 179). «Если бы мне добраться тогда до них, я бы рассчитался с этим негодяем, при мысли об этом внутри у меня холодеет».

Опущение союзов и союзных слов зависит в известной мере и от их коммуникативной значимости. Что же касается места, занимаемого однородными придаточными предложениями, то они могут занимать как препозицию (что чаще бывает), так и интерпозицию.

Совершенно особую разновидность концентрированного подчинения придаточных составляют те предложения, в которых несколько разнотипных придаточных предложений, относясь к одному главному, поясняют его с самых разных точек зрения. Например: *Үнэртнь келхд, Сож, Киштэг эврэннь гергн болх зөв өгх гижэ, кедү дүцгэ терүнд дурта бээсн бийнь, иткхи, өнгөхши, юңгад гихлэ тер хойр эдл улс биш* (Балакан А., Э.м.о., 248). «Если сказать правду, Содж не верит и не надеется на то, что Киштя может дать согласие стать его женой, как бы она ни любила его, потому что они люди неодинаковой природы».

В этом предложении все необычно: во-первых, часть придаточных (объектное с союзом *гижэ*) и уступительное с дистантным союзом *кедү дүцгэ... бийнь* (находится в препозиции к главному *үнэртнь келхд, Сож... иткхи, өнгөхши*, а часть (придаточное причинное с союзом *юңгад гихлэ*) находится в постпозиции. Главное предложение – двусоставное, полное, нераспространенное, включающее вводное сочетание *үнэртнь келхд*. Подлежащее и сказуемые (их два) этого предложения отдалены друг от друга, благодаря вклинению между ними двух придаточных.

Ниже приводится ещё ряд сложноподчинённых предложений усложнённого типа с концентрированным подчинением придаточных.

1) *Ах зоотехник үр Мутулов хөөннь директорин өгсн заквриг күцэжэйтхэ гижэ, эс гижэ энүг цааранднь ах зоотехник көдлэж чадх угаһинь мана селэнэ эдл-ахун управлень халэх гижэ меднэв* (Бадмин А., У.э.б., 305). «Пусть старший зоотехник товарищ Мутулов выполняет в дальнейшем приказы директора, а не то думаю, что районное управление сельского хозяйства посмотрит о возможности исполнения им должности старшего зоотехника».

2) *Кууна келжэсн үгд инэсн медүлчкэд, юн учрар инэсн эс келхлэ, эвго болх, хэр күн му санх гижэ Долда тоолв* (Инжин Л., О.к., 89). «Долда подумала, что, если не сказать, отчего она рассмеялась при этих словах, то незнакомый человек может плохо подумать».

3) *Ямаран ховтэ күн бээсм би, оддг назрчи уга, ордг герчи уга, нег бээһэд, бээришэд бээсн герин эзи залу укдгнь юмб гед, эмгн ууляд энсэд бээһэ* (Х. т.). «Старуха плачет и причитает: «Какая же я несчастная, некуда мне пойти, нет угла своего, был муж, с которым я свыклась, сжилась, да и тот умер».

Последовательное подчинение придаточных

В сложноподчиненных предложениях усложненного типа с последовательным подчинением придаточных соблюдается принцип цепной зависимости их друг от друга. Образцом такого вида подчинения является следующий пример:

Чамаг, эндр келнэв гинэд батлчкад, асхнднь цуһар цуглрсн цагт эврэн көдлл уга бээһэ бээжэ школд однав гихлэ, Цаһан йирин уурлх, Муузра ю санхинь яһжэ медхв гинэд чеежэларн өгдэд, келжэ чадхи (Эрнжэнэ К., Н.х., 44). «Решив твердо сегодня сказать, он, будучи не в силах побороть душевное колебание, не мог этого сделать, думая о том, что если он, когда все вечером соберутся, скажет о своем намерении ходить в школу, а не работать, то Цаган обязательно рассердится, а как знать, что подумает Музра».

В этом предложении четыре придаточных: первые два, являясь однородными, вводятся на обстоятельственных началах союзом *гинэд*; третье придаточное - условное (с союзом *гихлэ*) и четвертое, вводимое союзом *гинэд*, также выполняет функцию обстоятельственного придаточного. Главным здесь является *батлчкад... чеежэларн өгдэд келжэ чадхи* - двусоставное неполное, определенно-личное предложение.

Ода деерэн талдан көдлмит бээдг болв чигн, мал өсклһнэ халхар цаарандан көдлхув гижэ санжэсанав (Инжин Л., О.к., 59). «Думаю, что в дальнейшем буду работать в области животноводства, хотя пока занимаюсь другой работой». Главному предложению *санжэсанав* подчиняется первое придаточное (объектное с союзом *гижэ*), в свою очередь ему подчиняется второе - с уступительным союзом *болв чигн*.

Зуг мана конторин тооһар негдгч бригад гектарин хөрн центнер буудя авв гисиг кенчи итхн уга гижэ меднэв (Бадмин А., А.ш.д., 274).

«Думаю, что никто не поверит в то, что, по данным нашей конторы, первая бригада получила с гектара двадцать центнеров пшеницы». Здесь главному - двусоставному неполному, определенно-личному предложению подчинены два последовательно зависимых объектных придаточных предложения с союзами *гижэ* и *гисиг*.

Нижеследующее предложение состоит из главного и трех придаточных: объектного (первое), уступительного (второе) и объектного (третье). В такой последовательности и устанавливается их подчиненность друг другу: (*Борлда гижэ дуудхла, тер эсклэ уурлдг, эсклэ эс соцсн болад бээдг*). *Төрл, таньл улснь, энүнэ эн халхинь эргү гижэ келихэдг болв чигн, Борлда төлжэд, харһнжэ үкиго болад иржэ гижэ тоолихэдг билэ* (Инжин Л., О.к., 118). «(Когда звали его Борлда, он либо сердился, либо делал вид, будто не слышит). Родные и знакомые хотя и говорили, что эта черта в нем нехорошая, все же считали, что Борлда подрост и теперь уже не пропадет с голоду».

Колхозмуд жил болһн малдан шимтэ хот эс белдг төлэд, малас авдг эдл-ууш өсжэхи гижэ бичэтэ йовна (Бадмин А., А.ш.д., 180). «Написано, что продукция животноводства не растет, поскольку колхозы ежегодно не заготавливают питательные корма для скота».

К главному предложению *бичэтэ йовна*, которое выступает как безличное, относится придаточное объектное с союзом *гижэ*, а ему подчиняется придаточное причины с союзом *төлэд*.

Наблюдения над сложноподчиненными предложениями усложненного типа с последовательным подчинением позволяют заметить, что наибольшей продуктивностью отличаются структуры, в которых придаточная часть состоит не более чем из трех придаточных предложений. При этом придаточная часть в таких сложноподчиненных предложениях всегда препозитивна. Другая их особенность заключается в преимущественном употреблении разнородных союзов и союзных слов, опущение которых не допускается.

Параллельное подчинение придаточных

В отличие от всех предшествующих типов подчинения придаточных главному, при параллельном подчинении компоненты придаточной части сложного предложения находятся в прямой зависимости не от всего главного в целом, а от разных его членов. Придаточные в таких сложных предложениях по своей функциональной роли бывают в

большинстве случаев разными. Исключение составляют те придаточные, которые поясняют, каждый сам по себе, два однородных члена в составе главного. Например: *Минь уржэин цаад өдр архан бархларн, нег ээмдэн өмсх киилг, ээмэн далдлх шалвр авсв гижэ санад, таниг төлгэн угархла угарад одг гижэ тоолад тер төлгитн хулдлав* (Баснга Б., Б.о., 500). «Всего три дня назад, потеряв терпение, я решил: «дай-ка куплю себе хоть рубашку и брюки, чтобы прикрыть нагое тело, а хозяин, если обедняет из-за одного валуха, так и пусть» - и продал того вашего баранчика».

В этом предложении главным является *Минь уржэин цаад өдр архан бархларн... санад... тоолад тер төлгитн хулдлав*. Ему подчиняются два придаточных объектных: одно из них непосредственно зависит от обстоятельственного деепричастия *тоолад*, а другое - от деепричастия *санад*.

Сэрсэр шалвр кежэ өмсдг, садгар захс хашалжэ тежэл кедг Шунһрцахна залус гисн гэмт келгдэж йовсн дөөгин үгмуд альд, кезэ үүдсн болх гинэд ухахла, Леежэн зээсн, эс болх тоолврарн эцгэн хоорулсна ашт үүдсн болх гисн санан заядар орна (Доржин Б., М.о., 8). «Шьющие себе штаны из сыромятных кож, едящие рыбу, пойманную садком - это мужчины рода Шунгарцук - где и когда могли возникнуть эти слова, уже давно звучащие на весь аймак, как выражение издевки. При мысли об этом невольно приходит в голову, что появились они, вероятно, в результате капризной прихоти зайсанга Леджина, который довел до разорения и нищеты свою вотчину».

Состав главного предложения следующий: *ухахла... санан заядар орна*. Первое придаточное зависит от подлежащего главного *санан*, раскрывает его со стороны признака и выполняет определительную функцию. Второе придаточное зависит от обстоятельства *ухахла*, выраженного деепричастием условия, несет объектную функцию.

Түржэсн Манжэ көшүр угаһас көлтэ кергэн яһэж зогсахув гижэ санад, хотна ах-зах, бээхтэ байн Санжэас одад, нег үлү көшүр бээвзго гинэд сурхар седэд харна (Манжин Н., К.х., 13). «Бедствующий Манджи подумал: разве можно остановить дело из-за отсутствия оси - и решил идти к известному на весь хотон богачу Санджи, чтобы выпросить у него лишнюю тележную ось». Так как придаточные предложения размещены в этом сложном предложении интерпозитивно, то состав главного разорван на несколько частей, а именно: *Түржэсн Манжэ... санад, хотна ах-зах, бээхтэ байн Санжэас одад... сурхар седэд харна*.

Придаточное первое подчиняется обстоятельству главного *сурхар*, выраженного целевым причастием будущего времени в творительном падеже. Таким образом, первое придаточное является предложением обстоятельственной цели. Второе же придаточное находится в подчинительном отношении к деепричастному обстоятельству *санад*.

Относительно размещения придаточных при параллельном подчинении можно сказать, что они употребляются либо в препозиции к главному, либо в интерпозиции (одно из придаточных, или целая придаточная часть).

Параллельное и концентрированное подчинение придаточных

Внутри некоторых сложноподчиненных предложений усложненного типа может иметь место совмещение разных видов подчинительной связи. Все такого рода предложения представляют собою варианты и комбинации описанных выше способов подчинения придаточных главному. Из-за чрезмерной усложненности взаимоотношений компонентов придаточной части между собой и членами главной части такие сложные комплексы создают определенные трудности в их понимании и воспроизведении. Поэтому речевая действительность налагает на них известные ограничения. Пример на параллельное и концентрированное подчинение придаточных:

Садовниковин метр ут цааснд тедү хөөдт искусствен көг тэвгдв, тедү үкрмүд тохмта бухла харһе гинэд бичгдхэс биш, кедү хурһн, кедү туһл тохмта малас харһн, тедүнэ элит, эдүнэ негдгч класс гидг то-диг альд чигн уга бээсмн (Бадмин А., А.ш.д., 173). «У Садовникова на метровом листе бумаге (учетная ведомость - Г. П.) было лишь записано: столько-то овцематок прошло искусственное осеменение, столько то коров прошло случку с породистыми быками-производителями, на счет же того, сколько ягнят и телят получено от породистых животных с указанием их элитности или первого класса, то таких сведений нигде не было».

Состав главного здесь такой: *бичгдхэс биш... то-диг альд чигн уга бээсмн*. Первая придаточная часть этого сложного предложения включает три придаточных, связанных общим союзом *гидг* и подчиненных сложному дополнению *то-диг* «сведения, данные», выраженному парным существительным. Вторая препозитивная придаточная часть содержит два однородных придаточных предложения при одном союзе

гүһэд. Придаточная часть зависит от обстоятельства *бичгдхэс биш*, выраженного формой будущего причастия в исходном падеже с отрицанием.

Усложненные предложения смешанного типа

Сложные предложения рассматриваемого типа представляют такие комплексы, которые создаются в результате переплетения самых различных по характеру и средствам выражения синтаксических явлений: сочинения и подчинения, союзя и бессоюзя. Являясь объединениями минимальных конструкций сложных предложений, эти комплексы характеризуются особенностями состава, принципами внутренней организации и качеством образующих компонентов.

Со стороны количественной допускается сочетание двух, трех, четырех и более предложений. Материал, взятый в качестве наблюдений, позволяет сказать, что структура сложных предложений смешанного типа чрезвычайно разнохарактерна и вариативна. Из всего многообразие возможных комбинаций частей или компонентов «смешанного сложного» отметим здесь наиболее регулярные. Таких, более или менее постоянных комбинаций, не менее шести:

1) Соединение бессоюзного сложного предложения со сложносочиненным предложением союзного порядка: *Тегэд эн хойр төр таслх зөвтэ бээсмн: арһинь хээһэд көвүһэн Элст деер көдлмиит үлдэж үзх, эс гижэ көвүһэн дахад селәнүр нүүх* (Бадмин А., У.э.б., 187). «И тогда необходимо было решить эти два вопроса: (либо) попытаться устроить сына на работу в Элисте, либо поехать с ним в село».

Сочинительное предложение с одиночным союзом *эс гижэ* включается в бессоюзную связь с предложением *Тегэд эн хойр төр таслх зөвтэ бээсмн*.

Намрин өдрмүд ямаран болхинь яһэж медхув: хурта-чигтэ чигн болд бээх, эрт киитн чигн болжэ одх, тиигхлэ эртэснь ухалсн сэн болх (Куукан А., Н.т., 30). «Как знать, какими будут осенние дни: возможно, будет дождливо и сыро, возможно, рано похолодает, так что лучше заранее подумать».

Сочинительное предложение следствия-вывода с союзом *тшигхлэ* вступает в бессоюзную связь с предложением *Намрин өдрмүд ямаран болхинь яһэж медхув*.

Ямаран учрар эр така тоһстнла иньгдснь медгдхи: аль тоһстна

хувцнь угатьур бээсн учрасв, аль эдн ирг даралдад бээсн учрасв, зуг эдн иньгдг билэ (Х.т.). «По какой причине петух сдружился с павлином непонятно: то ли оттого, что у павлина одежка была нукудышняя, то ли оттого, что они жили бок о бок, но они дружили».

В этом примере сложносочиненное предложение закрытой структуры с замыкающим союзом *зуг* входит в бессоюзную связь с предложением *Ямаран учрар эр така тоһстнла иньгдснь медгдхи*.

2) Бессоюзное соединение двух или трех сложноподчиненных предложений, каждое из которых содержит по одному или по несколько придаточных:

Увлэх хөөдин туст шуурһн догшин гижэ хааша-хаалһарн түриговидн, киитн догшин гижэ дулан гер хээшговидн, һазр мөств гижэ өвсэр түриговидн (Х.т.). «Что выюги свирепы, так в отношении зимовки овец мы не будем бедствовать (из-за отсутствия) тепляков и загонов; что морозы трескучи, так не будем искать теплых юрт; что земля обледенела, так из-за сена не страдаем».

Связь внутри сложноподчиненных предложений осуществляется с помощью союза *гижэ*, причем в придаточных первых двух предложений сказуемые лексически и грамматически однотипны.

Хүрм ирв гижэ күүкдтэн хот өглго бичэ бэ, хур орв гижэ адуһан ус-лго бичэ бэ (Х.ү.) «Оттого, что свадьба приехала, нельзя не кормить детей, оттого, что дождь прошел, нельзя не поить лошадей».

Здесь два сложноподчиненных предложения, находящихся в бессоюзной связи друг с другом, имеют при себе по одному придаточному причинам, вводимых союзом *гижэ*.

3) Союзная сочинительная связь двух и более сложноподчиненных предложений: *Тосхлтас эһэд зулв гижэ санх, аль Долан, чи сэн йовдл кежэһэнэч гижэ келх?...* (З.т., 175). «Подумает, что испугался и сбежал со стройки, либо скажет: «Долан, ты очень хорошо поступаешь...». В качестве главных предложений в каждом из компонентов данного «смешанного сложного» выступают односоставные предложения *санх* и *келх*.

Андрей эндр эркэжэн уга ирх зөвтэ гижэ күлэжэсн Дольган бийиннь тускар, терүңлэ бийнь яһэж таньлдсна тускар, эндр терүнд келхэр седжэх үгиннь тускар дотран ухалжсала, болв Андрей ямаран хаалһар бийүрнь иржэ таньлдсинь, тшигхд тер эврэннь ямаран зөвүртэ йовсинь Дольган эс ухалжсала, юңгад гихлэ кергин тер халхнь энүнд тодрха чигн биш, аштаһар бийнь соньмсэжэсн чигн биш (Инжин Л., О.к., 188). «Дольган, ожидавшая, что сегодня Андрей обязательно приедет к ней,

думала о себе, о том, как она познакомилась с ним и о том, какие слова ему скажет, но Дольган не думала о том, какой дорогой пришел к ней Андрей и какие душевные муки тогда переносил он, потому что эта сторона дела ей представлялась неясной и сколько-нибудь серьезно не интересовала».

Связь сложных предложений реализуется при помощи сочинительного (противительного) союза *болв* «но, однако». В первом наличествует придаточное объектное, во втором - придаточное причинное.

Манжэ эн юн гидгэж гисн кевтэ, негт болһажэ герэн талан хэлэнэ, негт ода бидн эндвдн, яһдг болв чигн маниг таасжэ үзтн, тер цагт маднд цугтад сэн болх гисн мет, күүкдүр үргсн-чочсн хэлэцэр хэлэнэ (Зүркни таалар, 281). «Манджи с видом, что она скажет, то осторожно смотрит на жену, то с видом, - как-нибудь полюбите нас и тогда будет всем нам хорошо, - испуганно смотрит на девушек».

Приведенный пример интересен в том отношении, что два сложноподчиненных предложения построены так, что в оформлении их зависимых частей наблюдается определенная симметричность: оба содержат по одному квалификативному придаточному с разновидностями одного и того же союзного сочетания *гисн кевтэ, гисн мет*. Компоненты же «смешанного сложного» соединены повторяющимся союзом *негт... негт*.

4) Бессоюзное сочетание двух компонентов, первый из которых представляет сложноподчиненное предложение с двумя придаточными (в нашем примере - уступительное и причинное), а второй - бессоюзное сложное предложение, состоящее из двух простых:

Бачм тиим зэңг ирсн болв чигн, Городовиковин нертэ колхозин хардвр болн малчнр үүмсн уга, юңгад гихлэ энд ик урдас үвлд белдвр кегдв: мал үвлзүлх бээрн эртэр белн болла, боран болхла өгх хот бээнэ (Х. Үнн). «Хотя и пришло такое сообщение, руководство и скотоводы колхоза имени Городовикова не растерялись, потому что здесь заранее приготовились к зиме: были давно готовы помещения для зимовки скота, есть и корма на случай пурги».

При данном типе комбинаций компонентов сложного синтаксического комплекса могут возникать варианты или разновидности их построения. Например, бессоюзное соединение двух предложений, одно из которых - сложноподчиненное, а другое воспроизводит структурную схему простого предложения: *Хаанахн күүкэн хээжэ олж чадад, олх күн бээвзэ гихэд алвдан зарлна, күн ирдго болна* (Х.т.). «Ханские люди,

не найдя девушку, объявляют подданным: «может быть есть человек, который отыскал бы ее, (но) никто не является».

5) Союзное соединение двух сложных предложений с одним простым распространенным предложением: *Тер йовдл йир һундлта болжэ нанд тоолгодна гижэ келхэр седжэлэв, харнь тегэд бийиннь тускар келжэна гижэ санх зөв угат, юңгад гихлэ та эцкэн дураһад учражэ авсн специальностьярн көдлжэнахнт, таишр тегэд тана специальность мини учражэ авхар седжэхэ специальностьлэ төрл болжэаналхн* (Инжин Л., О.к., 167). «Я хотел сказать, что такой поступок меня очень огорчает, но при этом вы не должны думать, что говорю про вас, так как вы, следуя примеру отца, работаете по приобретенной специальности, которая тому же оказывается родственной той, которую я хочу получить».

Первые два компонента имеют структурную схему сложноподчиненных предложений, связанных между собой сочинительным (противительным) союзным сочетанием *харнь тегэд*. На втором уровне членения сложных предложений в составе первого выделяется придаточное объектное, вводимое союзом *гижэ* в составе второго обнаруживаются два придаточных: объектное с *гижэ* и причинное с *юңгад гихлэ*. Третье предложение представляет минимальную конструкцию (простое предложение) с присоединительным союзом *таишр тегэд* «к тому же, при том».

6) Совмещение бессоюзной связи с союзной подчинительной и сочинительной связью:

Цаарандан бэн-бээтлэн Андрей эн күүкнэ тускар ю-бис меджэ: Бакланова Марина - комсомолк, юңгад гихлэ комсомольск хургудт ирнэ; эрк ирэд уга, күүнлэ үгэн авлцад уга күүкн; нидн намрас нааран Ростов балһснд производств көдлжэ йовна; эцкнэ эркнч болв чигн, кергэн меддг бухгалтер... (Инжин Л., О.к., 125). «В дальнейшем, постепенно об этой девушке Андрей узнал многое: Бакланова Марина комсомолка, потому что приходит на комсомольские собрания; незамужняя, ни за кого не просватанная девушка; с осени прошлого года работает, оказывается, на производстве в городе Ростове; отец ее, хоть и пьяница, (но) знающий свое дело бухгалтер...»

Строение данного предложения довольно специфичное: в его составе функционирует сложное подчинительное предложение с причинным союзом *юңгад гихлэ*, которое на бессоюзных началах примыкает к первому предложению; заключает же сложноподчиненное предложение с уступительным придаточным (союз *болв чигн*), а между ними находит-

ся бессоюзное предложение *арк ирад уга, күүнлэ үгэн авлцад уга күүкн; нидн намрас нааран Ростов балһснд производствд кәдлэж йовна.*

Нер дуудулм киштә нег юмн күләхинь-күләхинь - уга, нүднд үзгдиго болв, учр тиим болсар өнчән авч, өрк «өскхәр» седәд, эзн болсн хан, танар үүлән хайлулхар баралхжәнаводн гижэ эмгн өвгн хойр келлдв (Х. т.). «Старик и старуха молвят: «Ждали мы ждали хоть кого-нибудь, кто продолжил бы наш род, да, видимо, не дожидаться, поэтому, решив поделить имущество, чтобы создать семью, пришли к Вам, владыка-хан, для решения этого вопроса».

Два первых предложения находятся в бессоюзной сочинительной связи, третье - сложноподчиненное предложение с объектным придаточным начинается сочинительным союзным сочетанием *учр тиим болсар* «а потому, а посему».

7) Бессоюзное соединение нескольких предложений, первый компонент которых представлен сложноподчиненным предложением, а второй компонент - бессоюзным сочетанием нескольких простых предложений (распространенных и нераспространенных):

Сээтур таньдад уга улсас кенднь болв чигн эврәннь ухаһан илдхдән эн эмәһәд бәәдг биһә, юңгад гихлә эс болх күүнд эврәннь дотрк седклән келчкхлә, буру кемәц болх; бәргдәд уга туулан туск зәңг болад тархагдх; зәрмснь инәлдх; зәрмснь шуд күрг кеһәд, терүнд өгчкхәр седирхәх (Инжин Л., О.к., 45). «Она стеснялась говорить о своих думах людям, которых недостаточно знала, потому, как, если выложишь свою тайну человеку недоброму, будет неверно истолковано: разойдется это, как слух о непойманном зайце; некоторые будут потешаться, а некоторые тут же сделают (его) женихом и захотят отдать за него (замуж)».

Сложные предложения смешанного типа, понимаемые как сцепления разнородных по характеру связи и средствам выражения сложных предложений, хотя и не являются качественно новыми единицами синтаксического уровня, все же предстают как единства, иерархически более высокого уровня, чем обычные сложные и простые предложения. В отличие от последних, имеющих всего один уровень синтаксического членения, сложные предложения смешанного типа обладают двумя и даже несколькими уровнями такого членения. Здесь уже на первом уровне членения выделяются компоненты, воспроизводящие формулу того или иного типа сложного предложения. И только на втором, а, возможно, и на третьем уровне членения получаем минимальные конструкции: придаточные и простые самостоятельные предложения.

Для того, чтобы наглядно представить описанную выше картину отношений и закономерностей организации сложного предложения смешанного типа, обратимся к сравнению двух следующих примеров:

1) *Тер хаанд нег әәлдәч күүкн бәәж, хан тер күүкән кенд өгхән медл уга бәәж.* «Была у того хана дочь-прорицательница, хан не знал за кого ее отдать замуж».

2) *Тер хаанд нег әәлдәч күүкн бәәж, хан тер күүкән кенд өгхән медл уга бәәж тегәд, аш сүүлднь, мини күүк буулх саната улс һурв булттха, кемр бултсн күн олдхла, хәәчлә харһулхмн; һурв бултад олдл уга бәәхләрн күүкиг авг гижэ хан зар тәвнә (Х. т.).* «Была у того хана дочь-прорицательница, хан не знал за кого ее отдать замуж, и тогда наконец хан объявил: тот, кто намерен жениться на моей дочери, пусть три раза спрячется, если при этом он будет найден, (то) будет казнен, (а) если троекратно спрятавшись, не будет найден, (то) пусть возьмет мою дочь».

Первый пример являет собой образец минимальной конструкции сложного предложения, распадающийся при членении на компоненты - простые предложения. *Тер хаанд нег әәлдәч күүкн бәәж // Хан тер күүкән кенд өгхән медл уга бәәж.*

Во втором же примере - сложном предложении смешанного типа - на первом уровне членения выделяются два составных компонента, границу их смысловых отношений показывает союз *тегәд*. Эти два составных компонента, в свою очередь, состоят из нескольких частей. Таким образом, на втором уровне членения первый составной компонент можно разложить на две предикативные единицы: *Тер хаанд нег әәлдәч күүкн бәәж // Хан тер күүкән кенд өгхән медл уга бәәж*, а второй составной компонент соответственно распадается на три части: *Тегәд, аш сүүлднь.., хан зар тәвнә // Мини күүк буулх саната улс һурв булттха, кемр бултсн күн олдхла, хәәчлә харһулхмн // Һурв бултад, олдл уга бәәхләрн күүкиг авг гижэ.*

Следует отметить, что громоздкость структуры и крайняя сложность, переплетенность различных логико-смысловых и модально-временных планов значительно сужают сферу употребления и применения сложных предложений смешанного типа. Для разговорного стиля речи они не характерны, а если и употребляются, то с оттенком книжности. Поэтому основная сфера их функционирования - это язык художественной литературы (прозы, поэзии), язык газет и научных трудов.

В связи со становлением новых жанров калмыцкой литературы

(особенно романов и повестей) оживляются и активизируются разного рода усложненные конструкции, в том числе и сложные предложения смешанного типа. Следовательно, данный тип сложного предложения - достояние литературного калмыцкого языка, он входит постепенно в его норму и уже сейчас отмечен определенной продуктивностью.

ЧУЖАЯ РЕЧЬ И СПОСОБЫ ЕЕ ПЕРЕДАЧИ

Прямая и косвенная речь как виды чужой речи

Чужая речь - это речь какого-нибудь лица или персонажа, введенная в контекст авторского повествования. Чужая речь может быть передана в форме прямой и косвенной речи.

Чужая речь, воспроизведенная дословно, с сохранением всех специфических особенностей ее интонации и стиля, называется прямой речью. Например: «*Һатһна амна хулсиғ тадн хадх зөв угат! Энүнэс үкс гижэ һарихатн! Эн хулсиғ кезэн-кезэнэс нааран Шуңгарцахн хада юмн. Энүнэс һарихатн, һурв келхэс давхн угав. Хэрнь тер!*» - *болэж Леежн зэасн мөрн деерэн босн хээкрв* (Доржин Б., М.о., 26). «Вы не имеете права косить камыш у переправы! Убирайтесь отсюда поживее! Здесь испокон веков косили люди из рода Шунгарцук! Уходите! Больше трех раз не буду повторять. Вот так!» - кричал зайсанг Леджин, привстав на коне».

Чужая речь, воспроизведенная без сохранения особенностей интонации и стиля высказывания говорящего, называется косвенной речью. Например: *Труба Цуглинов хойр эргдэд-дахлдад бээхинь полковник узамедд бээв чигн, болв суутн чигн гижэ хөржэхши* (Бембин Т., Б.ц., 114). «Хотя полковник и видит, как возле него крутятся Труба и Цуглинов, однако он не говорит им, чтоб присели, и не запрещает, чтоб не ходили за ним».

В калмыцком языке наиболее распространенными и употребительными приемами оформления передачи чужой речи являются:

- 1) служебный глагол *гих*, вводящий чужую речь в авторское повествование в формах причастий и деепричастий;
- 2) служебный глагол *гих*, выполняющий роль вводящего слова в собственно глагольных формах;
- 3) служебный глагол *болх*, семантически и синтаксически заменяющий глагол речи *гих* (главным образом в формах соединительного и раз-

делительного деепричастий) и на этом основании также осуществляющий функцию ввода прямой речи;

4) глаголы речи, мысли и чувств *келх* «говорить, сказывать», *сурх* «спрашивать», *санх* «мыслить, думать, вспоминать», *ухалх* «размышлять, думать», *зэңглх* «сообщать» и другие, раскрывающие целевую направленность действия.

Эти слова служат целям включения чужой речи в авторскую, т. е. являются вводящими. Что касается форм глагола *гих* в предложениях с прямой и косвенной речью, то они различаются по своим синтаксическим функциям. Когда при их помощи передается прямая речь, они выступают в качестве вводящих слов - членов главного предложения, каковым является авторский контекст. Если же при помощи форм глагола *гих* в авторское повествование включается не прямая, а косвенная речь, то они употребляются в функции средств связи между придаточной и главной частью, т. е. в роли союзов.

Функциональные различия форм глагола *гих* в предложениях с прямой и косвенной речью подчеркиваются также интонационно. Обратимся к следующему примеру: «*Тер плантац бээх һазр мана совхозин боодгудин өөрк һазрас сэн биш*», - *гижэ агроном келв* (Инжин Л., О.к., 10). «Земля, на которой находится та плантация, не лучше той, что у наших совхозных прудов», - сказал агроном. Будучи предложением с прямой речью, оно имеет характерное для нее интонационное оформление: голос повышается постепенно, высшая точка ее подъема - последнее слово прямой речи, затем следует небольшая пауза и дальше - понижение голоса.

Если же приведенное предложение построить в форме конструкции с косвенной речью, то характер ее интонационного рисунка будет уже иным: *Тер плантац бээх һазр мана совхозин боодгудин өөрк һазрас сэн биш гижэ*, - *агроном келв*. Здесь повышение голоса приходится на связующее слово *гижэ* а пауза наступает после него, что и отражается на письме в виде запятой и тире перед авторскими словами.

В процессе трансформации прямой речи в косвенную происходит не механическое передвижение вводящего слова *гих*, а его качественное изменение: переходя из авторского контекста в состав косвенной речи, оно выполняет роль союза или союзного слова в придаточной части сложного предложения. В связи с такой модификацией всей конструкции с прямой речью меняется и ее интонационная структура.

Ср.: «*Зуркн яһжэ куундэж чадх билэ? Зуркнд келн бээдв?*» - *гитэд*

күүкн алмацна (Инжин Л., О.к., 8). «Как может говорить сердце? Разве у сердца есть язык?» - удивляется девушка».

Зүркн яһж, күүндэж чадх билэ. Зүркнд келн бээдв гихэд, - күүкн алмацна. «Девушка удивляется тому, как может говорить сердце и что у сердца есть язык». Во втором случае прямая речь, перейдя в косвенную, лишилась прежней интонации вопроса и стала по своей форме повествовательным придаточным предложением с союзным словом *гихэд*.

Позиция прямой и косвенной речи в предложении

Одним из формальных признаков, отличающих прямую речь от косвенной, является их позиция в предложении. В отношении места прямая речь бывает непостоянной, тогда как косвенная речь занимает строго определенное место, а именно, перед авторскими словами.

Прямая речь может располагаться в середине предложения, являющегося авторским повествованием. Наблюдается это, когда один из второстепенных членов в главном предложении сопровождается интонацией выжидания, обозначаемой на письме двоеточием. Такими второстепенными членами являются чаще всего деепричастия на *-н* и *-ад*:

Сөөвч Гольга өвгн сөгдн: «Тана зергд медулхд Микүгэ Утнасн ирэд уга! - гижэ хэрү өгв» (Доржин Б., М.о., 12). «Прислужник старик Гольга, присев на колени, ответил: «Довожу до сведения Вашего степенства, что Утнасун Микугиев не пришел». *Андрей теднэ өмн зогсчкэд: «Эн дегтр мини. Би эврэн бултулчклав», - болжана* (Бадмин А., Р.д., 18). «Встав перед ними, Андрей говорит: «Это мои книги. Я сам их спрягал».

Интонация выжидания может сопровождать не только второстепенные члены, выраженные деепричастием и реже именами, но и подлежащее главного предложения: *Тиигэд өр цэгэд ирхин алднд хурлын ах багш: «Нэ, Цаһаһан кей!» - гинэ* (Там же, 58). Потом, перед рассветом старший наставник хурула говорит: «Ну, давайте справлять Цаган!» (название праздника Белого месяца)».

Необходимо отметить, что в предложении, являющемся авторской речью, вводящее слово - сказуемое нередко эллиптируется, в силу чего предложение как бы остается незаконченным.

Примеры: *Ноган өмнэснь: «Би эс меддг биш, юһинь акадлад бээнэч»* (З.т., 219). «Ноган (говорит) в ответ: «Будто я не знаю. Зачем

валяешь дурака?» *Нүүдлэ утар киһһэн авад, Хожжа тал өөрдэд: «Чи бичгтэн юуна тускар бичх билэч? Кенд бичх билэч?»* (Куукан А., Н.т., 27). «Нюдля протяжно вздохнув и, подойдя к Ходже, (сказала): «О чем бы ты написал в своем письме? И кому?».

Прямая речь очень часто размещается перед авторскими словами:

«Юңгэд таднд урднь эс келсн болхв. Мини гем! Мини гем!» - гихэд Аюш толһаһан бэрчкэд, гер дотраһар йовдңнв (Бадмин А., Р.д., 67). «Отчего я раньше не сказал вам. Моя вина! Моя!» - произносил Аюш, схватившись за голову и расхаживая по комнате». *«Авхан автн! Эмимдн менд өршэтн!» - гилдэд мөлкэд бээцхэнэ* (Эрнжэнэ К., Н.х., 35). «Берите, что хотите! Только помилуйте наши души!» - умоляют и ползают (они)». *«Ода яһжэ хотхртан күрий?» - гижэ командир Бамб цецэ тал хэләһэд келв* (Бембин Т., Б.ц., 210). «Как теперь доберемся до своей лощинки?» - обратился командир, глядя на Бамб-цецек».

Иногда допускается разрыв прямой речи авторскими словами:

«Би амрар эднд эврәннь цогцан өгшгов!- хойр һарарн бүстэн дүүжлгдэж йовсн зер-зеван шләд, - ода бийнь дөрвн гранат, хойр диск сумн бээнэ...» - гижэ санв (Бембин Т., Б.ц., там же). «Нет, так просто не отдам им себя! - и, погладив двумя руками висевшее у него на поясе оружие, подумал: «Еще есть четыре гранаты и два диска с пулями».

«Боова, хувцан тәәләд, мини орн деер һарад кевт», - гихэд келчкэд, Аюш терз тал хэләв: «Удлго өр цән гижээнэ» (Бадмин А., Р.д., 71). «Боова, раздевайся и ложись на мою кровать, - сказал Аюш и посмотрел в сторону окна: - «Скоро будет светать».

В том, что здесь имеет место разрыв прямой речи, легко убедиться перенеся авторский контекст за прямую речь. Ср.: *«Боова, хувцан тәәләд, мини орн деер һарад кевт. Удлго өр цән гижээнэ», - гихэд келчкэд, Аюш терз тал хэләв.*

Прямая речь может помещаться за авторским контекстом, если вводящими словами являются глаголы речи, мысли и чувства.

Примеры: *Алтн шарһнь эвиән келнэ: «Миңьян минь, дөрвн хар савр мөлтрхдән күрв»* (Дж., 165). «Его золотисто-соловый, позывывая, говорит: «Мингиян мой, четыре черные копыта мои готовы выскочить». *Туңгрцгән хавтхлчкэд, хөөч ухалв: «Өгсн үгән күцэхүв»* (Х. Үнн). «Положив кiset в карман, чабан подумал: «Слово, которое дал, сдержу».

Особенности построения прямой и косвенной речи

Первое и основное отличие прямой речи от косвенной заключается в том, что прямая речь, где бы она ни стояла, имеет форму одного или нескольких самостоятельных предложений.

К числу характерных примет прямой речи относится употребление в ее составе различных модальных слов, междометных частиц, обращений и вообще эмоционально-экспрессивных выражений, которые не показательны для косвенной речи. Примеры:

«*Ха, ха! Йир сэн болж! Игэвнэ гидгэр сүринь дарж! Би йир икэр байрлжана!*» - *болж Ноостан Овш хочкнж инэв* (Бадмин А., Р.д., 28). «Ха, ха! Очень хорошо! Здорово его припугнули! Я очень рад!» - захохотал Ностаев Обуш. «*Айд, айд! Буйн болтха, бичэ ха!*» - *гижэ ээрнэ тернь* (Эрнжэнэ К., Н.х., 37). «Постой, погоди! Ради бога, не стреляй! - умоляет тот». «*Эй яһжаснтн энв!*» - *гидэд Манжэ шилвуринь шуурч авад, өвгн тал хайчкв* (Там же). «Эй, что вы делаете! - воскликнул Манджи и, выхватив бич, бросил его в сторону старика». «*Не, не! Зуг күүнд бичэ кел!*» - *гисн дун һазаһас соңсгдв* (разг.). «Ладно, ладно! Только никому не говори!» - слышался голос с улицы». «*Йо, дэрк, юн болад одв!*» - *гижэ шуһуд суусн эмгн чочад одв* (З.т., 35). «Ой, мать божья, что случилось!» - вздрогнула сидевшая в углу старуха».

В составе прямой речи встречаются обращения, в том числе имена собственные, которые выражают непосредственную адресованность высказывания говорящего собеседнику:

«*Эх, Герл, Герл! Эн бичкн зуркнчн мел ил нүцкн*», - *гижэ өвгн шагшрв* (Бадмин А., Р.д., 53). «Эх, Герел, Герел! Твое маленькое сердечко совсем открыто», - проворчал старик». «*Менд, менд, авһ ах!*» - *болжэ күүкн байрлдог хару өвг* (З.т., 113). «Здравствуй, здравствуй, дядюшка!» - не смущаясь ответила девушка».

Как видно из примеров, для прямой речи свойственна интонация живой разговорной речи: она бывает вопросительной, побудительной и восклицательной. Та или иная интонация может уточняться через отдельные слова, входящие в авторский контекст. В роли таких уточнителей интонации прямой речи выступают прежде всего глаголы типа *сурх* «спрашивать» (при вопросительном предложении), *хэахрх* «кричать» (при восклицательном) и некоторые другие: *Бооваг күүц келүүлго*: «*Ю келхэр седлэч?*» - *гижэ Ордаш сурв* (Бадмин А., Р.д., 24). «Не дав договорить Боове, Ордаш спросил: «Что ты хотела сказать?». «*Аюш, Аюш!*»

- *гидэд генткн күн хэахрсн болв* (разг.). «Вдруг почудилось, будто кто-то закричал: «Аюш, Аюш!». «*Чи эн хойр көвүннэнь тускар юм ухалжэ бээнч!*» - *гидэд Болха уурлв* (Балакан А., А.б.з., 31). «Ты что нибудь думаешь о своих двух сыновьях!» - рассердилась Болха».

В прямой речи имеют место различные повторы слов и кратких предложений: «*Халэлтн, халэлтн! Цуһар кееһэ хувцта, зэрмнь улан дарцг бэрихэжэ!*» - *гижэ негнь келв* (Инжин Л., О. к., 293). «Смотрите, смотрите! Все в нарядной одежде, некоторые несут красные флажки!» - сказал один из них». «*Юн, юн гивчи?*» - *болад Овш өкэв* (разг.). «Что, что ты сказал?» - спросил, нагнувшись, Обуш».

Прямая речь, будучи точным воспроизведением чужой речи, способна отразить при помощи прерывистых фраз эмоциональное состояние говорящего:

«*Юн гинэч?! О, хээрхн, бурхн багш минь, тер килнцинь тэвжэ өгич!* *Терунэ ормд намаг ав! Намаг! Намаг! Хурла өргэһэс шүтэ... хэрнь, ода... кун... уга...*» - *гидэд күүкд күүнэ урлнь көкрэд, доран унв* (Бадмин А., Р.д., 61). «Что ты говоришь?! О, милостивый бурхан бакши! Отпусти его грехи! Возьми вместо него меня! Меня! Меня! Из монастырско-го дворца вынести святыню... однако, теперь... человека... нет...» - губы женщины посинели, и она тут же упала».

Сохраняя все мелкие штрихи чужой речи, прямая речь может дать представление о характере речевого поведения говорящего лица: «*Үүрмүд, би эн хурт үг келх зөв уга билэв, кемржэн амтн суржсахла, босжэ цээлһэжэ өгх кергтэ, кхм*», - *гидэд комиссар эклв* (Бадмин А., Р.д., 234). «Товарищи, кхм, я не должен был выступать на этом собрании. Но если народ просит, то надо дать разъяснения», - начал комиссар».

Вводящие слова

Выше отмечалось, что функция ввода прямой речи осуществляется не только посредством форм глагола *гих*, но и других слов, выступающих со значением речи, мысли и чувства: *келх, хэахрх, зэңглх, сурх, дудх, санх, цээлһх, ухалх, байрлх, уурлх* и т. п.

Примеры: *Байн Күүкэн Алтн Чеежэ келн бээнэ*: «*Миңьян минь, хавтхтан бээсн шар-цоохр альчуриг нааран һарһ*» (Дж., 198). «Баян Кункен Алтан Цеджи говорит: «Мингиян мой, вытащи-ка из своего кармана желто-пестрый платок».

Маниг школын *hаза ирэд буухла, нагчасн күүкд зэнгел*: «Тадниг Нимэ Нармаевич хээжэ йовна» (Балакан А., А.б.з., 24). «Когда мы приехали и сошли во дворе школы, игравшие дети сообщили: «Вас разыскивает Нимя Нармаевич».

Эльза дотран санв: «Иим киитн, иим бузр хашад нилх туһлмуд яһжэ бээлһдв?» (З.т., 222). «Эльза про себя думала: «Как же можно держать в таком холодном и грязном помещении новорожденных телят?»

Холжжэ йовх көвү үзэд, ээжнь дуудв: «Бембэ, Бембэ минь, альдаран гүүжэ йовнач (Балакан А., А.б.з., 108). «Увидев, как удаляется мальчик, бабушка позвала: «Бембя, Бембьяша, куда убегаешь».

Подобного рода вводящие слова могут быть и составными, например: *Күчтэ Күрмн хан зэрлг болв: «Үйин өнчн Жаңһр, эн һазрин өнцэ элжэ бэ»* (Дж., 198). «Могучий Кюрмен-хан соизволил сказать: «Вечный сирота Джангар, владей частью (букв. краем) этой земли».

Специфическим для калмыцкого языка является употребление глагола *болх* «быть, становиться» в функции вводящего слова. В данной роли этот глагол вполне заменим дицендиальным словом *гих*. Ср.: «*һаран нааран өг*», - *болад Аюш мөсн деер йовһн суучкад, көвүнд һаран сунһв* (Бадмин А., Р.д., 81). «*Һаран нааран өг*», - *гилһэд Аюш... һаран сунһв*. «Давай сюда руки», - сказал Аюш и, присев на корточки, протянул руку». «*Ю-ю ээжэнав, ода бас чон бээдв?*» - *болжэ Харка алц болв* (Балакан А., А.б.з., 75). «Ой, ой. Боюсь. Неужели и сейчас есть волки? - удивилась Харка».

Глагол *болх* в качестве вводящего слова очень активен и по своей частотности уступает лишь *гих*. Все вводящие слова выполняют роль членов предложения, входящих в авторский контекст. Глагол *гих*, выступая в причастных и деепричастных формах в функции вводящего слова, является обстоятельственным членом предложения. В собственно глагольных формах он является сказуемым, вводя прямую речь по способу примыкания. Ср.: «*Цэ уужэ боллго. Хальмг күн цээһэс зусиг йир, үзэд, соңсад угав*», — *гилһэд комбат өөрнь ирэд суув* (Бембин Т., Б.ц., 72). «Чаю, конечно, можно попить. Вообще, не слышал и не видал, чтобы калмык избегал чая», - сказал комбат и, подойдя ближе к ней, сел». «*Күүкм арвн класс төгсэлэ*», - *гив* (Инжин Л., О.к., 123). «Дочь моя закончила десять классов» - сказал (он)».

Переход прямой речи в косвенную

Когда прямая речь переходит в косвенную, то в ее структуре происходит ряд существенных изменений лексико-грамматического и интонационно-стилистического порядка.

Оформляясь в виде косвенной речи, прямая речь меняет характер своей интонации и паузы, что вызывается перемещением вводящего слова из пределов авторского контекста в состав придаточной части. При этом вводящее слово превращается в союз или союзное слово, соединяющее части сложного предложения. Во-вторых, в результате преобразования прямой речи в косвенную, последняя обязательно предшествует авторским словам.

Пример прямой речи: *Амбуш машинаннь өмнк хаалһ хэлэн йовжэ: - «Та кедүтэвт?» - гижэ сурв* (З.т., 75). «Глядя на дорогу перед машиной, Амбуш спросил: «Сколько вам лет?»

Пример косвенной речи: *Та кедүтэвт гижэ, - Амбуш машинаннь өмнк хаалһ хэлэн йовжэ сурв*. «Глядя на дорогу перед машиной, Амбуш спросил, сколько ему лет».

Если прямая речь имеет при себе в качестве вводящих слов глаголы речи, мысли и чувства типа *келх, санх, ухалх*, то при ее переходе в косвенную речь используется связующее слово *гих* (союз или союзное слово). Ср. примеры.

Прямая речь: *Шалвра Доржэ келжээнэ: «Мана кен негмдн күүкдтэ. Тииклэ школын тускар ухалх кергтэ»* (Балакан А., А.б.з., 63). «Шалбу-ров Дорджи говорит: «У каждого из нас есть дети. А раз так, то необходимо подумать о школе».

Косвенная речь: *Мана кен негмдн күүкдтэ. Тииклэ школын тускар ухалх кергтэ гижэ, - Шалвра Доржэ келжээнэ*. «Шалбу-ров Дорджи гово-рит, что у каждого из нас есть дети. А раз так, необходимо подумать о школе».

Прямая речь: *Командир суржэна: «Нань юн зэнгэ бээна?»* (Бембин Т., Б.ц., 153). «Командир спрашивает: «Какие еще новости есть?»

Косвенная речь: *Нань юн зэнгэ бээна гижэ, - командир суржэна*. «Командир спрашивает, есть ли еще какие новости».

При оформлении прямой речи в виде косвенной подлежащее прямой речи, выраженное именем существительным и местоимением, заменяется дополнением в винительном падеже. Приведем примеры.

Прямая речь: «*Көвүм багшин сурһуль чилэжээнэ*», - *гижэ Шаран*

Нарма байртаһар зэңгл (Балакан А., А.б.з., 63). «Сын заканчивает педагогический», - радостно сообщила Шараева Нарма.

Косвенная речь: *Көвүһән багшин сурһуль чилэжэһән гижэ, - Шаран Нарма байртаһар зэңгл*. «Шараева Нарма радостно сообщила, что ее сын заканчивает педагогический».

Прямая речь: «*Та гэсн угавт?*» - *гижэ Бата сурв* (разг.). «Вы не испугались?» - спросил Бата».

Косвенная речь: *Таниг гэсн угавт гижэ, - Бата сурв*. «Бата спросил, не испугались ли вы».

Прямая речь: «*Чи өрүндән базр одад ир*», - *гижэ Эрднэ келв* (разг.) «Ты утром сходи на базар», - сказал Эрдни».

Косвенная речь: *Чамаг өрүндән базр одад ирг (иртхэ) гижэ, - Эрднэ келв*. «Эрдни сказал, чтобы ты утром сходил на базар».

В том случае, если в составе прямой речи имеется обращение - имя собственное, то при переходе ее в косвенную речь обращение становится членом предложения, в частности прямым дополнением придаточной части. Кроме того, глагол 2-го лица повелительно-желательного наклонения преобразуется в форму 3-го лица.

Прямая речь: *Бадма, нег аю эн мах ав!*» - *гижэ, Болха бешин өөрс хээкрв* (Балакан А., А.б.з.). «Бадма, захвати заодно это мясо!» - крикнула Болха, стоя у печи».

Косвенная речь: *Бадмаг нег аю эн мах автха гижэ, - Болха бешин өөрс хээкрв*. «Стоя у печки Болха крикнула, чтобы Бадма захватил заодно это мясо».

Прямая речь: *Нег дэжэ хойр көвүнэ экнь келэжэһән: «Бамб Бемб хойр, уут авад, арһс түүтн»* (Х. т.). «Однажды мать двух мальчиков говорит: «Бамба и Бембя, возьмите мешок и собирайте кизяк».

Косвенная речь: *Бамба Бемб хойриг уут авад, арһс түүтхэ гижэ, - нег дэжэ хойр көвүнэ экнь келэжэһән*. «Однажды мать двух мальчиков говорит, чтобы Бамба и Бембя взяли мешок и пошли собирать кизяк».

Цитатная речь

Особый вид чужой речи, носитель которой мыслится неопределенно, называется цитатной речью. Будучи воспроизводимой в полном лексическом составе, цитатная речь абсолютно лишена тех богатых интонационных нюансов, которые характерны для прямой речи.

От косвенной речи она отличается тем, что не является авторской

передачей речи конкретного лица или персонажа. Поэтому цитатная речь предстает в виде пословично-поговорочных выражений и дословных извлечений-цитат из каких-либо источников (устного или письменного). Примеры:

«*Үнн хойр живртэ, худл миңһн келтэ*», - *гидг үлгүр соңслав*. «Слышал поговорку: «Правда - двукрылая, ложь - тысяченогая».

Стол деер дала газет кевтнэ. Дееркинэ авад хэлэхлэ, терүнднэ: «Сталинград харсачһрт Казахстана күч-көлсчһрэс гисн бичг барла-та» (Х.Үнн). «На столе множество газет. Когда взял верхнюю и посмотрел, на ней было напечатано письмо: «Защитникам Сталинграда от трудящихся Казахстана».

«*Дунд Арла гэмгин школд багш болхмт*», - *гижэ энүнд цаасн ирв* (Бадмин А., Р.д., 94). «Ему пришла бумага: «Назначаетесь (букв. будете) учителем Дунд-Аральской аймачной школы».

Цитатная речь никогда не заканчивается паузой после себя, поэтому формы глагола *гич* примыкая к ней, выполняют роль союзного слова, а не вводящего, как при прямой речи. Следовательно, цитатная речь по своей синтаксической форме - придаточное предложение, занимающее позицию перед авторскими словами.

Несобственно-прямая речь

Являясь чисто художественным приемом передачи чужой речи, несобственно-прямая речь представляет сплав прямой речи и авторского повествования. Между ними нет четких границ в виде специально вводящих слов, и все рассуждение ведется от рассказчика-автора. Такой прием дает возможность сохранить и передать все черты живой, естественной интонации прямой речи, не выделяя ее из авторской речи в целом. Например:

Төрскн һазр гихэд оркхла - байн кишгтэ Шорвин һол, миһн терүһн өмн эрг деерһн бэһсн цөөкн шавр гермүд, хажүдһн хаврин кемлэ һарад буучкһн ишкэ гермүдин хотн, тер хотна дорд өмн захд бээх бор ишкэ герин һаза альхарн нүдән гердэж хэләһэд зогсчах эһм мини нүднэ зовкд илдэд үзгэдэд одна. Хол хаалһас төрскн һазруһн көвүм экүһн аашдг болх гижэ саначрхжэ күлэжэ гердэжэдг болхий? (Доржин Б., М.о., 12). «Как только вспомню отчий край - перед глазами ясно видится благодатная река Шорва, несколько мазанок на ее правом берегу, сбоку - раскинувшийся по весне хотон из войлочных юрт, а на юго-восточной окраине

- серая юрта, у которой, прикрыв ладонью глаза, стоит и смотрит вдаль моя мать. Наверное, тоскует и ждет, не возвращается ли из далекого пути в родные места ее сын».

Несобственно-прямая речь обычно передает внутреннее состояние героя, мир его чувств и переживаний. Через авторский монолог глубже раскрывается мировоззрение и характер действующего лица, его смятение и порывы. Вот почему писатели часто прибегают к использованию несобственно-прямой речи как к определенному художественно-стилистическому приему:

Олн зүсн ухан орна... Кемр йовад нег совхозд хөөч болад көдлхлэ, кесг зун хөөнд чидлчнь күрч асржс, государствени зураһан куцэжс чадхийч? Эврәннь көдлэжсн тосхлан яһжэ хайхв? Үүрмүдм юн гижэ санх? Тосхлас аһад зулв гижэ келхий?.. аль Долан, чи ик сэн йовдл кежэһэнэч гижэ келхий... (Зүркни таалар, 175). «Всякие мысли приходят... Если уедешь и станешь работать в каком-нибудь совхозе чабаном, то хватит ли твоих сил ухаживать за множеством сотен овец и выполнять государственный план? А как бросить работу на стройке? Может быть, подумают, сбежал, испугавшись стройки, или скажут, что ты, Долан, поступил очень и очень хорошо?..».

Иногда несобственно-прямая речь сливается с авторским повествованием не полностью. В таких случаях автор как бы продолжает размышлять за героя, выносить ту или иную оценку его поступкам и действиям. Например:

Дурн гисн юмб? Хадм эцкм юңгад нанас тиигэжс сурв? Би урднь күүнд дурллу, аль угай? Дурн... Урднь энүнэ тускар ухалжэ йовсн уга. Ода юн болна гидгнь энв? Одак худгин шат деер зогсжэсн көвүнэ дүр чеежэс һархи... О, хээрхи, дурн гидгнь эн болхий? Яһснь сэн болх? (Бадмин А., Р.д., 86). «Что такое любовь? Отчего так спросил у меня свекор? Влюблялась ли я в кого-нибудь раньше или нет? Любовь... Раньше она не задумывалась об этом. Что же случилось сейчас? Душу не покидает образ того парня, что стоял на срубе колодца... О, всевышний, не есть ли это любовь? Как лучше поступить?».

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Бадмин А., А.ш.д.* - Алтн шорад даргддо (роман). Элст, 1964.
Бадмин А., У.э.б. - Усна экн-булг (роман). Элст, 1969.
Бадмин А., Р.д. - Ревдольган (түүк). Элст, 1971.
Бадмин Б., Х.к.у. - Хальмг келнэ учебник, I хув. Элст, 1959.
Балакан А., Э.м.о. - Элст деер мандлсн одн (роман). Элст, 1963.
Балакан А., А.б.з. - Алтн булгин зөөр (келврмүд). Элст, 1965.
Басңга Б., Б.о. - Бумбин орн (наадд, келврмүд болн шүлгүд). Элст, 1971.
Бембин Т., Б.ц. - Бамб цецг (роман). Элст, 1965.
Джс. - Джангар. Хальмг героическ эпос. М., 1959.
Доржсин Б., М.о. - Мини отк (келврмүд). Элст, 1968.
Доржсин Б., Ч.х. - Чик хаалһ (хойр ботьта роман). Элст, 1964.
Доржсин Б., М.ү. - Мөңк үндсн (шүлгүд). Элст, 1966.
З.т. - *Зүркни таалар* (келврмүд болн очерк). Элст, 1965.
Инжсин Л., О.к. - Ольдан күүкн (роман). Элст, 1963.
Калян С., Д.б. - Дурн бөөхлэ (поэм). Элст, 1968.
Калян С., Ө.м. - Өрүн маңһар (пьес). Элст, 1969.
Котв., Заг. - Котвич В. Л., Калмыцкие пословицы и загадки. Элиста, 1974.
Куукан А., Н.т. - Ноолданд төлжлһн (түүк). Элст, 1969.
Манжсин Н., К.х. - Келврмүдин хуранһу. Элст, 1959.
Очра У., Х.к.у. - Хальмг келнэ учебник, II хув. Элст, 1959.
Очра У., Синт. - Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста, 1964.
Сян-Белгин Х., Ө.ө. - Өлзэтэ өрүн (шүлгүд болн поэмс). Элст, 1966.
Тодлвр - О. Городовиков. Тодлвр. Элст, 1959.
Х.ф. - сб. «Хальмг фольклор». Элиста, 1940.
Х.т. - Хальмг туульс (хойр боть). Элст, 1963, 1967.
Х.ү. - Хальмг үлгүрмүд болн ахр туульс. Элст, 1959, 1960.
Х. Үнн - Хальмг үнн (газет).
Эрнжэһэнэ К., Һ.х. - Һалан хадһл (хойр ботьта роман). Элст, 1963, 1965.
Эрнжэһэнэ К., Т.ш. - Шүлгүд, келврмүд болн түүкс. Элст, 1964.
Х.п.а. - Хальмг поэзин антолог. Элст, 1959.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Амоголонов И.Д.* Современный бурятский язык. Улан-Удэ, 1958.
- Бадмаев Б.Б.* Грамматика калмыцкого языка. Морфология. Элиста, 1964.
- Бадмаев Б.Б.* Категория принадлежности в калмыцком языке // Записки КНИИЯЛИ, вып. 2. Элиста, 1962.
- Белошапкова В.А.* Сложное предложение в современном русском языке (некоторые вопросы теории). М., 1967.
- Бертагаев Т.А.* Субъект и подлежащее // ВЯ, № 5. М., 1958.
- Бертагаев Т.А.* К проблеме сложных предложений // ВЯ, № 4. М., 1953.
- Бертагаев Т.А.* О структуре сложных предложений в монгольских языках // Проблемы востоковедения, № 4. М., 1960.
- Бертагаев Т.А.* Об устойчивых фразеологических выражениях (на материалах современного бурят-монгольского языка) // Сборник трудов по филологии, вып. II. Улан-Удэ, 1949.
- Бертагаев Т.А.* Синтаксис современного монгольского языка в сравнительном освещении. Простое предложение. М., 1964.
- Бертагаев Т.А.* Сложное предложение. Раздел в «Грамматике бурятского языка». М., 1962.
- Бертагаев Т.А.* Следы эргативности в монгольских языках и к вопросу об эргативной конструкции // Эргативная конструкция предложения в языках различных типов (Исследования и материалы). Л., 1967.
- Бертагаев Т.А.* О сегментации или членении предложения // Члены предложения в языках различных типов. Л., 1974.
- Бобровников А.* Грамматика монгольско-калмыцкого языка. Казань, 1949.
- Борковский В.И.* Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными. М., 1972.
- Виноградов В.В.* Основные вопросы синтаксиса предложения // В кн. «Вопросы грамматического строя». М., 1955.
- Гаджиева Н.З.* Синтаксис сложноподчиненного предложения в азербайджанском языке. М., 1963.
- Гаджиева Н.З.* Основные пути развития синтаксической структуры тюркских языков. М., 1973.

- Гвоздев А.Н.* Современный русский литературный язык Ч. II, М., 1961.
- Грамматика русского языка АН СССР*, т. II, ч. 2. М., 1954.
- Грамматика современного русского литературного языка*. М., 1970.
- Илишкин И.К.* О некоторых вопросах, связанных с закономерностями развития калмыцкого литературного языка в советскую эпоху // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965.
- Илишкин И.К.* Развитие калмыцкого литературного языка в условиях формирования калмыцко-русского двуязычия. Элиста, 1972.
- Илишкин И.К.* Функционирование калмыцкого литературного языка в условиях развития калмыцко-русского билингвизма. АДД. Элиста, 1975.
- Каляев А.Л.* Имена прилагательные в современном калмыцком языке. АКД. Элиста, 1971.
- Касьяненко З.К.* Придаточное предложение и оборот в монгольском языке // Проблемы филологии стран Азии и Африки. Л., 1966.
- Котвич В.Л.* Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка. Прага, 1929.
- Монраев М.У.* Наречие в современном калмыцком языке. АКД. Элиста, 1974.
- Онкаджанова М.Д.* Аналитические глагольные формы в современном калмыцком языке. АКД. Л., 1969.
- Очиров У.У.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис (пособие). Элиста, 1964.
- Очиров У.У.* Придаточное предложение времени (в порядке обсуждения) // Записки КНИИЯЛИ, вып. 2. Элиста, 1962.
- Очиров У.У.* О структуре сложноподчиненного предложения в калмыцком языке // Проблемы алтаистики и монголоведения. М., 1975.
- Пешиковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
- Распопов И.А.* Проблема предложения в современной лингвистической науке. Краткий очерк по языку, вып. 3. // Ученые записки Курского гос. пед. ин-та, т. 72. Курск, 1972.
- Рословец Я.И.* О типах сказуемого как главном члене двусоставного предложения // Ученые записки МОПИ, т. 197. Русский язык. Вып. 13. М., 1967.

- Попов А.В.* Грамматика калмыцкого языка. Казань, 1847.
- Пюрбеев Г.Ц.* К вопросу об устойчивых сочетаниях слов и фразеологизмах // Система и уровни языка. М., 1968.
- Пюрбеев Г.Ц.* Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972.
- Пюрбеев Г.Ц.* О формах двойного отрицания в монгольских языках // Проблемы алтаистики и монголоведения. М., 1975.
- Санжеев Г.Д.* Грамматика калмыцкого языка. М.-Л., 1940.
- Санжеев Г.Д.* Современный монгольский язык. М., 1959.
- Санжеев Г.Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963.
- Санжеев Г.Д.* Старописьменный монгольский язык. М., 1964.
- Санжеев Г.Д.* Синтаксис монгольских языков. Пособие для переводчиков. М., 1934.
- Орчин цагийн монгол хэлний зүй* (Грамматика современного монгольского языка). Улан-Батор, 1970.
- Сусеева Д.А.* К вопросу о типах именных словосочетаний в современной калмыцкой терминологии // Записки КНИИЯЛИ, вып. 2. Элиста, 1962.
- Сусеева Д.А.* Простые глагольные словосочетания с зависимым существительным в вин. падеже // Записки КНИИЯЛИ, вып. 3. Серия филол. Элиста, 1964.
- Сусеева Д.А.* Закономерности развития калмыцкого языка в советскую эпоху. Элиста, 1978.
- Цыдыпов Ц.Ж.* Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ, 1972.
- Тодаева Б.Х.* Значение и функции падежей в калмыцком языке // Записки КНИИЯЛИ, вып. 1. Элиста, 1960.
- Тодаева Б.Х.* Послелогии в калмыцком языке // Записки КНИИЯЛИ, вып. 2. Элиста, 1962.
- Тодаева Б.Х.* Грамматика современного монгольского языка. М., 1951.
- Тодаева Б.Х.* Калмыцкий язык // Языки народов СССР, т. V. М., 1968.
- Шархуу А.* О союзах и союзных словах в монгольском языке (союзы, генетически восходящие к различным деепричастным формам) // Ученые записки КНИИЯЛИ, вып. XI. Серия филол. Элиста, 1973.
- Шевернина З.В.* О сослагательном наклонении в современном монгольском языке // Исследования по восточной филологии. М., 1974.
- Шведова Ю.Н.* К изучению русской диалогической речи. Реплики-повторы № 2. ВЯ, М., 1956,

Шведова Ю.Н. Парадигматика простого предложения в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967.

Цыдендамбаев Ц.Б. Простое предложение. Раздел в «Грамматике бурятского языка». М., 1962.

Шагдаров Л.Д. Функционально-стилистическая дифференциация бурятского литературного языка. Улан-Удэ, 1975.

Шмидт Я. Грамматика монгольского языка. СПб., 1832.

Щеулин В.В. Структура сложного предложения. Ростов, 1968.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора.....	3
Из истории изучения калмыцкого синтаксиса.....	5
ПРОСТОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.....	11
Основные признаки предложения.....	11
Классификация предложений.....	13
Утвердительные и отрицательные предложения.....	13
Повествовательные, вопросительные и побудительные предложения.....	16
Восклицательные предложения.....	19
Распространенные и нераспространенные предложения.....	20
Полные и неполные предложения.....	21
Предложения с опущенными главными членами.....	22
Предложения с опущенными второстепенными членами.....	24
Неполные предложения и диалогическая речь.....	25
Слова-предложения.....	27
Односоставные и двусоставные предложения.....	30
Общая характеристика.....	30
Безличные предложения.....	31
Обобщенно-личные предложения.....	35
Определенно-личные предложения.....	40
Номинативные, или назывные предложения.....	43
Номинативные предложения со значением оценки и экспрессией.....	47
Номинативные предложения без оценочного значения.....	48
Конструкции, сходные с номинативными предложениями.....	50
Изолированный именительный падеж (или номинатив).....	51
Именительный падеж в функции сказуемого неполного двусоставного предложения.....	52
Именительный падеж в роли наименования.....	53
Обращение.....	53
Способы выражения обращений.....	55
Вводные и составные конструкции.....	58
Общие замечания.....	58
Вводные слова и словосочетания.....	59
Вставные конструкции.....	61
Члены предложения.....	64
Сказуемое.....	64
Типы сказуемого и способы его выражения.....	67
Простое сказуемое.....	67
Простое глагольное сказуемое.....	68

Сказуемое в формах изъявительного наклонения.....	75
Сказуемое в форме причастий.....	79
Простое именное сказуемое.....	83
Сказуемое, выраженное именем существительным.....	84
Сказуемое, выраженное именем существительным в косвенных падежах.....	85
Сказуемое, выраженное наречием.....	86
Сказуемое, выраженное прилагательным.....	87
Сказуемое, выраженное местоимением.....	88
Сказуемое, выраженное числительным.....	89
Составное сказуемое.....	90
Неосложненное составное глагольное сказуемое.....	90
Неосложненное составное глагольное сказуемое из деепричастия и вспомогательного глагола.....	91
Неосложненное составное глагольное сказуемое из причастия и вспомогательного глагола.....	96
Неосложненное составное сказуемое из слова с обстоятельственным значением и вспомогательного глагола гих.....	101
Осложненное составное глагольное сказуемое.....	101
Составное именное сказуемое.....	104
Неосложненное составное именное сказуемое.....	104
Осложненное составное именное сказуемое.....	107
Фразовое сказуемое.....	107
Подлежащее.....	108
Подлежащее, представленное отдельным словом.....	109
Подлежащее, выраженное местоимением.....	111
Подлежащее, выраженное прилагательным.....	112
Подлежащее, выраженное числительным.....	113
Подлежащее, выраженное причастием.....	114
Подлежащее, представленное словосочетанием.....	114
Определение.....	117
Примыкающие определения.....	118
Управляемые определения.....	125
Приложение.....	127
Дополнение.....	129
Виды дополнений по значению.....	131
Дополнение в родительном падеже.....	131
Дополнение в винительном падеже.....	132
Дополнение в дательном падеже.....	134
Дополнение в орудном падеже.....	135
Дополнение в исходном падеже.....	136

Дополнение в совместном и соединительном падежах.....	137
Дополнение в направительном и предельном падежах.....	138
Обстоятельство.....	139
Примыкающие обстоятельства.....	139
Управляемые обстоятельства.....	141
Разделы обстоятельств по значению и способы их выражения.....	143
Однородные члены предложения.....	151
Однородные главные члены.....	154
Однородные второстепенные члены.....	157
Уточняющие члены.....	160
Причастные и деепричастные обороты.....	162
Субъект оборота и его падежное оформление.....	164
Типы причастных и деепричастных оборотов.....	168
Место оборота в предложении.....	170
Связь между оборотами.....	171
Синтаксические функции причастных и деепричастных оборотов.....	172
Обстоятельственные обороты.....	174
СЛОЖНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ.....	178
Общие сведения.....	178
О характере компонентного состава и минимуме сложного предложения.....	182
О структурных признаках сложных предложений.....	184
Средства союзной связи в сложных предложениях.....	189
Союзные сложносочиненные предложения.....	193
Сложносочиненные предложения соединительного типа.....	194
Соединительно-распространительные предложения.....	194
Отождествительно-соединительные предложения.....	196
Соединительно-дополнительные предложения.....	197
Предложения следования.....	199
Предложения причинно-следственной связи.....	200
Сложносочиненные предложения противительного типа.....	202
Противительно-сопоставительные предложения с союзом зуг «но, да».....	202
Предложения ограниченного противопоставления с союзом зугл «только, лишь».....	203
Противопоставительные предложения с союзами болв, гивчн (гив чигн) «но, однако».....	204
Предложения общего противопоставления с союзом хэрнь.....	205

Предложения уступительного противопоставления с союзом зүгэр (зугар) и союзными словами тер бийнь, тийгсн бийнь, тийгв чигн.....	206
Сложносочиненные предложения разделительного типа.....	207
Предложения разделительного противопоставления с союзами аль, аль... аль.....	207
Предложения разделительного взаимоисключения с союзами эс гиж... эс гиж, эсклэ... эсклэ, эс гихлэ... эс гихлэ.....	209
Предложения альтернативной мотивации с одиночными союзами эс гиж, эс гихлэ, эсклэ.....	210
Предложения разделительного перечисления с союзом негт... негт.....	211
Союзные сложноподчиненные предложения.....	212
Семантика и синтаксические функции глагола гих.....	212
Несоюзные функции глагола гих.....	212
Союзные функции глагола гих.....	216
Подчинительные союзы специального характера.....	218
Некоторые особенности размещения придаточных предложений.....	220
Типы придаточных предложений.....	221
Придаточные субъектные.....	221
Придаточные атрибутивные.....	225
Примеры атрибутивных придаточных предложений с дицендиальными союзами.....	226
Придаточные объектные.....	227
Придаточные объектные с дицендиальными союзами и союзными словами.....	229
Придаточные причинные.....	230
Придаточные причинные с дицендиальными союзными словами.....	233
Придаточные цели.....	234
Придаточные условия.....	235
Придаточные уступительные.....	238
Придаточные пространственные.....	241
Придаточные сравнительные.....	243
Придаточные отождествительные.....	245
Придаточные квалификативные.....	248
Придаточные изъяснительные.....	250
Придаточные временные.....	251
Придаточные временные с дицендиальными союзными словами.....	252
Бессоюзные сложные предложения.....	252

Бессоюзные сложные предложения сочинительного типа.....	254
Предложения одновременности.....	255
Предложения следования.....	256
Результативные предложения.....	257
Сопоставительные предложения.....	259
Бессоюзные сложные предложения подчинительного типа.....	260
Предложения с изъяснительной частью.....	260
Бессоюзные сложные предложения с причинным обоснованием во второй части.....	260
Бессоюзные сложные предложения с пояснительной второй частью.....	261
Предложения с объяснительно- присоединительной частью.....	263
Усложненные типы сложноподчиненных предложений.....	264
Концентрированное подчинение придаточных.....	265
Последовательное подчинение придаточных.....	268
Параллельное подчинение придаточных.....	269
Параллельное и концентрированное подчинение придаточных.....	271
Усложненные предложения смешанного типа.....	272
Чужая речь и способы ее передачи.....	278
Прямая и косвенная речь как виды чужой речи.....	278
Позиция прямой и косвенной речи в предложении.....	280
Особенности построения прямой и косвенной речи.....	282
Вводящие слова.....	283
Переход прямой речи в косвенную.....	285
Цитатная речь.....	286
Несобственно-прямая речь.....	287
Список сокращений.....	289
Использованная литература.....	290

Научное издание

ПЮРБЕЕВ Григорий Церенович

**ГРАММАТИКА
КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА**

СИНТАКСИС

Подписано в печать 10.06.10. Формат 60x84/16.
Усл.печ.л. 17,67. Тираж 300 экз. Заказ 1713-10.

Компьютерная верстка
и подготовка оригинал-макета - Мучеряев О.Ш.

Учреждение Российской академии наук
Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
358000, г. Элиста, ул. Илишкина, 8.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ЗАОр "НПП "Джангар",
358000, РК, г. Элиста, ул. Ленина, 245